IMT Nuremberg Archives

H – 1206

International Court of Justice

It-1206

H1206 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М И

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том - 28-ой

Экз. 2

С о д е р ж и т:

8 июня - утреннее заседание

10 июня - утреннее и вечернее заседания

11 июня - утреннее и вечернее заседание

12 июня - утреннее и вечернее заседания

13 июня - утреннее и вечернее заседания

14 июня - утреннее и вечернее заседания

Страницы: с 13024-ой по 13590-ю включительно.

H1206 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 13024 стр. по 13590 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 8 июня 1946 г. по 14 июня 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М а й о р: /А. ПОЛТОРАК/

"24" декабря 1946 г.
г. Нюрнберг

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 8 июня 1946 г.

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, сейчас нам сообщили, что подсудимые Гесс и Редер будут отсутствовать на утреннем заседании суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сейчас займусь ходатайствами о вызове свидетелей и об истребовании документов, которые на днях были представлены Трибуналу, в том порядке, в каком они обсуждались в суде.

Первое ходатайство - это ходатайство от имени подсудимого Кальтенбруннера. Три свидетеля, о вызове которых он просит, допускаются Трибуналом. Это - Тифенбахер, Кандрут и Штрупп.

Ходатайство от имени подсудимого Шираха отклоняется.

Ходатайство от имени подсудимых Гесса и Франка о вызове генерала Донована отклоняется.

Ходатайства от имени подсудимых Шпеера и Кейтеля удовлетворяются; ходатайство подсудимого Иодля об истребовании письменных показаний, кажется, было удовлетворено еще вчера.

Ходатайство от имени подсудимого Геринга о вызове двух свидетелей Штоккардта и Бурмата - удовлетворяется, но при том условии, что по данному вопросу разрешается допросить вообще только трех свидетелей.

По ходатайству подсудимого Гесса Трибунал выносит следующее решение:

Письменные показания бывшего посла Гауса, данные под присягой 17 мая 1946 года, отклоняются на том основании, что

H1206 - 0004

H1206 – 0005

они не соответствуют решению Трибунала от 14 мая 1946 года и имеют целью об'единить в одно целое не только содержание, но и форму секретных договоров, причем копии их не заверены ни лицом, снимавшим их, ни лицом, сравнивавшим их с подлинником. Такие копии не могут быть допущены в качестве доказательства, и Трибунал уже дважды вынес решение по этому вопросу. Для Трибунала в рассмотрении этих вопросов является важным не форма договоров, а их содержание; доказательства же об их содержании уже представлены Трибуналу в показаниях трех свидетелей. Допущение этих письменных показаний, данных под присягой, ничего не прибавит к доказательствам, уже представленным Трибуналу. В равной степени это относится и к ходатайству о вызове Гауса в качестве свидетеля, который мог бы лишь подтвердить показания свидетелей , - не являющиеся противоречивыми - по поводу содержания этих договоров.

Ходатайство от 23 мая 1946 года о пересмотре предыдущего решения Трибунала и ходатайство от 24 мая 1946 года о вызове Гауса в качестве свидетеля, - также отклоняются.

Имеется еще один вопрос, которым Трибунал хотел бы заняться; он заключается в следующем: в будущем защитникам организаций, которые Обвинение просило Трибунал об'явить преступными, не будет разрешено допрашивать или производить перекрестный допрос каких-либо свидетелей, за исключением подсудимых на данном процессе. Если они желают подвергнуть этих свидетелей допросу или перекрестному допросу, они должны вызвать их для допроса перед комитетом, который сейчас заседает и заслушивает показания по вопросам, связанным с соответствующими организациями. Это все.

КУБУШОК (защитник подсудимого фон Папена): Разрешите мне по делу Папена обратиться с просьбой? Я уже 6 июня

подал письменное ходатайство. Оно было обсуждено с Обвинением. Генеральный Секретариат рекомендовал мне представить этот вопрос Суду.

Принц Эрбах-Шонберг дал ответы на опросный лист.

Эти ответы частично не полны, а частично могут быть использованы двояко. Необходимо их дополнить. Я предлагаю, чтобы принц Эрбах, который проживает в американской зоне Австрии, в городе Гмунден, был вызван сюда и чтобы он был дополнительно допрошен вне суда в присутствии Обвинения.

Во-вторых, несколько дней тому назад мой компаньон получил письмо от графа Фейля, который живет в Бад-Ишль, тоже в американской зоне Австрии, недалеко от Гмундена, - место-пребывания принца Эрбаха. В письме излагаются подробные данные о связи подсудимого Папена с кругом лиц, причастных к покушению 20 июня. Так как этот вопрос был затронут свидетелем Гизевиусом, защита считает необходимым, хотя она не придает этому пункту большого значения, осветить и этот вопрос при пред'явлении доказательств. Эту тему доказательств можно будет, пожалуй, исчерпать пред'явлением аффидевита.

Я прошу одновременно с принцем Эрбахом пригласить сюда и графа Фейля для того, чтобы он мог дать письменные показания в присутствии Обвинения. Приглашение этих двух свидетелей совершенно необходимо потому, что на очереди стоит пред'явление доказательств по делу Папена и мы не сможем решить эти вопросы путем переписки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушок, может быть, Вы сейчас обратите наше внимание именно на те вопросы, в отношении которых опросный лист, направленный принцу Эрбаху-Шонбергу, неполно или несколько неправильно освещает факты?

13016

H1206 - 0006

H1206 – 0007

КУБУШОК: Принц Эрбах на один из вопросов ответил, что желанием подсудимого фон Папена являлось добиться решения своей задачи мирным путем, а не путем насилия. На последующий вопрос о том, действовал ли подсудимый Папен в соответствии с этими политическими принципами, свидетель ответил следующее: "За все время пока я там находился, у меня создалось впечатление, что подсудимый фон Папен действовал согласно своей политике, устанавливал отношения лучше мирным путем, а не путем насилия." Это последнее раз'яснение противоречит первой половине ответа. Во всяком случае эта последняя формулировка мало соответствует фактам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите, что этот ответ неполон и дает неправильную интерпретацию?

КУБУШОК: Это противоречие. "Чем путем насилий" противоречит первой части ответа, где говорится, что он действовал согласно этим принципам. Эти принципы он в ответе на вопрос...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответ, который имеется у меня, гласит: "За все время, которое я там находился, у меня создалось впечатление, что подсудимый фон Папен действовал в соответствии со своей политикой устанавливать отношения скорее мирным путем, чем силой." В английском тексте здесь нет никакого противоречия.

КУБУШОК: Нет, в немецком тексте сказано: "а не путем насилия", а в английском тексте "Скорее..." Словечко "скорее", мне кажется может привести к путанице и звучит противоречиво т.е. оно не передает той же мысли, а именно, что он хотел устанавливать отношения только мирным путем, а не путем применения силы.

13027

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это значит одно и то же. Это значит, что он хотел установить отношения скорее мирными средствами, нежели применением насильственных мер, т.е. здесь подразумевается "не силой".

КУБУШОК: Эта формулировка, однако, дает возможность предположить, что подсудимый фон Папен вообще обдумывал применение и немирных средств. Мы хотим, согласно предыдущему ответу, доказать, что он вкорне отрицал применение каких-либо немирных средств, и никогда их не обдумывал. Если бы Трибунал эту формулировку в опросном листе понимал так, как только что было сказано, то у меня не было бы основания вносить сюда еще дополнения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По-английски это не может означать ничего другого. Я не знаю, что это может значить по-немецки.

КУБУШОК: По-немецки переведено:

.Лучше мирным путем, чем силой, но в качестве последнего средства при необходимости, возможно, придется обратиться к рассмотрению вопроса о применении немирных средств." Таково может быть истолкование немецкого перевода. Мы хотим ясно установить, что немирные средства вообще никогда на обсуждение не ставились.

(К микрофону подходит представитель английского обвинения сэр Дэвид Максуэлл Файф).

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, во избежание излишних затруднений, я хочу заверить Трибунал, что Обвинение принимает ответ именно так, как вы выразили это сейчас. Мы ни на минуту не сомневались в том, что принц Эрбах даст именно такой ответ, в том смысле, в котором Трибунал принял его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Возможно, мы избежали бы трудностей, если бы Вы согласились читать эти слова в смысле: "а не силой"?

13028

H1206 – 0008

H1206 - 0009

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если вы этого жалаете, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

КУБУШОК: Я, само собой разумеется, согласен с этим. Я прошу еще решить вопрос о вызове сюда графа Фейль для дачи письменных показаний под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду второго свидетеля?

КУБУШОК: Второй свидетель граф Фейль, написавший письмо, которое мы хотели представить на суде в виде аффидевита, но от этого свидетеля мы сейчас из-за недостатка времени, остающегося до пред'явления доказательств, не можем получить аффидевит. Я прошу его...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы рассмотрим этот вопрос после выступления сэра Дэвида. Есть ли еще какая-нибудь непоследовательность или противоречивость в опросном листе принца, на которую вы бы хотели обратить наше внимание?

КУБУШОК: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Письмо графа Фейля переведено?

КУБУШОК: Нет, оно не переведено. Но это простое письмо, подлинность которого мы не можем доказать. Поэтому мы хотим иметь аффидевит в предусмотренной законной форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Достаточно ли будет одного этого письма, если Обвинение согласится допустить его?

КУБУШОК: Да, его было бы достаточно, ибо аффидевитом мы, безусловно, не смогли бы доказать ничего, кроме того, что написано здесь в письме.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, у меня нет возражений против того, чтобы принять это письмо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, благодарю вас, сэр Девид.

В таком случае опросный лист принца Эрбаха-Шенберга будет изменен так, как мы здесь указали, а письмо графа Фридриха Карла фон Фейля будет принято.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, разрешите мне затронуть один вопрос, который был поднят во вторник.

Вы, должно быть, помните, милорд, что подсудимый Йодль заявил, что Обвинение не разрешило ему упомянуть один документ? Милорд, здесь произошло недоразумение. Как вы помните, милорд, на более ранней стадии, когда мы занимались вопросом о свидетелях и ходатайствах, я возражал против показаний общего характера, касающихся заковывания в кандалы. Я сказал, что Обвинение не включило в представление своих доказательств показания, касающиеся заковывания в кандалы немцами, и поэтому я считал, что этот вопрос не мог служить дальнейшей темой обсуждения. Я высказался по этому вопросу в том смысле, в каком я о нем говорю сейчас, и господин Робертс, который рассматривал здесь этот вопрос на более поздней стадии, согласился с общей линией.

Очевидно, это было понято здесь, как возражение против представления приказа Вермахта, о котором упоминал подсудимый Йодль и который он хотел использовать в качестве опровергающего документа в связи с представлением нами радиопередачи Британского Военного министерства. Я считаю, что такое замечание можно сделать. Я, без сомнения, не хотел возражать против того, чтобы Йодль раз'яснил приказ Вермахта, который представлял собой часть приказа о командос. Так я в свое время и заявил.

Я не хотел бы, чтобы Трибунал считал, что у меня воз-

H1206 – 0010

H1206 – 0011

никли какие-то сомнения в отношении ученых профессоров, которые ведут здесь защиту Иодля, что я заключил из происшедшего здесь, будто они выдвигают против меня какое-то обвинение. Поэтому я и решив, что Трибунал разрешит мне привести изложенные здесь об'яснения, заняв этим некоторое время; я хотел раз'яснить, что произошло недоразумение и никто из замешанных в данном вопросе лиц не считает, что другая сторона своими высказываниями в какой-бы то ни было мере оскорбила данное лицо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следует ли далее заниматься вопросом, связанным с допущением или представлением этого документа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет, потому что подсудимому Иодлю разрешили привести по этому поводу любые об'яснения. Я отказался от каких бы то ни было возражений. Я только хотел раз'яснить, каким образом возникло это недоразумение, и что я не считаю, что проф. Экснер или проф. Яррайс в своих высказываниях выдвинул против меня какие-либо необоснованные обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Весьма вам благодарен.

(Прямой допрос свидетеля барона Бутлера фон Баденфельса).

Д-р НЕЛЬТЕ (Защитник подсудимого Кейтеля). Я хотел бы поставить один вопрос свидетелю.

Господин свидетель, фельдмаршалу Кейтелю вменяется в вину то, что он (я цитирую): "...вместо того, чтобы заступиться за своих, т.е. подчиненных ему офицеров, и защищать их, угрожал им передать их гестапо".

Можете ли Вы по поводу этого обвинения сообщить здесь о фактах, которые показывали бы, что это не имело места?

БАДЕНФЕЛЬС: По этому поводу я могу сказать, что для офицеров оперативного штаба Кейтель всегда был благожелательным начальником, что например, к полковнику Мюнху, с которым он был тесно связан по своей военной деятельности, как с начальником организационного отдела, он относился почти как отец и очень сожалел о его геройской гибели на восточном фронте.

Далее, я могу упомянуть в связи с этим о том, что сам я и ~~[illegible]~~ начальник оперативного отдела моего штаба полполковник Пирфогель в 1944 г. из-за деловых разногласий со штабом рейхсфюрера СС были обвинены им в том, что мы саботируем сотрудничество между ОКВ и рейхсфюрером СС и ведение войны. И фельдмаршал Кейтель в ответном письме, которое я сам видел, заступался за нас во всех отношениях и заявил, что он берет на себя всю ответственность за все действия подчиненных ему офицеров.

Д-р НЕЛЬТЕ: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотят ли представители Обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Милорд, я не собираюсь производить перекрестный допрос. Но это, конечно, не значит, что Обвинение считает эти показания совершенно правдивыми. Но дело в том, милорд, что весь вопрос о зверствах на Востоке настолько полно охватывался показаниями и документами, пред'явленными здесь, что перекрестный допрос с моей стороны был бы совершенно излишним и явился бы лишь повторением того, что уже говорилось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, господин Робертс.

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Милорд, имеется еще один вопрос. Д-р Латернзер в интересах экономии времени, представил письмен.

H1206-0012

H1206 - 0013

ные показания под присягой этого свидетеля, датированные 20 мая 1946 года. Милорд, конечно, мы вообще очень хотим помочь д-ру Латернзеру в его усилиях сохранить время, и у нас не будет никаких возражений против этих письменных показаний под присягой; но я не особенно хорошо знаю, что это за письменные показания под присягой и представлялись ли они, как доказательство. В последнем случае, этому документу следовало бы дать номер, или передать его на рассмотрение Комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что необходимо давать этому документу номер доказательства. Он был представлен свидетелю и свидетель сказал, что эти показания правильны; это дает доктору Латернзеру право впоследствии ссылаться на него.

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Да, милорд. В таком случае я предлагаю, чтобы Обвинению были переданы копии этого документа. Можно это сделать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Милорд, господин Додд указывает, что мы еще не видели этих письменных показаний под присягой. Мы не знаем, что в них содержится. Но если мы получим копию этого документа и если мы захотим обратиться к Трибуналу с дальнейшими ходатайствами, мы сможем это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда письменные показания под присягой используются таким образом и представляются свидетелю, который находится за свидетельским пультом, конечно, эти письменные показания должны быть переданы Обвинению, чтобы оно могло ознакомиться с их содержанием, и могло бы провести перекрестный допрос по этим пунктам, если в этом возникнет необходимость.

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В данном случае этого не было сделано.

Наилучшим выходом сейчас является следующее: эти письменные показания под присягой должны быть переданы Обвинению и, если оно пожелает, оно может ходатайствовать о проведении перекрестного допроса этого свидетеля на комитете. Вы считаете это необходимым? Обвинение следует ознакомиться с этими письменными показаниями под присягой, чтобы решить, следует ли задерживать здесь свидетеля.

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Я вполне согласен с Вами, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И мы задержим свидетеля в Нюрнберге?

ГОСПОДИН РОБЕРТС: Милорд, мы принимаем предложение ознакомиться с этим аффидевитом. Это мы сделаем в конце этой недели и тогда, если нужно, мы сможем представить свое ходатайство в понедельник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. На этом мы и остановимся. Свидетель может удалиться.

(К пульту подходит защитник Яррайс).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Яррайс, вы хотите вызвать для допроса следующего свидетеля?

Д-р ЯРРАЙС: (защитник подсудимого Йодля). Да, если этого желает Трибунал. С разрешения Трибунала я вызываю сейчас майора Бюкса. Майор Бюкс.

(Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Герберт Бюкс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

H1206 - 0014

H1206 - 0015

Вы можете сесть.

Прямой допрос свидетеля Герберта Бюкса.

ЯРРАЙС: Господин свидетель, какую должность вы занимали в последние годы войны?

БЮКС: С 1 ноября 1943 года я, как офицер генерального штаба военно-воздушных сил, был прикомандирован к начальнику штаба оперативного руководства и как таковой я был 2-м адъютантом генерал полковника Йодля.

ЯРРАЙС: И на этой должности вы оставались до конца войны?

БЮКС: На этой должности я оставался до конца, до нашего ареста 23 мая 1945 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, обращайте внимание на свет: когда появляется желтый свет, это значит, что вы говорите слишком быстро. Кроме того, старайтесь делать паузу после того, как вам поставлен вопрос.

БЮКС: Хорошо.

ЯРРАЙС: Господин свидетель, в течение этого времени, когда вы были прикомандированы к главной ставке фюрера, вы были с главной ставки фюрера в различных местах?

БЮКС: Да, я был с главной ставкой фюрера в Восточной Пруссии, кроме того я был в Берлине в главной ставке, а в 1944 году - также и в Берхтесгадене.

ЯРРАЙС: Здесь говорилось о том, что в главной ставке фюрера была собрана партийная клика. Известно ли вам что-либо по этому поводу?

БЮКС: Если я должен назвать круг лиц, то я хотел бы назвать Фегелейна, Бормана и Бургдорфа?

ЯРРАЙС: В то время вы назвали бы их кликой?

БЮКС: Это были три человека, которые были очень тесно связаны друг с другом и лично и по службе и со стороны создавалось такое впечатление.

ЯРРАЙС: Которые были тесно связаны между собой и с третьими лицами?

БЮКС: Они не только были очень тесно связаны между собой, но, кроме того, я наблюдал, что эти 3 лица оказывали сильное влияние на самого Адольфа Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Яррайс, уточните, пожалуйста, еще раз имена этих трех лиц. Мы их не расслышали.

ЯРРАЙС: Хорошо.

Господин майор, пожалуйста, назовите медленно фамилии этих трех лиц, которых вы только что назвали.

БЮКС: Фегелейн - это был связной офицер Гиммлера при Гитлере, затем Борман - начальник партийной канцелярии и представитель партии, и генерал Бургдорф, который имел две должности- он был,начальником отдела кадров сухопутных сил и одновременно был шеф-адъютантом вооруженных сил при фюрере.

ЯРРАЙС: Имел ли генерал-полковник Иодль по службе дело с этими тремя лицами?

БЮКС: Разрешите сказать сначала с Фегелейне: Фегелейн, как офицер связи Гиммлера, был для фюрера тем человеком, к которому, так сказать, он обращался со всеми вопросами о материальной части и о личном составе дивизий войск СС, когда эти вопросы ставились на обсуждение военного положения при использовании этих дивизий. В этой связи, конечно, при докладе об остановке, прежде всего, имелось много точек соприкосновения с областью задач Фегелейна. Но в общем по службе генерал-

13021

H1206 - 0016

H1206 – 0017

полковник Иодль и Фегелейн соприкасались чрезвычайно редко.

ЯРРАЙС: А с Борманом?

БЮКС: В отношениях с Борманом, как представителем партии, генерал-полковник Иодль всегда строго держался в рамках своих военных задач. Он всегда отклонял всякие жалобы или несправедливые обвинения или иные нападки на вооруженные силы. Я больше всего испытал это в то время, когда война велась на немецкой земле и часто возникали трения с гаулейтерами, являвшимися комиссарами по обороне империи.

ЯРРАЙС: Пожалуйста, медленней.

БЮКС: Я, например, наблюдал, что господин генерал-полковник Иодль просто отсылал жалобы и письма Бормана в подлиннике со своими очень резкими замечаниями на полях, чтобы тем самым выразить свое мнение. Если же он этим не достигал успеха, то он не боялся в любой форме защищать свое мнение перед фюрером, чтобы добиться его решения в соответствующих спорных вопросах.

ЯРРАЙС: А третье из названных лиц, Бургдорф?

БЮКС: С генералом Бургдорф, насколько я помню, Иодль очень мало сталкивался по службе, хотя именно Бургдорф обсуждал с фюрером важные вопросы замещения постов главнокомандующих и прочих высших командных постов. Именно здесь я наблюдал, что генерал Бургдорф, в первую очередь, один говорил с фюрером, так что генерал-полковник Иодль оказывал сравнительно небольшое влияние при разрешении этих вопросов.

ЯРРАЙС: Мне хотелось бы узнать от Вас, господин свидетель, каковы были личные отношения генерал-полковника Иодля с каждым из этих 3-х лиц?

БЮКС: Генерал-полковник Иодль отрицательно относился

к Фегелейну, и притом, мне кажется, потому, что он уже тогда полностью изучил его характерные слабости. Я был тогда свидетелем того, что он по различным вопросам лично требовал у Фегелейна отчета и отклонял его мнение.

Что касается Бормана, то я могу сказать, что генерал-полковник Иодль с ним вообще не имел никакой связи, и я также не был свидетелем какого-либо личного или вне служебного общения между ними. То же самое, что я сказал о Фегелейне, относится и к генералу Бургдорфу, к которому генерал-полковник Иодль, лично, наверно, тоже относился отрицательно.

ЯРРАЙС: Теперь я перехожу к другóму пункту. Господин свидетель, знаете ли вы что-либо о том, что в последний период войны обсуждался вопрос о том, чтобы выдавать на расправу населению вражеских летчиков, попадающих в плен? Слышали ли вы об этом?

БЮКС: Так точно. Я припоминаю, что в начале 1944 года фюрер в Берхтесгадене очень повышенным тоном потребовал, чтобы летчикам союзников, совершившим вынужденную посадку на территории Германии, больше не представлялась защита со стороны армии от народного гнева. Это требование было выдвинуто на основе донесения, согласно которому крейслейтер партии и офицер-летчик защитили союзного летчика. И фюрер тогда в большом возбуждении и в категорической форме потребовал, чтобы соответствующим приказом вооруженных сил раз и навсегда были предотвращены подобные случаи.

ЯРРАЙС: Генерал-полковнику Иодлю было также передано это требование Гитлера?

БЮКС: Требование было выдвинуто при обсуждении обстановки, на котором, наряду с другими, присутствовали генерал-

H1206 – 0018

H1206 – 0019

полковник Иодль. Но, по-моему, генерал-полковник Иодль не имел никакого прямого отношения к разработке этого вопроса, так как он не затрагивал непосредственно военной сферы.

ЯРРАЙС: Так что генерал-полковник Иодль вообще не высказался по этому поводу?

БЮКС: Точно так же как и другие, генерал-полковник Иодль отклонил это требование и со своей стороны сделал все для того, чтобы попытаться побудить фюрера отказаться от этого требования. Он немедленно занял критическую позицию, которая затем выразилась прежде всего в установлении понятий о 4-х случаях нарушений международных правил союзными летчиками.

ЯРРАЙС: Да, по этому вопросу мне вас спрашивать не нужно, на эту тему представлены документы. Было ли возможно в тот момент, когда Гитлер, как вы только что описывали, в гневе настойчиво требовал издания приказа, начать затягивать его издание?

БЮКС: В таких случаях, когда фюрер, находясь в высшей степени возбуждения, выдвигал такие требования, лица, к которым относилось данное требование, не в состоянии были каким-либо образом в тот же момент противоречить ему или с самого начала отказаться выполнять приказ. Не оставалось ничего иного, - и эту тактику часто применял генерал-полковник Иодль - как пытаться представлением документов, аргументов и контр-аргументов, путем получения мнения всех учреждений, которых это касалось, собрать материал и затем в спокойный и благоприятный момент еще раз поговорить с фюрером по этому вопросу и отговорить его от его чрезмерных требований. С внешней стороны это выражалось в длительной переписке, когда вновь и

вновь документы пересылались из одного отдела в другой, все это делалось с целью, по возможности, затянуть дело и, если возможно, вообще дать ему заглохнуть. И мое впечатление именно в отношении вопроса об обращении с летчиками-террористами было таково, что в этом случае эта тактика полностью удалась, хотя фюрер вновь и вновь обралал внимание на этот вопрос, из-за новых донесений и отчетов, и требовал издания этого приказа.

ЯРРАЙС: Был ли издан такой приказ?

БЮКС: Я не знаю никакого такого приказа.

ЯРРАЙС: Можете ли Вы назвать какой-либо факт, ясно свидетельствующий о том, что такой приказ издан не был?

БЮКС: Я лично был в августе 1944 г. привлечен фюрером к ответу, когда после воздушного налета на Мюнхен, Фегелейн очень ярко описал фюреру атаки самолетов дальнего действия и доложил ему, что когда зенитным огнем был сбит самолет, два союзных летчика спустились на парашютах. Они затем были взяты в плен вахмистром зенитной батареи и увезены. Он спросил этого вахмистра, почему он не застрелил обоих этих летчиков.

Последний ответил: "Потому, что у меня нет на это приказа". В этот момент я от себя заметил, что такого приказа действительно нет. В ответ на это фюрер обрушился на меня с сильнейшими упреками за то, что руководящие лица вооруженных сил не издали подобного приказа, и он вновь требовал издать его.

ЯРРАЙС: Было ли это затем сделано?

БЮКС: Нет. Это было уже после 20 июля во время

13040

H1206 – 0020

H1206 – 0021

операций на Западе, когда на первом плане стояли другие животрепещущие вопросы, из-за этих вопросов вопрос об обращении с летчиками-террористами был вновь забыт.

ЯРРАЙС: Знаете ли Вы, господин свидетель, об одном случае, который произошел в Берлине, мне кажется, в марте 1945 года в имперской канцелярии. Фюрер, якобы, там вновь жаловался на то, что несмотря на его требования такой приказ не был издан?

БЮКС: Я припоминаю, что в марте 1945 года фюрер в очень резкой форме еще раз говорил об этом с генералом Коллер, который был тогда начальником генштаба военно-воздушных сил. Я сам вначале не присутствовал, когда возникла эта дискуссия, но затем меня позвали и я слышал как фюрер сказал примерно следующее: "Ему из-за настроений в армии и в особенности в военно-воздушных силах не удается, соответствующим контртеррором подавить террор союзных летчиков над Германией..."

ЯРРАЙС: Минуту, господин свидетель. Вы сказали, что вы не присутствовали в течение всего этого разговора.

Господин председатель, у нас есть опросный лист, который мы хотим передать Трибуналу. Это наша книга документов том 2, страница 178, показания генерала авиации Коллера, о котором только что упомянул свидетель. В этих показаниях - в § 5 - это стр. 180 книги документов, - приводятся все желательные подробности этих исключительно важных разногласий в Берлине. Эти разногласия имели место частично в кабинете фюрера и частично в соседних комнатах, например, разго-

вор с Кальтенбруннером и с Герингом по телефону. Я просил бы Трибунал для того, чтобы сэкономить время, чтобы нам не пришлось разрывать этот вопрос, разрешить мне полностью зачитать весь этот документ, хотя свидетель слышал только часть этого разговора. Относительно Йодля в последнем предложении в целом ... Я думаю, что мы сэкономим время, господин председатель, если я сейчас зачитаю этот документ.

Сначала я должен зачитать первый вопрос, поставленный генералу Коллеру (стр.179). Свидетеля, во-первых, спросили:

"С какого времени вы были начальником генерального штаба военно-воздушных сил?"

Ответ на следующей странице:

"С 1 сентября 1943 года до 3 сентября 1944 года я был начальником оперативного штаба военно-воздушных сил, а с 23 ноября 1944 года - начальником генерального штаба военно-воздушных сил".

Вопрос 5, который нас здесь интересует, стр. 179:

"Помните ли вы, что приблизительно в марте 1945 года, в бомбоубежище имперской канцелярии, фюрер упрекал вас и военно-воздушный флот за то, что такой приказ не был издан?"

Ответ, стр. 180:

"Да, я помню это очень хорошо. Приблизительно с начала до середины марта 1945 года при обсуждении обстановки у фюрера Борман представил фюреру заметку из репортажа в отчете союзной прессе. Содержание ее, вкратце, таково:

"Экипаж американского бомбардировщика, незадолго до того сбитого над Германией, присоединился к частям американской армии, продвигавшимся вперед. Члены экипажа рассказали, что раз'яренное население ~~отрезало~~ связало их, угрожало им смертью и, наверное, убило бы их, если бы немецкие солдаты

13042

H1206 - 0022

H1206 – 0023

на освободили их и не взяли под свою защиту!"

Борман в нескольких словах указал Гитлеру на то, что этот факт подтверждает, что солдаты в таких случаях выступают против населения.

"Гитлер, выведенный из себя, повернулся ко мне и возбужденно сказал: - "Я уже приказал однажды, чтобы выбрасывающихся на парашютах членов команд бомбардировщиков не защищали от населения. Эти люди убивают только немецких женщин и детей. Недопустимо, чтобы немецкие солдаты выступали в защиту этих убийц против собственного населения, движимого справедливой ненавистью. Почему мои приказы не выполняются?"

Застигнутый врасплох этими нападками, я ответил приблизительно так: "Я не знаю никакого такого приказа и, кроме того, это практически невозможно".

Гитлер, обращаясь ко мне, сказал очень громко и резко: - "Причиной, по которой мои приказы не выполняются, является исключительно трусость военно-воздушного флота. Господа из военно-воздушного флота трусливы и боятся, что с ними самими тоже может случиться что-либо подобное. Все это в целом не что иное, как трусливый договор между военно-воздушным флотом и английскими и американскими летчиками".

Затем Гитлер обратился к стоящему случайно позади Кальтенбруннеру и продолжал, обращаясь к нему и почти не глядя на него.

"Я приказываю, чтобы все захваченные за последние месяцы ~~взяты~~ в плен экипажи бомбардировщиков и все те, которые в дальнейшем еще будут захвачены, немедленно были переданы военно-воздушным флотом в распоряжение СД и ликвидировались СД.

13043

Каждый, кто не выполняет моих приказов или выступает против населения, будет караться смертной казнью и сам подлежать расстрелу."

Затем, обращаясь ко всем, Гитлер выразил свое возмущение и изложил свою точку зрения. Все собравшиеся офицеры казались пораженными и, повидимому, были несогласны с ним.

Когда обсуждение положения возобновилось, я пригласил Кальтенбруннера для разговора в соседнее помещение.

Вот в основных чертах этот разговор:

"Коллер: - "Выполнить этот приказ невозможно. Военно-воздушный флот тогда больше не будет сотрудничать. Я во всяком случае и, тоже я могу сказать-о рейхсмаршале. Совершенно исключается какая-либо возможность какого-бы то ни было участия военно-воздушных сил в этом мероприятии".

Кальтенбруннер: "У фюрера совершенно неправильное представление о ряде вещей. Также и задачи СД постоянно понимаются неправильно. Подобные вещи совсем не относятся к задачам СД. Кроме того, ни один немецкий солдат не сделает того, что требует фюрер. Это не подходит немецкому солдату. Он не уничтожает пленных, а если это пытается сделать кто-либо из фанатичных приверженцев партии в роде господина Бормана, тогда немецкий солдат противится этому. Фюрер совершенно неправильно представляет себе убеждения наших солдат. Кроме того, я и сам нальцем не шевельну ради этого дела. Даже и не подумаю. Мы должны подумать о том, как нам выпутаться, иначе он первыми прикажет убрать кого-либо из нас. Мы должны выиграть время... Я и так надолго уезжаю из Берлина".

13044

H1206 – 0024

H1206 – 0025

Коллер: – "Значит, мы с вами в основном придерживаемся одного мнения. То, что Вы уезжаете, это благоприятно. Однако, в отношении фюрера мы должны найти другой выход, т.к. возможно, что он завтра снова возвратится к вопросу о своем приказе. В дальнейшем, когда придется круто, мы посмотрим, чем мы сможем помешать этому делу или, что с нами случится!"

По моему предложению было решено следующее: военно-воздушные силы и СД не будут издавать никаких приказов в том направлении, в отношении которого фюрер отдал приказ. Не будет производиться никаких передач летчиков в СД. Если фюрер снова вернется к своему приказу, то помешать его осуществлению ~~доводов~~ путем изложения доводов такого характера:

Все ранее захваченные в плен экипажи самолетов находятся не в руках военно-воздушных сил, а в распоряжении командующего армии резерва и рассеяны повсюду. В центре неизвестно, когда они были взяты в плен. Поэтому установить, какие пленные взяты за последние месяцы – очень трудно и потребует большой затраты времени. Для того, чтобы их передача не привлекла ничьего внимания, ее следует тщательно подготовить. Новые попадающие в плен команды автоматически направляются ~~ежед~~ следственным органам, которые в связи с военными действиями не находятся на одном месте. Связь плохая. Поэтому необходима подробная договоренность и согласование с СД. Для того, чтобы создать видимость переговоров, начальник разведывательного отдела главного командования Военно-Воздушных Сил должен был обратиться к уполномоченному Кальтенбруннера, которого тот, однако, должен был заранее назначить.

13045

По окончании обсуждения положения я обратился к фельдмаршалу Кейтелю при входе в бомбоубежище и сказал:

- "Приказ фюрера является безумием.(Кейтель вставил: "Это,пожалуй, можно сказать".) Военно-воздушный флот не даст запятнать честь своего оружия. Приказ выполнить нельзя. Я убежден, что рейхсмаршал вполне разделяет мое мнение. Издать такой приказ!... Да еще дополнить его устно угрозами кары!... Под таким приказом он должен подписать свое собственное имя. Будет ли он тогда выполняться - неизвестно, во всяком случае выполнять его не будет военно-воздушный флот. СД также его не будет выполнять. С Кальтенбруннером я уже говорил.

Фельдмаршал КЕЙТЕЛЬ: - "Такого рода приказы он потом не хочет подписывать и все это выпадает на долю ОКВ. Но я ни черта не сделаю, чтобы издать такой приказ".

Коллер: -"Военно-воздушный флот ни в коем случае не может участвовать в этом. Мы никогда не взвалим на себя такой ответственности".

Фельдмаршал Кейтель: - "Вы правы, я тоже этого не сделаю. Я должен подумать, что и как тут делать".

Разговор был прерван потому, что Кейтеля вызвали к телефону. Кейтель был очень недоволен и досадовал на приказ фюрера.

После легкой закуски в одном из боковых помещений убежища, я шел по направлению к гардеробу и выходу и проходил через комнату,смежную с комнатой, где было заседание. Из этой комнаты случайно вышел Гитлер, отдал приказание ординарцу и окликнул меня в то время, когда я проходил. Дверь в комнату заседаний была открыта, за столом сидел Лей.

Гитлер сказал мне:

"Я должен еще раз вернуться к моему приказу. Вы все должны помогать мне, далее так не может продолжаться. Военно-воздушные силы или противовоздушная оборона отказали. Что

13046

H1206 – 0026

H1206 – 0027

я должен делать против ужасного воздушного террора, от которого гибнут только немецкие женщины и дети.

Коллер: "Противовоздушная оборона и наш личный состав делают все, что могут и что в человеческих силах. Однако факт несоздания нами своевременно воздушных сил и техническое и численное превосходство противника в данный момент не могут быть устранены или изменены в один день. Когда части прожектористов, наконец, станут сильнее, тогда положение в воздухе над Германией снова станет более благоприятным.

Гитлер: "Я не могу дожидаться этого. Я не могу больше нести ответственность перед немецким народом за подобное положение в воздухе. Если эти летчики убедятся, что их уничтожают как террористов, то они подумают еще, стоит ли им летать сюда".

Коллер: "Это нисколько не улучшит положение в воздухе, а напротив, только обострит его".

Гитлер: "Нет, то, что сделали японцы, вполне правильно"

Гитлер в отличие от своего поведения при обсуждении положения сейчас был спокоен. Он казался сейчас доступным. Опыт показывал, что наедине с ним легче было разговаривать, чем ~~наедине=с=ним=не~~ в присутствии многих лиц. Поэтому я счел этот момент подходящим для того, чтобы затронуть всю проблему в целом и сказал: "Если я могу высказать свое мнение, то я должен сказать, что так дело не пойдет. Подобные меры находятся в столь резком противоречии с воспитанием, чувствами и мышлением всех солдат, что они невыполнимы. Нельзя обучать солдат воинскому уставу и приличному поведению, а затем требовать от них действий, которые претят каждому. Вы не должны забывать, мой фюрер, что вражеские летчики точно так

же исполняют приказы и выполняют свой долг, как и наши. Если они сбиты или делают вынужденную посадку, они становятся беззащитными и безоружными пленными. Как бы мы выглядели в глазах всего мира? И в качестве первых ответных мер противник стал бы так же поступать с нашими летчиками. За это мы так же не можем принять на себя ответственности перед нашими людьми и их близкими. Всякая готовность к бою и дисциплина были бы сразу подорваны."

До этого момента фюрер не прерывал меня. Сначала он смотрел на меня, потом стал смотреть в сторону и принял рассеянный вид. Однако, он все же слушал и сейчас прервал меня, сказав спокойно и серьезно :"Значит, военно-воздушный флот все же боится. Все это очень справедливо, но я отвечаю за защиту немецкого народа и никаких иных средств у меня нет."

Гитлер повернулся и пошел обратно в комнату заседаний.

По прибытии в ставку командующего военно-воздушными силами (Курфюрст) я сообщил о происходящем полковнику фон Браухичу и поручил ему, как можно скорее доложить рейхсмаршалу. Я сам в тот момент не мог связаться с рейхсмаршалом. В этом разговоре фон Браухич также выразил свое отрицательное отношение к приказу фюрера.

Приблизительно час или два спустя ко мне позвонил рейхсмаршал и начал разговор следующими словами: "Скажите, пожалуйста, что он окончательно сошел с ума?" Было совершенно ясно, кого он подразумевал. Я еще раз лично рассказал рейхсмаршалу в основных чертах о происшедшем и о своем разговоре с Кальтенбруннером и добавил: я не буду выполнять этот приказ и не стану готовиться к его проведению. Я буду ста-

13148

H1206 – 0028

H1206 – 0029

раться тактически действовать так, чтобы в любом случае выиграть время, и так, чтобы никто из нас не пострадал. Может быть, после последнего разговора фюрер больше не вернется к своему приказу. Но если это случится, то может создаться очень тяжелое положение. Вы сами должны поговорить с фюрером. Во всяком случае то, о чем фюрер отдал приказ, не должно случиться".

Рейхсмаршал высказался очень отрицательно относительно этой позиции Гитлера, во всех пунктах он был согласен со мной. Он приказал мне действовать так, как было предложено, и извещать его немедленно в случае надобности, и закончил разговор словами: "Все это безумие, не должно быть осуществлено!"

Ни военно-воздушным флотом, ни СД не было проведено никаких мер против союзных летчиков на основании упомянутого приказа фюрера. Командующему армией резерва или подведомственным ему органам этот приказ, по моему мнению, совсем не был известен, так как командующий армией резерва не присутствовал на заседании у фюрера, а ОКВ не передавало дальше этого приказа.

В дальнейшем Гитлер ни райхсмаршалу, ни мне, ни моему заместителю не говорил больше об этом приказе. Я думаю, что он не говорил о нем и с Кальтенбруннером. Во всяком случае я никогда больше не говорил с этим последним об этом случае.

Сознательно ли оставил Гитлер этот приказ или в ходе дальнейших событий он забыл о нем, я судить не могу.

Спустя две или три недели ОКВ была издана директива (кажется, в виде телеграммы), в которой, как я помню, упоминал-

13049

ся тот самый отчет репортера, который послужил поводом для всего этого дела. При этом было указано, что фюрер выражает недовольство тем, что немецкие солдаты противодействуют собственному населению.

Об основных положениях приказа, который отдал Гитлер, ничего не говорилось. Если я правильно вспоминаю, эта директива была подписана Кейтелем и ее нельзя было расценивать иначе, чем некую перестраховку по отношению к фюреру.

По моему мнению, генерал-полковник Иодль ничего общего не имел со всем этим делом".

Господин свидетель, поскольку вы присутствовали на этом совещании, скажите, правильно ли описание генерала Коллер?

БЮКС: Я лично припоминаю еще примерно следующие формулировки фюрера: "Это происходит от того, что военно-воздушный флот строит войну на обоюдостороннем страховании жизни, не тронь меня, и я тебя не трону".

Это была формулировка, которая особенно запечатлелась в моей памяти, и которая еще больше подчеркивает вышесказанное...

ЯРРАЙС: Благодарю вас, тогда у меня нет больше вопросов в связи с этими пунктами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы сейчас сделаем перерыв.

(Об'является перерыв на 10 минут).

Встать ! Суд идет !

ЯРРАЙС: Господин свидетель! Я полагаю, что вы еще помните обстановку служебных комнат в главной ставке фюрера?

БОКС: Да. Я еще помню ее.

13050

H1206 – 0030

H1206 – 0031

ЯРРАЙС: Были ли в служебных помещениях фюрера, фельдмаршала, генерал-полковника и в ваших собственных развешаны географические карты.

БЮКС: Да, ~~как~~ в главной ставке в Восточной Пруссии у фюрера в большой совещательной комнате висела рельефная карта Германии, кроме того, политическая карта Европы; в различных других помещениях висели аналогичные карты.

ЯРРАЙС: Были развешаны также и карты Германии?

БЮКС: Да.

ЯРРАЙС: И пограничных областей, на которых были указаны красными и синими кругами концентрационные лагери и исправительные тюрьмы?

БЮКС: Нет, ни в главной ставке в Восточной Пруссии, ни в имперской канцелярии в Берлине, ни в Бергхофе, в Берхтесгадене я никогда не видел такой карты.

ЯРРАЙС: 11 мая 1946 года по мюнхенскому радио в 12.30 дня было передано письмо некоего художника. Он утверждает, что он видел в главной ставке фюрера карты, которые не могли изображать ничего иного, как только расположение концентрационных лагерей. Возможно ли это?

БЮКС: Это совершенно исключено.

ЯРРАЙС: Имеются ли более подробные данные...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что нам следует затрагивать вопрос о радиопередачах из Мюнхена. У нас нет показаний по поводу радиопередач из Мюнхена.

ЯРРАЙС: Нет, тогда вы меня неверно поняли, господин председатель. Я не спросил, слышал ли он эту передачу, а я хотел установить, каким образом у общественности создалось впечатление, что там были такие карты. Спасибо. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже указал вам, что вам не следует ссылаться на этот вопрос, так как он не включен в находящиеся у нас доказательства. Вам не следовало ссылаться на то, что по этому поводу, якобы, была произведена радиопередача.

(К микрофону подходит защитник подсудимого Геринга - Штамер).

Д-р ШТАМЕР (защитник подсудимого Геринга): Господин майор Бюкс. Принимали ли вы в то время, когда вы были прикомандированы к главной ставке фюрера, регулярно участие в ежедневных обсуждениях обстановки?

БЮКС: Да. Я участвовал в ежедневных военных совещаниях по обсуждению обстановки.

ШТАМЕР: Не помните ли вы, присутствовали ли вы при обсуждении обстановки 27 января 1945 года, на котором обсуждался вопрос о том, какова будет судьба 10.000 пленных офицеров летчиков в лагере Саган?

БЮКС: Я могу вспомнить приблизительно следующее: Фегелейн докладывал по вопросу об эвакуации этого лагеря военнопленных до приближения русских войск. Эти пленные офицеры были опрошены, желают ли они остаться в лагере, чтобы быть переданными русской армии, или же они в ходе эвакуации Силезии желают быть вывезенными. Они, насколько я помню, решительно высказались в пользу последнего, а именно - быть вывезенными. Я думаю, что стоял вопрос лишь о решении того, в какой форме должна была произойти эта эвакуация.

ШТАМЕР: Не помните ли вы, какие еще предложения были сделаны относительно этой эвакуации и кем?

БЮКС: Нет, я думаю, что фюрер лишь сказал тогда в

13052

H1206 – 0032

H1206 - 0033

общем, что с этими пленными офицерами нельзя обращаться лучше, чем с собственными народом. Как раз было время эвакуации Силезии, и положение с транспортом не допускало даже эвакуацию по железной дороге или крупными колоннами собственного населения. Население даже и зимой должно было итти пешком по шоссе. И я думаю, что я помню, что фюрер сказал тогда: "если эти офицеры также хотят быть эвакуированными, то они должны передвигаться так же, как и германское гражданское население, а именно пешком по шоссе".

ШТАМЕР: Разрешите в связи с этими показаниями, г-н председатель, указать на неверную запись в протоколе. Этот документ был представлен во время перекрестного допроса рейхсмаршала Геринга 20 марта 1946 года. Речь идет о документе ПС-3786, доказательство США-787. В немецком протоколе на странице 5250, сказано,—после того как обсуждался вопрос о том, как следует их вывозить, фюрер сказал: "Они должны убраться, даже если им придется итти по грязи пешком". А в протоколе фактически записано: "Их надо отправить даже если им придется итти колонной пешком", т.е., нечто совсем иное. Я не знаю, как это замечание переведено в английском протоколе, но этим придается совершенно другой и неправильный смысл. Должно быть, согласно показаниям свидетеля, фюрер сказал: "Отправить их, даже если им придется итти в колонне пешком".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Трибунал считает, что по вопросу переводов вам лучше всего обратиться к генеральному секретарю Трибунала и передать материалы в бюро переводов для рассмотрения.

ШТАМЕР: Я лишь хотел констатировать это.

Затем кто-то заметил, кажется, во время этой беседы, когда говорили о вопросах эвакуации: "Нужно заставить их снять брюки и ботинки для того, чтобы они не могли убежать по снегу".

Помните ли вы, кто сделал это замечание?

БЮКС: Нет, этого я не могу вспомнить и считаю, что это совершенно исключено.

ШТАМЕР: Вы вообще не помните, было ли сделано такое замечание и кем?

БЮКС: Очень возможно, что Фегелейн предложил что-либо подобное в какой-либо связи, я не знаю этого.

ШТАМЕР: Согласно протоколу, такое замечание должно было быть сделано рейхсмаршалом Герингом.

БЮКС: Я считаю, что это совершенно исключено. Разрешите мне здесь добавить, что при записи стенограммы были исключительно большие трудности. На совещании у фюрера часто по пять-шесть человек говорили одновременно и в довольно быстром темпе. Так что стенографирующие вообще могли писать лишь по слуху, они не могли ни взглянуть на говорящего, ни установить, кто в данный момент это сказал. Был стол, вокруг которого стояло иногда до 30 человек, что даже мешало стенографам.

ШТАМЕР: У меня нет больше вопросов.

(К микрофону подходит доктор Латернзер)

ЛАТЕРНЗЕР (защитник Генштаба и ОКВ): Господин председатель, на этой стадии процесса я должен сделать заявление. Я хотел задать этому свидетелю несколько важных вопросов, чего я не могу сделать вследствие решения, о котором сегодня сообщил суд. Я заявляю, что я, вследствие этого решения...

13054

H1206 - 0034

H1206 – 0035

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (прерывая): Доктор Латернзер. Вы будете иметь полную возможность задавать вопросы свидетелю на заседании комитета.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель. Я прошу разрешить мне закончить мое заявление. Я заявил, что я, вследствие об'явленного сегодня решения, не в состоянии поставить вопросы и должен подчиниться этому решению. Я хочу, однако, заявить, что я это решение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы неправильно говорите, что вы не имеете возможности поставить вопросы свидетелю. Вы сейчас не можете задать эти вопросы свидетелю. Но нельзя заявлять, что вы вообще не имеете возможности это сделать. Вы сможете задать свидетелю эти вопросы во время заседания комитета.

ЛАТЕРНЗЕР: Однако я вижу в этом, господин председатель, ущемление прав защиты, которое заключается в том, что из-за этого решения защитники организаций не в состоянии непосредственно представлять доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже об'явил о своем решении.

ЛАТЕРНЗЕР: Я сожалею лишь, господин председатель, что решение было об'явлено без предварительного уведомления защиты.

(К мирофону подходит доктор Лефлер).

ЛЕФЛЕР (защитник СА). Я хотел бы добавить к замечанию моего коллеги доктора Латернзера, что я его поддерживаю, а именно потому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По какому именно вопросу Вы хотите выступить, доктор Лефлер?

ЛЕФЛЕР: Я хочу выступить по поводу решения о том, что все свидетели, вызванные сегодня, не могут быть допрошены защитниками организаций, как это обычно имело место.

Это - ограничение прав защиты, так как практически для нас совершенно исключается возможность использовать этих свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лефлер, как вы, так и доктор Латернзер, очевидно, не читали статьи 9 Устава, в которой говорится, что именно Трибунал должен решать вопросы относительно того порядка, согласно которому должны быть представлены и допрошены свидетели. Вот что я хотел сказать по поводу ведения защиты организаций. Трибунал с колоссальным трудом доставил в Нюрнберг очень большое число свидетелей и назначил специальные комитеты для допроса этих свидетелей. Некоторые из этих свидетелей, которые допрашиваются на комитете, впоследствии будут допрошены на суде. Трибунал полностью рассмотрел этот вопрос и не хочет, чтобы вы или другой защитник организаций вновь здесь его затрагивали.

ЛЕФЛЕР: Господин председатель, мы отдаем должное соображениям суда, но мы хотим указать на то, что с точки зрения защиты, ~~что~~ эти соображения, хотя теоретически и оправданы, но практически ~~об~~означают для нас потерю этих свидетелей.

Разрешите мне поэтому коротко обосновать это, чтобы суд вообще знал, почему эти свидетели потеряны для нас.

Господин председатель, вы сказали, что эти свидетели могут быть допрошены на комитете. Однако эти свидетели не могут быть допрошены на комитете, так как число...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Лефлер, как я вас уже сказал, Трибунал уже обсудил этот вопрос; может быть, впоследствии он снова им займется, но сейчас Трибунал не желает заслушивать каких-либо аргументов по этому поводу. Все вопросы подоб-

13056

H1206 – 0036

H1206 - 0037

ного рода могут быть разрешены исключительно Трибуналом. Трибунал потратил немало усилий на то, чтобы предоставить возможность всем свидетелям, желающим выступить по вопросам организаций, дать наиболее подробные и исчерпывающие показания. Трибунал больше не желает слушать ваших аргументов по этому вопросу на данной стадии процесса.

ЛЕЙЛЕР: Разрешите мне сделать заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы слышали, что я сказал? Я заявил, что Трибунал больше не желает вас слушать по этому вопросу на данной стадии процесса.

ЛЕЙЛЕР: Хорошо.

(Перекрестный допрос свидетеля майора Бикс).

К микрофону подходит господин Роберте).

Г-н РОБЕРТС: У меня всего несколько вопросов, милорд.

Очевидно, свидетель, вы недостаточно хорошо помните, что произошло на этом совещании?

БИКС: Разрешите спросить, на каком совещании?

Г-н РОБЕРТС: Повторите, пожалуйста, у меня не было наушников.

БИКС: Разрешите спросить, на каком совещании?

Г-н РОБЕРТС: Я говорю о том совещании, о котором вы упомянули в конце своих показаний. Там говорилось об эвакуации заключенных из Сагана.

БИКС: Я не знаю, в каком отношении они неправильны.

Г-н РОБЕРТС: Но вы сказали, что не помните о том, как на совещании упоминалось относительно того, что этих заключенных заставляли итти по снегу без обуви?

БИКС: Да, я сказал это.

Г-н РОБЕРТС: Вы знаете, что ... Я сейчас не могу найти этого места, поскольку я не знал, что здесь будут ссылаться на этот документ... Вы знаете, что все это имеется в стенографических записях, не правда ли?

БЮКС: Так по крайней мере мне здесь сказали.

Г-н РОБЕРТС: И вы согласитесь со мной, что в стенографический отчет не могло быть записано то, чего не было здесь сказано?

БЮКС: Да.

Г-н РОБЕРТС: Но вы не слышали этого замечания, поэтому вы не знаете, кто именно его сделал.

БЮКС: Да.

Г-н РОБЕРТС: Это все, что я хотел вас спросить по этому поводу. У меня к вам еще только один вопрос. В апреле 1945 г. Фегелейн стал шурином Гитлера, когда последний женился.

БЮКС: Да.

БЮКС: Да.

Г-н РОБЕРТС: А через два дня после этого Фегелейн был расстрелян по приказу своего нового шурина.

БЮКС: Да.

Г-н РОБЕРТС: Это все, у меня больше нет вопросов.

ЯРРАЙС: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля можно увести.

ЯРРАЙС: С разрешения Высокого Суда, я вызываю свидетеля профессора д-ра Шрамма. (Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Перси Эрнст Шрамм.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить

H1206 – 0038

H1206 – 0039

чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю (Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.

Ярайс: (Господин свидетель, во время войны вы работали в штабе оперативного руководства вооруженных сил?)

ПРЯМОЙ ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПЕРСИ ЭРИСТА ШРАММА.

ШРАММ: Да, с марта 1943 г. я работал в штабе оперативного руководства вооруженных сил.

ЯРРАЙС: До самого конца?

ШРАММ: До самого конца, т.е. до начала мая 1945 г.

ЯРРАЙС: Какие функции вы выполняли в штабе оперативного руководства вооруженных сил?

ШРАММ: За все это время работы в штабе оперативного руководства вооруженных сил я вел дневник военных действий штаба оперативного руководства вооруженных сил.

ЯРРАЙС: Имелись ли особые причины для того, чтобы вам была поручена эта задача?

ШРАММ: Мое назначение в штаб оперативного руководства вооруженных сил произошло вследствие того, что я по своей гражданской профессии был профессором истории в университете в Геттингене. В то время подыскивали референта, способного со знанием дела обработать материал. По предложению заместителя начальника генерал-полковник Йодль назначил меня на этот пост.

ЯРРАЙС: Если вы хотели вести дневник боевых действий сообразно с теми требованиями, которые, естественно, ставит себе историк, то вы должны были иметь полное представление о всех событиях в штабе оперативного руководства вооруженных сил. Правильно ли это?

ШРАММ: Да, я не принимал участие в обсуждении обстановки у фюрера, а также во внутренних переговорах. Однако я постоянно, т.е. каждый день принимал участие в обсуждении обстановки в штабе оперативного руководства вооруженных сил, и все важные документы за эти два года прошли через мое бюро.

ЯРРАЙС: Так как вы, пожалуй, как никто иной, имеете точное представление о ~~своей~~ всей деятельности штаба оперативного руководства вооруженных сил, - я хотел бы, г-н свидетель, чтобы вы сказали нам здесь, что вы знаете о внешнем об'еме деятельности генерал-полковника Йодля?

ШРАММ: Об'ем деятельности генерал-полковника нельзя преувеличить. Я могу доказать это тем, что только в 1944 г. через телеграфный отдел штаба оперативного руководства вооруженных сил, как сообщил мне соответствующий офицер, прошло 60 тыс. телеграмм. К этому следует добавить большую переписку через курьеров, которая, конечно, была еще более об'емистой, и затем внутреннюю переписку между отдельными отделами. Большая часть этой переписки проходила через стол генерал-полковника. Смотря с другой стороны, речь шла о том, что генерал-полковник ведал четырьмя театрами военных действий, т.е. : Север: Финляндия-Норвегия, Запад: Голландия-Бельгия-Франция, и затем Юго-Запад, сначала Африка и Италия, а затем Юго-восток.

ЯРРАЙС: Пожалуйста, немного помедленнее.

ШРАММ: Задачей генерал-полковника было не только постоянно быть в курсе всех событий на основании поступающих донесений, но и исполнять свои обязанности в качестве советника фюрера по оперативным вопросам.

ЯРРАЙС: Правильно ли я вас понял, что названные вами

13010

H1206 – 0040

H1206 – 0041

четыре театра военных действий были т.н. театры военных действий ОКВ.

ШРАММ. Да, точно так. Восток подчинялся генеральному штабу сухопутных сил, поскольку генерал-полковник имел к нему отношения, так как всегда создавались большие затруднения при согласовании интересов других театров военных действий ОКВ с интересами Восточного фронта.

ЯРРАЙС. Верно ли я Вас понял - 60 тыс. телеграмм в один год ?

ШРАММ. Да, 60 тыс. телеграмм, я это точно помню. Я помню также цифру, которую вычислил мой секретарь: через отдел по изданию дневника боевых действий прошло 120 книг-документов. Эта кипа документов была такой толщины, что если все документы, которые проходили через мои руки, положить один возле другого, то длина их составляла бы 12 метров, т.-е. это были десятки тысяч, если не сотни тысяч страниц.

ЯРРАЙС. Тогда вы нам, возможно, сумеете помочь в вопросе, который здесь неоднократно ставился, но на который никогда не было дано точного ответа.

Знаете ли вы что-нибудь о запрещении Гитлера, согласно которому генералы не имели права уходить в отставку ?

ШРАММ. Да, я хорошо помню об этом по приказу, изданному в середине 1944 года. В нем еще раз в очень резкой форме повторялось то, что было приказано еще со того времени, как я стал занимать свой пост, т.-е. в 1940-1941 году. Этот приказ, имевший об"ем приблизительно в полторы страницы на машинке, был составлен в очень внушительной форме. Я очень хорошо помню его содержание, так как мы подробно говорили об этом с несколькими товарищами. В приказе говорилось, что всякий главнокомандующий, а также соответственно и подчиненные

командные инстанции имеют право представлять свои сомнения в отношении мероприятий верховного руководства, но что они за тем безоговорочно должны выполнять тот приказ, который они получают сверху, т.е. делать нечто, что идет в разрез с их мнением. Далее добавлялось, что недопустимо, чтобы в связи с этим главнокомандующий заявлял бы о своей отставке, это было обосновано тем, что унтер-офицер, находящийся в окопах, не имеет права заявить о своей отставке командиру роты, если он не согласен с его приказами.

Я повторяю, что приказ был составлен в такой форме, что мы много говорили о нем.

Лишь с этого времени для главнокомандующего действительно не было возможности избежать выполнения приказов высшего командования.

ЯРРАЙС: Господин профессор Шрамм, разрешите попросить вас говорить несколько медленней.

Относился ли данный приказ, содержание которого вы сейчас изложили и указали дату последней резкой его формулировки, также и к такому человеку, как генерал-полковник Йодль?

ШРАММ: Если этот приказ относился к главнокомандующим, то, конечно, он относился и к генерал-полковнику Йодлю.

ЯРРАЙС: Я перехожу теперь к другому вопросу.

Генерал-полковника Йодля называли политическим генералом. Вы - гражданское лицо, вы, более того, профессор и таким образом, я полагаю, расстояние между вами достаточно велико, чтобы вы могли высказаться по такому вопросу и представить Трибуналу факты, которые дадут ему возможность составить правильное суждение. Можете ли вы назвать нам такие факты, которые

13062

H1206 - 0042

H1206 – 0043

могли бы быть использованы в качестве основы для вынесения суждения за или против?

ШРАММ: Если вопрос ставится в том смысле, был ли генерал-полковник партийным генералом, то я категорически заявляю, что нет. Состояли ли члены его штаба в партии или нет, генерал-полковнику определенно было совершенно безразлично. Я лично не мог бы сказать, хотя я служил в этом штабе два года, кто из офицеров состоял и кто не состоял в партии, настолько небольшую роль играл этот вопрос. Если понимать этот вопрос в том смысле, стремился ли генерал-полковник к политическому влиянию, то я должен еще раз указать, что он был загружен колоссальной работой, которая была на него возложена. На это у него вовсе не было бы времени, а на основании своих документов я могу лишь сказать, что у меня в памяти не остался ни один документ, из которого можно было бы это заключить. Все то, что генерал-полковник заносил на бумагу, а бумаг этих, как я видел, конечно, были тысячи, ограничивалось лишь военными вопросами, и он строго соблюдал эти границы, не затрагивая политику. Итак, говоря еще точнее, я не могу вспомнить, чтобы за 2 года, я когда-либо встречал в своих документах проекты политического характара, которые были бы составлены по инициативе начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил или написано им самим.

ЯРРАЙС: Но, может быть, он стремился стать дипломатом, или у него было много честолюбия и он...

ШРАММ: На этот вопрос я могу ответить определенно - нет, так как я знаю из разговоров с ним самим и от лиц его окружавших, что всякая дипломатия была для него неприятна.

13063

Он отрицал ее, т.к. она не имеет ничего общего с солдатами. Кроме того, ее слишком много было в его работе. Честолюбия я также не заметил. Если бы генерал-полковник был честолюбив, то он, во всяком случае не выбрал бы себе пост, который для этого был наименее подходящим. Это был такой пост, на котором он подвергался критике снизу, где не знали внутренних мотивов принятых решений, поэтому низшие инстанции много критиковали его, а высшие инстанции не ценили его по заслугам. Лично меня всегда удивляло и даже, более того, мне казалось гротескным то, что генерал-полковник к моменту смерти Адольфа Гитлера имел не намного больше военных орденов, германских военных орденов, чем я - майор запаса. Были ли у него иностранные ордена, я никогда не видел. Я никогда не видел на нем иностранных орденов. Так что о честолюбии и о политических устремлениях генерал-полковника Йодля мне ничего неизвестно.

ЯРРАЙС: Здесь, на процессе, неоднократно говорилось о докладе, который генерал-полковник сделал перед гаулейтерами зимой 1943-44 года. Мне неизвестно, знаете ли Вы что-либо об этом докладе?

ШРАМ: Да, я его хорошо помню.

ЯРРАЙС: Что вы помните?

ШРАМ: Я хочу сказать заранее, что я точно его помню, т.к. я получил для своего дневника боевых действий документы по этой речи, после того, как они больше не были нужны. Дело обстояло следующим образом:

Эта была речь, для которой собирался материал в отдельных отделах. Была приложена колоссальная карта, составление которой было сопряжено с трудностями, т.к. ее раз-

13044

H1206 - 0044

H1206 - 0045

меры были больше, чем комнаты служебного помещения, где мы работали. Я говорю о речи 8 или 9 ноября по поводу ежегодных собраний в Мюнхене.

Особым поводом для того, чтобы генерал-полковник держал речь вне военных кругов, было следующее:

В сентябре 1943 года, вследствие выхода из войны Италии, фронт был прорван на протяжении в 4.000 километров от Марселя до Афин. Затем удалось снова заполнить эту брешь. Но среди тех, кто знал обстановку, царило большое беспокойство.

(К микрофону подходит г-н Робертс).

Г-н РОБЕРТС: Господин председатель, в интересах экономии времени, мне хотелось бы возразить против этих длинных об'яснений, которые приводятся свидетелем по поводу произнесения этой речи. Речь эта представлена в качестве доказательства, и, мне кажется, причины произнесения этой речи совершенно несущественны.

(Пауза. Члены суда совещаются).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал поддерживает это возражение.

ЯРРАЙС: Господин свидетель , пожалуйста, продолжайте говорить.

ШРАММ: Это было поводом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, нет, я сказал, что Трибунал поддерживает возражение господина Робертса по поводу показаний этого свидетеля. Это было неправильно переведено.

ЯРРАЙС: Получилось недоразумение, простите, мне было переведено неправильно.

Г-н свидетель, теперь я хотел бы представить вам документ, который был два дня тому назад представлен как доказательство суду Обвинением - 1808-ПС. Если вы хотите, вы можете сначала просмотреть весь документ.

13075

(Свидетелю передается документ).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это - один из документов защиты Йодля?

ЯРРАЙС: Нет, этот документ был представлен позавчера представителем Обвинения во время перекрестного допроса.

(К микрофону подходит представитель британского обвинения господин Робертс).

Г-н РОБЕРТС: Милорд, этот документ был уже представлен мною во время перекрестного допроса, но я боюсь, что он не включен в книгу документов. Это один из тех документов, которым был дан новый номер - ВБ. Он был представлен в конце перекрестного допроса под № ПС-1808.

ЯРРАЙС: Благодарю Вас. Разрешите продолжать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, продолжайте, доктор Яррайс.

ЯРРАЙС: Господин свидетель, на предпоследней странице внизу Ваша подпись?

ШРАММ: Да. Речь идет о сборнике документов, который я составил после покушения 20 июля 1944 года, чтобы установить, что произошло в штабе оперативного руководства вооруженных сил. Я пришел к заключению, что штаб оперативного руководства ни-коим образом не был связан с заговором. Этот экземпляр, повидимому, взят из военного архива. Подпись и исправления сделаны частично мною, частично моим секретарем.

ЯРРАЙС: Я обращаю ваше внимание на 5-й параграф этого документа.

ШРАММ: Да.

ЯРРАЙС: Он датирован 25 июля. Вы нашли?

ШРАММ: Да, нашел.

ЯРРАЙС: Вы автор того, что там написано ?

ШРАММ: Это написано лично мною.

13016

H1206 - 0046

H1206 – 0047

ЯРРАЙС: Я прошу Вас сказать, на основании чего была сделана эта ваша работа?

ШРАММ: Офицеры штаба были срочно вызваны в нашу столовую. Мы узнали, что генерал-полковник желает говорить со своим штабом. И тогда я получил приказ для того, чтобы все офицеры были информированы делать заметки для того, чтобы потом и другие офицеры могли ознакомиться с соображениями генерал-полковника. Я ясно помню, что я, стоя, записывал основные мысли. Таким образом, это не стенограмма, стенографировать я вообще не умею. В спешке тогда было невозможно пригласить стенографа.

ЯРРАЙС: И на основании ваших записок вы написали этот документ?

ШРАММ: Да. Я кажется, на следующий день попытался на основании записанных фраз по возможности воспроизвести то, что сказал генерал-полковник. Я, конечно, не уверен, записал ли я верно подробности. Для этого мои записки, сделанные стоя, были слишком отрывочны. В отношении отдельных выражений мне совершенно неясно, насколько правильно я записал все то, что действительно было сказано. Я вижу теперь, что речь идет (считает) об одной, двух, трех... о четырех с половиной страницах. А на самом деле эта речь, была, конечно, значительно длиннее. Таким образом (*10) - сокращенная передача.

ЯРРАЙС: Только сокращенная передача...

ШРАММ: Да.

ЯРРАЙС: Я попрошу вас поподробнее рассказать об обстоятельствах, при которых генерал-полковник произнес эту речь, текста которой, таким образом, у нас нет. Это было...

(К микрофону подходит представитель английского обвинения господин Роберте).

Г-н РОБЕРТС: Милорд, опять-таки в интересах экономии времени, я снова беру на себя смелость обратить Ваше внимание на то, что этот вопрос не имеет отношения к делу.

13017

Мы знаем, что было произведено покушение на жизнь Гитлера и что Иодль издал обращение к своим сотрудникам. Я считаю, что вышеупомянутые обстоятельства не имеют никакого отношения к делу.

ЯРРАЙС: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал надеется, что вы по возможности сократите этот вопрос.

ЯРРАЙС: Да. Благодарю вас, я прошу вас, господин свидетель, очень коротко рассказать о личных обстоятельствах данного дела.

ШРАММ: Генерал-полковник явился в белой марлевой повязке до сих пор (показывает). Мы все были удивлены, что он так быстро оправился от последствий покушения, хотя он стоял непосредственно рядом с местом взрыва. На нас тогда, я должен сказать, большое впечатление произвела его энергия, с которой он снова выступал перед своим штабом, и затем занятая им моральная позиция в отношении этого покушения.

ЯРРАЙС: Я благодарю, господин председатель. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие представители защиты задать вопросы свидетелю?

(Ответа не последовало).

Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

(К микрофону подходит представитель английского обвинения господин Робертс).

Г-н РОБЕРТС: Милорд, у меня нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ЯРРАЙС: У меня больше нет вопросов. Разрешите вызвать

13048

H1206 - 0048

H1206 – 0049

следующего свидетеля - генерала Винтер?

(Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Август Винтер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом... всемогущим и всеведующим... что я буду говорить чистую правду... ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторил слова присяги).

Вы можете сесть.

(Прямой допрос свидетеля Августа Винтера).

ЯРРАЙС: Господин свидетель. Вы участвовали в начале кампании против России?

ВИНТЕР: Да. Я участвовал в ней в качестве начальника штаба группы армии генерал-фельдмаршала фон Рунштедта.

ЯРРАЙС: Разрешите, господин свидетель, попросить вас после моего вопроса делать небольшие паузы и вобщем говорить несколько медленнее, чем в данный момент.

ВИНТЕР: Хорошо.

ЯРРАЙС: Можете ли вы мне сказать, поскольку вы занимали очень ответственный пост, какие причины были названы официально вам в качестве мотивов, руководивших Гитлером при нападении Германии на Советский Союз?

ВИНТЕР: В свое время мне официально моим командующим и моим начальником в качестве причины похода против Советского Союза было указано на то, что в ближайшее время приходится опасаться нападения со стороны России, таким образом, речь идет о превентивных мерах.

ЯРРАЙС: Затем вы участвовали в первых пограничных боях?

ВИНТЕР: Да, в этом штабе.

ЯРРАЙС: На Южном направлении?

ВИНТЕР: На Украине, в южной группе армий.

ЯРРАЙС: После этих первых боев вы ведь, безусловно, имели уже известный опыт и получили некоторое представление о противнике?

ВИНТЕР: Да.

ЯРРАЙС: Совпадали ли ваши новые представления, господин генерал, с официальной версией о превентивной войне?

ВИНТЕР: У командования группы армии, главнокомандующего, начальников штабов и подведомственных мне оперативных отделов существовало в то время единое мнение, что обоснование кампании было правильным. Тогда у нас было такое суб'ективное мнение, что мы произвели атаку на врага, который готовился к нападению.

ЯРРАЙС: Были ли у вас факты, на которых могло основываться это ваше мнение?

ВИНТЕР: У нас был ряд фактов, которые, согласно нашему впечатлению подтверждали наше мнение. Разрешите коротко перечислить их. Во-первых, сама численность, противостоявших нам войск, которых было в несколько раз более - я не могу сейчас уже назвать число, - чем то количество, которое было нам указано в приказе на наступление; затем близкое к фронту и усиленное сосредоточение войск, которое бросилось нам в глаза; наличие исключительно большого количества бронетанковых соединений, которые намного превышало то

13070

H1206 - 0050

H1206 – 0051

количество, которое мы ожидали встретить; подход сравнительно крупных частей к венгерской границе, чего мы не могли об'яснить себе оборонительными мерами. Был еще один момент, о котором я помню, - как об особенно характерном, - мы нашли тогда у захваченных в первые восемь дней в плен штабов карты крупных немецких (ранее австрийских) территорий. Это также никак не согласовалось с оборонительными намерениями. Также следует добавить ряд отдельных наблюдений, имевших меньшее значение.

ЯРРАЙС: Господин свидетель, в качестве симптома, который вы считали особенно характерным, вы указали на обнаружение карт которые вы только что описали. Почему это имеет особое значение, большее, чем все остальное, вами упомянутое?

ВИНТЕР: Особенно бросается в глаза то, что карты, которыми были снабжены соединения на русском фронте, охватывали пространства, значительно превосходящие нормальные районы разведки в обороне. Казалось, что рассчитывают на то, что с началом военных действий эта разведка при соответствующих условиях должна быть распространена по ту сторону вражеской границы.

ЯРРАЙС: Здесь говорили о том, что наши войска после вступления в некоторые крупные города Украины, попали в особые, исключительно трудные условия. Вы понимаете, что я имею в виду?

ВИНТЕР: Да, это мне ясно. Это были трудности, которые возникли в огромных масштабах тогда, когда мы подошли к Днепру. Я полагаю, что здесь речь идет о взрывах на расстоянии или о взрывах мин замедленного действия в области наших

военных действий в очень обширных масштабах в районе Киев-Харьков-Полтава и которые доставили нам много забот и потребовали от нас в сове время широких контрмер.

ЯРРАЙС: Знаете ли вы, относится ли это также и к Одессе?

ВИНТЕР: Я слышал о взрывах в Одессе, но подробностей я не могу привести.

ЯРРАЙС: А в отношении Харькова вы можете привести подробности?

ВИНТЕР: О Харькове я знаю хорошо, так как там произошел случай, который заставил нас принять особые меры безопасности. Во время боев на западной окраине Харькова, которые были довольно тяжелыми и затяжными, погиб из-за подобного взрыва мины замедленного действия со всеми важными отделами штаб дивизии, номер которой я уже не помню. Это повело к приказу об особом, обеспечивающем безопасность, осмотре всех зданий, которые впредь предназначались для размещения штабов или других руководящих органов.

ЯРРАЙС: Видели ли вы, господин свидетель, или держали ли вы в руках русскую карту, на которой были бы нанесены места таких взрывов?

ВИНТЕР: Нет, подобной карты я не могу вспомнить.

ЯРРАЙС: Теперь вопрос из другой области. Вы сказали, что фельдмаршал фон Рундштедт был вашим командующим, а кто был вашим начальником?

ВИНТЕР: Генерал от инфантерии фон Зоденштерн.

ЯРРАЙС: Если я правильно припоминаю, то в то время фельдмаршал Рундштедт вышел в отставку или был уволен в отставку?

ВИНТЕР: После того как при неудачном прорыве на Ростов, в ноябре 1941 г. ОКХ не дало ему разрешение на отвод

13072

H1206 – 0052

H1206 – 0053

авангардных частей,фельдмаршал фон Рундштедт послал донесение командованию сухопутных сил, которому мы подчинялись. В этом донесении он писал, что если его руководству не оказывают необходимого доверия, то он вынужден просить фюрера назначить в группу армий другого главнокомандующего. Я очень точно помню об этом происшествии потому что я лично составлял эту тещеграмму и фельдмаршал собственноручно сделал потом это добавление.

В ответ на эту отосланную вечером телеграмму той же ночью пришло распоряжение Гитлера об его отзыве.

ЯРРАЙС: Таким образом, его ходатайство было удовлетворено?

ВИНТЕР: Ходатайство было удовлетворено. Но следует добавить, что это еще не было финалом. Гитлер через несколько дней после этого случая лично прилетел в Мариуполь, чтобы там на месте лично узнать о действительном положении вещей. На обратном пути он был в ставке фельдмаршала Рундштедта в Полтаве и там произошел их личный разговор. В ходе этого разговора Гитлер... я не могу сказать с полной уверенностью, присутствовал ли я сам при этой сцене или мне об этом сейчас же рассказал старший ад'ютант полковник Шмидт. Я повторяю, что имела место личная беседа, в ходе которой Гитлер еще раз упрекал фельдмаршала за то, что он поставил вопрос в альтернативной форме и сказал ему:

"В будущем я не намерен принимать подобные ходатайства об отставке. Если я принял решение, то тем самым я взял ответственность на себя.

Я сам, например, не в состоянии сказать моему ближайшему начальнику, милосердному богу: "Я больше не желаю выпол-

нять эту миссию, так как я не могу нести всю ответственность за ее выполнение".

Мы восприняли этот разговор, как имеющий принципиальное значение, и позволю себе добавить, что, судя по последовавшим приказам в этом отношении, так оно и было в действительности.

ЯРРАЙС: Известно ли вам, господин свидетель, не отказался ли Гитлер в дальнейшем от этого своего решения, не принимать в будущем подобные ходатайства?

ВИНТЕР: Он явно не отошел от этого решения, так как, насколько я знаю, дважды были изданы соответствующие приказы, в которых он, априори и в принципе запрещал главнокомандующим или офицерам, занимающим руководящие посты, уходить в отставку на том основании, что они считают, что не могут нести ответственности.

ЯРРАЙС: Теперь перейдем к другому пункту. Насколько я осведомлен, вы позже, в ходе войны работали также в штабе оперативного руководства вооруженных сил?

ВИНТЕР: Я был туда назначен вместо заболевшего генерала Варлимонта 15 ноября 1944 года. 15 ноября1944 года я принял дела. Мое назначение датировано 1-м декабря 1944 г.

ЯРРАЙС: Господин свидетель, вы регулярно присутствовали на обсуждении обстановки у фюрера?

ВИНТЕР: Да, из 7 дней недели я в среднем пять раз бывал на этих совещаниях.

ЯРРАЙС: Здесь очень много говорилось об этих обсуждениях обстановки и на них происходило очень многое из того, что важно для этого процесса. Однако, до сих пор не восстановлена еще полная картина того, что, собственно, называлось "обсуждением обстановки". Не можете ли вы нам раз'яснить технику этих "обсуждений обстановки" в отношении времени и

H1206 - 0054

H1206 – 0055

числа участников?

ВИНТЕР: Обсуждение обстановки постоянно имело место после обеда и происходило в широком кругу. Кроме того, вторичное, не упоминавшееся здесь обсуждение обстановки, происходило ночью в 2 часа. О последнем я разрешу себе умолчать. На этих совещаниях делали доклады о Восточном фронте молодые офицеры генерального штаба командования сухопутными силами, о западном фронте-офицеры оперативного штаба ОКВ.

Г-н РОБЕРТС: Милорд, я хочу напомнить Трибуналу, в интересах экономии времени, что вопросы, касающиеся этих совещаний, уже достаточным образом освещены в показаниях подсудимого Йодля. По этому поводу при перекрестном допросе не было задано ни одного вопроса, из чего можно заключить, что эти показания не вызвали никаких сомнений. Поэтому я хочу указать, что настоящие показания представляют собой лишь повторение сведений, которые не вызвали никаких дискуссий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал больше не желает слушать ни подробностей об этих совещаниях, ни каких-либо вопросов общего характера, связанных с этими совещаниями. Вы можете задавать вопросы по этому поводу лишь в том случае, если хотите привести таким путем особые доказательства.

ЯРРАЙС: Хорошо, господин председатель. Разрешите по этому случаю спросить для ясности, означает ли возражение г-на Обвинителя, что здесь принимается обычный порядок представления доказательств, а именно что факты, не оспариваемые в перекрестном допросе, считаются доказанными. Я не знаю, так ли это. Возражение представителя Обвинения, очевидно, предусматривает условие, что если что-либо уже слушалось...

13075

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что вам нужно здесь устанавливать какие-то твердые правила, но генерал Иодль дал общие показания относительно всех этих "совещаний" для обсуждения обстановки" и эти вопросы не задавались ему при перекрестном допросе. Поэтому, мне кажется, нет надобности поднимать вопрос об общем характере этих совещаний при допросе какого-либо другого свидетеля.

ЯРРАЙС: Благодарю вас.

Господин свидетель, ведь и в армии бывает, что офицер получает приказ, но сам придерживается другого мнения?

ВИНТЕР: Да.

ЯРРАЙС: Но имеет ли он возможность официально изложить это свое противоположное мнение.

ВИНТЕР: Эта возможность в германской армии, если я правильно вспоминаю историю, существовала со времен Мольтке. В 1938 году, на основании распоряжения фюрера, кажется, это было зимой 1938 ~~г.~~/1939 г. - этот порядок был полностью отменен. Тогда начальникам генеральных штабов и командным инстанциям было формально запрещено высказывать официально свои возражения.

ЯРРАЙС: Для того, чтобы не возникло трудностей для переводчиков, об'ясните более подробно выражение "высказывать официально."

ВИНТЕР: Согласно этому было запрещено ~~в~~ в дневник боевых действий или в какие-либо официальные бумаги, которые велись в любой из руководящих инстанций заносить записи о том, что начальник штаба не согласен с решением и приказом своего командующего.

ЯРРАЙС: Это было отменено.

13076

H1206 - 0056

H1206 – 0057

ВИНТЕР: Эта возможность существовала раньше, но с 1938 года ее больше не было, она была ликвидирована.

ЯРРАЙС: Благодарю вас. Теперь я хочу представить вам один документ, господин генерал, - Д-606. Данный документ был также представлен Обвинением три дня тому назад во время перекрестного допроса. Я не знаю номера доказательства. Возможно это...

Г-н РОБЕРТС: Милорд, это документ № 3606, ВБ № 292. Я представил его отдельно в качестве доказательства во время перекрестного допроса. Он имеется в вашей книге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, доктор Яррайс.

ЯРРАЙС: Г-н свидетель, известен ли вам этот документ?

ВИНТЕР: Документ мне известен. Он имеет мой исходящий номер.

ЯРРАЙС: Вы его лично составили?

ВИНТЕР: Нет, документ был составлен лично генерал-полковником Иодлем. Я во всяком случае вижу пропуск в параграфе 11. Я не знаю полностью ли он здесь приведен. Документ состоит из предварительного проекта, который здесь не приложен, но который, как я вижу здесь, имеет исходящий номер моего отдела квартирмейстера. 3-й экземпляр должен находиться с печатью в тех же документах. Этот предварительный проект был сделан в моем штабе на ответственность генерал-полковника Иодля после того, как Гитлер поставил на обсуждение вопрос о выходе из Лиги Наций, простите, об отказе от соблюдений правил Женевской конвенции непосредственно после налета на Дрезден. Причем приказание гласило: изложить все точки зрения, которые могут воспрепятствовать тому, чтобы Гитлер принял решение об отказе от Женевской конвенции. Этот документ разрабатывался с точки зрения международного права и с психологической точки зрения, т.е. с учетом того, как он подействует как на вражеские войска, так и на собственные войска

в тылу. Этот вопрос я тогда лично разрабатывал. На следующий день по поводу этого документа меня принял мой начальник, генерал-полковник Иодль. Содержание пред'явленного здесь документа я сейчас еще не просмотрел. Он сказал, что он полностью согласен с мыслью, положенной в основу данного документа, т.е. с тем, что отказ от конвенции невозможен, но считает, что его следует оформулировать резче, согласовать с документами военно-морского флота и тактически придать ему такую форму, которая при всех условиях подействовала бы на Гитлера. Потому, что нельзя было допустить, чтобы эта мысль была осуществлена на практике.

ЯРРАЙС: Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желают ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

Д-р ЛАТЕРНЗЕР (защитник генерального штаба и ОКВ). Господин председатель, я прошу разрешить мне спросить, относится ли запрещение о допросе также и к этому свидетелю. Я хочу заметить, что этот свидетель является членом обвиняемой группы ОКВ и генерального штаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не знаю, является ли он членом одной из обвиняемых организаций или нет, этот вопрос сейчас совершенно несущественен. Вы можете задавать вопросы этому свидетелю на заседании комитета. Я хочу сказать, что вы сами имеете право вызвать его на комитет для допроса.

ЛАТЕРНЗЕР: Только это я и хотел лишь выяснить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, Благодарю вас, доктор Латернзер, если вы хотите допросить свидетеля, который постоянно не проживает в Нюрнберге, его можно здесь задержать, чтобы потом вы могли допросить его на заседании комитета, если вы захотите это сделать.

(К микрофону подходит представитель британского обвинения господин Робертс).

13028

H1206 – 0058

H1206 – 0059

Г-н РОБЕРТС: Милорд, я хочу задать свидетелю только один вопрос.

Вы сказали, что Германия вторглась в Советский Союз и нарушила этим пакт о ненападении, потому что Германия боялась нападения со стороны Советского Союза?

ВИНТЕР: Разрешите еще раз уточнить, что нам, офицерам генерального штаба в главном командовании группы армий, наступавших на Украину, это обоснование было приведено нашим главнокомандующим. Было ли политически...

Г-н РОБЕРТС: Очень хорошо. Мы теперь знаем из показаний, которые были даны здесь перед Трибуналом, что Гитлер решил в июле 1940 года произвести нападение на Советский Союз; что 18 декабря 1940 года - это на странице 53 книги документов № УП, № 446, - 18 декабря Гитлер заявил, что Вермахт должен быть готов к уничтожению Советской России в одной молниеносной кампании. Нападение на Россию началось лишь 22 июня. Это не говорит за то, что руководители Германии сильно опасались, что Россия, - я хочу сказать Советский Союз,- нарушит пакт о ненападении, не правда ли ?

(Ответа от свидетеля не последовало).

ТРИБУНАЛ: (Господин Биддл): Свидетель, вам приходилось проводить на Украине мероприятия в порядке контр-мер, неправда ли ?

ВИНТЕР: Войска на Украине не принимали никаких мер в порядке репрессий на Украине, во всяком случае в районе военных действий, во всяком случае я не помню сейчас о подобных случаях.

ТРИБУНАЛ: (Господин Биддл): Какие мероприятия вы проводили против населения, которое противодействовало германской

армии?

ВИНТЕР: Во время всего похода группы армии "Юг", сопротивление населения в районе военных действий на Украине места не имело. Лишь в тылу в это время происходили стычки с отдельными разрозненными русскими частями. О сопротивлении отрядов населения мне стало известно лишь в более поздний период, когда была установлена тыловая граница между районом операций и политическими рейхскомиссариатами.

ТРИБУНАЛ (Господин Биддл): Хорошо. Вы в то время там находились?

ВИНТЕР: Штаб, в котором я служил, был отозван с фронта в конце января или в первых числах февраля 1943 года. Граница тыла его соединений проходила тогда по Днепру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ЭКСНЕР: Господин председатель, в заключение я хочу представить лишь два опросных листа и зачитать из одного несколько строк, которые были забыты. Первый - это опросный лист "АИ-8", опросный лист Вайцзекера, который я представляю и прошу Суд принять к сведению его содержание. О том же я прошу в отношении "АИ-6" - опросный лист Брудемоллера. А из последнего представляемого документа АИ-12, который является показаниями генерала Грейфенберга, я хотел бы зачитать самое существенное. Речь идет о вопросе о нападении на Югославию и о том, стягивала ли Югославия после путча Симовича войска против нас. Это находится в моей книге документов, том Ш, страница 211. После путча Симовича встал вопрос, имеется ли в данный момент непосредственная угроза со стороны Югославии.

"Вопрос: Соответствует ли действительности то, что Югославия тотчас же после государственного переворота, совершенного армией, начала сосредотачивать свои войска на всех

H1206 - 0060

H1206 – 0061

своих границах?

"Ответ: - Я могу сказать лишь о фронте, который был расположен против 12-й немецкой армии, стоявшей на болгарской границе. Здесь Югославия сосредоточила свои войска на границе".

"Вопрос: - Соответствует ли действительности, что армия "Лист", командующим которой вы были, до переворота в Югославии получила приказ строго соблюдать нейтралитет Югославии во время предстоящего нападения на Грецию, и что даже не разрешалось направлять эшелоны со снаряжением через югославскую территорию?"

"Ответ: - Я могу сообщить, что был дан строжайший приказ соблюдать нейтралитет Югославии".

"Вопрос: - Известны ли вам какие-нибудь нарушения этого приказа?

"Ответ: - Нет".

Высокий Суд, несколько опросных листов еще не поступили. Получим ли мы их - я не знаю. Во всяком случае, я должен оставить за собой право представить их позже.

Итак, я закончил представление своего дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В понедельник Трибунал приступит к слушанию дела подсудимого Зейсс-Инкварта, не так ли?

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ~~: Трибунал об'являет перерыв.

(Об'является перерыв до понедельника 10 июня 1946 г., 10 часов утра).

вз

13081

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 10 июня 1946 года.

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я представляю слово защитнику подсудимого Зейсс-Инкварта.

/К микрофону подходит адвокат Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР: Милорд, Высокий Суд.

Я начинаю представление доказательств последними словами Шушнига, произнесенными им 11 марта 1938 г., когда он, покидая пост канцлера, сказал: "Боже, спаси Австрию".

Ход истории привел к тому, что сейчас, в то самое время, как здесь рассматривается вопрос об аншлюссе в связи с личностью Зейсс-Инкварта, четыре министра иностранных дел, на основе тех же самых прошедших исторических событий, заняты подготовкой мирных договоров.

Поэтому я прошу уделить достаточное внимание документам, которые я представлю по этому вопросу, и разрешить мне приводить более подробные цитаты, чем я первоначально намеревался.

Сейчас, с разрешения Суда, я начну с допроса подсудимого в качестве свидетеля.

/Подсудимый Зейсс-Инкварт занимает место за свидетельским пультом/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Артур Зейсс-Инкварт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

H1206-0062

H1206 – 0063

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н свидетель, когда и где вы родились?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я родился в 1892 году в Моравии, в Иглау, представляющем собой некое подобие островка, где население до сих пор говорит по-немецки. Моравия была тогда частью территории Австро-Венгерской монархии. Здесь, а также в Ольмюце, где тоже до сих пор все говорят по-немецки, я жил до 16-летнего возраста,затем вместе со своими родителями я поселился недалеко от Вены. Я окончил гимназию в Вене, а затем юридический факультет Венского университета. В 1914 году, в августе, я вступил в армию.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы были в армии в продолжение всей войны?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я служил в тирольских королевских егерских войсках, воевал в России, Румынии и Италии. Во время войны,будучи несколько раз в отпуске, я сдал последние экзамены и в 1917 г. получил степень доктора. Я был ранен один раз, получил несколько орденов,в том числе три - за храбрость, проявленную в бою.

ШТЕЙНБАУЭР: Какие впечатления юности остались у вас в памяти на всю дальнейшую жизнь?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Здесь стоит,может быть, сказать о впечатлениях, связанных с борьбой национальностей в Моравии, борьбой между немцами и чехами. Немцы в то время поддерживали идею единого австрийского государства. Чехи придерживались национальной политики. Однако,мне кажется, имело значение то,что в Моравии был введен единый язык.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите,какие впечатления у вас остались от войны?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Помимо впечатлений,связанных с фронтовой дружбой,у меня особенно осталась в памяти дискуссия

о I4 пунктах Вильсона, происходившая по окончании войны.

ШТЕЙНБАУЭР: Основным содержанием которой был вопрос о праве на самоопределение?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нам было совершенно ясно, что претворение в жизнь этих I4 пунктов означало прекращение существования австро-венгерской монархии. Мы, немцы,считали, что компенсацией за это может явиться предоставление на основе права на самоопределение возможности возвращения в состав империи исконных немецких территорий,которые были отделены от Германии лишь в I866 году. Это действительно так и было. Эти земли были выделены из империи, а в течение 950 лет из своего тысячелетнего существования они были составной частью германской империи.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите,что вы делали после войны, вернувшись с фронта.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я посвятил себя профессии адвоката. В I92I г. я стал самостоятельным адвокатом и с течением времени у меня создалась хорошая практика.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы были ваши политические взгляды,принадлежали ли вы к какой-либо политической партии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не принадлежал ни к какой политической партии, поскольку я не хотел связывать себя какой-либо партийно-политической программой. У меня были хорошие знакомые во всех партиях, в том числе с христианско-социальной и социал-демократической, но все партийные программы казались мне немного односторонними,слишком узко выражающими интересы отдельных общественных групп.

ШТЕЙНБАУЭР: Принадлежали ли вы к каким-нибудь политическим союзам, так, например, к "Австро-германскому союзу"?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я был членом совета этого союза, так как единственной политической идеей, которая не поки-

13084

H1206 – 0064

H1206 – 0065

дала меня с 1918 года, было присоединение Австрии к германской империи. Я помнил 12 ноября 1918 года, когда временное национальное собрание, руководствуясь правом на самоопределение, приняло такое решение: Австрия является составной частью Германской республики. И учредительное национальное собрание шесть месяцев спустя подтвердило это решение. Продиктованные в Сен-Жермене условия запрещали это присоединение. Как известно, отдельные составные части империи пытались провести плебисцит. В Зальцбурге и Тироле 98 процентов голосов было подано за присоединение. Доктор Шушниг описывает это событие в своей книге "Трижды об Австрии".

В ответ на это последовали настойчивые попытки разделить Австрию между ее негерманскими соседями. Однако соглашение о разделе добычи не было достигнуто.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, в этой связи я хотел бы представить высокому Суду некоторые документы и вкратце сослаться на эти документы, содержащиеся в моей книге документов. Первый документ "Зейсс-Инкварт,- док. № I" находится на стр. 2-й книги документов и содержит прокламацию, выпущенную австро-германскими депутатами после краха австро-венгерской империи, 21/X- 1918 года. Во втором предложении говорится:

"Немецко-австрийское государство претендует на право владения всеми немецкими областями поселения, в частности также и в Судетах. Немецко-австрийское государство будет противиться любой аннексии со стороны других наций, направленной против областей, в которых живут немецкие крестьяне и рабочие".

Затем я хотел бы представить следующий документ "Зейсс-Инкварт - док. № 2". Он находится на четвертой странице книги документов. Это уже упоминавшееся решение временного

национального собрания от I2 ноября I9I8 года. Здесь говорится:

"Немецко-австрийское государство является демократической республикой. Вся власть будет находиться в руках народа. Немецко-австрийское государство является составной частью германской республики".

Руководитель самой крупной из существовавших тогда партий, доктор Карл Реннер, для обоснования этого закона выступил I2 ноября I9I8 года и сказал следующее: /это документ № 3, он находится на странице 6-й книги документов/.

"Наш великий народ находится в беде и несчастьи, народ, гордостью которого всегда было называться народом поэтов и мыслителей. Наш немецкий народ, народ гуманизма, наш немецкий народ, уважающий другие народы, глубоко принижен в несчастьи. Но именно в этот час, когда так легко, так удобно и, пожалуй, так соблазнительно пред'явить свой отдельный счет и, может быть, добиться от врагов каких-либо выгод, в этот час наш народ во всех областях хочет услышать: "Мы являемся одним племенем и нас об'единяет общая судьба".

Следующий документ № 4, который находится на странице I8-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это 8-я страница, не правда ли?

ШТЕЙНБАУЭР: Простите, страница 8-я. Тогда был проведен плебисцит в Тироле, 24 апреля I92I года. Результат был следующий: I45.302 голоса были поданы "за" и I.805 голосов -против" аншлюсса. В Зальцбургекой провинции был проведен плебисцит I8 мая I92I года с результатом: 98.546 голосов "за" и 877 голосов против присоединения.

Господа судьи, в связи с представлением документов я уже говорил, что я считаю, что к присоединению привели три фактора: первый - очень тяжелое экономическое положе-

H1206 – 0066

H1206 – 0067

ние; второй - вытекающие из этого разногласия среди демократических партий; и третий - отношение окружающего мира, в частности, великих держав к нашей маленькой стране.

Эти мысли как раз и содержатся в моем книге документов и я хотел бы пред'явить документ, отражающий существовавшее тогда тяжелое экономическое положение. Он находится на странице I4. Это выдержка из речи прелата Хаузера - председателя австрийской палаты депутатов от 6 сентября I9I9 года. Он, как председатель палаты депутатов, предлагает согласиться на принятие Сен-Жерменского мирного договора, мотивируя это следующим образом: "Национальному собранию не остается никакого выбора. Страна и народ нуждаются, наконец, в мире, который морально и экономически откроет нам доступ в другие страны и снова даст нашему народу возможность трудиться на родине и за границей. Не остается никакого выбора еще и потому, что наша страна в снабжении ее продуктами питания, углем и промышленным сырьем, а также в восстановлении своего кредита и своей валюты зависит от великих держав".

В таком же смысле высказывались государственные деятели Зейпель и Шобер. Это - документ № I7. Зейпель, считавшийся крупнейшим австрийским государственным деятелем, сказал тогда следующее:

"Но мы никогда не поверим, что проблема Центральной Европы разрешена, если крупнейшее государство, собственно говоря, заполняющее собою Центральную Европу, т.е. Германская империя, не будет участвовать в этом решении".

Сейчас я хотел бы продолжить допрос свидетеля и задать ему следующий вопрос.

Помните ли вы о тех условиях, которые существовали после I927 года?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Используя описанное вами экономическое положение, державы,входившие в Лигу наций,заставляли Австрию вновь и вновь делать так называемые добровольные заявления об отказе от аншлюсса. Это оказывало влияние на внутреннюю политику. Австрийцы,которые в 1918 году были полны решимости проводить демократическипарламентарную политику, в дальнейшем стали склоняться к радикальным идеям с авторитарной тенденцией.

ШТЕЙНБАУЭР: В то время была создана новая партия.Что это была за партия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В то время,как известно,произошел так называемый пожар во дворце правосудия, мятеж марксистов, который имел своим следствием то,что антимарксисты об'единились в союз защиты родины, полувоенную организацию. Так военная форма впервые появилась в австрийской политической жизни. Разногласия и противоречия между марксистами и антимарксистами с каждым днем возрастали. Единственной нацпартийной организацией в то время был австрийско-германский союз. Идея аншлюсса являлась тои единственной политической идеей, которая еще об'единяла между собой все партии. Приблизительно в 1930 г. на сцену впервые появилась национал-социалистская германская рабочая партия.

ШТЕЙНБАУЭР: Какое впечатление производила на вас деятельность этой партии, в частности,в связи с захватом ею власти в Германии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я хочу сказать совершенно откровенно, что впечатление,которое производила партия на австрийцев , было, пожалуй, странным. Правда, мы уже сталкивались в политике с ношением формы, как например, в республиканском марксистском союзе и в союзе защиты Родины, но НСДАП надела форму также и на своих политических руково-

H1206 – 0068

H1206 – 0069

дителей, которые тоже маршировали в ее колоннах. Кроме того,весь характер проводимой ими политики не соответствовал нашему привычному политическому мышлению.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы же были причины?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется,что эта партия никогда не признавала ничего положительного ни в какой другой партии и никогда не заявляла о своей готовности сотрудничать с кем-нибудь.

ШТЕЙНБАУЭР: Какие же положительные стороны вы видели в деятельности этой партии в империи?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я полагаю,что то большое влияние, которое со временем получила партия в Австрии, следует об'яснить тем, что партия неуклонно добивалась аншлюсса. Радикализация была вызвана,в частности, тем,что руководители демократических партий препятствовали осуществлению таможенного союза и,наконец, решением Гаагского третейского суда.

ШТЕЙНБАУЭР: Имелись ли экономические причины, способствовавшие успеху НСДАП?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Дело в том,что все то,что говорилось в империи и все то, что мы слышали о ней...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый! Вы сейчас непосредственно без всякого перевода слушаете вопросы д-ра Штейнбауэра? И вы отвечаете на них без всякой паузы и тем самым не даете возможности переводить за вами.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Австрийцы видели, как с 1933 года германской империей,во-первых,устранялись отдельные дискриминирующие пункты Версальского договора, а,во-вторых,устранялась безработица. В Австрии также 10% населения было без работы. Поэтому австрийские рабочие особенно надеялись на то,что после присоединения они избавятся от без-

работицы, а австрийские крестьяне были сильно заинтересованы в немецком продовольственном рынке.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом,если я вас правильно понял, мысль об аншлюссе привела вас к партии. Об остальной партийной программе, которой здесь уделялось чрезвычайно много внимания, я сейчас не хочу говорить, а хочу лишь задать вам вопрос, - когда вы вступили в партию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Формально я вступил в партию в 1938 году и по номеру моего партийного билета видно, что количество членов тогда уже превышало семь миллионов.

ШТЕЙНБАУЭР: Были ли у вас связи с доктором Дольфусом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я познакомился с д-ром Дольфусом в послевоенное время. Я знал,что он хотел взять меня к себе в министерство в 1933 году, и за 8 дней до 25 июля 1934 года я беседовал с ним.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите,принимали ли вы 25 июля 1934 года какое-либо участие в убийстве доктора Дольфуса?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, ни в какой мере. Доктор Дольфус намеревался еще раз поговорить со мной. Он интересовался моим мнением относительно возможности умиротворения в тот момент, когда положение было весьма острым.

Уже в то время я сказал Дольфусу, что в Австрии больше нет националистов, а только национал-социалисты, которые будут делать только то, что скажет Гитлер.

ШТЕЙНБАУЭР: Однако,я должен напомнить вам, господин доктор, что Обвинение пред'явило здесь фотографию,на которой изображается торжество по поводу убийства Дольфуса.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это неправильно. Это, так называемое, ежегодное партийное торжество в память семи национал-социалистов,повешенных во время этого путча или в связи с ним. Никто из нас не называл эту смерть убийством.

13020

H1206 – 0070

H1206 – 0071

ШТЕЙНБАУЭР: После Дольфуса канцлером стал д-р Шушниг и вот я хотел бы вас спросить,какие выводы были сделаны национал-социалистской партией из этих событий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Сама НСДАП была полностью разбита и дезорганизована. Тогда образовался небольшой круг людей,к которому я также примкнул и который из событий 25 июля сделал для себя следующие выводы. Во-первых, это означало чрезвычайно большую опасность. Я вспоминаю встречу государственных деятелей в Штрезе,где были приняты решения, направленные против Германии. И хотя нам никогда раньше не приходилось бояться Италии, было все же ясно, что при этой атмосфере возбуждения война легко могла вспыхнуть. А мы все единодушно считали,что одна из самых важных задач руководства Германской империи заключалась в том,чтобы избежать войны.

Я хочу добавить,что с точки зрения внутренней политики 25 июля сильно скомпрометировало идею аншлюсса. Мы долго раздумывали над тем,что может произойти теперь, и пришли к следующему заключению. Имперская партия должна прекратить всякое вмешательство в дела национал-социалистской партии Австрии, потому что австрийская партия была за аншлюсс,но зато вместо этого в Австрии национал-социалисты вновь должны быть допущены к активной деятельности и, в частности, должны произойти выборы для того,чтобы установить взаимное соотношение сил.

ШТЕЙНБАУЭР: Меня интересует следующий вопрос. Поддерживали ли вы тогда, т.е. в 1936 г., какие-нибудь связи с имперскими инстанциями?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: С имперскими инстанциями я не имел никаких отношений.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю вас.

13091

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Рейхсмаршал Геринг здесь уже сказал, что лишь после того, как я стал государственным советником, я впервые встретился с лицами, руководящими германской политикой.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда это было?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это было в июне или июле 1937 года.

ШТЕЙНБАУЭР: 1937 ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: - 1937.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы были ваши отношения как государственного советника к национал-социалистской партии Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Когда соглашение от II июля 1936 г. было заключено, причем без всякого моего участия, доктор Шушниг пригласил меня к себе через министра Клееза и предложил мне участвовать в политической жизни страны. У меня были особенно близкие отношения с г-ном Цернатто, который был генеральным секретарем национального фронта. По его предложению и по предложению его друзей я стал государственным советником Австрии, и доктор Шушниг письменно дал мне поручение проверить возможные предпосылки для привлечения национальной оппозиции к политическому сотрудничеству. Во исполнение этого поручения я, само собой разумеется, должен был связаться с национал-социалистами, поскольку национальная оппозиция в основном состояла тогда из национал-социалистов.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, что был руководителем НСДАП в Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Эта партия снова организовалась нелегально и руководителем ее был капитан Леопольд.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы были ваши отношения с ним?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я никогда не мог добиться полного взаимопонимания с капитаном Леопольдом. Он не понимал моей

H1206-0072

H1206 – 0073

политики и верил в то, что доктор Шушниг,на основании договора от II июля должен разрешить деятельность НСДАП в ее прежней форме. Я лично говорил с ним за все время не более трех - четырех раз. Он добивался,чтобы я был в подчинении у него, но я отклонил это.

ШТЕЙНБАУЭР: Могу ли я в этой связи обратить внимание Высокого Суда на некоторые документы,не оглашая их целиком? Это документ № 44, выдержка из пред'явленного уже Суду документа № 583,находящегося в книге документов на странице I03.

Затем я пред'являю следующий документ за № 45, который находится на странице I05-й. Он также имеет номер ПС, а именно США-58I. Затем следующий документ № 47,на странице I09. В этом документе Цернатто совершенно ясно говорит о том, что между стремлениями Зейсс-Инкварта и капитана Леопольда имелась большая разница. Моего подзащитного обвиняют в двойной игре, о чем здесь говорилось представителями Обвинения. В опровержение этого я ходатайствовал о допросе свидетеля Зигфрида Кьерейтора, бывшего гаулейтера. Он был здесь допрошен, а сейчас я хотел бы коснуться посланного ему опросного листа. Это документ № 59. Я прочитаю следующие ответы на вопросы, поставленные ему обвинением, находящиеся на странице I40.

Вопрос: "Не поддерживал ли подсудимый Зейсс-Инкварт постоянную связь с нацистской партией Австрии до февраля I938 года,т.е. до того момента, когда она перешла на легальное положение?"

Ответ: "Нет. Я лично не знал Зейсс-Инкварта.до его приезда в Грац. В нацистских кругах его считали беспартийным. Я думаю,хотя точно не знаю, что он вступил в НСДАП только после ее легализации. Именно поэтому он лично

встречал значительное сопротивление в нелегальных кругах нацистской партии".

На странице 6-й этого же документа говорится:

Вопрос: "Не вел ли подсудимый Зейсс-Инкварт двойную игру: с одной стороны, он занимал официальное положение в кабинете Шушнига, с другой стороны, он сотрудничал с бывшей нелегальной нацистской партией, деятельность которой в некоторой степени была легализирована благодаря усилиям подсудимого в Бархтесгадене в феврале I938 г.?"

Ответ: "Я не знаю, каковы были его связи с подпольными кругами нацистской партии. Мне это не известно,потому что тогда меня не было в Вене. Но, начиная с I8 февраля, поддержание связи с ними было его обязанностью,а не двойной игрой. Сам Шушниг вел переговоры с тогдашним руководителем партии. До Клаузнера руководителем партии был Леопольд".

Сейчас мы уже перейдем к I938 г. Какова была политическая ситуация, когда вы, в начале этого года, были назначены государственным советником австрийского правительства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Во время многих моих беседе с д-ром Шушнигом и,прежде всего, в продолжительных беседах с г-ном Цернатто, я развивал свой план, который полностью отражал те выводы, которые я сделал из событий от 25 июля I934 г.: следует побудить империю и,прежде всего, Гитлера отказаться от всякого вмешательства в политику Австрии через национал-социалистскую партию Австрии. Но за это австрийские национал-социалисты должны опять получить разрешение на участие в общественной жизни. Я ни коим образом не отказывался от мысли об аншлюссе,но я был полностью убежден в том, что легальная и серьезная политика, проводимая австрийскими национал-социалистами, со временем привлечет в

H1206 – 0074

H1206 – 0075

их ряды большинство австрийского народа /я имею в виду немцев в Австрии/ и что Лига наций не сможет тогда противиться этой воле преобладающего большинства. Надо было попытаться склонить Гитлера к ведению такой политики, показав, что самостоятельная и независимая Австрия поддерживает политику фюрера и отстаивает идею равноправия германского народа. Этой цели и служили мои переговоры с фельдмаршалом Герингом и г-ном Гессом. О результатах этих бесед я сообщил д-ру Шушнигу и Цернатто и порекомендовал им создать коалиционное правительство с участием в нем национал-социалистов при условии, что Гитлер предоставит нам соответствующие гарантии. Но с обеих сторон мне ничего не удалось добиться своими предложениями, хотя прямо мне не было отказано. Тем временем австрийские национал-социалисты предложили действовать нелегально. Полиции приходилось вмешиваться, производились аресты, в Австрии у нас было тогда три концентрационных лагеря, короче говоря, это было похоже на денацификацию, которая происходит сейчас.

ШТЕЙНБАУЭР: Были ли вы в Оберзальцберге I2 февраля I938 года?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, но я сейчас скажу, как это произошло. С одной стороны, партия снова стала проявлять радикализм. В I938 г. в Австрии вновь усилились легитимистские тенденции. В государственный совет поступали законы о возвращении имущества Габсбургам. Поэтому мое положение стало весьма непрочным. Я решил уйти от дел и сообщил об этом Цернатто и статс-секретарю Кепплеру, который в империи занимался официально всеми австрийскими вопросами. В силу полученных мною поручений я чувствовал себя обязанным добиться понимания моего шага со стороны Кепплера. Сам я принял приглашение имперского спортивного руководителя

Чаммер-Остен и поехал в Гармиш. Здесь я встретил господина фон Папена,причем предварительно между нами никакой договоренности не было. Мы взаимно пожаловались друг другу и согласились на том, что необходимо обратить внимание обеих сторон,т.е. как Гитлера,так и австрийского правительства в лице доктора Шушнига на то,что ясное решение в духе моих предложений является необходимым.

Я помню,что в то время говорили об участии национал-социалистов в правительстве. Возможно, что говорили также о министерстве внутренних дел. Моя фамилия совершенно определенно не называлась тогда, но она могла быть названной. Я не знал тогда,что фон Папен имел беседу с Гитлером. Я же сообщил содержание нашей беседы господину Цернатто.Он согласился со мной по некоторым вопросам, в частности,по вопросу о народно-политических докладах, посвященных деятельности национал-социалистов. Он также предоставил мне средства для этого. Мне кажется, что это было 10 февраля, когда я от группы своих сотрудников получил известие о том,что Гитлер пригласил доктора Шушнига в Берхтесгаден. К кругу моих знакомых относились доктор Рейнер, доктор Кри, доктор Кальтенбруннер, Лангхот и еще несколько других лиц.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, вы были осведомлены о результате этих переговоров в Оберзальцберге?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: О результате сообщил мне потом Цернатто. 11-го вечером, до того, как д-р Шушниг поехал в Берхтесгаден, я имел весьма подробную беседу с ним и с Цернатто. Мы с ними достигли соглашения по вопросу о привлечении национал-социалистов, как-то-Кри, Рейталера, Фишбека к исполнению определенных общественных функций, но не о предоставлении им министерских постов. В то время я не

H1206 – 0076

H1206 – 0077

касался вопроса о составе министерства, так как тогда я еще не знал, как отнесся Гитлер к моим предложениям,сделанным господину фон Папену. I3 февраля господин Чернатто вызвал меня к себе и сообщил мне ставший ему известным результат беседы в Берхтесгадене.

ШТЕЙНБАУЭР: В этой связи я хотел бы сейчас обратить внимание Высокого Суда на документ 48, страница III-я, где Чернатто говорит.

"Я был твердо убежден, что он - Зейсс-Инкварт - не знает о содержании соглашения от I2 февраля."

Таким образом,Вы на основании этого соглашения, стали министром внутренних дел и полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. I7 февраля I938 года.

ШТЕЙНБАУЭР: И вы получили поручение установить или улучшить связь, существовавшую между Австрией и Германией. Состоялась ли у вас в то время беседа с самим Гитлером?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. В соглашении от I2 февраля,которое было достигнуто в Берхтесгадене,совершенно ясно было сказано, что я должен быть как бы связующим лицом между австрийским правительством, с одной стороны, и между австрийскими национал-социалистами и германской империей,с другой. Содержание протокола, подписанного там, показалось мне весьма рискованным и неудовлетворительным. Нет никаких сомнений, что мое назначение на должность министра внутренних дел и безопасности для австрийских национал-социалистов явилось признаком того, что они могли надеяться на возможность реализации своих политических стремлений в ближайшее время. К тому же они получили разрешение высказывать свои взгляды и мнения, а также разрешение носить свастику и приветствовать гитлеровским салютом. Однако сама организация еще не была разрешена, т.е. мои

национал-социалистские друзья в Австрии в то время еще не имели возможности легально примкнуть к германским национал-социалистам. С помощью этого соглашения "шлюзы" были открыты, но не позаботились о равномерном, если можно так выразиться, спадании воды.

Поэтому я принял решение поехать лично к Гитлеру,чтобы удостовериться в том, найдет ли мой план его полное одобрение или нет. С согласия доктора Шушнига я поехал, получив австрийский дипломатический паспорт.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда же вы говорили с Гитлером?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я назвал неправильную дату. Я I6-го февраля стал министром, а I7 февраля я поехал в Берлин. У меня с Гитлером состоялась беседа наедине, продолжавшаяся свыше 2-х часов.

Здесь Обвинение говорило о том,что я приветствовал Гитлера обычным гитлеровским приветствием. Как известно, это было разрешено по соглашению. Но я думаю, что Обвинение не будет оспаривать,что во время всех допросов я заявлял, что я сразу же подчеркнул Гитлеру , что я являюсь австрийским министром и вследствие этого несу ответственность перед Австрией.

Я записал эту беседу стенографически на обратной стороне имевшегося при мне письма. Эти записи спустя несколько недель я продиктовал моей секретарше на машинку и я хотел бы передать содержание нашей беседы как раз на основании этих записей. Мои заявления...

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель,пожалуйста, покороче, говорите только о самом основном.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, но это самый важный вопрос из всего пред'явленного мне обвинения.

"Предпосылкой для канцлера Шушнига является следующее: Я стою на точке зрения необходимости свободной и незави-

H1206 – 0078

H1206 – 0079

симой Австрии, т.е. Конституция, дальнейшее развитие страны,в том числе присоединение к империи, как конечная цель, все должно исходить из этого. При этом волеизъявление Австрии должно быть свободным, в соответствии с нынешней конституцией. Я должен быть для доктора Шушнига живым гарантом революционного хода развития, в духе этих заявлений /да, именно так/, а не троянским конем. Партия и все партийное движение не должны принимать позу борцов за культуру /да/. Партия и все движение не должны стремиться к тоталитаризму, а это означает,что идеи национал-социалистов должны воплощаться в жизнь только с учетом существующих в Австрии условий и не должны навязываться силой. Партия вовсе не должна исчезнуть, она будет существовать, как об'единение,но не будет заниматься запрещенной деятельностью; никаких стремлений враждебных по отношению к государству, деятельность исключительно легальная. Всякого, нарушающего эти условия, будут арестовывать".

Адольф Гитлер в основном согласился с этим и сказал мне:

"Речь идет не о 25 пунктах партийной программы, не следует вводить никаких догм. Надо от общегерманского и национального немецкого мышления притти к национал-социалистской идеологии."

Таково было содержание моей беседы с Адольфом Гитлером, происходившей I7 февраля, с I2 до 2 ч. I0 м.

/К микрофону подходит представитель американского Обвинения г-н Додд/.

Г-н ДОДД: Господин председатель, насколько я понял, свидетель сказал, что он записал свою беседу с Гитлером, а потом продиктовал эти записи своему секретарю. Мне не

ясно,действительно ли он оглашает сейчас сделанные им записи? Кроме того,мы никогда ранее не видели этих записей, и я считаю,что прежде чем включить их в протокол,следует выяснить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, скажите имеются ли у свидетеля эти записи?

ШТЕЙНБАУЭР: Подлинник этих записей был отобран у него во время ареста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый,вы слышали вопрос, который я задал? У вас имеются эти записи?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Подлинник этих записей находился в моих документах в Вене. Я ходатайствовал о том,чтобы отобранные у меня документы были просмотрены и было бы установлено, имеются ли там эти записи. Имевшуюся у меня на руках копию этого документа, я передал Обвинению во время моего допроса; эта копия находится в документах Обвинения. Таким образом, сейчас у меня не подлинники,а лишь копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В данном случае достаточно будет использовать копию этого документа.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я предоставил в распоряжение защиты эту копию.

ШТЕЙНБАУЭР: Но я ведь вам возвратил назад эту копию.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Ну что же, вы можете представить ее Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, под каким номером вы представляете этот документ в качестве доказательства?

ШТЕЙНБАУЭР: Я сейчас скажу, господин председатель. Это № 6I.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Г-н ДОДД: Господин председатель, я нахожусь в некотором замешательстве. Я все еще не могу ничего понять и уве-

H1206 -0080

H1206 – 0081

рен,что мои коллеги находятся в таком же положении. Мы никогда не получали никакой копии этих записок, которые, как утверждает подсудимый, он сделал во время беседы с Гитлером или некоторое время спустя после этого. В наших делах нет такой копии, и я хотел бы знать,действительно ли он утверждает, что эта копия,которая представлена Трибуналу,является копией оригинала, которую он якобы передал нам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Подсудимый,хотите ли вы сказать,что документ, который вы только что вручили своему защитнику, является копией документа, который, как вы говорите, вы передали Обвинению при вашем допросе и который представляет собой стенографические записи, сделанные вами в то время.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Господин председатель, подлинную запись я сделал 17 февраля после полудня. Спустя несколько недель я продиктовал эти записи, которые у меня были сделаны стенографически, своему секретарю на машинку. У меня было несколько копий этого документа. Одну из этих копий я пред'явил однажды летом во время моего допроса представителю Обвинения, который допрашивал меня. Вторую копию я передал теперь своему защитнику. Это копии с подлинника тех записей, которые были сделаны через несколько недель после этой беседы, а подлинник находился в Вене, в моих секретных документах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

Г-н ДОДД: Я бы очень хотел узнать - кому именно передал подсудимый эти записи. Г-н председатель,я хотел бы разыскать эти документы и приложить некоторые усилия для этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращаясь к свидетелю/: Знаете ли вы,

кто вас допрашивал?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Сам г-н Додд.

Г-н ДОДД: У нас его нет.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Дело обстояло именно так.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель,эти записи в основном совпадают с добровольным заявлением, которое подсудимый...

Г-н ДОДД: Господин председатель, я считаю,что очень важно выяснить этот вопрос сейчас. У меня имеется протокол проведенного мною допроса этого подсудимого,где ясно сказано, что он ссылался на записки,которых, как он заявил, у него не было, ибо он оставил их в черной кожаном портфеле в Мондорфе и он просил меня постараться достать их и я обещал ему это сделать, но мы так и не смогли их разыскать. Это все,что сказано в стенограмме протокола допроса.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я хотел бы заметить,что я получил их, я получил в суде черную папку, и они находились там, и во время следующего допроса я пред'явил копию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте,доктор Штейнбауэр.

ШТЕЙНБАУЭР: Я хочу отметить,что документ № 49,на странице II3 почти таков же по содержанию и что подсудимый сообщил Шушнигу относительно содержания этой беседы. Это видно из документа № 65, страница I58 книги документов. Я сейчас спрашиваю вас, господин свидетель - был ли согласен Гитлер с вашими предложениями?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: По многим вопросам он определенно сказал "да", относительно других вопросов у него были сомнения, - согласится ли австрийское правительство на это; но в общем такая политика казалась возможной.

ШТЕЙНБАУЭР: В связи с этим вам также вменяется в вину, что вы, будучи министром внутренних дел и полиции,постави-

13102

H1206 - 0082

H1206 -0083

ли исполнительную власть под контроль нацистов.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне бы хотелось,чтобы ответить на этот вопрос предоставили свидетелю,доктору Скублю,о вызове которого я ходатайствовал. Доктор Скубль после смерти Дольфуса был особенно доверенным лицом у австрийского правительства и был назначен ко мне на должность статс-секретаря и генерального инспектора по вопросам безопасности, очевидно, также для осуществления определенного контроля. Я не мог возражать против этого и был очень доволен, что у меня под руками был такой хороший специалист.

Я хотел лишь совсем коротко упомянуть,-что все приказы, касающиеся всей исполнительной власти, издавались Скублем. Я никогда не издал непосредственно ни одного приказа австрийской полиции. Скубль получал указания от доктора Шушнига,в частности IO и II марта. Я не назначил в австрийскую полицию ни одного национал-социалиста.

ШТЕЙНБАУЭР: Хорошо,достаточно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Может быть я должен указать еще на...

ШТЕЙНБАУЭР: В связи с этим я хотел бы указать еще на два документа - это документы № 5I и 52, страница II7, а также II8-я, II9-я. Это находится уже во второй книге документов. Первый документ представляет собой речь подсудимого, произнесенную им, как министром,перед полицейскими чиновниками. Вторая речь была произнесена в Линце по радио. Сейчас мы переходим к критическим мартовским дням. От кого вы узнали о плане Шушнига относительно плебисцита?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: За день до того, как доктор Шушниг в Инсбруке об'явил относительно намеченного плебисцита, он вызвал меня к себе и сообщил мне свой план. Я спросил его тогда,является ли это решение неизменным. Он ответил ут-

вордительно. Я выразил свои опасения по поводу того, что это может привести к осложнениям,но обещал помочь ему.по мере возможности, для того,чтобы избежать плебисцита или же побиться удовлетворительных результатов,пригодных для национал-социалистов. С австрийскими национал-социалистами у меня, конечно, была уже в то время постоянная связь, поскольку я был связующим лицом. Я выступал на многих собраниях с ведома Цернатто и доктора Шушнига и излагал то, о чем мы говорили с Гитлером, и в частности то,что я сам сказал Гитлеру. Я избегал всякой возможности демонстраций и, как министр внутренних дел, запретил вообще такие демонстрации. В связи с этим указу на изданный мною общий запрет проводить собрания, и на запрет демонстрации в Граце. Это подтверждается опросным листом свидетеля Либрейтера.

ШТЕЙНБАУЭР: Получили ли вы тогда какое-нибудь обещание со стороны Шушнига?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. Я хотел бы отметить,что в тот же самый вечер со мной говорил доктор Ири, который, не знаю каким образом, узнал о существовании плана относительно плебисцита. При этом я ничего не говорил ему тогда о каких бы то ни было обещаниях Шушнига, и хотя я,собственно говоря, не должен был бы принимать на себя обет молчания, учитывая,что в соответствии с соглашением от 12 февраля, я выполнял функции связующего лица;-тем не менее я сохранил молчание.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, мне кажется,сейчас очень удобный момент об'явить перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

13104

H1206-0084

H1206 – 0085

Встать! Суд идет!

ШТЕЙНБАУЭР: Мы дошли до плебисцита, который планировал Шушниг, о нем было об'явлено, и сейчас мы переходим к II марта.

Что вы делали до полудня в этот день?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я должен сказать, что за день до этого, или за два дня до этого, после переговоров с австрийскими национал-социалистами, я написал доктору Шушнигу письмо, в котором я высказывал свою точку зрения относительно плебисцита, а именно - мое отрицательное отношение к нему. Причины заключались в основном в том, что правильные результаты плебисцита не гарантированы потому, что речь шла не об истинном плебисците, соответствующем государственному праву и решение о плебисците было принято не советом министров, а отечественным фронтом, т.е. партией и ею же должен был проводиться плебисцит. Предложение сводилось к тому, чтобы плебисцит был отложен и были бы проведены закономерные выборы, с соблюдением всех законных условий. 10 марта вечером в присутствии министра иностранных дел Шмидта, мы с доктором Шушнигом еще раз подробно все обсудили и пришли к соглашению о том, что как центральное правительство, так и правительства союзных провинций, должны быть пополнены национал-социалистами, т.е. практически должно быть создано коалиционное правительство, в каковом случае национал-социалисты будут также голосовать за это. Разногласия оставались еще лишь по вопросу о согласии партии, т.е. о ее участии. Я сообщил об этом австрийским национал-социалистам, но они не были в этом очень заинтересованы, потому что из Берлина было получено извещение о том, что Гитлер отклоняет плебисцит. Мне сказали, что на следующий день я получу письмо от Гитлера.

13105

ШТЕЙНБАУХР: Вы получили такое письмо?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я получил с курьером письмо от Гитлера и думаю,что могу по совести сказать, что при письме был проект телеграммы о вступлении. Однако, я не могу припомнить, был ли там приложен проект речи по радио.

ШТЕЙНБАУЭР: Что же вы делали до полудня после получения этого письма?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: После получения письма я отправился к с министром Глезом к д-ру Шушнигу. В IO часов мы были в помещении канцлера и я полностью передал Шушнигу все содержание этого письма. В частности,я указал на то,что Адольф Гитлер считается с возможностью беспорядков среди австрийских национал-социалистов в случае отказа, и что он готов,если дело дойдет до беспорядков,начать вступление после соответствующего обращения к нему за помощью. Таким образом я обратил особое внимание союзного канцлера на возможность такого развития событий.

ШТЕЙНБАУЭР: Требовали ли вы от него ответа?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В письме был указан срок - до I2 часов дня. Поскольку наши перьговоры продолжались приблизительно до половины двенадцатого,я попросил канцлера Шушнига прислать мне ответ к 2 часам дня. Я знаю,что в этот промежуток времени и даже еще накануне, он,при помощи доктора Фугля, принял меры безопасности,с которыми я был согласен. Был произведен призыв нескольких возрастов в армию,всюду сосредотачивалась полиция и вечером было запрещено выходить на улицу.

ШТЕЙНБАУЭР: Что происходило после полудня II марта?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я с министром Глезем в 2 часа дня пришел в помещение союзного канцлера. Прежде всего мы беседовали с д-ром Шушнигом. Канцлер д-р Шушниг отказался от

13106

H1206 – 0086

H1206 – 0087

отсрочки плебисцита. Почти в тот же самый момент меня позвали к телефону. По телефону со мной говорил фельдмаршал Геринг. Запись этих переговоров находится в документе 76-США.

И вот началась игра в кошки-мышки. Когда я сообщил фельдмаршалу Герингу о том,что Шушниг отклоняет отсрочку, он сказал, что вынужден от имени империи требовать отставки Шушнига, потому что он нарушил соглашение от I2-го февраля и империя ему не доверяет. Тогда доктор Шушниг согласился на отсрочку,но не на свою отставку. В ответ на это фельдмаршал Геринг потребовал не только ухода Шушнига в отставку, но и назначения меня союзным канцлером. Во время моего разговора с канцлером Шушнигом,в половине четвертого он сказал, что передаст президенту общую отставку кабинета. Узнав об этом я покинул помещение канцлерства, потому, что я считал свою миссию посредника в духе соглашения от I2 февраля законченной и ни в коем случае не хотел вмешиваться и принимать меры к тому,чтобы самому стать союзным канцлером.

ШТЕЙНБАУЭР: В связи с этим, я обращаю внимание на документ № 58, стр. I34. Это - выдержка из телефонного разговора с Герингом, во время которого Геринг выслушал сообщения, а Зейсс-Инкварт дал свои пояснения относительно взаимоотношений между Германией и Австрией. В нем говорится: "Он считает,что Австрия останется независимой". Итак,это было вечером II-го марта?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Во время этого телефонного разговора было сделано предложение о том, чтобы эмигрантский легион, партийная организация, прибыл в Австрию. Из этого же телефонного разговора видно, что я не хотел этого, а хотел,чтобы плебисцит или выборы были проведены до вступления в Австрию каких-либо войск.

13107

После полудня в Вену приехал статс-секретарь Кепплер. Он просил меня проинформировать его. После этого я снова вернулся к союзному канцлеру. От меня снова из Берлина потребовали, чтобы я сам настаивал перед союзным президентом на том, чтобы я был назначен имперским канцлером. Я это снова отклонил.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, что тогда делала австрийская национал-социалистская партия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Австрийская нацистская партия начала демонстрации. Члены партии заполнили улицы. Не знаю, были ли это только члены партии, или также ее приверженцы, но это переросло в очень большую демонстрацию против системы и за национал-социалистов.

ШТЕЙНБАУЭР: Каково было настроение в союзных провинциях?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не имел связи с ними, и узнал только поздно ночью, или даже на следующий день о том, что там происходили демонстрации еще больше, чем в Вене, при участии большого количества людей, которые высказывались против отечественного фронта и за национал-социализм.

ШТЕЙНБАУЭР: Какие попытки предпринимал союзный президент Миклас для выхода из этого положения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я лично этого не знаю, потому что до 8 часов вечера мне никто не говорил об этом. Со мной не говорили о канцлерстве, но со мной не говорили также ни о каких других возможностях разрешения вопроса. Я слышал, что президент хотел назначить канцлером д-ра Эндера из Форарльберга, а меня вице-канцлером. Я думаю, что это предложение было бы вполне приемлемо. Я не мог говорить по этому вопросу с Берлином, потому что оттуда мне ничего об этом не было сказано.

13108

H1206 – 0088

H1206 – 0089

ШТЕЙНБАУЭР: Когда события стали разворачиваться быстро и Шушниг заявил о своей отставке, вы составили список членов кабинета?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В течение вечера стало ясно, что союзный канцлер Шушниг выйдет в отставку и что Германия не потерпит никакого другого правительства, кроме национал-социалистского. Поэтому я считал своей обязанностью обдумать, кого я должен включить в состав кабинета для того, чтобы не быть захваченным врасплох. Должен заметить, что о предложениях, сделанных во время разговора по телефону, мне вообще не сообщили. Я совершенно свободно выбрал себе сотрудников, разумеется, обсудив кандидатуры с австрийскими национал-социалистами. Между ними находились люди чисто католического мировоззрения, как например, профессор Менгин, доктор Вольф и другие.

Министра иностранных дел Шмидта я пытался склонить к участию в кабинете. Он меня спросил, почему я это делаю. Я ответил, что я хотел бы сохранить Австрию независимой и свободной и для этого нужен такой министр иностранных дел, который имеет связи с западными державами. Шмидт отказался, сказав, что союзный канцлер Шушниг привлек его к политической деятельности и он останется верен канцлеру Шушнигу.

ШТЕЙНБАУЭР: Я хотел бы в связи с этим представить некоторые документы. Это - документ № 50, стр. II5, выдержка из книги Цернатто относительно позиции Зейсс-Инкварта.

Далее, стр. I25, документ № 54 также из этой же книги Цернатто, где говорится:

"Он /Зейсс-Инкварт / не руководил дальнейшим развитием событий".

И следующий документ № 62 на странице I49-й, в котором

Цернатто передает разговор с доктором Зейсс-Инквартом:

"Он сказал мне, что по двум основным пунктам он не позволит торговаться с собой. Первый из них - независимость Австрии, а второй - возможность независимого существования консервативно-католических элементов".

Сейчас мы переходим к очень важному вопросу. Вы после этого произнесли речь по радио,в которой назвали себя министром, хотя Шушниг уже вышел в отставку?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Положение было таково: союзный президент не принял общей отставки кабинета, таким образом я и другие еще оставались министрами. Когда доктор Шушниг произнес свою прощальную речь, он ничего не сказал об отставке и об общей отставке. Он сказал только: "Мы уступаем силе". Доктор Шушниг и президент Миклас договорились о том, что я не буду сразу назначен на пост канцлера, а что после вступления немецких войск в моих руках будет сосредоточена полностью исполнительная власть. Таким образом,по-моему,я фактически был министром внутренних и иностранных дел.

ШТЕЙНБАУЭР: Обвинение утверждает,что вы и сами оказали давление на союзного президента Микласа для того,чтобы добиться вашего назначения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я вообще не видел союзного президента Микласа до 9 или, может быть, I0 часов вечера уже после произнесения Шушнигом речи,в которой он сказал, что "мы уступаем силе".

ШТЕЙНБАУЭР: Я хочу представить Суду эту речь союзного канцлера Шушнига от II марта I938 г. Это документ № 53 на странице I22. Шушниг заявляет:

"Союзный президент уполномочил меня сообщить австрийскому населению о том,что мы уступаем силе. В виду того, что мы и в эти серьезные часы не хотим проливать немецкую

H1206 - 0090

H1206 – 0091

кровь, мы дали нашей армии приказ на случай, если будет осуществлено вторжение, не оказывать сопротивления и отступать, и ожидать решения, которое состоится в ближайшие часы".

Обвинение, г-н свидетель, усматривает это давление в том обстоятельстве, что отделения СС были призваны тогда в помещение имперского канцлерства. Что вы можете сказать об этом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что это было уже после прощальной речи Шушнига. Тогда я видел в передней, может быть, 10 или 15 молодых людей в черных брюках и белых рубашках. Это и были эсэсовцы. У меня создалось впечатление, что они оказывали какие-то услуги государственному секретарю Кепплеру и другим. Когда они стали приближаться к тем комнатам, где находились канцлер Шушниг и президент Миклас, я потребовал прислать сторожевые посты из состава австрийского охранного батальона и выставил их перед этими комнатами. Подчеркиваю, что это были отборные солдаты и, по австрийским понятиям, великолепно вооруженные, в то время, как всех этих эсэсовцев было не больше, чем 40 человек и они были вооружены только пистолетами. Кроме того, в 50 шагах от помещения канцлерства находилась казарма охранного батальона, где было сотни две отборных и хорошо вооруженных людей. Если бы Шушниг и Кепплер не должны были заботиться ни о чем другом, кроме происходившего в самом помещении союзного канцлерства и на улице перед ним, то они легко могли бы вызвать охранный батальон и положить конец всей этой истории.

ШТЕЙНБАУЭР: Обвинение пред'явило вам письменные показания под присягой гаулейтера Верхней Австрии Эйгрубера, в котором утверждается, что вы еще раньше, чем стали имперским

канцлером,отдали распоряжение о захвате власти в отдельных союзных провинциях.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это совершенно неправильно, и гаулейтер Верхней Силезии не утверждает,что он говорил со мной.Мне кажется, он говорил, что он получил телеграмму за моей подписью. Я ни одному гаулейтеру и вообще никому не давал телеграфного или устного распоряжения о захвате власти.

Я позднее узнал от Глобочника о том, что он произвел захват власти. Он это сказал мне следующими словами: "Знаете, я для вас произвел захват власти, но я ничего вам об этом не сообщил, зная,что вы будете против этого".

ШТЕЙНБАУЭР: Значит,вы говорите,что вы были бы против этого. Тем временем было осуществлено вторжение, как показывал подсудимый Геринг. Как по вашему мнению, было ли население против этого вторжения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это нельзя называть вторжением,это было бурно и восторженно приветствуемое вступление немецких войск. Не было ни одной деревни,даже яро католической,которая бы не ликовала, и ни одного рабочего района,где бы не происходило то же самое. Для меня и для д-ра Шушнига это было ясно с самого начала. Однажды в 1937 г. он согласился с моими словами, что вступление немецких войск в Австрию ничем другим не может быть встречено, как только овациями со стороны населения.

ШТЕЙНБАУЭР: В этой связи я хотел бы указать вам на документ № 37, страница 86. Это цитата из книги Самнер Уэллеса "Время решения". Автор передает свой разговор с итальянским министром иностранных дел и говорит следующее:

"Перед оккупацией Австрии доктор Шушниг прибыл в Рим. Он открыто признавал, что в случае оккупации Австрии Германией - большинство австрийцев будут содействовать этой

H1206 – 0092

H1206 - 0093

оккупации и что они, как один человек, присоединятся к немцам для борьбы против Италии, если бы Италия послала войска в Австрию для предотвращения оккупации".

Теперь переходим,господин свидетель, к следующему дню-12 марта. Вы в то время не говорили с Гитлером по телефону?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я позвонил фюреру. Это относится еще к событию вступления. Я хотел бы еще раз повторить,что накануне,примерно, в 7 часов, все переговоры прекратились. Все выжидали. В половине восьмого явился статс-секретарь Скубль и сообщил,что,как передают пограничные посты,вступление немецких войск уже началось. Фельдмаршал Геринг уже не раз сообщал об этом.

Будучи убежденным в том, что вступление действительно началось, Шушниг произнес свою прощальную речь. Это означало,что система отечественного фронта перестала существовать. Я заявляю совершенно определенно,что до этого момента я не предпринимал ничего такого, что было бы направлено на установление контроля над Австрией или же,вернее, на укрепление позиций национал-социалистов и захват ими власти.

То,что я делал,являлось исключительно посредничеством в духе соглашения от 12 февраля. С того момента,как система отечественного фронта сошла со сцены, я почувствовал, что обязан начать действовать. Сначала я произнес речь по радио, но не в том духе,как мне было предписано утром, потому что я не говорил о временном правительстве, но назвал себя министром внутренних дел. Только в этот момент я вызвал СС и СА в качестве вспомогательной полиции и так же, как Шушниг, отдал приказ не оказывать никакого сопротивления вступлению немецких войск. Потом я был назначен союзным канцлером, и представленный мною состав ка-

бинета был утвержден. В эту же ночь я отвез в своей машине доктора Шушнига домой, боясь, что может произойти какая-либо провокация. Я просил Кеппнера позвонить по телефону фюреру и сказать, чтобы вступление войск не проводилось. Это подтвердил здесь рейхсмаршал Геринг. Утром я еще раз звонил по телефону, застал фюрера на аэродроме в Линце и, поскольку вступление было в полном разгаре, я спросил, нельзя ли, чтобы австрийские войска тоже вступили в Германию для того, чтобы равноправие было соблюдено хотя бы символически. Фюрер на это согласился, и действительно австрийские части маршировали в полной форме в Мюнхене, Берлине и т.д.

ШТЕЙНБАУЭР: Как же вы представляли себе дальнейшее развитие событий, будучи назначенным на пост союзного канцлера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Поскольку система Отечественного фронта пала, я не мог более проводить мою идею коалиционного правительства. Мне было совершенно ясно, что у власти должно быть национал-социалистское правительство с участием сильной католической партии, но дальнейшее развитие должно итти не в форме немедленного аншлюсса, а путем проведения соответствующих выборов или плебисцита, и должно привести к военному и хозяйственному союзу с германской империей.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, в этой связи я хотел бы представить чрезвычайно важный документ, который в совершенно новом свете представляет принятие закона об аншлюссе. Это показание, данное под присягой доктором Штукхардтом, бывшим статс-секретарем министерства внутренних дел, находящимся в здешней тюрьме. Я передаю Суду эти показания и хотел бы на основании этого документа сделать следующее обобщение...

13114

H1206 – 0094

H1206 – 0095

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что это за документ?

ШТЕЙНБАУЭР: Этот документ не содержится в книге документов, потому что он мною только недавно получен,а переводы еще не изготовлены. Сейчас я для того, чтобы не нарушать последовательности, только вкратце ссылаюсь на этот документ, оригинал которого я представил Суду, и хочу сказать, что этот свидетель говорит следующее...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы присваиваете этому документу соответствующий номер,не так ли?

ШТЕЙНБАУЭР: Номер 92.

"Вероятно Гитлер сам станет президентом Австрии после образования этого союза." Он говорит,что он получил от Фрика поручение разработать соответствующий закон и внезапно был вызван в Линц.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите минуту,д-р Штейнбауэр.

Д-р ШТЕЙНБАУЭР: Некоторые письменные показания под присягой,относящиеся к голландскому вопросу, также еще не поступили или поступили только что. Может быть, будет целесообразнее представить эти документы тогда, когда они будут переведены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что обвинение получит это письменное показание,данное под присягой?

ШТЕЙНБАУЭР: Оно уже имеет его. Разрешите мне продолжать. Он говорит,что совершенно неожиданно в Линце он получил задание от Гитлера подготовить проект закона о непрямом, тотальном аншлюссе. Это означало,что Австрия должна была стать провинцией германской империи,наравне с Баварией и другими немецкими провинциями.

Такой закон он разработал, вылетел в Вену и там представил его министрам для принятия.

Впечатление,произведенное аншлюссом на население,ил-

люстрируется тремя документами: во-первых, № 30, это - чествование фюрера населением, происходившее на самой большой площади Вены - площади Героев. По этому случаю 15 марта свидетель приветствовал Гитлера и произнес следующее:

"То,за что велась борьба в течение многих веков германской истории, то, за что проливали кровь и умирали бесчисленные миллионы лучших немцев, то,что служило конечной целью в ожесточенной борьбе и последним утешением в самые горькие часы, - теперь совершилось. Остмарк возвращен".

Гитлер дал поручение о том,чтобы этот закон об аншлюсе был впоследствии санкционирован плебисцитом,проведенным среди австрийского населения. Результат этого плебисцита известен Суду на основании других документов,представленных ранее.

Я хотел бы сейчас только указать еще на то, какую позицию занимали католические епископы. Это видно из документа № 32, страница 73. Отношение тогдашнего президента д-ра Карла Реннера к плебисциту явствует из документа № 33,находящегося на 76-й странице. Относительно позиции,занятой остальными державами по вопросу об аншлюссе, я сошлюсь на свидетеля Шмидта,который в качестве министра иностранных дел, является лицом компетентным.

Я хотел бы предстаВить еще документ № 38 /страница 89/. Это речь тогдашнего премьер-министра Чемберлена,произнесенная в палате общин, который,касаясь вопроса об аншлюссе, говорит следующее:

"Ничто не предотвратило бы этих действий Германии,пусть даже мы и другие готовы были бы применить силу для того, чтобы помешать этому. Теперь Австрия присоединена, является частью Германской империи и Зейсс-Инкварт стал союзным канцлером".

13116

H1206 – 0096

H1206 – 0097

Теперь я спрашиваю вас, остались ли вы только канцлером или получили другие государственные функции после прихода к власти?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Когда я I3-го ночью сообщил фюреру об аншлюссе, я воспользовался этим случаем, чтобы сразу поднять три вопроса. Это было не очень легко сделать, поскольку фюрер был очень тронут и плакал.

Я прежде всего просил о том, чтобы австрийская партия сохранила относительную самостоятельность и имела бы в качестве руководителя австрийца. Во-вторых, чтобы Австрия, как государственная единица, также получила бы некоторую самостоятельность. На первое фюрер ответил: "возможно", на второе он ответил: "Да", будет назначен собственный рейхсштатхальтер". В это время я встал и попросил у фюрера разрешения возвратиться к своим занятиям адвокатской практикой.

И, в-третьих, я просил о том, чтобы несправедливое соотношение австрийского шиллинга к марке в размере двух шиллингов к одной марке было заменено соотношением I I/2 к I. На это фюрер тоже согласился.

I5 марта, в связи с сообщением по радио, о котором здесь уже говорилось раньше, фюрер дал диктору следующее указание: "Сообщите о том, что будет выступать рейхсштатхальтер Зейсс Инкварт". Таким путем, собственно говоря, я впервые узнал, что я стал рейхсштатхальтером. До конца апреля I938 года я оставался им.

ШТЕЙНБАУЭР: Кто был по существу настоящим руководителем политики Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Сейчас же был послан в Австрию Бюркель с заданием реорганизовать партию и провести подготовительные работы к плебисциту. Вмешательство Бюркеля и его сот-

рудников и составление ими различных планов, чуждых для Австрии, побудило меня 8 апреля, в присутствии Бюркеля обратить внимание фюрера на такую обеаличивающую деятельность и фюрер при мне сказал Бюркелю:

"Бюркель, вы этого не должны делать. Иначе радость, вызванная у австрийцев аншлюссом, заменится равнодушием к империи".

Несмотря на это, через несколько недель он назначил его имперским комиссаром по воссоединению.

Бюркель руководил партией, всей политической работой и пропагандой, включая также и политику в отношении церкви, а в вопросах государственного управления имел право давать мне указания.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы знаете о том, что вам пред'явлены обвинения, связанные с политикой, проводившейся вами в Австрии вскоре после аншлюсса. Первое из этих обвинений заключается в том, что в мероприятиях, связанных с еврейским вопросом, вы приняли участие в столь постыдном обращении с еврейским населением, а потому несете ответственность за это. Что вы можете сказать по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не могу отрицать этого, потому что в качестве начальника гражданской администрации я в пределах своей компетенции несомненно издавал распоряжения, которые имели отношение к этому. Но разрешение еврейского вопроса, как такового, Бюркель взял в свои руки, и один из представленных здесь документов показывает, что он считал еврейский вопрос непосредственно относящимся к вопросу о присоединении Австрии.

ШТЕЙНБАУЭР: В связи с этим я хочу указать еще на два документа. Один из них - № 64, на стр. 154 - это декрет фюрера о назначении Бюркеля рейхскомиссаром по воссоединению Австрии с империей. Я, в частности, ссылаюсь на ста-

H1206 – 0098

H1206 – 0099

тью 4-ю, дающую рейхскомиссару такие полномочия,которые превышают полномочия свидетеля. Второй документ - на стр. 163, документ № 67. Этот документ был уже представлен Суду за № ПС-2237. Из этого большого документа я хочу обратить внимание только на то, что все мероприятия,касавшиеся еврейского вопроса, и,в частности, в ноябре 1938 г. не имели никакого отношения к подсудимому.

Какую позицию занимал сам подсудимый, я хочу показать при помощи письменного показания, данного под присягой, присланного мне из Австралии без всякого запроса с моей стороны. Это документ № 70,на стр. 175 книги документов. Мне известна точка зрения Суда о том, что то обстоятельство,что тот или иной из подсудимых представляет Суду письма, полученные от кого-либо из евреев , не имеет большой доказательной силы по поговорке, что "одна ласточка не делает лета".

Однако,я представляю этот документ потому,что в абзаце 12-м на 4-й странице свидетель доктор Вальтер Штрикер, происходящий из очень почтенной еврейской семьи из Линца, говорит следующее:

"После моего от'езда из Австрии я слышал еще о других семьях,когда Зейсс-Инкварт оказывал евреям такую же помощь, и о том,что в мае 1938 года, когда преследование евреев приняло особенно жестокий характер,он заявил протест гаулейтеру Бюркелю".

Таким образом,это подтверждает,что такая жестокая политика преследования евреев, проводилась без участия подсудимого.

Г-н свидетель, вы знаете,что вас обвиняют в двойной игре. Каково было отношение к вам со стороны партии после аншлюсса?

13/19

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я знаю об этом обвинении, выдвигаемом против меня. В этом же обвиняли меня наиболее радикальные партийные круги, и я должен откровенно признать, что я не могу считать это обвинение непонятным. Я пытался привести к соглашению две группы, которые, как показала история, не могли притти к соглашению. Ясно, что радикальные элементы из этих групп считали, что тот, кто осуществляет такую попытку, не может быть искренним. Но еще важнее то обстоятельство, что то решение австрийского вопроса, которое было принято, не было моим решением, а было решением именно самых радикальных элементов партии. А я сам, начиная с II марта, с 8 часов вечера, участвовал в осуществлении этого решения. Поэтому понятно, что люди говорят, будто я и раньше участвовал и подготавливал это решение. Однако это неверно. Только в 8 часов вечера, после отставки Шушнига и падения системы отечественного фронта я вступил на эту почву, потому что с реально-политической точки зрения не было никакого другого выхода. В Австрии не осталось другой политической власти, кроме национал-социалистской, иначе началась бы гражданская война. Я сам приветствовал закон об аншлюссе, и это было решающим для всех моих сотрудников. 13-го марта я, разумеется, приветствовал наступивший момент. Единственный вопрос, который можно было задать себе, это относительно того, нет ли соображений, говорящих против проведения в жизнь этого закона. Я задавал себе этот вопрос, но считал, что с точки зрения внешней политики, осложнений не будет, учитывая все полученные сообщения. Все это будет вскоре забыто. Что касается внутренней политики, то такого ликования в Австрии никогда еще не было. У меня было сознание того, что ни один государственный деятель никогда еще не имел такой единой поддержки всего

13120

H1206 – 0100

H1206 – 0101

населения,какую имел я. Осуществление этого шага было полезно еще и потому,что в действительности нами правила империя и лучше было,чтобы она же и несла ответственность перед внешним миром.

ШТЕЙНБАУЭР: Подсудимый Кальтенбруннер рассказал мне, что в тот момент Гейдрих наблюдал за каждым шагом, как вашим,так и его. Верно это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Среди тех,кто в особенности не доверял нам, я говорю "нам",подразумевая и Кальтенбруннера, был Гейдрих. В 1937 г. он составил тайный отчет,который я позднее получил. В нем он говорит, что решение австрийского вопроса в национал-социалистском духе неизбежно. Единственным препятствием могла бы явиться политика государственного советника Зейсс-Инкварта,потому что он был бы в состоянии вызвать к жизни нечто вроде австрийского национал-социализма. После аншлюсса ко мне была приставлена так называемая команда охраны, единственной задачей которой являлось постоянно информировать Гейдриха о том,что я делаю. Я так же мало мог возражать против этого,как против того, что хотя я был министром безопасности, мои телефонные разговоры все же подслушивались.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите,играя,якобы,главную роль во всем этом деле, какое вознаграждение вы получили за вашу деятельность. Дали ли вам имение или принятую в подобных случаях награду в 100.000 марок? Получали ли вы когда-либо что-нибудь подобное?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, об этом не может быть и речи.Наградой мне служит тот факт,что я служу делу великой Германии.

ШТЕЙНБАУЭР: Я все же хочу спросить конкретно. Вы когда-нибудь, что-либо получали?

13121

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. В день моего 50-летия...

ШТЕЙНБАУЭР: Но вы получили титул?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Вы подразумеваете "группенфюрер СС"? 15 марта я получил почетное звание группенфюрера СС.Должен сказать,что я не стремился к этому и не проходил никаких испытаний и других формальностей. Вообще почетный ранг в СС не означает принадлежность к общей СС. Это не дает ни административной, ни дисциплинарной власти. Это я сам узнал, когда я жаловался Гиммлеру на Бюркеля - письмо это представлено - и требовал следствия и когда Гиммлер сказал мне, что я не имею никакой дисциплинарной власти в отношении Бюркеля и что у меня чисто почетное звание.Сам я для общей СС...

ШТЕЙНБАУЭР: Этого достаточно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, насколько я понял,подсудимый сказал, что он получил должность второстепенного значения - обеспечивать Гейдриха отчетами.В чем заключалась эта должность второстепенного значения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Гейдрих представил секретный отчет обо мне. Нет,простите, у Гейдриха была команда по охране...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, что Гейдрих в 1937 г. издал секретный отчет относительно Австрии,а затем сказал,что разрешение этой проблемы было неизбежным,если бы не политика,проводимая Зейсс-Инквартом.Это было основное содержание его,не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не совсем понял вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И после этого,как я понял вас,вы сказали, что вы получили должность второстепенного значения - обеспечивать Гейдриха отчетами.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, Гейдрих прислал ко мне 4 или 5 своих людей для того,чтобы они сопровождали меня.Это был некий охранный караул. Эти охранники,согласно его прика-

H1206 - 0102

H1206 -0103

ву,должны были сообщать Гейдриху все то, что я делаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вероятно, я неправильно понял поступивший ко мне перевод.

ШТЕЙНБАУЭР: Следовательно,можно сказать, что за исключением назначения вас СС-группенфюрером, вы не получили никакого отличия,за исключением того, что вам было обещано назначение на пост имперского министра не позднее,чем через год.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это обещание было дано в конце апреля 1938 г. Я перехожу к вопросу,затронутому во время перекрестного допроса г-на рейхсмаршала. До 13 марта 1938 г. я не получал никакого обещания от кого-либо из империи и никому ничем не был обязан.

ШТЕЙНБАУЭР: Этим я могу закончить главу об Австрии и только вкратце коснусь вопроса о Чехословакии.

На основании цитаты из поздравительного письма Генлейну, вам вменяется в вину, что вы активно участвовали в присоединении Чехословакии.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Что касается сентября 1938 г.,то я не принимал никакого участия за исключением того, что я, как рейхсштаттхальтер Австрии,принял беженцев из пограничных районов, разместил их в Австрии и занимался их снабжением и питанием. С Генлейном и некоторыми другими руководителями я был знаком лично,но не вмешивался в их политику и не знал подробностей их взаимоотношений с империей.

ШТЕЙНБАУЭР: Что вы можете сказать относительно Словакии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Отношения между Веной и Прессбургом были очень хорошими еще раньше, при существовании старой Австро-Венгрии. У меня лично были родственники в Прессбурге.Немцы и словаки хорошо знали друг друга. В частно-

сти,мы знали о недовольстве словаков тем,что обещание,данное в Питтсбурге,не было выполнено и что Словакия не получила полной автономии. Священник Глинка выступал за полную автономию Словакии и почитается там,как святой. Его поддерживало по крайней мере 3/4 словацкого населения. Он требовал полной независимости от пражского парламента и введения словацкого государственного языка. После марта 1938 г. или, точнее, после сентября 1938 г. я узнал лично некоторых словацких политических деятелей, а именно доктора Тиво,доктора Чурчанского и еще, может быть,некоторых других. Сам фюрер однажды меня просил ориентировать его в области чехословацких условий и обстановки, и я поручил подготовку этой информации двум моим сотрудникам,которые имели тесные личные связи со Словакией.

В марте 1939 г. я с Сидором и доктором Тиво имел переговоры, когда они захотели встретиться со мной для того, чтобы обсудить перспективы взаимоотношений Берлина с Прагой и возможные последствия этого для Словакии. Так,по крайней мере,сказали мне те мои сотрудники, которые передавали мне это приглашение. При этих переговорах шла речь о возможности столкновения между Прагой и Берлином и об опасениях относительно целостности словацкой территории, потому что имелась опасность,что Венгрия,а также и Польша используют такую возможность для того,чтобы захватить словацкую территорию. Словаки хотели точно узнать,каковы намерения Берлина и каким образом они могут сохранить независимость своей страны. Я говорил с этими господами очень откровенно,но не в том смысле, что я настаивал на том, чтобы они об'явили себя независимыми,т.к. это решение надо было предоставить самим словакам,а в том смысле,что я коснулся вопроса о том,имеются ли противоречия между сло-

H1206 – 0104

H1206 – 0105

вацкими и немецкими интересами и констатировал,что таких противоречий нет.

ШТЕЙНБАУЭР: В этой связи я хотел бы сослаться на два документа. Один из них № 71 на странице 181. Это ссылка на Питтсбургский договор. Второй документ № 72,страница 183, который представлен Обвинением под № США-112, как доказательство того,что подсудимый имел какие-то нелегальные связи со словацкими официальными лицами.

Г-н свидетель,вы знаете эти документы. Это отчет графа Галифакса от 21 марта 1939 г. Кто был тогда в Братиславе вместе с вами и были ли вы там вообще?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В то время государственный секретарь Кеплер был послан в Вену с поручением поставить перед словацким правительством некоторые вопросы,после того,как и я и Бюркель отказались взять на себя такое поручение. Это был один из немногих случаев,когда я был согласен с Бюркелем. На меня,как на главу администрации,была возложена задача подготовить это посещение в Прессбурга, и была договоренность о том,что статс-секрстарь Кеплер поедет в Прессбург в моей машине. Я и Бюркель сопровождали его. Генералы вооруженных сил не принимали участия и вообще не было никого из немецких вооруженных сил. Запись об этих переговорах,казалось бы,должна быть правильной.

ШТЕЙНБАУЭР: В документе говорится "пять немецких генералов".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это неправильно.

ШТЕЙНБАУЭР: Это неправильно. Я хочу обратить внимание Суда на то, что как словацкий министр Сидор, так и позднейший президент Тисо оба единодушно заявляют в документе,что они вели переговоры с одним Бюркелем. Имя Зейсс-Инкварта вообще не упоминается. Итак,подводя итог, я могу спросить

вас - значит вы не осуществляли в отношении Чехословакии или Словакии той деятельности, какая вменяется вам в вину?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Во всяком случае, я не думаю, чтобы при представлении интересов империи, я переходил те границы, которые допускаются в этих случаях.

Представляя интересы германской империи, я не переходил границ, которые должны быть установлены для каждого, кто защищает справедливые интересы?

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю вас. Затем вы в 1938 году, 1 мая 1939 г., стали министром без портфеля? Это верно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы когда-либо участвовали в заседаниях кабинета или в заседаниях тайного совета обороны?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Их не происходило.

ШТЕЙНБАУЭР: Оказали ли вы какое-либо влияние на принятие решения относительно нападения на Польшу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Никоим образом.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда затем началась война с Польшей, вы когда-либо высказывались по этому поводу перед Гитлером?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Около середины сентября я написал Гитлеру письмо. Я надеюсь, что это письмо также сохранилось в моих венских документах. Я читал копию его, примерно, полтора года тому назад и хорошо помню его содержание. Я обратил внимание Гитлера на то, что в немецком народе не наблюдается никакого воодушевления, а наоборот, самая серьезная озабоченность, потому что эта война будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Я высказал свое мнение, что эта война не сможет быть решена на полях сражения, а что она должна быть решена политическими средствами и что базой для политического решения является союз с Советским Союзом, который должен, по возможности, перейти в военное соглашение.

13126

H1206 – 0106

H1206 – 0107

При этом необходимо учитывать, что Советский Союз никогда не откажется от своих интересов на Балканах,точно так же, как царская Россия, и что пан-славизм также играет определенную роль, вследствие чего при решении польского и чешского вопросов необходимо считаться с Россией. Я считал необходимым сохранить пояс из нейтральных государств.Тогда война ограничится узким Западным фронтом и сама по себе прекратится. Итальянская политика не должна вестись за счет Германии,а необходимо достигнуть соглашения с Грецией и Турцией. Англия не может быть разбита ни путем воздушных налетов, ни путем подводной войны и чтобы вынудить ее к заключению мира, необходимо было бы захватить ее позиции на Средиземном море.

ШТЕЙНБАУЭР: Получили ли вы от фюрера ответ на это письмо?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не получил никакого прямого ответа от фюрера. Но однажды он в разговоре сделал замечание,из которого было видно,что он получил это письмо. Он сказал мне: "Я вовсе не хочу уничтожить британские мировые владения", из чего мне стало ясно, что он неправильно понял мое письмо.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель,мне кажется,что сейчас удобно сделать перерыв?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

/ Об'является перерыв до 14.00/.

ВЖ

13124

H1206 – 0108

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 10 июня 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель! Последним пунктом, который мы обсудили, было Ваше отношение к вопросу о Чехословакии. Вы говорили о Вашей должности имперского наместника в Вене, Вы рассказали также о Ваших плохих отношениях с Беркелем, которые побудили Вас заняться другой деятельностью. Вы прибыли в Польшу. Каковы были Ваши функции в Польше?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Сначала я был назначен начальником администрации южной Польши. Это должна была быть военная администрация. Эта администрация, однако, не была вовсе создана. Сразу было создано Генерал-губернаторство и я был назначен заместителем Генерал-губернатора. Круг моих задач изложен в законе, однако, он, безусловно, зависел от того, в какой степени генерал-губернатор использовал меня как заместителя. Он это сам констатировал на одном из совещаний 19 января 1940 года.

ШТЕЙНБАУЭР. Я хочу в связи с этим указать на документ № 73, на стр. 185. Это выдержка из дневника доктора Франка, где он на странице 14-й описывает функции Зейсс-Инкварта и на странице 30-й заявляет, о чем он повторил здесь мне лично, что за то, что происходило там, отвечает он.

Таким образом, Вы стали заместителем генерал-губернатора и были по занимаемой должности выше других. Вы много имперским

H1206 – 0108

H1206 – 0109

министром и осуществляли деятельность, которая, как мы слы - шали здесь, заключалась в составлении отчетов. За № 2278-ПС Вам предъявляется отчет, который Вы составили и на основании которого Вам инкриминируются известные пункты. Я прошу Вас высказаться по поводу этого отчета о поездках.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Этот отчет написан моим секретарем. Я его, безусловно, читал.

ШТЕЙНБАУЭР. США-706.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне, между прочим, инкриминируется то, что губернатор Люблина сделал предложение вывезти евреев из Люблина в район Кирова, чтобы убить там каждого десятого из них. Обвинение само указывает на то, что обвинение распро - страняется и на автора этого предложения. Это не было офи - циальным отчетом какого-либо заседания. Киров был районом поселения группы немцев, и я не подозревал того, что евреи были переведены в этот район для того, чтобы они постепенно вымирали вследствие тяжелых климатических условий. Но мне было известно, что губернатор хотел вселить из Люблина очень многочисленное еврейское население, о специфическом намерении "убить каждого десятого" я не помню. Губернатор Радома доложил мне, что обнаруженные лица, совершившие тяж - кие преступления, были расстреляны. Это верно, он мне об этом сообщил. У меня было впечатление, что это произошло по реше- нию тогда еще существовавших полицейских судов. Но в этом же отчете имеются различные места, где я постоянно обращал вни- мание на то, что следует ввести немецкие суды и что ни один приговор не должен быть приведен в исполнение без судебного подтверждения. Я думаю, что тогда в Радоме я, наверное, и сказал это, только вот в отчете это не упоминается. Меня об-

виняют в том, что я хотел монополизировать некоторые необходимые продукты, как соль и т.д. При хозяйственном хаосе, который мы обнаружили в Польше, это желание было вполне понятным. Мы должны были организовать натуральное хозяйство, поставлять сельскохозяйственному населению известные продукты с тем, чтобы оно поставляло продукты питания для городского польского населения.

Я указывал на то, что я настаивал на восстановлении польской организации помощи старым людям, которая существовала до этого в Польше, и на предоставление этой организации 9-ти миллионов злотых, автомашин и т.д., и, кроме того, я говорил о том, что принудительный труд возможно быстрее должен быть заменен нормальным, обычным трудом.

ПТЕЙНВАУЭР. Господин свидетель, в польском вопросе играет большую роль так называемая акция "АБ". Это - сокращенное название "Особые меры по умиротворению". По времени эту операцию можно отнести к первому Вашей деятельности в Польше. Я хочу Вас спросить, знаете ли Вы что-нибудь о ней?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это дело происходило в самое последнее время моего пребывания в Польше. С началом норвежской кампании движение сопротивления поляков, особенно усилившееся в период Западной кампании, стало очень активным. Полиция безопасности потребовала активного вмешательства путем принятия самых строгих мер. Возражение Бюлера, о котором он здесь сообщил в качестве свидетеля, действительно имело место. Но я слова генерал-губернатора понимал всегда так, как этого хотел Бюлер. Однако, Бюлер имел полное право указать на это, так как, возможно, что полиция из этих слов сделала вывод о своих более широких полномочиях, чем те, которые генерал -

H1206 - 0110

H1206 – 0111

губернатор хотел дать ей. Доктор Франк всегда был против приговора полицейских судов. Он учредил собственную контрольную комиссию, председателем которой был я до конца моего пребывания в Польше. Иногда мы отменяли до половины вынесенных приговоров.

ШТЕЙНБАУЭР. Сколько времени Вы вообще были на посту заместителя Франка?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. По-моему, десять дней.

ШТЕЙНБАУЭР. Десять дней. Я думаю, что я могу комплекс вопросов о Вашей деятельности в Польше закончить кратким вопросом: Проводили ли Вы какие-нибудь мероприятия, которые можно назвать эффективными, которые были в интересах польского народа?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Зимой 1939/40 года в польских городах царил голод. Я лично обратился к статс-секретарю Беку и добился один раз 6.000 тонн зерна для крупных городов. Я говорил с рейхсмаршалом Герингом и фюрером относительно того, чтобы город Лодзь оставался в ведении генерал-губернатора, а также и угольный район западнее Кракова.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я перехожу к главному пункту Обвинения. Это вопрос о Вашей деятельности в Нидерландах. Мой первый вопрос сводится к следующему: Каким образом Вы вообще стали рейхскомиссаром в Нидерландах?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Фюрер назначил меня на этот пост.

ШТЕЙНБАУЭР. Где Вы находились тогда?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я находился в служебной поездке по Генерал-губернаторству и был вызван доктором Ламмерсом в главную ставку.

ШТЕЙНБАУЭР. Следовательно, Вы об этом не просили?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я совсем не думал об этом. Я тогда как раз просил фюрера разрешить мне пойти на военную службу.

ШТЕЙНБАУЭР. Да. Однако, Ваше ранение помешало Вам стать военнослужащим?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я надеялся, что я все-таки смогу найти там какое-либо применение для себя.

ШТЕЙНБАУЭР. Каковы были те инструкции, которые Вы получили от фюрера относительно этого Вашего поста?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Эти инструкции точно изложены в представленном Обвинением документе 997-ПС.

ШТЕЙНБАУЭР. Это - документ РФ-122.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я должен был руководить гражданской администрацией и в ее рамках соблюдать интересы империи. Я получил также политическое задание, а именно - заботиться о поддержании независимости Нидерландов и добиться того, чтобы они заменили свое дружественное отношение к Англии дружественным отношением к Германии, на основе особенно тесной экономической связи.

Я хочу сослаться на третий абзац документа, в котором я указывал на трудности этих обоих поручений и на род их согласованности друг с другом. Я указывал на то, что их нельзя было так легко согласовать между собой. Оккупационные власти требовали прекращения всякой общественной деятельности и создания определенной политической идеологии, но обеспечения таких свобод, чтобы окончательным результатом было собственное решение Нидерландов. Таким образом, я не имел намерения навязывать Нидерландам свою определенную политическую идеологию.

ШТЕЙНБАУЭР. Это поручение фюрера было позже как-нибудь изменено?

H1206 – 0112

H1206 – 0113

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это поручение никогда не было изменено.

ШТЕЙНБАУЭР. Каким образом Вы выполняли это поручение в политическом отношении? Привлекали ли Вы к сотрудничеству существование в Нидерландах партии.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. За исключением марксистских партий, я разрешил дальнейшее существование всех партий и создал им всем возможности для их деятельности, насколько это было возможно в интересах оккупационной державы. Особенно я способствовал деятельности национал-социалистских партий.

ШТЕЙНБАУЭР. Обвинение инкриминирует Вам, что Вы в своих речах излагали некоторые вещи в другом свете, чем Вы это делаете теперь в своих показаниях. Так, например, утверждается, что Вы пытались навязать голландцам национал-социализм, - я сослался на документ ПС-3430, США-708, это документ № 76, на стр. 197 моей книги документов.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Совершенно верно. То, что я поставил себе целью и прокламировал в своих речах, на практике не было осуществлено и не было осуществимо. Но возможно, что в Нидерландах это произвело такое впечатление, что я хотел навязать им национал-социализм, так как я в конечном счете разрешил существование только национал-социалистской партии, а остальные партии должен был запретить. Но я никогда не использовал государственные средства насилия по отношению к какому-нибудь нидерландцу с целью *по*требовать от него того, чтобы он стал национал-социалистом, и принадлежность к национал-социалистской партии я не делал предпосылкой для возможности пользоваться теми общими правами, которые имел какой-либо нидерландец. Об этом я, между прочим, говорил в своей речи. Я сказал: "Я буду всегда действовать, как нацио-

нал-социалист. Это, однако, не означает, что я хочу навязать хотя бы одному человеку национал-социализм. Национал- социализм - это дело внутреннего убеждения. Существуют две группы организаций - политические, где я придаю значение тому, чтобы каждый член их был национал- социалистом, это исключительно добровольные организации. И профессиональные организации, где абсолютно все равно, какое мировоззрение имеет этот человек, лишь бы он выполнял все задачи в области своей профессии."

ШТЕЙНБАУЭР. Почему и когда Вы распустили политические партии в Нидерландах?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это произошло во второй половине 1941 года. С начала восточного похода все политические партии, за исключением национал-социалистских, заняли активную враждебную позицию по отношению к оккупационной державе. Терпеть такое положение в интересах оккупирующей державы было невозможно более. Я думаю, что следует учесть все/же то, что я в течение 1½ лет не запрещал деятельности этих партий, которые являлись ничуть не менее враждебными национал-социализму, чем сегодня национал-социализм враждебен по отношению к демократическим партиям.

ШТЕЙНБАУЭР. Верно ли, что Вы односторонне поддерживали партию НСБ /национал-социалистский союз/?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это совершенно верно, если речь идет о политической пропаганде. Это не верно, если речь идет о государственных задачах. Меня обвиняют в создании так называемого народного политического секретариата. Это были национал-социалистские советники моей администрации, которые не имели никакого влияния на нидерландскую администрацию. Я пресекал такие попытки.

13134

H1206 – 0114

H1206 – 0115

ШТЕЙНБАУЭР. Несмотря на это, разве не ставили на государственные посты отдельных голландских национал-социалистов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это верно и для меня само собой понятно, так как я должен был искать себе сотрудников, на которых я мог положиться. Но они не подчинялись приказам партии, наоборот, в большинстве случаев имелись известные противоречия между ними и партийным руководством. Я в противовес настойчивым мнениям других не организовал также национал-социалистское нидерландское правительство, как это произошло в Норвегии. Главным образом я не сделал этого потому, что некоторые нидерландские господа, такие, как генеральный секретарь фон Дамм, президент Верховного Суда фон Лоэн, президент совета культуры профессор Пейдер, убедили меня в неправильности такого шага.

ШТЕЙНБАУЭР. Г-н свидетель, здесь был допрошен президент фон Форинк, который говорил о политике эксплоатации, которую Вы проводили. Верно ли это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Использование национал-социалистских партий на благо германской политики действительно имело место. Мною наблюдались и констатировались такие явления. Я сожалел об этом, но не мог воспрепятствовать этому. Германские оккупационные власти должны были провести ряд мероприятий, которые были угнетающими для нидерландцев и поэтому дискредитировали наших нидерландских друзей.

ШТЕЙНБАУЭР. Что Вы можете сказать о предъявленном Вам обвинении в унифицировании всех культурных учреждений?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это обвинение частично, безусловно, верно. С запрещением политических партий стало невозможным

и большинство организаций представителей свободных профессий, так как в Нидерландах в основе разделения всех организаций объединения шахматистов включительно лежал политический принцип. В интересах оккупационной державы я должен был создать новые контрольные органы. Может быть, недостатком моей фантазии объясняется то, что эти вновь созданные органы были очень похожи на их образцы в империи. Однако, я использовал эти организации лишь для контроля. Я никогда не требовал от них политического сотрудничества. Я не только не ставил в зависимость от этого профессиональную деятельность, но не требовал даже принудительного сбора членских взносов.

Я признав, что мы сделали две ошибки, исходящие из двух ошибочных мнений. Во-первых, мы ошибались в том, что наш порядок, установленный оккупационными властями, правильный или по крайней мере более лучший. Во-вторых, мы ошибались в том, что в оккупированной стране может развиваться наша собственная политическая идеология. Поэтому наша политика провалилась.

ШТЕЙНБАУЭР. Какие учреждения Вы создали там?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я создал палату культури, палату врачей, палату аптекарей, сельскохозяйственную палату, а также организацию трудового фронта. Но это была добровольная организация, и члены ее могли в любой момент уйти из нее, если хотели.

ШТЕЙНБАУЭР. Следующее обвинение, которое Вам предъявлено - это обвинение в германизации. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Во-первых, я должен кое-что разъяснить.

13136

H1206 – 0116

H1206 – 0117

По-английски говорят-"джерман", а по-русски - "немецкий", то и другое означает /дейтч/ - германский. Если мы говорили о германизации, то мы думали не об онемечении, а о политическом и культурном объединении так называемых германских народов на основе взаимного равноправия. О том, почему вмешивались во все дела, я говорил в одной своей речи. Это документ 103. "Почему немцы во все вмешиваются в Нидерландах?" И тогда объяснял, что в этой тотальнейшей войне существуют моменты крайнего напряжения ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой это странице?

ШТЕЙНБАУЭР. Это все еще документ США-708, который не переведен, но предъявлена целая книга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У этого документа имеется номер ПС?

ШТЕЙНБАУЭР. Это документ 3430-ПС, предоставленный как США-708. Это книга, которая называется "Четыре года в Нидерландах". В ней собраны речи свидетеля, некоторые из них были предъявлены обвинением и в отношении этих речей свидетель дает показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Существуют моменты напряжения, во время которых вообще исчезает всякое разграничение между тем, что является важным с точки зрения войны и тем, что является частным и гражданским делом. Мне было совершенно ясно, что всякая возможность общественной деятельности может быть расценена или в пользу или против оккупационной державы, и что, поэтому, я должен взять ее под свой контроль.

ШТЕЙНБАУЭР. Имелись ли также попытки со стороны руководства НСДАП/б/ империи оказать свое влияние на Вашу администрацию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Заграничная организация НСДАП в Нидерландах превратилась в центр деятельности, поддерживавший политику национал-социалистской нидерландской партии во всех отношениях. Таким образом, особого непосредственного влияния НСДАП не имела.

ШТЕЙНБАУЭР. Это самое существенное. Теперь мы переходим непосредственно к администрации. Какие компетентные органы имелись в Нидерландах?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вопросы гражданской администрации входили в компетенцию рейхскомиссара. Всеми военными вопросами ведал командующий войсками. Самостоятельную область своих задач имела полиция. Командующий войсками имел полное право вмешиваться во все вопросы, а с июля 1944 года к нему перешла часть исполнительной власти. Полиция находилась в моем распоряжении во главе с начальником СС и полиции. Он был назначен фюрером по предложению Гиммлера. Со мной заранее не советовались о его назначении. Полиция оставила за собой полное право контроля, это означало: если я давал ей поручение, то она проверяла, согласуется ли это поручение с теми директивами, которые Гиммлер дал непосредственно начальнику СС и полиции. Затем имелся также круг вопросов, связанных с 4-х летним планом. Эти функции выполнял генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, существовал также отдел министерства вооружения.

ШТЕЙНБАУЭР. Да, и затем, как имперская организация, существовал также эйнзацштаб Розенберга и штаб Шпеера, которые следует перечислить для полноты картины.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это и был министр вооружения - Шпеер. Существовали еще отдельные мелкие особые отделы.

13138

H1206-0118

H1206 - 0119

ШТЕЙНБАУЭР. Вы были как-бы исполнительным органом вышестоящих инстанций?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я был не обычным чиновником, а ответственным лицом империи в области гражданской администрации. Может быть, в первые месяцы берлинские инстанции работали через мою голову, но затем я так сконцентрировал у себя все управление, что в области гражданской администрации не делалось ничего, на что я не давал своего согласия. Фрер открыто признал это и я замечу, что не следует делать такого же вывода в отношении остальных оккупированных областей. Я убежден, что в восточных областях и в Генерал - губернаторстве положение было совсем иное.

ШТЕЙНБАУЭР. Какие возможности были у Вас в отношении создания такой администрации?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Инициатива и объем запросов империи исходили, конечно, от соответствующих имперских центральных инстанций. Эти требования я обсуждал со своими сотрудниками, привлекая к этому также и нидерландские организации. Мы сделали одно контрпредложение, которое мы считали более приемлемым для Нидерландов. Хотя империя всегда требовала значительно больше, но мы старались не превышать пределы возможного. До 1943 года все требования выполнялись самими голландскими властями. Я не давал своим властям права требовать выполнения этих запросов империи, и лишь после того, как требования стали очень велики, [illegible] я не мог доверить их выполнение нидерландским властям.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я возвращаюсь к вопросу о полиции, в отношении которой Вы уже упомянули, что она подчинялась непосредственно Гиммлеру.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вы спросили, какие возможности были у меня?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. У меня были две возможности. Королева Голландии и нидерландское правительство уехали в Англию. Я мог бы назначить новое нидерландское правительство, как в Норвегии, или же я должен был сам стать во главе администрации. Я выбрал последнее.

ШТЕЙНБАУЭР. Как вы реорганизовали существовавшую нидерландскую полицию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В то время, как германская полиция была независимой от меня, нидерландская полиция, подчиняясь мне. Но, само собой разумеется, контроль за нидерландской полицией я передал также начальнику СС и полиции, и, в частности, моему генеральному комиссару безопасности. Нидерландская полиция была разделена на 3 или 4 отдела. И, в интересах оккупационной державы, она была реорганизована.

ШТЕЙНБАУЭР. Что представляла из себя государственная охрана?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Государственная охрана - это был отряд самозащиты нидерландских национал-социалистов. В 1943 году имели место тяжелые случаи террора по отношению к национал-социалистам, - совершались страшные убийства. Была опасность контртеррора, о котором мы слышали из Дании, и у нас в Нидерландах имели место некоторые такие случаи. После этого я приказал организовать государственную охрану "ландвахт", которая как вспомогательная полиция, подчиняющаяся дисциплине, имела своей задачей контролировать уличное

13140

H1206 - 0120

H1206 – 0121

движение ночью, охранять железные дороги и т.д. Следствием этого было то, что эти акты террора действительно почти совершенно прекратились и в дальнейшем до середины 1944 года не возникали затруднения.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, мы теперь переходим к очень важному разделу...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите сослаться на документ 101. На этом документе основано обвинение против меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 101 – это правильный номер?

ШТЕЙНБАУЭР. Г-н председатель, речи, которые цитирует свидетель, я отдал для отпечатания их в нескольких экземплярах, так как они, собственно говоря, уже пред"явлены Суду, но перевод еще не получен, так как хотят перевести письменное показание, данное под присягой, полностью.

Поэтому этого документа нет здесь, но надеюсь, что завтра утром я его смогу предоставить Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У него есть номер ПС или какой-нибудь другой номер?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, это все та же книга под № США-708. Обвинение использовало лишь отдельные предложения из этих речей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Обвинение цитировало страницу 167: "1 августа 1943 года я произнес речь, в которой я сообщил о тех особых мерах, которые должны были принести трудности и ограничения для голландцев, и обвинение считает, что с этим связаны расстрелы, которые имели место позднее". Это – ошибка. Ограничением, о котором я тогда говорил, было лишь запрещение пребывания нидерландцев за пределами своей

провинции, целью которого было не допустить проникновения банд террористов с Северо-Запада на Восток. Это было как раз во время отпусков, поэтому является ограничением для нидерландцев.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я перехожу к следующему вопросу. Изменили ли Вы существующую организацию судов и злоупотребляли Вы ею?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я принял организацию нидерландских судов такой, какой она была, и ничего не изменял в ней. Нидерландское право было, по общему признанию, на очень высоком уровне. Лишь в двух случаях я сделал некоторые дополнения. Нидерландские судьи показали свою некомпетентность по вопросам экономического положения. Например, однажды банда спекулянтов, которая закололо большое количество скота и продала его на черном рынке, была оштрафована в размере двух-сот гульденов. Я тогда назначил собственных судей по экономическим делам — нидерландцев, которые были более компетентны в экономических вопросах и лучше понимали экономические трудности. Порядок судопроизводства не был изменен. Конечно, мы ввели и свои собственные суды, как это делает каждая оккупационная страна.

ШТЕЙНБАУЭР. Таким образом, у Вас были нидерландские суды, немецкие суды для немцев, находившихся в Нидерландах, и полицейские суды?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, но немецкие суды судили также и нидерландцев, которые совершали преступления против оккупирующей державы.

ШТЕЙНБАУЭР. На этом процессе утверждалось, что вследствие приговоров этих судов имели место 4.000

H1206 – 0122

H1206 – 0123

смертных казней, за которые виновные должны 16.
понести ответственность.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это совершенно неверно. Если я суммирую все смертные приговоры, которые были вынесены немецкими судами, полицейскими судами и военными судами и приведены в исполнение, и если я к этому еще добавлю те случаи, в которых [illegible] при столкновении с исполнительной властью были убиты нидерландцы, то, по данным начальника СС и полиции, до середины 1944 года это составляет не более 800 случаев за четыре года, т.е. меньше, чем обошелся один воздушный налет на город Неймеген. Расстрелы последовали позже.

ШТЕЙНБАУЭР. Вы пользовались также правом помилования, имели даже собственный отдел для этого?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Я хочу в этой связи предъявить документ 75 на странице 190 книги документов. Это - письменное показание под присягой советника судейской палаты Рудольфа Фри[illegible], который был референтом рейхскомиссара по делам о помиловании. Из этого документа я хочу зачитать два абзаца на странице 2-й, третий абзац: "При осуществлении права помилования рейхскомиссар исходил из того, что это одно из благороднейших прав главы государства и в особой мере способствует тому, чтобы установить хорошие, доверчивые отношения между немцами и голландцами. Вначале он, поэтому, во всех случаях, на основании представленных ему отчетов об обстоятельствах дела всегда лично давал своему отделу, ведавшему вопросами помилования, указание о помиловании. Через два-три месяца он передал осуществление права помилования руководителю отдела, ведавшего вопросами помилования, со следующими исключениями: 1)прекращение процессов, 2) решение в

отношении смертных приговоров, 3) решение принципиальных вопросов, 4) решение в отдельных случаях (192 стр. русского текста).

"Не был приведен в исполнение ни один смертный приговор, без наличия кассационных жалоб и проверки решения".

И затем на странице 5 последний абзац:

"Так как сотрудничество с нидерландскими судебными властями показало, что им можно было доверять, то рейхскомиссар постепенно передал по-существу право помилования голландскому министру юстиции, и судя по большому потоку корреспонденции..., я видел, что Гестапо были предприняты такие полицейские акции, которые исключали законное правосудие. В таких случаях я собирал материал и использовал его для того, чтобы передать попавших в Гестапо лиц обычному судопроизводству для пересмотра вынесенного по их делу приговора. Такое мое вмешательство имело успех. Это являлось для меня доказательством того, что имперский комиссар был противником зверских полицейских мер Гестапо и сторонником обычного судопроизводства". Я думаю, мы можем закончить этот раздел юстиции и перейти к финансовым вопросам.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Важное значение имел еще приказ фюрера, который отменял суды.

ШТЕЙНБАУЭР. Пожалуйста, говорите, о чем Вы хотели еще сказать? Гейсс-Инкварт. Да, это крайне важно. После стачки в Амстердаме я предусматривал организацию военно-полевого суда по этому делу. Это не изобретение новейших времен, это общий судебный порядок же в условиях чрезвычайного положения, который существует в судопроизводстве любой страны. Военно-полевые

H1206 – 0124

H1206 - 0125

суды имели особую структуру. Во-первых, там имелся обычный судья, во-вторых, там допускался так же защитник, который мог быть голландцем. И, в-третьих, должен был быть проведен доказательственный процесс, и если вопрос о виновности не был решен, то это дело передавалось обычному суду. Эти военно-полевые суды действовали всего 14 дней по поводу всеобщей забастовки в мае 1943 года. Многочисленные расстрелы, последовавшие затем, не относятся к деятельности военно-полевых судов. Они были предусмотрены также на случай чрезвычайного положения, если Нидерланды вновь станут театром военных действий. В это время был получен приказ фюрера, который был опубликован в приказе верховного командования вооруженных сил. Это документ ПС-1155. Простите, это неверно,- ПС-835.

Фюрер 30 июля 1944 года распорядился о том, чтобы все лица негерманского происхождения, проживающие в оккупированных областях и виновные в совершении актов террора или саботажа, были переданы полиции безопасности. Против этого приказа протестовали начальник СС и я, так как мы ясно сознавали его вредные последствия, особенно в Нидерландах. Этот приказ заставил бы нидерландцев уйти в подпольные организации. Начальник СС и полиции в течение ~~4 - 6~~ недель не выполнял этого приказа. Затем он получил от Гиммлера строгий выговор и с этого момента он должен был выносить приговоры по делам нидерландцев, арестованных за саботаж и нелегальную деятельность, и во всех случаях расстреливать их. Этим об"ясняются крупные масштабы расстрелов, но я не думаю, что их было 4 тысячи. Когда я имел возможность, то я указывал полиции безопасности, что при проведении этого приказа нужно быть

очень осторожным. Я не получал сведений об отдельных случаях. У меня было такое впечатление, что это было 600-700 случаев.

ШТЕЙНБАУЭР. Если я Вас правильно понял, это было делом полиции, которое непосредственно...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Во всяком случае оно не относилось к области моей компетенции и моего влияния. Если я тогда давал поручения полиции безопасности в каком-либо месте расследовать нелегальное движение, то я знал, что тот или иной голландец, который руководил движением, будет расстрелян полицией без расследования с моей стороны или со стороны судебных органов. Однако я не мог отказаться от охраны безопасности оккупационных властей, так как на то был приказ фюрера.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я перехожу к разделу "Финансовые вопросы". Вам представлен документ, где некий господин Трип заявляет о своем уходе в отставку. Кто этот господин?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Г-н Трипа был президентом голландского банка, т.е. валютного банка, и генеральным секретарем по финансам. Я думаю, что, если назвать имена первых лучших банковских деятелей мира, то следует назвать и господина Трипа. Это исключительная личность, и он относится к тем людям, которых называют сегодня голландскими патриотами.

ШТЕЙНБАУЭР. Он был генеральным секретарем финансов.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. До марта 1941 года он был генеральным секретарем по финансовым вопросам. В своей первой речи к генеральным секретарям я заявил, что ни от одного генерального секретаря я не требую, чтобы он делал что-либо, что противоречит его совести. Если он считает, что он что-либо не

H1206 – 0126

H1206 – 0127

может сделать, то он может без опасения пойти в отставку.

Я требую лишь лойяльного выполнения моих приказов, до тех пор, пока он находится на должности. Господин Трип оставался на своей должности до марта 1941 г., затем он ушел в отставку, так как чего-то он не хотел более выполнять. Это ничуть не отразилось на его положении.

ШТЕЙНБАУЭР. Кто был его преемником?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вся деятельность г-на Трипа в период до марта 1941 г., по моему мнению, во всех отношениях может быть оправдана, так как иначе он, безусловно, не делал бы этого. Его преемником был назначен г-н Рост фон Тоннинген. Рост фон Тоннинген был комиссаром Лиги Наций в Австрии и в его компетенцию входила примерно такая же сфера деятельности, которую он получил от меня в Голландии.

ШТЕЙНБАУЭР. Каково было положение с оккупационными расходами?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я договорился с г-ном Трипом о том, что для гражданской администрации я ежемесячно буду получать три миллиона гульденов, к этому следует также добавить около 20 миллионов штрафа. За первые три года я сэкономил 60 миллионов гульденов, которые остались в Голландии как моя собственность. В отношении оккупационных расходов я не имел права контроля. Их всегда затребовала ОКВ в министерстве финансов и я получил приказ предоставлять эти деньги в его распоряжение. В 1941 г. империя потребовала также выплаты косвенных оккупационных расходов. Она придерживалась той точки зрения, что следовало покрывать не только те расходы, которые были связаны с оккупацией самой Голландии, но и расходы по подготовке этой оккупации в империи. Она потребо-

вала выплаты 50 миллионов марок в месяц, частично золотом. Эта выплата получила позднее название добровольной помощи восточной кампании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду марки или гульдены?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. 50 миллионов марок. Эта выплата позже по политическим соображениям получила название добровольной помощи восточной кампании. На самом деле она не была таковой. Империя затем потребовала повышения этой выплаты до 100 миллионов марок, однако, я от этого отказался.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин Трип ушел в отставку в поста генерального секретаря финансов, потому что был отменен запрет на вывоз и ввоз валюты из Германии в Нидерланды и обратно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это верно. Я получил ходатайства от моей администрации о том, чтобы для большей интенсивности товарооборота между Нидерландами и империей был ликвидирован запрет на вывоз и ввоз валюты для того, чтобы можно было без привлечения валютных банков обменивать гульдены на марки и наоборот. Такая возможность обмена существовала уже при господине Трипе, но в то время существовал контроль валютного банка, а значит и контроль нидерландского банка. Господин Трип возражал против этого, и я передал это дело в Берлин. Там решили, что эту меру нужно осуществить. Господин Трип вышел в отставку. Я назначил г-на Рост фон Тонингена президентом нидерландского банка и издал соответствующее распоряжение. Я хочу заметить, что президент финансов империи г-н Функ был против этого. В качестве пояснения я могу сказать, что нельзя было предполагать, что последствия будут столь катастрофичны, как это

H1206 – 0128

H1206 – 0129

выяснилось позднее. Нидерланды были тогда совершенно изолированы. Империя находилась в расцвете своих сил, и можно было ожидать, что марка станет ведущей валютой в Европе, и, тем самым, можно было бы предоставить гульдену ту же ценность.

В феврале 1941 года, например, ввоз из империи в Нидерланды был больше, чем ввоз из Нидерландов в империю. Имперский министр финансов Функ всегда стоял на той точке зрения, что это были настоящие долги, так что Германия при ином исходе войны должна была вернуть Нидерландам в качестве долга 4 1/2 миллиона гульденов.

ШТЕЙНБАУЭР: Если я Вас верно понял, то Ваш генеральный секретарь финансов доктор Фишбек в этом отношении действовал в противовес Трипу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не знаю, исходила ли инициатива только от Фишбека, я полагаю, что он говорил по этому поводу с другими господами, но он докладывал мне об этом.

ШТЕЙНБАУЭР: Далее, Вас обвиняют в том, что Вы, в нарушение международного права, установили коллективную ответственность и собирали коллективные денежные штрафы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Коллективные штрафы запрещены международным правом только в отношении одиночных преступников. Крупный коллективный штраф в 18 миллионов гульденов был наложен в связи с всеобщей забастовкой в Амстердаме, Арнгейме и Гильверсуме, в которой участвовало все население. Позднее я приказал возвратить обратно наложенные коллективные штрафы в том случае, если будут установлены отдельные лица, на которых падала ответственность.

ШТЕЙНБАУЭР: Можете ли Вы нам привести один такой пример из жизни?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что это может сказать свидетель Квебель. Были города в Южной Голландии, где имели место такие случаи.

ШТЕЙНБАУЭР: Обвинение далее инкриминирует Вам, что Вы ответственны за состояние в лагере заложников Михельгестель. Что Вы скажете по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: За события в лагере заложников Михельгестель я могу полностью ответить. Это не был лагерь заложников в техническом смысле слова. Тех нидерландцев, чье участие в движении сопротивления было доказано, я приказал подвергнуть превентивному заключению. Лагерь Михельгестель не был тюрьмой. Я его посещал. Заключенные лагеря играли в гольф. Они получали отпуска по случаю срочных семейных или профессиональных дел. Ни один из них не был расстрелян. Я думаю, что большинство сегодняшних нидерландских министров были в Михельгестеле. Это была разновидность превентивного заключения для того, чтобы не дать им возможность осуществлять антигерманскую деятельность.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель, Вы запретили далее оглашение пасторского послания и посадили в концлагерь священников лютеранского и католического вероисповедания?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это верно, что я запретил зачтение одного пасторского послания. В период оккупации такое запрещение может иметь место, так как в этом послании население открыто призывалось к неповиновению оккупационным властям и к мероприятиям, направленным против оккупирующей державы. Это был один-

13150

H1206 – 0130

H1206 – 0131

ственный случай. С тех пор этого больше не было, так как в пасторских посланиях уже не содержалось более таких требований. Я даже вмешался однажды и снова разрешил запрещенную полицией службу, во время которых мероприятия оккупирующей державы только критиковались, но население не призывалось к сопротивлению. Я вообще не сажал священников в концлагерь, а наоборот.

В начале 1943 года, после неоднократных настойчивых требований, я получил от полиции безопасности список заключенных в концлагерях священников. Их было всего 45 или 50 человек. В отношении 3 или 4-х стояла пометка, что они умерли в концлагере. Треть их я нашел и, на основании рассмотрения их дел, потребовал их освобождения. В отношении следующей трети я потребовал пересмотра дела в течение ближайших 6-ти месяцев, а в отношении остальной трети я не мог подать никакого ходатайства, не нарушая при этом своей ответственности перед империей. Существовали также нидерландцы-заложники, взятые в порядке репрессалий. Когда Нидерланды вступили в войну, то в Нидерландской Индии немцы были заключены в тюрьмы и, как нам было известно, с ними плохо обращались. В ответ на это империя потребовала ареста 3-х тысяч голландцев. Полиция безопасности отправила 300 арестованных в Бухенвальд. Когда я узнал о том, что смертность там довольно велика, я добился возвращения этих заложников. Они затем были размещены и содержались в таких условиях, что вообще нельзя было говорить более о какой-либо тюрьме. Они получали отпуск, и когда было нужно, я их освобождал от заключения. Под конец их осталось менее 100 человек.

ЭТТИНГАУЭР: Господин свидетель, запрещали ли Вы молиться в церквах, в частности молиться за королеву?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это не верно. Молитвы в нидерландских церквах были открытым совершением обряда. Голландцы молились о здоровьи королевы Нидерландов, желали ей счастья и благословляли ее. Они молились также о выполнении желаний, и это вполне понятно. Одновременно они молились и о рейхскомиссаре.

Меня горько обвиняли в том, что я терпел эти демонстрации. Но я не нашел ничего плохого в этих молитвах и не запрещал их. Может быть, в том или другом случае подчиненные мне власти действовали вопреки моим указаниям, но я неоднократно удерживал их от этого.

ЭТТИНГАУЭР: Это не имело бы большого значения. Но говорят о том, что Вы проявляли особую жестокость, и что Вы без суда приказали расстрелять большое количество людей. Что Вы скажете по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Насколько я помню, действительный расстрел заложников имел место лишь один раз, когда были расстреляны лица без какой-либо причинной связи с преступлением, а именно: в августе 1942 года. Об этом случае здесь уже говорили. Этот расстрел произошел непосредственно после нападения, так называемого, приказа о заложниках, о котором здесь уже говорилось. Речь шла о нападении на военный транспорт. Потребовали 25 или 50 заложников для расстрела, и, в частности, со стороны этот запрос пришел, кажется, от главного командования оккупантских сил через командующего вооруженными силами, который потребовал этих заложников от начальника СС

13152

H1206 – 0132

H1206 – 0133

и полиции. Я добился того, чтобы число этих заложников было уменьшено до 5-ти и чтобы я просмотрел список, предоставленный мне другими инстанциями. Этот список здесь зачитывался. Этот список мне тоже бросился в глаза. Начальник СС и полиции решительно указывал на то, что этот список был составлен точно, согласно тому указанию, что в нападении подозревается правое крыло движения сопротивления, а не левое, поэтому нельзя расстреливать рабочих. Я оказал свое влияние лишь в том отношении, что побудил начальника СС и полиции вычеркнуть из списка отцов многодетных семей.

ВТЕЛИПАУЭР: Господин свидетель, что Вы знаете в деталях о расстрелах при эвакуации лагеря Фокт?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Когда началось наступление англичан и канадцев в южной части Нидерландов, я был так занят поддержанием порядка в сфере своей деятельности, что не мог особенно беспокоиться о лагере Фокт, который находился в ведении полиции. Начальник СС и полиции в общем сообщил мне, что он приказал отправить в Германию приблизительно 200 человек, которые виновны в тяжких преступлениях политического характера. Других менее важных политических преступников он приказал отпустить на свободу, а обычных преступников под конвоем одного нидерландского офицера полиции он передаст канадским войскам. Я только здесь услышал, что имели место расстрелы. Я могу это об"яснить себе только тем, что в последний момент империя запретила транспортировку заключенных в империю и было приказано расстрелять их. Я не думаю, что их было 600 человек. Согласно показаниям свидетеля Кольпуса, их было, кажется, от 130 до 150 человек. Это тоже, конечно, много.

ШТЕЙНБАУЭР: Что Вы знаете о расстрелах заложников после покушения на командира СС и полиции Раутера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Покушение на Раутера совершили представители движения сопротивления с помощью английского оружия.

ШТЕЙНБАУЭР: Что известно Вам о случае в Путтене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Простите, я еще не кончил.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы хотите уточнить?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Гиммлер потребовал тогда расстрела 500 заложников. Заместитель Раутера - доктор Бенгарт отказался это сделать и сообщил мне, что в тюрьмах находится некоторое количество нидерландцев, которых нужно расстрелять на основании приказа фюрера, так как они, в частности, виновны и в других актах саботажа. Он медлил, так как число было несколько велико, но теперь он уже не может больше медлить с этим. Самого числа он мне не назвал. Я не мог в этой ситуации воспрепятствовать осуществлению этого приказа, так как мы должны были всеми средствами подавить движение сопротивления, которое было организовано и вооружено нидерландским правительством в Лондоне, и представляло крупную опасность для германских оккупационных властей. Должно было быть расстреляно 230 голландцев, в том числе 80 только в Апельдорне. Это число мне показалось слишком большим. Однако, доктор Бенгарт сказал мне, что севернее Апельдорна находится центр подпольного движения.

ШТЕЙНБАУЭР: В заключение я хотел бы Вас спросить о том, что Вы знаете о случае в Путтене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В Путтене имело место нападение на немецких офицеров, трое из них были убиты. Все дело было передано

13154

H1206 – 0134

H1206 – 0135

военным властям, СС и полиции. Я знал, что принимались репрессивные меры, я лично был занят тогда оборудованием позиций. Начальник СС и полиции сообщил мне, что он получил приказ очень населенный пункт Путтен и отправить мужское население его в концентрационный лагерь в империи. Он выполнил приказ лишь на 40%. Позже он сообщил мне, что смертность в немецких концлагерях велика. Я обратился вместе с ним к командующему вооруженными силами с просьбой вернуть этих людей. Командующий вооруженными силами дал на это свое согласие. Но и т ли еще быть выполнен этот приказ, я не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, пожалуй, сейчас можно было бы сделать небольшой перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

/Перерыв на 10 минут/

ШТЕЙНБАУЭР: Высокий Суд, я хочу еще раз вернуться к вопросу об отмене запретов на вывоз и ввоз валюты. Сейчас, во время перерыва, подсудимый рейхсмаршал Геринг сообщил мне, что в этом споре Финбека - Трипа - Болтата, с одной стороны, и Функа, который был против этого, Геринг, как ответственный уполномоченный по четырехлетнему плану, лично принял решение об отмене этого запрета. И он пишет мне: "И я несу за это ответственность". Таким образом, это было решение, принятое тогда лично Герингом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, это, конечно, неправильный метод информации Трибунала о чем-либо, а именно, информация его о том, что один из подсудимых, возможно, сказал Вам во время перерыва.

ШТЕЙНБАУЭР: Нет, он написал мне об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что это нисколько не меняет дела. Вы можете задать этому свидетелю любой вопрос по этому поводу.

ШТЕЙНБАУЭР: К вопросу о расстрелах без суда, я хотел бы позволить себе указать на весьма важный документ № 77, на странице 199. Этот документ имеет шифр Ф-224 и представляет собой отчет комиссара уголовной полиции Мунда. Он говорит на странице 3-й следующее: "По моему мнению весьма возможно, что генерал Кристиансен требовал смертной казни для максимального количества жертв. Кристиансен, невыдержанный и бестактный, говорил Раутеру о многочисленных мерах возмездия, а этот в свою очередь оказывал давление на начальника полиции безопасности, доктора Нонгартера".

На странице 5-й: "Речь шла здесь часто о заключенных, которые приговаривались к смерти начальником СС и полиции. За карательные меры, как наказание за преступления, отвечала полиция. После августа 1944 года, согласно приказу фюрера, карательные мероприятия истолковывались таким образом, что некоторое количество нидерландцев было арестовано совсем по другим причинам и расстреляно под предлогом совершения ими актов саботажа и покушения на убийство Раутера".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Разрешите мне коротко остановиться на этом моменте.

ШТЕЙНБАУЭР: Пожалуйста.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Например, были арестованы активные члены движения сопротивления и, по приказу фюрера, после проверки их дел начальником СС и полиции, они подлежали расстрелу. Началь-

H1206-0136

H1206 – 0137

ник СС и полиции привлекал для проверки этих дел своего офицера-юриста, вскоре был произведен взрыв моста, и вместо того, чтобы расстрелять заложников, были взяты и расстреляны эти люди. Таким образом, это был случай, обратный расстрелу заложников, или, по крайней мере, он должен был быть таковым.

ШТЕЙНБАУЭР: Перехожу теперь к разделу IУ "В": "Концентрационные лагери и тюрьмы". Мой первый вопрос состоит в следующем: кто отвечал за это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: За концентрационные лагери и полицейские дома предварительного заключения отвечала полиция. За судебные дома предварительного заключения отвечали судебные власти, и я; судебные дома предварительного заключения подчинялись мне.

ШТЕЙНБАУЭР: В Нидерландах тоже имелись концентрационные лагери?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Прежде всего большой концентрационный лагерь Путтен, поблизости от Гертогенбош, затем полицейский пересыльный лагерь у Амерсфорта, сборный лагерь для евреев в Вестерборге, затем я говорил уже о лагере превентивного заключения Михельгестель, а затем некоторую роль играл также лагерь Смимен, который не являлся ни полицейским, ни концентрационным лагерем, это был лагерь, в котором имели место злоупотребления.

ШТЕЙНБАУЭР: Что Вы можете рассказать о лагере Гертогенбош?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Вначале этот лагерь предназначался для евреев, в то время, когда вначале мы думали оставить евреев в Голландии, Рейхсфюрер Гиммлер дал приказ сделать из этого

лагеря концентрационный лагерь. Я, после некоторого размышления, согласился с этим приказом. Я рассуждал так: я не могу воспрепятствовать тому, что нидерландцы будут направляться в концентрационные лагери, так лучше будет, если они попадут в концентрационный лагерь в Нидерландах, где я, может быть, все же смогу оказать на их судьбу некоторое влияние.

ШТЕЙНБАУЭР: Это совершенно правильно. Но как в тюрьмах, так и в этих концентрационных лагерях происходили эксцессы. Например, как раз в лагере Вюкт, который Вы назвали.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это совершенно правильно. Как в тюрьмах, так и в концентрационных лагерях происходили эксцессы. Я считал, что это в военное время почти неизбежно, так как подчиненные лица получают безусловную исполнительную власть над другими людьми, и их слишком мало контролируют. В тех случаях, когда я об этом что-либо узнавал, я вмешивался. Это было в первый раз в конце 1940 года или в начале 1941 года. Тогда начальник моего немецкого суда сообщил мне, что к нему привели одного заключенного, у которого были осадины на голове. Я приказал проверить это. На надсмотрщика тюрьмы было наложено дисциплинарное взыскание, и он был отправлен обратно в империю. В концентрационном лагере Вюкт среди заключенных была большая смертность. Я немедленно распорядился о производстве расследования, в котором принимали участие также и голландские врачи.

Тогда я требовал, чтобы мне ежедневно, а позднее еженедельно представляли цифры смертности до тех пор, пока они достигли приблизительно нормального уровня. Я, конечно, не знаю, сообщала ли мне комендатура лагеря только об обычных

H1206 – 0138

H1206 – 0139

случаях смертности или также о случаях расстрелов. Этого я не знаю.

В этом лагере имели место эксцессы по причине пьянства. Частенько слышно было, что имели место побои. Начальник лагеря был отозван и отослан в империю. Я хочу отметить, что начальник СС и полиции, очевидно, сам хотел восстановить порядок и поддерживать его, хотя лагери находились не в его подчинении, а в подчинении группенфюрера Рауля.

Был и еще один весьма серьезный инцидент. Он описан в документе Ф-224 под заглавием: "Женщина в камере". По соображениям якобы дисциплинарного порядка, начальник лагеря поместил большое количество женщин на ночь в одной камере. При этом три или четыре женщины задохнулись. Когда мы услышали об этом, мы потребовали, чтобы было произведено судебное преследование. Центральное управление в Берлине, однако, отказало нам в этом. Мы обратились к рейхсфюреру Гиммлеру и не успокаивались до тех пор, пока начальник лагеря не был предан суду и получил не менее 4-х лет лишения свободы, мне кажется, даже восемь лет лишения свободы. Об этом указывается во французском отчете.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем имелся лагерь Амерсфорт?

ВЕЙСС-ИПКАРТ: Лагерь Амерсфорт был полицейским пересыльным лагерем. В нем находились арестованные полицией, которые должны были быть преданы суду или направлены в империю, а также люди, отказавшиеся от работы, которые этапировались в империю. В этом лагере заключенные должны были пребывать в общем не более 6-8 недель. В этом лагере была голландская охрана, но не голландская полиция, а, по-моему, охранная рота добровольцев СС.

Здесь также имели место эксцессы. Генеральный секретарь фон Дами обратил мое внимание на то, что там, по его словам, был убит один голландец. Я настоятельно просил начальника СС и полиции расследовать этот инцидент. Он сделал это с помощью своего офицера-юриста и прислал мне документы. Согласно этим документам, там имели место тяжелые побои заключенных, однако, не упоминалось ни об одном смертном случае. Виновники этого были наказаны.

Я неоднократно обращал внимание начальника СС и полиции на то, что концентрационные лагери и тюрьмы в этот период войны являются местом, где происходят грубые эксцессы, и если не было еще тяжелых случаев, то мне часто сообщалось об известных злоупотреблениях в обращении с заключенными, и я всегда обращал его внимание на это. Он затем докладывал мне о том, что он принял соответствующие меры, а в тех случаях, когда я получал неправильные сообщения, он докладывал, что эти случаи вовсе не имели места.

Я неоднократно требовал отчетов о состоянии продовольственного снабжения в лагерях. Нормы снабжения продовольствием были удовлетворительными. Мне кажется, что голландцы в концентрационных лагерях и в тюрьмах в конце 1944 года и в 1945 году получали больше, чем голландцы в западной части Голландии. Я, конечно, не хочу сказать, что это было чем-нибудь особенным, так как голландцы страдали от голода.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем имелся лагерь Вестерборг.

ЗАЙСС-ИНКВАРТ: Вестерборг в свое время был учрежден голландским правительством. Этот лагерь предназначался сначала для евреев - беженцев из Германии. Затем этот лагерь был

H1206 - 0140

H1206 – 0141

расширен и превращен в сборный лагерь для евреев. В самом лагере имелась еврейская охрана. Снаружи лагерь был оцеплен голландской полицией. В лагере было лишь небольшое подразделение охранной полиции для надзора. Я во всех документах не нашел ни одного отчета относительно эксцессов в самом лагере. Каждое воскресенье в лагерь приезжали священники, во всяком случае, один священник для евреев католического вероисповедания и один для евреев так называемого христианского вероисповедания. Однако они также не сообщали мне ни о чем.

Относительно эвакуации евреев мы, очевидно, будем говорить позже.

Теперь я хотел бы также сказать о лагере Амерсфорт. О нем имеется большой отчет в документах. Лагерь Амерсфорт был задуман как лагерь для подготовки тех голландцев, которые имели желание взять экономическую деятельность на Востоке, - добровольцы. В этом лагере их знакомили со страной, а также населением и языком той страны, куда они должны были потом поехать. Начальник лагеря взял для работы у себя в лагере заключенных из находившейся поблизости голландской тюрьмы. Затем поступили сообщения о том, что эти заключенные подвергаются побоям. Судьи Амстердама обратились ко мне. Я дал этим голландским судьям из Амстердама разрешение лично посетить лагерь и переговорить с заключенными. Это я произвольно. Об этом свидетельствует документ Ф-224, от 5-го марта 1948 года. После этого амстердамские судьи написали длинное письмо генеральному секретарю юстиции. Они жаловались на то, что заключенные подвергаются побоям, а также на то, что голландские заключенные переводятся в имперские лагери и используются там на работах.

Жалобы соответствовали действительности и я дал распоряжение о том, чтобы заключенные лагеря Оммен были возвращены в голландские тюрьмы и чтобы голландские заключенные были переведены из немецких тюрем обратно в голландские тюрьмы. Образ действия в данном случае был вполне корректным и, поэтому, я мог принять соответствующие меры.

ИТЕЙНБАУЭР: Я должен поставить Вам, господин доктор, промежуточный вопрос и указать на то, что Вы затем, как об этом свидетельствует документ РФ-139, сместили с постов судей, которые подавали подобные жалобы и, в частности, судей из Лейвартена.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я считаю, что поведение судей из Лейвартена в данном случае было некорректным. Эти судьи обратились не ко мне, а в одном приговоре открыто утверждали, что голландские заключенные попадают в немецкие концлагери и там расстреливаются. Это, согласно тем данным, которые были у меня, являлось неверным. Я затем информировал их относительно результатов ходатайства амстердамских судей. Однако судьи из Лейвартена отказались выносить в дальнейшем приговоры; я потребовал, чтобы они оставались на своих постах, однако, они отказались от этого. После этого я уволил их, как отказавшихся от работы. Я, безусловно, мог предать их суду в Германии за враждебную пропаганду.

ИТЕЙНБАУЭР: Поступали ли к Вам жалобы со стороны Красного Креста относительно условий в лагерях?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В Голландии был такой порядок, что представительница голландского Красного Креста госпожа фон Оверлин могла посещать все концлагери и тюрьмы, главным образом

H1206 – 0142

H1206 – 0143

для того, чтобы убедиться в том, доставляются ли туда продовольственные пайки. Ни госпожа фон Оверлин, ни руководство голландского Красного Креста никогда не подавали мне жалоб. Я хочу сказать, что это обстоятельство было для меня весьма важным, так как голландцы жаловались на все, и если ко мне не поступало жалоб, то это было некоторым успокоением. Я хотел бы еще заметить, что, примерно, в начале 1944 года, согласно имеющимся у меня документам, примерно, 12 тысяч голландцев находилось в концлагерях и тюрьмах. Таким образом, это означало столько же, как если бы сейчас во всей Германии всего 120 тысяч немцев находилось в тюрьмах и концлагерях. Это дало мне повод к тому, чтобы создать судебные комиссии, которые должны были посещать лагери и тюрьмы для того, чтобы проверить - нельзя ли освободить заключенных или назначить разбор их дела на судебном процессе. Естественно, в тех случаях, когда имелся приказ из Берлина, я ничего не мог сделать.

ИТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель, Вы показали нам, что Вы вели непрерывную борьбу по этому вопросу с полицией?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я бы не хотел сказать, что это была борьба.

ИТЕЙНБАУЭР: Считаете ли Вы, что Вы имели успех в этом деле?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, мне кажется, на основании установленных фактов. Я очень тщательно расследовал все эти дела и... Мы ведь слышали об ужасных вещах. Отчеты из Голландии, мне кажутся не такими уж страшными. Я не хочу сказать, что я сожалею о каждом эксцессе, но такие отчеты, как, например, о Бредонке в Бельгии - у нас нет. Из отчетов, собственно говоря, вытекает, что самым тяжелым обвинением является обви-

нение в побоях. Здесь имеется всего лишь один отчет - Ф-677 - следователя Брудера, который содержит материал о зверствах обычного характера. Однако, мне кажется, что к этому отчету следует относиться весьма осторожно. Брудер не сообщает даже того, кто ему об этом рассказал. Сами сообщения не заслуживают доверия; он, например, утверждает, что заключенные, работавшие в лагере, должны были ложиться на землю перед каждым эсэсовцем, стоявшим на посту. Мне кажется, что руководство лагеря не потерпело бы такого положения, так как в таком случае заключенные не могли бы работать. Я не могу судить об этом, однако, у меня такое впечатление, что до этого в Голландии, пожалуй, не доходило.

ИТЕЙНБАУЭР: На этом я думал закончить этот раздел вопросов и перейти к V разделу обвинения - к вопросам об использовании рабочей силы. С какими проблемами в области использования рабочей силы Вы столкнулись в Голландии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В области использования рабочей силы можно различать 3 или даже 4 фазы. Когда я прибыл в Голландию, там было примерно 500 тысяч безработных. Зарегистрированные безработные, которые стали безработными, как и следовало ожидать, после демобилизации голландской армии и морского флота, составляли ядро этих безработных. Затем имелись сезонные рабочие и т.д. Проблема сокращения числа безработных была для меня самой актуальной и не только социальной проблемой, так как, во-первых, такая большая армия безработных является, безусловно, весьма благодатной почвой для нелегательной деятельности, во-вторых, в случае затяжки войны, можно было ожидать, что экономическое положение безработных еще более усложнится. Тогда мы начали проводить мероприятия, которые я, вопреки всем обвинениям, должен назвать добровольной вербовкой рабочих.

13164

H1206 - 0144

H1206 – 0145

Она продолжалась около двух лет, до середины 1942 года. Я не давал тогда ни голландским ни немецким трудовым управлениям полномочий направлять кого-либо в обязательном порядке для работы заграницей. По всей вероятности, было оказано некоторое экономическое давление. Однако, мне кажется, в этой проблеме мы всегда сталкиваемся с этим.

Вербовка проводилась голландскими биржами труда, которые подчинялись генеральному секретарю по социальному обеспечению. При биржах трудах имелись немецкие инспекторы. Действовали также частные посреднические организации. Имперские фирмы рассылали своих агентов по вербовке. Всего, примерно, 558 тысячи голландских рабочих было направлено на работу в Империю. В период, названный мною периодом добровольной вербовки, было отправлено 240-250 тысяч рабочих в империю и, примерно, 40 тысяч было послано на работу во Францию. В первой половине 1942 года этот резервуар был исчерпан. Империя потребовала поставки новой рабочей силы, и мы рассматривали вопрос о введении трудовой повинности. Указание об этом, насколько я могу вспомнить, я получил не от Заукеля, а непосредственно от Бормана, как директиву фюрера. Теперь набор рабочей силы происходил преимущественно, но не исключительно, таким путем, что молодые, главным образом, холостые голландцы приглашались на биржу труда, там получали бланк, в котором они писали, что они обязуются работать в империи. В голландском отчете указано, что только небольшое количество отказывалось поехать на работу. Были, конечно, и такие, которые отказались поехать на работу и вследствие этого полиция их арестовывала и привозила в империю. Начальник СС и полиции сообщил мне, что всего таких рабочих было 2.600 и, примерно, 250-260 тысяч рабочих дали обязатель-

ство поехать на работы. Из всех 530 тысяч, которые были направлены на работу в империю, это количество рабочих, насильно отправленных на работу в империю, составляет 1 - 1 1/2 процента. Мне кажется, что в империи такое количество рабочих составляло не менее, а более значительный процент.

В начале 1943 года Империя потребовала присылки большого количества рабочей силы и мне было приказано мобилизовать целые призывные контингенты и направить их на работу в Империю. Я замечу, что все эти рабочие в империи заключали свободные трудовые договоры и не помещались в трудовые лагери. Я принял решение мобилизовать три возрастных контингента и доставить в империю молодых людей в возрасте от 21 до 23 лет, чтобы пощадить мужчин, имевших семьи. В отношении первого контингента успех был удовлетворительный. В отношении второго - посредственный, в отношении третьего - результаты оказались совсем плохими. Мне стало ясно, что я смогу призвать очередной контингент рабочих только при помощи силы, однако я от этого отказался. Тогда по договоренности с министром Шпеером я добился того, что не рабочие направлялись к месту работы, а, наоборот, работа переносилась к месту нахождения рабочих. В Голландию были направлены большие заказы, и заводы, на которых выполнялись эти заказы, были объявлены "закрытыми заводами". К их числу относился также завод организации ТОДТ. Тогда для голландцев, которые были необходимы в самой Голландии, были введены отпуска на родину. Их освобождали из Империи для возвращения на родину. Соответствующие удостоверения выдавались голландскими властями. Таких бланков было выдано до миллиона штук. Было ясно, что это могло означать саботаж, однако, я не считал для себя нужным вмешиваться в это дело. Никогда ни одна женщина-голландка не при-

H1206 – 0146

H1206 - 0147

нуждалась насильно работать вне пределов Голландии. То же относится к голландской молодежи до 18 лет. Рейхсминистр Ламмерс здесь подтвердил, что в начале 1944 года он передал мне приказ фюрера доставить в Империю 250 тысяч рабочих. Он подтвердил, что я отказался выполнить этот приказ. Тогда гаулейтер Заукель пришел ко мне и обсудил со мной этот вопрос. Я должен здесь подчеркнуть, что он неожиданно быстро согласился с моими доводами и не настаивал на проведении насильственной вербовки рабочих. Под "насильственной вербовкой" рабочих я подразумеваю оцепление целых кварталов и вылавливание мужчин.

В течение 1944 года вербовка рабочих почти совершенно прекратилась. Вместо 250 тысяч рабочих в Империю было направлено всего 12 тысяч рабочих.

Совсем другой характер носили акции, которые были проведены осенью 1944 года. Исходя из опыта, который был получен во Франции и Бельгии, командование сухопутных сил приняло решение об эвакуации военнообязанных голландцев из западной части Голландии. Это решение было принято потому, что голландское правительство в Англии создало нелегальную армию. У меня имелась схема организации этой армии. Был создан целый генеральный штаб и настоящее военное министерство и мы считали, что эта нелегальная армия насчитывала 50.000 человек. Если бы при первом же призыве эта армия пополнилась бы хотя бы одним военнообязанным голландцем, тогда эти голландские войска превысили бы численность немецких войск в Голландии. Кроме того, эта армия получала из Англии очень хорошее вооружение. Мы конфисковали целый корабль, нагруженный новейшими автоматами. Но я убежден, что большая часть вооружения не была конфискована нами. Командование сухопутных сил отдало че-

рез командующего войсками в Голландии приказ об эвакуации из Голландии военнообязанных голландцев. Это мероприятие проводилось исключительно военными властями, для этого был прислан от них генерал и их собственный руководящий штаб. Это мероприятие проводилось через командующих военными гарнизонами. Мои местные власти иногда в последний момент информировались об этом, а иногда и совсем не информировались. Я, безусловно, знал об этом мероприятии. Однако, в силу тех причин, о которых я упомянул, я не мог взять на себя ответственность протестовать против него. Я лишь вмешался для того, чтобы сохранить компетенцию гражданских властей в том, чтобы рабочие из жизненно-важных предприятий не были эвакуированы в числе этих людей. Я поручил заняться этим вопросом уполномоченному по тотальной мобилизации, которого прислал мне к тому времени в Голландию Геббельс. Его задача, таким образом, состояла в том, чтобы выдавать справки об освобождении от эвакуации. Он выдал 50.000 таких справок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду Гиммлера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, Геббельс. Я имел в виду Геббельса - генерального уполномоченного по тотальной мобилизации.

Я признаю, что это мероприятие привело к таким условиям, которые были для голландцев невыносимыми. Я, правда, уверен в том, что в отношении продовольственного снабжения, расквартирования и транспортировки население германских областей, которые подвергались бомбардировкам с воздуха, находилось не в более лучших условиях, однако, от голландцев нельзя ведь было требовать такой жертвы. Тогда мне очень многие голландцы говорили о том, что они явятся на биржи труда для отправки их на работу в Германию, не потому, что они хо-

H1206-0148

H1206 – 0149

тат помочь Германии, а исключительно для того, чтобы спастись от этих тяжелых условий, на которых проводится насильственная эвакуация. Я принял их и отправил в Империю. Генеральный уполномоченный по трудовой мобилизации Геббельс издал циркуляр, который имеется среди документов суда. Соответствующие лица вызывались на биржи труда, включались в списки, затем они снова отсылались домой, где они могли взять с собой одежду, белье, потом их отправляли на вокзал и они доставлялись в Империю не полицией, а уполномоченными по труду для обычного использования их на работах. Нидерландский отчет объективно признает это. В нем говорится о лучших условиях транспортировки мобилизованных рабочих. За эту трудовую мобилизацию я несу личную ответственность по причинам, которые я изложил.

ШТЕЙНБАУЭР. Разрешите, господин Председатель, в связи с этим заметить, что мой документ № 78-США-195, на 200 странице, представляет собой выдержку из правительственного отчета Голландии. Этот отчет полностью подтверждает показания моего подзащитного. Я хотел бы огласить этот документ, так как считаю его весьма важным.

Страница 2: "Рабочие, которые отказывались поехать на работу в Германию /относительно немногие/, преследовались службой безопасности /СД/".

Затем на стр.3-й: "Несмотря на это, мероприятие было не очень успешным. Некоторые германские учреждения, очевидно, оказывали сопротивление проведению в жизнь этого мероприятия, так как многие бывшие военнослужащие остались незатронутыми, другие исчезли... Результатом этого было то, что в течение последних месяцев 1943 года и большей части 1944 года в Германию было депортировано относительно небольшое число лиц". И затем

на странице 6-й указывается: "До конца 1944 года было депортировано относительно небольшое число лиц".

И затем на странице 6-й указывается: "До конца 1944 года условия перевозки депортируемых были сносными. Все, кто являлся по призыву или по мобилизации на работу в 1945 году, имели улучшенные условия переезда... а именно,-почти весь путь они следовали по железной дороге, хотя и в товарных вагонах".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Других вагонов в то время у нас у самих не было. Я хотел также указать на то, что я призвал голландских рабочих для того, чтобы они производили работу по строительству укреплений, о которых мне дал распоряжение фюрер. Я направил часть эшелонов, которые прибывали из Роттердама и других городов страны, на работу по строительству укреплений и, таким образом, воспрепятствовал тому, чтобы эти люди высылались в Империю. На обращение с ними в Империи я не имел никакого влияния. Я только запретил дальнейшую перевозку в Эссенскую область, так как мне было сообщено, что в лагере Рейс обращение было настолько скверным, что некоторые голландцы умерли.

МТЕЙНБАУЭР: Я перехожу сейчас к следующему разделу обвинения - к вопросу о евреях.

В отчете голландского правительства /документ США-195/ имеется общий список всех распоряжений, которые были предъявлены Обвинением. Я хотел бы для того, чтобы помочь моему подзащитному вспомнить об этих событиях, передать ему этот документ для того, чтобы он мог вспомнить об этих законах. В свое время этот документ был уже предъявлен суду.

Какие распоряжения Вы, как рейхскомиссар, отдавали по еврейскому вопросу?

13170

H1206 – 0150

H1206 – 0151

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Когда я вступил на пост рейхскомиссара, естественно, для меня было ясно, что и каким то образом должен занять определенную позицию и должен буду проводить мероприятия в отношении находившихся в Голландии евреев, а Амстердам известен в Западной Европе, как самый крупный и старейший город еврейских общин. Кроме этого, в Голландии было очень много евреев-эмигрантов из Германии.

Я хочу совершенно откровенно заявить, что я со времени первой мировой войны и после военного периода был антисемитом. Антисемитом я прибыл в Голландию. Мне не нужно об этом здесь подробно говорить. Я об этом говорил достаточно подробно в своих речах и разрешите мне указать на это. У меня было впечатление, и его мне везде подтвердят, что евреи, безусловно, должны были быть против национал-социалистской Германии. Для меня вопрос о виновности не возникал. Я, как глава оккупированной страны, должен был считаться только с фактами. Я особенно должен был считаться с сопротивлением и тенденцией пораженчества и т.д., свойственными еврейским кругам. Я говорил с генерал-полковником фон Браухич, когда он был командующим сухопутными силами,о том, что я в Голландии хочу уволить евреев с руководящих постов в хозяйстве и прессе, и далее, хочу уволить их со всех государственных постов. Этими мероприятиями ограничивались мои действия в период с мая 1940г. по март 1941 г. Чиновники-евреи были уволены, однако, им была дана пенсия. Еврейские фирмы были зарегистрированы, а руководители фирм были отпущены.

Весной 1941 года Гейдрих прибыл ко мне в Голландию. Он разъяснил мне, что нам необходимо считаться с тем, что наибольшее сопротивление оказывают еврейские круги, и занял мне

также, что с евреями необходимо обращаться по крайней мере так, как и с другими враждебно настроенными иностранцами. Так, например, англичан в Голландии интернировали, их имущество конфисковывали.

При большом количестве лиц - около 140.000 человек, которые должны были подпасть под это мероприятие, это было не так просто осуществить. Я откровенно признаю, что я не мог не согласиться с этими аргументами Гейдриха. Я считал также необходимым во время войны, которую я рассматривал как борьбу немецкого народа на жизнь или смерть, провести регистрацию евреев в Голландии, и приказал это сделать в марте 1941 года. Эти мероприятия проводились дальше шаг за шагом. Я не хочу сказать, что окончательный результат, поскольку это имело место в Голландии, был следствием с самого начала задуманного плана, но достижение его шло по этому пути. Распоряжения, которые были приведены здесь и которые в свое время были опубликованы в голландском бюллетене законов, в большинстве случаев были подписаны мной лично, во всяком случае они были опубликованы прессой, с моего согласия. Отдельные мероприятия, которые здесь упомянуты, проводились против моей воли.

Например, в феврале должны были быть арестованы и направлены в Бухенвальд и Маутхаузен 1.000 евреев. Об этом я знал лишь то, что в амстердамском гетто национал-социалист ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /прерывая/ В феврале какого года?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: в феврале 1941 года. В амстердамском гетто евреи убили одного национал-социалиста. Рейхсфюрер Гиммлер в ответ на это отдал приказ о направлении 400 евреев в лагерь Маутхаузен. Я тогда не был в Голландии. Это было между прочим поводом для всеобщей забастовки в Амстердаме в марте 1941 года. После моего возвращения в Голландию я протестовал против

H1206 - 0152

H1206 – 0153

этого мероприятия и, насколько я знаю, такое массовое направление в лагерь Маутхаузен не имело более места. Были также сожжены синагоги. Очевидно, при этом руководствовались чести любием, которое в свое время руководило людьми, действовавшими 8 ноября 1938 года. Я немедленно принял меры, а такие случаи не повторялись. Так, например, полиция хотела уничтожить древний храм в Амстердаме. Генерал фон Дамм обратил на это мое внимание, и я предотвратил это. Я уже указывал, что мотивом этого поступка было то, что евреи рассматривались так же, как враждебно настроенные иностранцы. В ходе дальнейшего проведения этих мероприятий, безусловно, этот мотив уже не принимался в расчет. Речь шла лишь о проведении антиеврейских мероприятий, какие имели место и в империи. Может быть, в некоторых случаях эти мероприятия проводились даже более резко, так как мне известно, например, что в Голландии проводилась также акция, целью которой было заставить евреев подвергнуться стерилизации. Цель, которая стояла перед нами, состояла в том, чтобы оставить евреев на территории Голландии, а именно сосредоточить их в двух районах Амстердама, а также в лагере Вестерборг и в лагере Фукт. Мы также подготовились к тому, чтобы в этих районах создать необходимые предпосылки для работы этих людей. Я дал поручение генеральному секретарю по вопросам воспитания относительно того, чтобы из голландского бюджета использовать для воспитания евреев те средства, которые выпадали на долю еврейского населения. Безусловно, что при осуществлении этих мероприятий по сосредоточению евреев в двух районах и в двух лагерях имели место жестокости, которых, может быть, и нельзя было избежать, и которые, можно, пожалуй, назвать эксцессами. В конце концов,

полиция безопасности потребовала введения так называемой еврейской звезды. Большая часть евреев не находилась в этих районах сосредоточения евреев. Полиция безопасности потребовала, чтобы они носили специальный знак, для того, чтобы иметь возможность контроля над тем, придерживаются ли евреи тех ограничений, которые были для них установлены. Эта звезда в глазах немцев, безусловно, была знаком известной дискриминации. Голландцы, однако, смотрели на это не так и находились такие голландцы, которые в знак протеста против этого мероприятия сами носили эту звезду.

Мне кажется, что это было в 1942 году. Тогда Гейдрих снова предъявил требования, а именно - он прибыл в Голландию с требованием эвакуации евреев. Он обосновал это требование тем, что Голландия рано или поздно станет районом военных действий и что тогда в этом районе военных действий нельзя будет иметь это враждебно настроенное население. Он указал на то, что он отвечает за безопасность империи в полицейском отношении, и что он не может нести этой ответственности, если евреи останутся в Голландии. Мне кажется, это длилось, примерно, три или четыре месяца, в течение которых мы протестовали против эвакуации евреев из Голландии и постарались найти другой выход.

В заключение Гейдрих передал мне приказ фюрера, согласно которому он имел чрезвычайные полномочия для проведения всех мероприятий и в оккупированных областях. Я запросил Бормана, достоверен ли этот приказ. Борман подтвердил мне это. После этого началась эвакуация евреев. Я тогда пытался удостовериться в том, какова была судьба евреев. Мне сейчас трудно гово-

13174

H1206 – 0154

H1206 – 0155

рить об этом, так как это звучит, как насмешка. Мне сказали тогда, что евреи направлены в Освенцим.

Я распорядился, чтобы из Голландии были посланы представители в Освенцим. Они возвратились с отчетом о том, что там имеется лагерь, рассчитанный на 80.000 человек. С этими людьми обращаются сравнительно хорошо, ~~что~~ они, например, имеют оркестр, состоящий из 100 человек. Когда здесь один из свидетелей подтвердил, что этот оркестр играл, когда жертвы поступали в Освенцим, я вспомнил об этом отчете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, возможно Вы сегодня не кончите своего допроса?

ШТЕЙНБАУЭР: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько времени, как Вы полагаете, займет еще Ваш допрос?

ШТЕЙНБАУЭР: Я считаю, что я завтра не позже обеденного перерыва закончу. Может быть, мой допрос займет завтра всего один час. Я должен еще раз рассмотреть вопросы о разграблении, об экономических мероприятиях, о разрушениях. На этом тема моего допроса будут исчерпаны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв.

/Объявляется перерыв до 10.00 11 июня 1946г./

мс,лк.

13175

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 11 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

Г-н ДОДД. Господин председатель, мне хотелось бы раз"яснить тот вопрос, который я поднял вчера в связи с записями беседы между этим подсудимым и Гитлером. Я произвел расследование по этому поводу и я полагаю, что факты таковы: как оказалось, нашему сотруднику полковнику Вильямсу, который допрашивал этого подсудимого в конце октября, были самим подсудимым вручены эти записи. По той или иной причине они не попали в наши папки и находились в каком-то другом месте. Таким образом, подсудимый был совершенно прав, говоря, что он передал эти документы Обвинению, но, мне кажется, он ошибочно сказал, что он передал их лично мне.

/К микрофону подходит защитник Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР/доктор Штейнбауэр, защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/. Мы вчера остановились на одном из самых важных пунктов обвинения - на вопросе эвакуации евреев из Нидерландов.

Господин свидетель, что Вы сделали, когда Вы узнали об этом выселении евреев из Нидерландов ? Написали ли Вы какие-либо письма ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я уже вчера говорил, что я распорядился послать людей из Нидерландов в указанный мне лагерь Осве-

H1206 – 0156

H1206 – 0157

цим для того, чтобы установить, какие возможности существуют там для размещения евреев. Я уже говорил о результатах посещения этого лагеря. Я запросил полицию безопасности, в частности Гейдриха, о том, можно ли разрешить этим эвакуированным евреям переписываться с Нидерландцами. Это подверглось обсуждению и было разрешено. И приблизительно три четверти года или даже год велась эта переписка, причем отправлялись не только открытки, но и подробные письма. Как это устраивала лагерная администрация, я не знаю, но адресаты, получавшие эти письма, признавали, что письма действительно написаны рукою их близких. Когда позднее переписка стала менее интенсивной - совсем она никогда не прекращалась, - полиция безопасности заявила мне, что у евреев в Освенциме осталось мало знакомых в Нидерландах, под которыми подразумевались также евреи, потому что большинство евреев было уже в Освенциме.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, обращались ли Вы также к Борману ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я уже вчера говорил, что после того, как я узнал о приказе Гейдриха, я обратился к Борману для того, чтобы спросить у фюрера, имеет ли Гейдрих действительно подобные полномочия. Борман подтвердил это. Я открыто признаю, что у меня были некоторые сомнения по поводу этой эвакуации.

ШТЕЙНБАУЭР. Предприняли ли Вы что-либо для того, чтобы рассеять эти опасения ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мои опасения, увеличивавшиеся во время войны, основывались на том, что, казалось, все тяготы вой-

мы пацут, прежде всего, на евреев. Если в империи не будет продуктов питания, то в первую очередь в лагерях евреев будут урезаны пайки. Я предполагал, что и обращение с ними будет также строгим и сравнительно незначительный повод будет использоваться для вынесения тяжких наказаний. Безусловно, я думал также и о том, что члены семей немедленно реагируют, хотя бы частично, в случае отправки людей на работу. И это было причиной тому, почему мы три или четыре месяца сопротивлялись этому. Самым веским аргументом было заявление соответствующих органов полиции безопасности о том, что в случае ожидавшейся высадки десантов не следует оставлять евреев в зоне военных действий.

Я прошу при всех обстоятельствах учесть, что для меня самым важным и решающим мотивом было то, что немецкий народ ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Сегодня события с их действительными последствиями выглядят иначе. И когда мы говорили себе, что евреи будут содержаться все вместе в каком-либо лагере, может быть, даже в тяжелых условиях, но что они после окончания войны опять найдут где-либо место для поселения, то все сомнения такого рода отступали на задний план при мысли, что присутствие евреев в зоне военных действий может ослабить силу сопротивления немцев. В течение 1943 года я говорил с Гитлером и обращал его внимание на эту проблему в Нацэрленцах. Он тогда очень убедительно, как это было свойственно ему, заверил меня и в то же время признался, что он думает провоцить продолжительную эвакуацию евреев со всей территории Европы, с которой Германия хочет поддерживать дружелюбные отношения.

13178

H1206 – 0158

H1206 -0159

Он сказал, что он позаботится о том, чтобы евреи были поселены на восточной границе германской сферы влияния, если евреи вообще не смогут эмигрировать в другие части света.

В начале 1944 года я говорил с Гиммлером, случайно встретив его в Южной Баварии. Я спросил его осторожно, что происходит с нидерландскими евреями. Я напомнил ему, что вследствие того, что наш восточный фронт отступал, со временем или по крайней мере на определенном этапе лагери должны были оказаться в районе военных действий и что я опасался, что судьба евреев тогда станет еще более тяжелой. Гиммлер на все это ответил мне приблизительно следующее: "Не волнуйтесь, это же мои лучшие рабочие". Я не мог себе представить, как евреи, которые считались трудоспособными, могут работать, если их родственники были уничтожены. Я думал, что в таком случае можно было рассчитывать лишь только на то, что каждый еврей схватит немца за горло и задушит его.

ШТЕЙНБАУЭР. Г-н свидетель, значит Вы узнали об этих эвакуациях ? Принимали ли Вы, как рейхскомиссар, вместе с Вашей администрацией участие в этих эвакуациях ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так как эвакуация была неоспоримым фактом, я считал более правильным заботиться об эвакуации настолько, насколько это мне было доступно, как рейхскомиссару. Я дал моему сотруднику в Амстердаме доктору Бемке полномочия следить за этой эвакуацией, вмешиваться в том случае, если будут иметь место эксцессы, выходящие за рамки неизбежных трудностей, и также поручил ему докладывать мне об этом. Доктор Бемке вел непрестанную борьбу с так называемым центральным управлением по вопросам переселения евреев.

Мы должны были все время вмешиваться в эти дела, но я убежден, что мы не смогли устранить все неполадки. Евреев собрали в лагере Вестерборг. Когда отошли первые эшелоны, я получил сообщение, что поезда были переполнены. Я решительно заявил ~~комиссару~~ комиссару полиции безопасности, что он должен заботиться о нормальной эвакуации евреев, и нидерландские сообщения также свидетельствуют о том, что сначала эвакуация проводилась в сравнительно терпимых условиях; позднее положение в общем усложнилось. Но то, что имело место такое переполнение поездов, о котором говорится в отчете, мне не было известно. Правда, полиция безопасности чинила большие препятствия, чтобы мы не могли как следует контролировать эти мероприятия. По ходатайству нескольких нидерландских генеральных секретарей, в особенности генеральных секретарей фон Дамма и Фрелиха, я добился исключения для целого ряда евреев. В отдельных случаях можно было добиться исключений, но основные мероприятия нельзя было изменить. Мне кажется, что число этих исключений было более значительным, чем указано в нидерландских отчетах, по крайней мере судя по моим сообщениям.

Эти евреи были под конец в лагере Вестерборг. Когда началось вторжение, Гиммлер хотел их эвакуировать, но это не произошло вследствие моего протеста. Но после битвы под Арнгеймом он их все-таки отправил, как он говорил, в Терезиенштадт, и я надеюсь, что они остались там в живых.

ШТЕЙНБАУЭР. В таких случаях отменяли ли Вы конфискацию имущества ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Евреи, на которых распространилось исключение, сохранили право распоряжаться своим имуществом.

13180

H1206 – 0160

H1206 – 0161

ШТЕЙНБАУЭР. Я хотел бы, заканчивая этот раздел, еще раз обратить внимание Высокого Суда на документ ПС-1726, УС-195 в книге документов обвинения. Этот документ представляет собой обобщения всей еврейской проблемы в Нидерландах и на странице 6-й приводится перечисление всех тех инстанций, которые занимались еврейской проблемой. Так, в пункте 3 Вы найдете генерального комиссара, ведавшего вопросами безопасности, начальника СС и полиции Н.Раутера, генерала полиции, а в пункте 4 -центральное управление по переселению евреев, руководителем которого являлся Ауc-цер Фунте, подчинявшийся генерал-комиссару, указанному в пункте 3. В отчете сказано: "Это была организация, которая якобы ведала переселением евреев, но в действительности это было учреждение, лишавшее евреев их прав, изолировавшее и депортировавшее их. Это было центральное учреждение, подчинявшееся непосредственно главному начальнику полиции Гиммлеру, а не подлежащему.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я хотел бы заметить, что Раутер в данном случае действовал как начальник СС и полиции, а не как генеральный комиссар по вопросам безопасности, потому что мероприятия проводились немецкой, а не нидерландской полицией.

ШТЕЙНБАУЭР. Свидетель оценщик в своей речи высказался о еврейской проблеме и Обвинение представило отрывок из этой речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, Вы предъявляете свидетелю этот документ, 1726-ПС, который, очевидно, содержит справки исторического характера. Соглашается ли свидетель с тем, что эти справки исторического характера достоверны ?

Поцсуцимый, Вы соглашаетесь с тем, что эти справки исторического характера цостоверны ?

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Можно ли мне посмотреть на этот цокумент?

ШТЕЙНБАУЭР. Это приложение второе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, поскольку Вы прец"являете этот цокумент, Вы цолжны установить, пользуясь показаниями этого свицетеля, признает ли он цостоверность фактов, указанных в этом цокументе, или он их опровергает.

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Да, это изложение правильное, только учитывая то цополнение, которое я сцелал относительно генерального комиссара по вопросам безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В этом цокументе имеется ряц абзацев, на которые слецует обратить Ваше внимание. Например, февраль 1941 г.Доктор Штейнбауэр, этот цокумент сейчас имеется перед Вами ?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Посмотрите, пожалуйста, на послецний абзац под заголовком "Февраль 1941 года". Вы видите это место ?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы цолжны прец"явить его свицетелю. Он сказал, что эти факты соответствуют цействительности.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свицетель, Вы под цатой "Февраль 1941 года" увиците запись, она у меня только на английском языке, в ней говорится о том, что эти евреи были арестованы и посланы в Бухенвальц и Маутхаузен.

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Я вчера уже говорил об этом случае. Это было мероприятие, которое провоцилось непосредственно по приказу Гиммлера, о котором я узнал после его провецения

H1206 - 0162

H1206 – 0163

и против которого я протестовал, и, насколько мне известно, такая массовая отправка евреев в Маутхаузен больше не производилась.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае, насколько я понимаю, свидетель сказал, что этот документ правилен в пунктах №№ 3 и 4, на последней странице. Это так ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В своих вчерашних показаниях я подтвердил те распоряжения, которые имеются в этом документе, но я не согласился с отдельными фактами.

ШТЕЙНБАУЭР. Является ли правильным перечисление отдельных официальных учреждений на стр. 6 ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, и описание фактов в основном является правильным. Я вчера говорил также о сожжении синагог и о том, что было предотвращено разрушение синагог в Гааге и Амстердаме.

/П а у з а /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, доктор Штейнбауэр. Продолжайте.

ШТЕЙНБАУЭР. Я хочу теперь сослаться на документ 79 на странице 203, это также документ УС-708. Он представляет собой речь, которую произнес Зейсс-Инкварт по еврейскому вопросу, которая была представлена Обвинением, но которую нужно дополнить. Нужно зачитать последнюю фразу, которая звучит следующим образом: "Единственное, о чем мы вообще можем говорить,- это создание терпимого переходного положения с сохранением той точки зрения, что евреи являются врагами и, следовательно, с соблюдением всех предосторожностей, к которым приходится прибегать в отношениях с врагами. Что же касается времени, когда, наконец, Германия не должна бу-

цет, как оккупирующая держава, заботиться о поддержании порядка в общественной жизни, то тогда ницерландский народ будет выбирать, желает ли он в угоду евреям поставить на карту товарищеское сотрудничество с германским народом".

Господин свидетель, я хотел бы спросить Вас в связи с этой речью, могли ли Вы думать о полном уничтожении и истреблении евреев ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Об этом я вообще никогда не думал, а в этой речи я даже не предполагал и эвакуации. Я в то время придерживался той точки зрения, что евреев в Ницерландах просто следует изолировать, как это делалось со всеми враждебными нам иностранцами, причем по тем причинам, которые освещены в предыдущей части моей речи, которая была предъявлена американским Обвинением. Такова была в то время точка зрения относительно обращения с враждебными иностранцами, хотя даже англичан, например, переправляли в империю. Я уже указал на то, что эта точка зрения подверглась изменению под влиянием принятия в империи мероприятий в отношении евреев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда была произнесена эта речь ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Речь была произнесена в марте 1941 года. После этого я лишь только один раз, а именно 20 августа 1943 года высказал свою точку зрения по этому вопросу и сделал несколько фантастическое предложение о том, чтобы все ведущие войну державы предоставляли один процент своих военных расходов для того, чтобы разрешить экономическую сторону еврейского вопроса. Таким образом я считал, в то время, что евреи еще существуют на белом свете, я никогда, между прочим, не называл евреев неполноценной нацией.

13184

H1206 – 0164

H1206 – 0165

ШТЕЙНБАУЭР. Мне кажется, я могу закончить этот раздел с тем, чтобы перейти к другому обвинению, которое предъявляется Вам, а именно нарушению международного права; это раздел о разграблении. Кто использовал в Нидерландах сырье и машины ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Инициатива в этой области и определение размеров исходили от имперских учреждений. Эти мероприятия проводились частично моими учреждениями, частично военными инстанциями, а также полицией и войсками СС, а в середине 1944 года этим вопросом стало ведать учреждение министра вооружения, которое одновременно являлось и моим учреждением, а также и полевые хозяйственные команды при ОКХ. Тогда было очень трудно осуществлять контроль.

ШТЕЙНБАУЭР. Каково было Ваше собственное мнение по этому вопросу ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я считал, что положения Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, относящиеся к этому вопросу, насколько устарели и что их нельзя применять в новой войне, потому что трудовой потенциал гражданского населения является не менее важным, чем военный потенциал солдат на фронте. Мне казалось, что границей является способность собственного населения с учетом условий, определявших его судьбу. Конечно, каждая держава, ведущая войну, имеет свои собственные условия. Поэтому я пытался добиться от рейхсмаршала Геринга заявления о том, что голландцы должны жить так же, как и немцы. Впоследствии, правда, это заявление полностью не соблюдалось.

ШТЕЙНБАУЭР. Как конкретно проводилась конфискация, какими органами ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. До 1943 года нидерландские учреждения

выполняли наши заказы. Деловую оценку выполнения заказов должны были мне давать мои специалисты, потому что я сам ничего не понимал в этих вопросах. В случае жалоб я вмешивался, например, я воспрепятствовал демонтажу маргариновой фабрики в Дортрехте и совершенно нового электрозавода в Лейвардене. Имперский министр Шпеер издал важное распоряжение о том, что в Германию могут быть направлены только машины тех предприятий, которые производят больше чем половину всей продукции в империи, например, с таких заводов, как "Филиппс" в Эйндховене.

ШТЕЙНБАУЭР. Французское обвинение вменяет Вам в вину, что Вы поощряли черный рынок. Что Вы можете сказать по этому поводу ?

ФИССО-ИНКВАРТ. Мы с самого начала выступали против черного рынка, поэтому у нас всегда имелся так называемый серый рынок. Я запретил, чтобы продукты питания текущего производства, а также предметы широкого потребления текущего производства покупались на черном рынке. Каждое отдельное предприятие по согласованию с нидерландскими учреждениями контролировалось моей соответствующей инстанцией. Если выявлялось, что магазин занимается запрещенной мною торговлей, то товары конфисковывались и передавались нидерландским учреждениям. Эти мероприятия на 100% проводились в пользу голландцев, потому что то, что германская империя хотела получить, она приобретала и без того. Я установил из одного документа, что оборот в Нидерландах был на самом низком уровне. Приведенные цифры являются неправильными, так как цены на черном рынке в несколько раз превышали твердые цены, а товаров в действительности было намного меньше.

12186

H1206 – 0166

H1206-0167

ШТЕЙНБАУЭР. В документе ПС-1321 Вам вменяется в вину, что Вы передали медицинские инструменты органам СС.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это правильно, но я прошу оценить этот факт в общем свете моих показаний. Частям СС для их фронтовых госпиталей необходимы были микроскопы так же, как и вообще для госпиталей, разрушенных в результате воздушных налетов. В лаборатории университета в Утрехте имелись микроскопы, которые никем не использовались. Я поручил моим органам расследовать это дело и выдать то, что оказалось лишним. В этой связи я хотел бы указать на очень важный для голландцев случай. Имперские органы хотели ликвидировать институт Каммерлинг в Лейдене. Это один из самых знаменитых институтов в мире, занимающихся изучением низких температур. Мне кажется, что в Советском Союзе и в Америке есть еще такие институты, они связаны в частности с исследованием атомной энергии. Я воспрепятствовал ликвидации этого института, так как это явилось бы невозместимым ущербом для Нидерландцев. Необходимые опыты производились профессором Гейссенбергером в самом Лейдене.

ШТЕЙНБАУЭР. В документе № ПС-1988, РФ-130 Вам вменялось в вину, что Вы распорядились вывезти прокатный завод, находившийся в Иммуйдене.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Прокатный завод в Иммуйдене был построен после мая 1941 года немецкой фирмой, которая в вознаграждение за это получила пай в акционерном обществе, вложившем свой вклады в эксплоатацию доменных печей. Электрооборудование этого завода все время уничтожалось англичанами, но без участия разведки голландского движения сопротивления. Мне кажется, что господин рейхсмаршал вполне

справедливо распорядился демонтировать этот завод, и это произошло. Мне непонятно, почему не были возмещены убытки, так как я ведь издал распоряжение о том, чтобы все то, что вывозится, компенсировалось. Возможно, немецкая фирма перестала быть пайщиком.

ШТЕЙНБАУЭР. Затем Вас обвиняют в том,что Вы распорядились, чтобы значительная часть транспортных средств из Нидерландов была направлена в империю.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я на своем посту не мог распоряжаться средствами транспорта, они находились в ведении военных транспортных комендатур. Я только однажды принял участие в решении этого вопроса, когда была сделана заявка на 50 тысяч велосипедов, а в Нидерландах имелось четыре миллиона велосипедов. Эти велосипеды нужны были для формирования частей в самих Нидерландах.

ШТЕЙНБАУЭР. Далее Вам вменяют в вину то, что Вы распорядились вывезти из публичных музеев и коллекций произведения искусства.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я все время внимательно следил за тем, чтобы особо сохранялись известные произведения искусства, в частности картины в музеях Амстердама, Маурицгуйза и т.д. Но, возможно, что те предметы в этих музеях, которые принадлежали евреям и были отобраны евреями этим музеям, были конфискованы в ходе ликвидации еврейского имущества. Был лишь только один случай нарушения. В Нидерландах имелась коллекция Крёллера, которая была в завещании передана нидерландскому государству. Без моего ведома 3 картины из этой коллекции были доставлены в империю; относительно них я затем заключил с директором

13188

H1206 – 0168

H1206 – 0169

музея контракт о продаже. Я пытался возместить этот убыток, дав музею взамен другие картины. Музей приобрел полотна Ван-Гога и Корра из описка немецких ценных картин, причем директор музея сказал, что эти новые картины намного больше подходят для этого музея, чем старые. Все известные картины музея хранились на Нидерландском побережье. Когда же побережье было превращено в полосу укреплений, я распорядился, чтобы нидерландские власти построили новое хранилище под Маастрихом. Картины были доставлены туда, находясь постоянно в ведении голландцев. Намцы не имели к этому никакого отношения. Осенью 1944 г. д-р Геббельс потребовал, чтобы все эти картины были перевезены в Германию. Я решительно выступил против этого, позаботившись о том, чтобы около хранилищ были выставлены надежные часовые и было выделено соответствующее уполномоченное лицо от нидерландского министерства с тем, чтобы картины были переданы наступавшим войскам противника. Я был убежден, что нидерландское правительство в Англии позаботится о том, чтобы все эти картины оставались в самих Нидерландах.

ШТЕЙНБАУЭР. Присвоили ли Вы себе какие-либо картины ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Для себя лично я вообще не покупал никаких картин в Нидерландах, за исключением двух или трех гравюр современного художника. Я как рейхскомиссар покупал на выставках картины современных художников, если они мне нравились, стоили недорого и предназначались для продажи. Я также покупал картины старых мастеров и дарил их общественным учреждениям в империи, в частности, венскому музею по истории живописи и управлению наместника

13189

в Вене. Все это было куплено на официальном рынке, насколько мне известно. Среди этих картин было полотно, которое приписывалось Фермеру, что, однако, оспаривалось. Я, напротив, рекомендовал для нидерландского государства настоящую картину Фермеера и воспрепятствовал тому, чтобы эта картина была продана империи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Штейнбауэр, против этого подсудимого нет особых обвинений в том, что он покупал картины.

ШТЕЙНБАУЭР. В судебных вынесениях это упоминается. Можно мне продолжать ? Давайте закончим этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нас не интересуют подробности этого вопроса. Нам достаточно заявления подсудимого о том, что он заплатил за эти картины. Нет необходимости в том, чтобы свидетель давал нам детали, касающиеся этих картин.

ШТЕЙНБАУЭР. Итак, я перехожу к следующему вопросу и пред"являю Вам документ РФ-136 - это документ относительно конфискации собственности ее величества, королевы Нидерландов.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, чтобы сказать всю правду, я должен еще добавить некоторые детали к вышеупомянутому. Картины и ценности, принадлежавшие евреям и врагам, конфисковывались, если на то имелись причины. Кроме того, с участием голландских торговцев предметами искусства развилась очень оживленная свободная торговля, которая безусловно поддерживалась свободным обращением валюты.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я хочу перейти к вопросу о королевском имуществе. Это документ РФ-136. Что Вы знаете о распоряжении конфисковать это имущество ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я сам издал это постановление о конфи-

H1206 - 0170

H1206 – 0171

кации. У нас в Нидерландах, как и в каждой оккупированной области, существовало распоряжение о конфискации имущества наших врагов. Когда мы пришли в Нидерланды, был лишь только назначен контроль над королевским имуществом, но на практике на это имущество не было произведено никакого посягательства. Когда начался поход на Восток, в самые первые дни войны, королева Нидерландов обратилась лично с речью по радио, не только заняв очень резкую позицию, но и решительно призвав к активному сопротивлению и сделав фюреру резкие упреки личного характера. При таком положении вещей можно было произвести конфискацию имущества у всех голландцев. Поэтому я решился поступить в данном случае таким образом, чтобы избегнуть дальнейшего увеличения конфискаций, которых я до того требовал, сознавая, однако, что я не смею делать исключений. Я сам, как было сказано, подписал указ о конфискации имущества, чтобы никого не затягивать этим.

ШТЕЙНБАУЭР. Какие директивы издали Вы в ходе проведения этой конфискации ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я издал директивы о конфискации, которые на практике воспрепятствовали ликвидации этого имущества. Я распорядился, чтобы весь земельный фонд и замки были переданы нидерландскому государству, мне кажется, за исключением одного дома, оставшегося в Гааме. Я распорядился также, чтобы ценные бумаги и, кроме того, все ценное движимое имущество и архивы, имевшие историческое и художественное значение, были отобраны специальной нидерландской комиссией с тем, чтобы затем эта комиссия передала все отобранные вещи нидерландскому государству.

Эта комиссия занесла в списки все, что подлежало учету. Я утвердил эти списки и не вычеркнул ни одного предмета. Я для полноты коллекции распорядился передать еще обстановку замков, имевшую историческое значение, Вацик и Хунстенбош, хотя Берлин хотел получить обстановку замка Хунстенбош в память о Бранденбургах. Я, наконец, личные вещи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, я не думаю, что есть необходимость в том, чтобы подсудимый входил в такие детали. Он уже заявил о том, что некоторые из этих вещей были переданы швейцарскому правительству.

ШТЕЙНБАУЭР. Разрешите мне в этой связи задать очень короткий вопрос: знаете ли Вы, насколько в действительности было ликвидировано это состояние ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я приказал, чтобы мне сделали обзор, после чего мне сообщили, что в действительности было ликвидировано три или максимум пять процентов всего состояния, причем вырученная сумма была употреблена на создание фонда по устранению ущерба, нанесенного войной.

ШТЕЙНБАУЭР. Спасибо. Я перехожу к следующему вопросу, а именно к вопросу о конфискации фабрик и сырья. Кто произвел эти конфискации ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я разрешу себе сослаться на мои предыдущие заявления. С лета 1944 года эти конфискации производились, главным образом, полевыми хозяйственными командами. Имеется целый ряд отдельных документов с замечаниями, касающимися меня. Имели место произвольные конфискации. Приезжали люди из империи на грузовиках и начинали вывозить машины. Я вместе с командующим войсками и начальником

H1206 – 0172

H1206 – 0173

СС и полиции распорядился применять против этих методов строжайшие меры.

ШТЕЙНБАУЭР. Итак, я хочу сослаться в этой связи на два документа, которые я пред"явил, но которые я не хочу зачитывать, чтобы сэкономить время. Это документ № 80 и документ № 81, страницы 205 и 208. Из этих документов явствует, что речь идет о делах военных властей и о том, что все эти конфискации были произведены оккупационными войсками. В документе РФ-137, господин свидетель, Вас обвиняют в том, что Вы поощряли вывоз мебели и одежды из Арнгейма.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, это обвинение правильное. Ситуация сложилась следующим образом. Непосредственно на южной окраине Арнгейма проходила линия фронта. В самом городе были воздвигнуты 3 или 4 линии обороны. Город был полностью эвакуирован, он обстреливался, и все оборудование постепенно в течение зимы приходило в негодность. Фюрер тогда распорядился через Бормана, чтобы из Нидерландов в первую очередь вывозилась текстильная продукция для немецких семей, пострадавших от воздушных налетов. В случае невмешательства судьба этой мебели и текстильных товаров была бы, должно быть, такова, что эти вещи либо были бы расхищены, либо пришли бы в негодность под влиянием непогоды, либо сгорели бы во время одного из ~~налетов~~ боев за Арнгейм. Несмотря на то, что город был расположен не в моей области, а во фронтовой полосе, и исполнительная власть, следовательно, находилась в руках военных инстанций, я также дал свое согласие на то, чтобы в данных условиях вся мебель и текстильные товары из этого города

13193

были поставлены в Рурскую область. Одновременно я распорядился, чтобы все эти вещи использовались для возмещения убытков, нанесенных войной. Я думаю, что доктор Виммер, как свидетель, может подтвердить это.

ШТЕЙНБАУЭР. Мне кажется, мы можем покончить с этим вопросом.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Еще имеется одно обвинение. Мне вменяется в вину, что я приказал вскрыть сейфы. Я резко выступал против таких дел и, когда мне доложили о таком случае, я поручил моему главному прокурору выступить с обвинением и при этом я изъял приказ об аресте.

ШТЕЙНБАУЭР. Я перехожу к следующему вопросу. Взрывались и разрушались ли порты, доки, плотины и оборудование горных заводов в Нидерландах ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Такие разрушения начали проводиться тогда, когда Нидерланды стали местом военных действий. Характерным для подрывных работ в портах и доках или взрывов является следующее : порт Антверпен почти без разрушений попал в руки противника, причем, мне кажется, что это имело решающее значение для наступательных действий союзников в дальнейшем. После этого соответствующие военные учреждения в Нидерландах начали предусмотрительно взрывать определенные об"екты.

Я знал лишь о самом факте, но не о подробностях этого дела; я отказался от того, чтобы посмотреть на то, как производились взрывы. Но мой уполномоченный вместе со мной связался с военными инстанциями и, мне кажется, что в Роттердаме не была взорвана половина того,что предполагалось взорвать. Это явствует, во всяком случае, из нидер-

H1206 - 0174

H1206 – 0175

ландских сообщений. Я, надо сказать, не имел никакого отношения к этим разрушениям, за исключением того случая, когда я сам вмешался в это. Когда англичане достигли Лимбурга, пришел приказ о том, что нужно взорвать шахты, как об"екты, имеющие военное значение. Я запросил имперского министра Шпеера и Шпеер отдал приказ не взрывать шахты, а лишь только парализовать их работу, то-есть вывести на 3-4 месяца из строя. И в таком духе издавались и остальные приказы. Я надеюсь, что эти приказы не нарушались.

ШТЕЙНБАУЭР. Мы здесь, на процессе, слышали о приказе "Сожженная земля" /"Фербранте Эрде"/. Действовал ли этот приказ также и в Нидерландах ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Приказ "Сожженная земля" я получил от Бормана. В этом приказе говорилось, что все технические установки должны взрываться без какой-либо военной необходимости. Это практически означало уничтожение Голландии, то-есть западной части Нидерландов. Если в Голландии произвести взрывы в 14-16 местах, то суша через 3-4 недели окажется под водой. Я прежде всего не выполнил этот приказ и связался с имперским министром Шпеером. Я лично встретился с ним 1 апреля в Ольденбурге. Шпеер сообщил мне, что такой же приказ издан и в империи, но что он приостановил выполнение его, что он теперь облада-ет полномочиями в этой области и согласен с тем, чтобы этот приказ не выполнялся в Нидерландах. И, в действительности, дело не дошло до этого.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я перехожу к другому разделу. В действительности/в Нидерландах имели все-таки место затопле-

Вещь

ция. Были ли Вы как-то связаны с этими затоплениями ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я знаком с этим вопросом и имел некоторое отношение к нему. Речь идет о затоплениях, подготовленных военными властями в целях обороны, и речь идет также о тех затоплениях, которые стали необходимыми в ходе боев. Подготовленные затопления были осуществлены в тесном контакте с моим учреждением и с нидерландскими органами. В результате их вмешательства половина предназначенной для затопления площади была спасена. Она была затоплена преимущественно пресной водой, причиняющей меньший ущерб, причем наружные плотины не были подвергнуты уничтожению. По приказу главнокомандующего войсками в Голландии было произведено два больших затопления в военных целях. Особо следует упомянуть морские польдеры в Виринге. Тогда существовала большая опасность высадки авиадесанта, а также развертывания голландской линии обороны.

О том, как проводились затопления в военных целях, меня не уведомляли. Главнокомандующий сам решил эти вопросы за ночь и, когда 30 апреля у меня состоялась встреча с генерал-лейтенантом Бедель-Смитом, начальником генерального штаба генерала Эйзенхауэра, он сказал нам: "То, что Вы до сих пор затопили, можно оправдать в военном отношении, но, если Вы в дальнейшем будете продолжать затопление суши, то это уже нельзя будет оправдать с военной точки зрения". После 30 апреля никаких затоплений больше не производилось.

ШТЕЙНБАУЭР. Я хочу в этой связи указать на документ №86, который находится на странице 221, не зачитав его целиком. Из этого документа явствует, что эти затопления

H1206 – 0176

H1206 – 0177

носили чисто военный характер. Другое обвинение, которое вменяется Вам в вину, господин свидетель, это вопрос о снабжении нидерландского населения продуктами питания. Какие меры приняли Вы для сохранения продовольственного фонда голландцев ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Продовольственный вопрос в Нидерландах был, несомненно, самым сложным вопросом в деле управления страной, и мне кажется, что вследствие специфики данной страны он являлся одним из самых трудных вопросов, которые вообще возникали в оккупированных областях. В Нидерландах нужно прокормить на каждом квадратном километре 270 человек, в Голландии - 600 человек. Для продовольственного хозяйства характерно крайне интенсивное выращивание ценных пород скота, оно зависит от ввоза кормовых культур, но в связи с оккупацией и блокадой импорт прекратился. Все продовольственное хозяйство нужно было реорганизовать, продукты питания должны были производиться для непосредственного потребления населением. Безусловно, большая заслуга нидерландского сельского хозяйства и его руководства заключалась в том, что это удалось. Но я хотел бы сказать, что мои специалисты очень эффективно помогали разрешить этот вопрос, и мы получили некоторую поддержку со стороны империи. В Нидерландах существовало хорошо упорядоченное распределение продуктов питания, что едва ли имело место в какой-либо другой оккупированной области.

Самым важным для меня было сохранить этот аппарат, занимавшийся распределением продовольствия, хотя его руководитель генерал-директор Лаурес и весь аппарат были

настроены резко антигермански. Но я все-таки сохранил этот аппарат с согласия имперских центральных органов, потому что иначе я не мог бы нести ответственность за снабжение продовольствием.

ШТЕЙНБАУЭР. Поставляли ли Вы продовольствие в империю?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да. Войска прежде всего претендовали не то, чтобы снабжаться продовольствием, имеющимся в стране. Но зерно в количестве 36.000 тонн пришлось поднести из империи, взамен должны были поставляться овощи. Кроме того, империя потребовала поставок племенного скота, мясных консервов, стручковых культур и некоторых других продуктов. То, что нужно было поставлять овощи и мясо, не было особенно в тягость, однако, поставки стручковых культур были неприятны. Я убежден, что швейцарский аппарат сделал все от него зависящее, чтобы воспрепятствовать этим поставкам.

ШТЕЙНБАУЭР. Я думаю, что тема достаточно исчерпана, и мне хотелось бы спросить Вас, каково было осенью 1944 г. положение в области продовольствия ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. У нас в течение продолжительного времени оккупации люди получали сначала три тысячи калорий, а затем около 2500 калорий, в 1944 г. - 1800 калорий. Современная обстановка показывает, что это значит. Итак, осенью 1944 г. Швейцарцы стали опять театром военных действий. Почти что одновременно с высадкой первых английских дивизий под Аргентаном началась генеральная забастовка швейцарских железнодорожных рабочих по приказу швейцарского правительства, находившегося в Англии. Забастовка была проведена почти повсеместно. Приблизительно в то же самое время исчез-

H1206 – 0179

ли пароходы с рек и озер. Формально это не было забастовкой, но фактически это носило характер забастовки.

Из-за такой ситуации оборонительные возможности германских вооруженных сил сильно сократились. Германская армия начала конфисковывать пароходы и, таким образом, фактически нарушила всякое транспортное сообщение. Я связался с военными инстанциями, мне там ответили, что, если прекратится стачка железнодорожников, то им не нужно будет действовать так сурово. Я приказал сообщить об этом генеральному секретарю Гирахфельду и генеральдиректору Лаурсу. Но ничего нельзя уже было достигнуть и я должен был подумать о том, как я сумею восстановить прерванное судоходство. Я говорил с военными инстанциями о том, что я предоставляю им определенное время - от 3 до 4 недель-для того, чтобы они резервировали для себя необходимый им тоннаж. Им необходимо было иметь из двух имевшихся миллионов 450.000 тонн. На это время пришлось прекратить всякое судоходство, потому что военные учреждения все равно конфисковывали бы любое судно. Я допустил лишь, чтобы в Голландии продолжали плавать маленькие суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое это имеет отношение к обвинениям, выдвинутым против подсудимого ?

ШТЕЙНБАУЭР. В нидерландском правительственном отчете, который упоминался также и Обвинением, очень подробно говорится о том, что подсудимый, как рейхскомиссар, несет ответственность за голод, который вспыхнул в сентябре 1944 года и прдлился до весны 1945 года, за высокую

смертность, которая имела место особенно среди детей, и именно потому, что он якобы нарушил подвоз продуктов питания, так как было прекращено судоходство и вспыхнула забастовка железнодорожников. Это одно из наиболее тяжких пунктов обвинений, которые вообще предъявляются. Я вызвал по этому вопросу также свидетелей и сейчас, вероятно, сокращу эту тему для того, чтобы сами свидетели могли дать потом показания.

ЗАУКС-ИНКВАРТ. Я прошу все-таки, чтобы мне разрешили высказаться по этому поводу, потому что это обвинение является для меня наиболее тяжким.

ШТЕЙНБАУЭР. Может быть, мы могли бы сделать перерыв, если господин председатель согласен с этим ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

/Объявляется перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ШТЕЙНБАУЭР. Прошу прощенья. Правительственный отчет утверждает, что в то время 510 тысяч голландцев умерли голодной смертью. Поэтому я хотел бы задать Вам вопрос относительно того, какие причины заставили Вас наложить эмбарго на транспортные сообщения ?

ЗАУКС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что я в основном дал уже раз"яснения по существу. Положение с транспортом было таково, что армии нужно было резервировать за собой определенный тоннаж. Пока армия не сделала этого, судоходство не могло быть. Я хотел, чтобы это мероприятие заняло как можно меньше времени для того, чтобы затем обеспечить упоря-

H1206 – 0180

H1206 - 0181

почтенное судоходство и чтобы после этого могло быть гарантировано бесперебойное снабжение Голландии продуктами питания. Фактически судоходство было прервано не в результате моего эмбарго, а в результате того, что все суда, какие только имелись, были конфискованы. Это подтвердят свидетели. Я задавал себе, естественно, вопрос, окажется ли под угрозой снабжение Голландии продовольствием, причем я, конечно, говорил себе, что голландцы сами создали для себя тяжелое положение и что нельзя забывать также о военных интересах империи. Я говорил себе, что если я смогу во второй половине октября установить упорядоченное судоходство, то, как следовало из моего прежнего опыта, в моем распоряжении оставалось два месяца для того, чтобы снабдить Голландию продовольствием. Я смогу поставить в Голландию от 200 до 250.000 тонн продовольствия. Этого количества продуктов было достаточно для того, чтобы сохранить продовольственную норму в 1400-1800 калорий в день. Я помню, как, кажется, между 15 и 20 октября я издал приказ о возобновлении судоходства.

ШТЕЙНБАУЭР. Какие распоряжения Вы отдали ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Но судоходство не вошло опять в свою колею, так как нидерландские сотрудники на транспорте разбежались, вероятно, из страха, что их могут привлечь к ответственности за генеральную стачку железнодорожников. В течение нескольких недель делались безуспешные попытки. В конце концов я переговорил с генеральным секретарем Хирфельдом и дал ему все полномочия, в частности...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, Трибунал считает, что Вам не следует рассматривать этот вопрос в таких подробных деталях.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, может быть, Вы совсем кратко резюмируете свои меры по оказанию помощи населению Нидерландов ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я, собственно говоря, уже закончил. Я передал все соответствующие полномочия в области транспорта генеральному секретарю Хиршфельду. Он затем, конечно, с большим трудом наладил транспортное сообщение. Он подтвердил, что я оказывал ему всяческую поддержку. В Голландию прибыло продовольствие, однако, много людей пропало даром. Я затем в своей сфере компетенции оказал дополнительную помощь, о чем могут дать показания свидетель ван дер Вейде /опросный лист/ и, вероятно, свидетель Швебель.

ШТЕЙНБАУЭР. В качестве следующего документа я хочу предъявить письменное показание под присягой свидетеля ван дер Вейде. Это письменное показание недавно прибыло, но перевод уже сделан и поступит в распоряжение Высокого суда сегодня полудни или завтра утром. Я сейчас предъявляю суду подлинник этого документа, и, мне кажется, нет надобности зачитывать этот документ, переведенный на 4 языка. Здесь говорится лишь только о продовольственном положении в это критическое время.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите мне еще обратить внимание на то, что нидерландское правительство ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой это номер документа ?

ШТЕЙНБАУЭР. Это документ № 105.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нидерландское правительство исправило затем в своем отчете число жертв: с 50 тысяч на 25 тысяч.

13202

H1206 – 0182

H1206 – 0183

ШТЕЙНБАУЭР. Сейчас я перехожу к последнему этапу Вашей деятельности на посту рейхскомиссара и я хотел бы спросить Вас, когда Вы убедились в том, что вооруженное сопротивление является бессмысленным в Нидерландах ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Из моего письма фюреру в 1939 году явствует, что приходилось также рассчитывать на то, что Германия может проиграть войну. Опасения, что это действительно может произойти, появилось после поражения под Сталинградом. Сначала не исключалась возможность поражения, а потом, со временем, я стал испытывать опасения за исход, сознавая все отчетливо на основании заявления, сделанного имперским министром Шпеером 1 апреля.

ШТЕЙНБАУЭР. В 1945 году ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, в апреле 1945 года. До этого я не хотел еще верить в поражение, так как мне казалось, что я должен при любых обстоятельствах категорически не соглашаться с требованием безоговорочной капитуляции и с оккупацией всей территории, потому что нельзя было предвидеть последствий. Шпеер сказал мне в то время, что война сравнительно скоро закончится, потому что военная промышленность не может больше производить вооружения. Он сказал, что это произойдет через два-три месяца.

ШТЕЙНБАУЭР. Когда Вы пришли к этому убеждению, что же Вы сделали на практике ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я принял решение покончить с оккупацией, фактически прекратив оборону, не нарушая тем самым своего долга по отношению к империи и фюреру. Я отправился в Гаагу и встретился с генеральным секретарем Хиршфельдом и об-

13213

сущил с ним события. Мы пришли к решению самим обратиться непосредственно к доверенным лицам нидерландского правительства в Гааге, которые для меня были на нелегальном положении, и попросить их вступить в переговоры с союзниками на тех условиях, что собзные войска не будут вести военных действий против Голландии и тем самым будут предотвращены дальнейшие разрушения; затем союзники позаботятся о снабжении продовольствием голландского населения, вступив в непосредственный контакт с голландским аппаратом продовольствия, после чего мы будем ожидать окончания войны.

ШТЕЙНБАУЭР. Не явилась ли Ваши действия самовольным актом в отношении германского правительства ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда это имело место ?

ШТЕЙНБАУЭР. Какого числа ?

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Моя беседа с генеральным секретарем состоялась 2 апреля 1945 года. После этого переговоры несколько затянулись и 30 апреля состоялась встреча с генерал-лейтенантом Бедел-Смитом. Я сознательно не просил у Берлина специальных полномочий, чтобы избежать отказа или запрещения. Я сделал это под свою ответственность. Командующий войсками в Нидерландах генерал Бласкович был очень озабочен, он вызвал меня к себе ночью, так как его руководящие инстанции запросили его, что, собственно, происходит в Нидерландах. Я, несмотря на это, решился выполнить запуманное потому, что это мероприятие при данной ситуации казалось единственно разумным. 30 апреля состоялась встреча, которая фактически привела к результату,

13204

H1206 – 0184

H1206 – 0185

который был мне желателен, и к тому, что фактически прекратилась оборона Голландии.

ШТЕЙНБАУЭР. Что Вы лично предприняли после этого ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Адмирал Дениц, как глава государства, вызвал меня к себе, в Фленсбург; я на быстроходной моторной лодке переплыл Северное море и явился к нему с докладом, что гросс-адмирал может подтвердить, как свидетель. Я добился того, что приказ о производстве взрывов был отменен; после этого я сделал все для того, чтобы обратно вернуться в Нидерланды. В конце концов, я взял курс на Голландию, но по пути был арестован в Гамбурге.

ШТЕЙНБАУЭР. Скажите, почему Вы снова хотели возвратиться в Нидерланды ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Во-первых, я хотел позаботиться о своих сотрудниках. Во-вторых, я всегда думал, что за то, как я управлял страной, я должен сам отвечать. И, наконец, я считал, что если во время триумфа мы были в первых рядах, то и в период нашего несчастья мы должны быть в авангарде.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, я окончил допрос свидетеля.

/К микрофону подходит защитник СС Карл Хензель/.

ХЕНЗЕЛЬ /защитник организации СС/. Принадлежали ли Вы к СС ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я имел почетное звание в общих СС и обладал таковым; я не являлся действительным членом. Но я очень интересовался СС, как идеологической и политической формацией.

ХЕНЗЕЛЬ. Исполняли ли Вы какие-нибудь функции в СС или

у Вас был лишь только ранг ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. "Де юре" у меня был лишь только ранг. В политическом отношении я пытался оказать некоторое влияние на членов СС в Нидерландах, если эти члены не принадлежали к полиции безопасности или к войскам СС, и мне кажется, что я могу сказать, что в апреле 1945 года "де-факто" был первым руководителем СС /СС-фюрером/ в Нидерландах.

ХЕНЗЕЛЬ. Сложилось ли у Вас такое впечатление, что СС является единой, монолитной организацией, или Вы заметили, что внутри этой организации имеются противоречия ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Внешне в СС царила чрезвычайно строгая дисциплина. Внутри же самой организации имелись разногласия, представлявшие два течения. Одно течение хотело видеть СС только политическую воспитательную формацию, например, этого мнения придерживался обергруппенфюрер Гейдрих; другие хотели превратить СС в государственный орган с исполнительной властью; к числу таких лиц принадлежал Гейдрих. Гиммлер сначала колебался, но затем полностью перешел на сторону Гейдриха. Мысль об идеологическом назначении СС отпала потому, что Гиммлер стал использовать СС как организацию, облаченную исполнительной властью.

ХЕНЗЕЛЬ. Укажите, пожалуйста, к какому времени это относится. Вы сказали "отпала"; когда был этот период, в каком году ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, это началось уже в 1938 году и особенно эта тенденция стала резко проявляться с началом восточной кампании.

ХЕНЗЕЛЬ. Нельзя ли утверждать, что с 1939 года общие СС

13206

H1206 – 0186

H1206 – 0187

/Альгемайне СС/ стали играть незначительную роль; большее значение приобрели служебные группы, имевшие исполнительную власть, и войска СС ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Во всяком случае, начиная с этого года, Гиммлер разослал членов общих СС в различные организации, облацавшие исполнительными функциями. Общие СС, по крайней мере для меня, утратили свое значение.

ХЕНЗЕЛЬ. Не кажется ли Вам, что обычный член СС не мог знать об этой борьбе за власть в руководстве СС ? Мог ли он проникнуть в эти хитросплетения или он не подозревал ничего ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне не кажется, что он не знал всего этого, но имелось очень много членов СС, которым было не по себе в СС и которые только из чувства долга оставались в своей организации.

ХЕНЗЕЛЬ. Вы сказали во время своего допроса, что приказ Гейдриха побудил Вас выслать евреев из Голландии. Видели ли Вы соответствующий приказ Гитлера, адресованный Гейдриху ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, да. В этом приказе принял участие Гитлер потому, что приказа Гейдриха не было бы достаточно.

ХЕНЗЕЛЬ. Вы излагаете все таким образом, словно Гейдрих сказал Вам, что у него имеется такой приказ.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, он мне сообщил об этом и через несколько недель он прислал мне сам приказ.

ХЕНЗЕЛЬ. Он был письменно оформлен ?

13204

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, он был письменно оформлен.

ХЕНЗЕЛЬ. И что было там написано ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Что ему поручается окончательное решение еврейского вопроса во всех областях.

ХЕНЗЕЛЬ. Когда это было - в 1940 или 1941 году ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это было приблизительно в то время, когда началась эвакуация. Мне кажется, что это было в 1942 году.

ХЕНЗЕЛЬ. Нет, Вы заблуждаетесь,-это было в 1941 году; позже этого быть не могло.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вероятно, он показал мне приказ позже, даты же издания приказа я не помню.

ХЕНЗЕЛЬ. Я тоже так думаю; но этот приказ, как Вы сказали, был общего характера.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, общего характера.

ХЕНЗЕЛЬ. Его можно было как угодно истолковать. Вы (не) знаете...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, у меня сложилось такое впечатление, что Гейдрих должен был провести в оккупированных областях эвакуацию; для меня в то время не было еще совсем ясно, является ли эта эвакуация окончательной или нет, но я думал, что она могла быть окончательной. В самом крайнем случае я предполагал, что евреи будут размещены в определенных лагерях и после окончания войны где-нибудь расселены.

ХЕНЗЕЛЬ. Простите, господин свидетель, но под самым крайним случаем предполагалось уничтожение евреев ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я говорю о том крайнем случае, о котором я подумал.

13248

H1206-0188

H1206 – 0189

ХЕНЗЕЛЬ. И который мог возникнуть в Вашем представлении из текста приказа ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

ХЕНЗЕЛЬ. Теперь вопрос заключается в следующем: можно ли предположить, что Гейдрих вышел за рамки приказа Гитлера, что Гитлер не хотел, чтобы совершались те акты, виновником которых является Гейдрих ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Об этом я не могу дать никаких показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, что подсудимый может сказать что-нибудь лучше, чем мы сами, о том, что, возможно, мог сделать Гейдрих. Он не может давать показания о подобного рода вещах.

ХЕНЗЕЛЬ. Говорили ли Вы с Гитлером до 1943 года об этих проблемах ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я присутствовал иногда, когда он выступал по этому вопросу. Основная тенденция заключается в том, чтобы исключить евреев из среды германского народа и послать где-нибудь за границей.

ХЕНЗЕЛЬ. Но не было произнесено ни одного слова об уничтожении ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Ни одного.

/К микрофону подходит адвокат Сервациус/.

СЕРВАЦИУС /защитник подсудимого Заукеля/. Господин свидетель, приказывал ли Заукель организовывать в Нидерландах облавы, оцеплять церкви и кино ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, этого он не мог сделать, я бы не допустил, и он этого не требовал.

СЕРВАЦИУС. Имел ли он какое-нибудь отношение к мероприя-

тиям, провоцировавшимся сухопутными силами в 1944 году ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, об этом он ничего не знал, а, когда ему это стало известно, один из его сотрудников явился для того, чтобы на всякий случай завербовать квалифицированных рабочих, но это ему не удалось, так как военные инстанции отослали этих людей в империю.

СЕРВАТИУС. Отправлялись ли при нормальных транспортных условиях эшелоны с рабочими, отбывавшими регулярно в Германию в связи с мобилизацией, провоцировавшейся Заукелем, или можно было установить какие-либо грубые нарушения ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Независимо от того, имела ли место добровольная отправка на работу или в порядке трудовой повинности, условия в эшелонах были такие же, какие существовали для всех людей, совершавших какую-либо поездку. Эшелоны сопровождались не полицией, а чиновниками трудового управления, за исключением 2600 человек, которые были арестованы полицией и отправлены в лагерь Заукеля.

СЕРВАТИУС. Имел ли Заукель какое-либо отношение к отправке заключенных или евреев из Нидерландов ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, никакого.

СЕРВАТИУС. Знаете ли Вы, каковы были условия труда для прибывших из Голландии в Германию рабочих ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В основном эти условия были мне известны. Это были такие же условия, в которых находились рабочие в империи, но имелись и трудности. Во-первых, руководители предприятий в империи утверждали, что некоторые голландцы, завербовавшись на работы, давали о себе непра-

13210

H1206 – 0190

H1206 – 0191

вильные овощения и не выполняли поставленных им условий. Во-вторых, трудовые договоры были ограничены сроком, а руководители предприятий хотели задержать голландцев в империи не более продолжительное время. После этого я позаботился о том, чтобы в эти договоры не были включены такие пункты, которые затем не будут в действительности выполнены в Германии, независимо от того, с чем затем придется столкнуться в Германии.

СЕРВАТИУС. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

/К микрофону подходит адвокат Латернзер - защитник ОКВ и генерального штаба/.

ЛАТЕРНЗЕР. Господин свидетель, я хотел бы задать Вам один вопрос по поводу затоплений. Что предприняли Вы, Ваш аппарат или командующий войсками "Вест" для того, чтобы воспрепятствовать затоплению насосных станций и тем самым предотвратить затопление больших пространств в Голландии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне не совсем ясен Ваш вопрос. Насосные станции не могли быть затоплены, а лишь только польдеры.

ЛАТЕРНЗЕР. Да.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Имелись две опасности. Во-первых, опасность взрывов; в таком случае не помогли бы и насосные станции, и эти взрывы, как известно, не были произведены, их предотвратили. Во-вторых, у нас была резкая нехватка угля и нефти. Мы прилагали усилия к тому, чтобы поставлять уголь на насосные станции, пока это было возможно. В плане распределения топлива уголь для этих насосных установок входил в графу 1 "спешно", то-есть уголь на эти насосные станции поставлялся в таком же порядке, как и по заявкам

военных инстанций. Когда постепенно стали сокращаться поставки угля, мы допустили, чтобы польдеры, расположенные намного ниже уровня моря, покрылись водой для того, чтобы спасти другие польдеры от затопления. При этом имело место сотрудничество с нидерландскими учреждениями, совершенно лишенное каких-либо трений. И представитель английского правительства, с которым я позже беседовал и к которому я направил моего специалиста, заявил, что с точки зрения специалистов против наших мероприятий по затоплению нельзя возражать.

ЛАТЕРНЗЕР. Еще другой момент. Вы на вопросы своего защитника ответили, что Вы были против разрушений в порту Роттердама. Кому Вы выразили свой протест ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Тогдашнему командующему войсками и комендиру в системе вооруженных сил генералу Христиансену, который тотчас же перешел на мою сторону.

ЛАТЕРНЗЕР. То-есть Вы сразу же встретили понимание. Ваши, обращавшиеся в эту военную инстанцию после Вашего вмешательства, единодушно встречали там понимание ?

Зейсс-Инкварт. Да. Латернзер. У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник Шпеера - адвокат Флекснер./

ФЛЕКСНЕР /защитник подсудимого Шпеера/. Господин свидетель, Вы вчера упомянули о предприятиях закрытого типа. Можете ли Вы мне сказать, когда у Вас в Голландии были учреждены эти предприятия закрытого типа и какое влияние это оказало на использование рабочей силы; я, следовательно, имею в виду вывоз рабочих из Голландии в Германию ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что эти предприятия закрытого типа были созданы в 1943 году, если я правильно припоми-

H1206 – 0192

H1206 – 0193

нию, а именно во второй половине 1943 года. Рабочие предприятий закрытого типа получали броню. Поэтому была частично прекращена, частично затруднена вербовка и отправка нидерландских рабочих в империю.

ФЛЕКСНЕР. После того, как предприятия закрытого типа были пущены в ход и можно было работать на них, поставлялось ли из Германии в Голландию сырье, в частности уголь, для того, чтобы можно было успешно выполнить заказы ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что все сырье поставлялось, за исключением угля. Уголь привозился из Лимберга.

ФЛЕКСНЕР. Вы упомянули вчера организацию Тодт. Известно ли Вам, в какой степени организация Тодт в Голландии привлекала местные строительные фирмы для строительных работ, которые она производила на Атлантическом валу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что преобладающее количество строительных работ в Северной Франции, Бельгии и Голландии производилось местными строительными фирмами. В Голландии это было определенно так. Голландские строительные фирмы выполняли также заказы в Северной Франции и в Бельгии. Эти фирмы привозили с собой своих рабочих. Вследствие этого к середине 1942 г. в Северной Франции и Бельгии находилось около 35-40 тысяч нидерландских рабочих, которые были поставлены туда не в рамках трудовой повинности.

ФЛЕКСНЕР. Можете ли Вы мне сказать, какое влияние эта система оказала на вербовку местной рабочей силы ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Местные рабочие, конечно, более охотно шли на предприятия закрытого типа и в фирмы организации "Тодта" потому, что они были избавлены там от отправки в

империю. Кроме того, они получали в организации "Тодт" дополнительное количество продовольствия.

ФЛЕКСНЕР. Господин свидетель, когда в августе или в сентябре 1944 г. в результате воздушных налетов противника в Голландии производство было нарушено и отчасти даже вовсе прекратилось, какие меры приняли Вы, чтобы сохранить незанятых рабочих на предприятиях закрытого типа ?

БЕНСС-ИНКВАРТ. У нас были три возможности: во-первых, вывезти рабочих в империю, во-вторых, уволить рабочих с предприятий и дать им пособия для безработных и, в-третьих, сохранить рабочих и выплачивать им и дальше содержание, не оставляя их работать или давая им небольшую работу. Мне кажется, что было издано постановление имперского министра Шпеера, согласно которому была избрана третья возможность. На этих предприятиях рабочих продолжали оплачивать. Затем я позаботился о том, чтобы владельцы фабрик приблизительно уравняли на своих предприятиях заработную плату.

ФЛЕКСНЕР. Господин свидетель, Вы упомянули о беседе, которая у Вас состоялась 1 апреля 1945 г. с имперским министром Шпеером. Можете ли Вы нам сказать, какова была первоначальная цель этой беседы ?

БЕНСС-ИНКВАРТ. О той цели, которую я преследовал, я уже упомянул: я хотел поговорить со Шпеером относительно приказа "Сожженная земля". Но у министра Шпеера была также своя цель; он хотел, чтобы мы из Северных Нидерландов поставили эшелон с картофелем в Рурскую область и вместо этого привезли из Рурской области - уголь в Нидерланды.

13214

H1206 - 0194

H1206 – 0195

Учитывая запасы картофеля в Северных Нидерландах, это можно было вполне осуществить, но тяжелое положение с транспортом помешало этому.

ФЛЕКСНЕР: Сообщил ли Вам при этом Шпеер относительно предусмотрительных мероприятий по разрешению продовольственного вопроса после окончания оккупации?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Министр Шпеер сообщил мне, что за пределами Рурской области он скопил эшелоны с продовольствием, отобрав при этом у инстанций, занимавшихся вооружением, транспортные средства для того, чтобы, когда союзники оставят позади себя Рурскую область, предоставить ей эшелоны с продовольствием.

ФЛЕКСНЕР: Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли Обвинение подвергнуть перекрестному допросу свидетеля? Простите, доктор Кубушок, Вы хотели что-то сказать?

/К пульту подходит защитник Кубушок/.

КУБУШОК: Подсудимый Кальтенбруннер просил меня, поскольку я сижу к нему ближе всех, заявить следующее. Он обсудил со своим защитником большое число вопросов, которые должны быть заданы свидетелю Зейсс-Инкварту. Я сейчас пытался связаться с защитником Кальтенбруннера, д-ром Кауфманом, но, очевидно, он не сможет появиться здесь ни сейчас и ни сегодня по полудни. Подсудимый Кальтенбруннер ходатайствует о том, чтобы его защитнику разрешили задать завтра утром эти вопросы свидетелю Зейсс-Инкварту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал ожидает получить об"яснение от доктора Кауфмана относительно того, почему он не находится здесь для того, чтобы подвергнуть свидетеля перекрестному допросу. Он должен был знать, что к этому

времени он должен был бы находиться здесь для ведения перекрестного допроса. Но Трибунал согласен с вашим предложением о том, что вопросы этого свидетеля могут быть поставлены позднее, завтра, например, если возможно.

Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

/ К микрофону подходит французский обвинитель /.

Г-н ДЕБЕНЕ: Подсудимый, вы получили юридическое образование и вы сказали, что вы даже получили диплом доктора права на юридическом факультете в Вене в 1917 году ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это правильно.

Г-н ДЕБЕНЕ: Вы были адвокатом с 1929 года по 12 февраля 1938 года ? После этого вы стали министром внутренних дел ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: С 1931 года.

Г-н ДЕБЕНЕ: Хорошо.

Скажите, клиентурой вашей конторы в большинстве своем были евреи ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Их было не много, но среди прочих клиентов были и евреи.

Г-н ДЕБЕНЕ: Однако, вчера вы нам заявили, что вы были антисемитом, начиная с мировой войны ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мои клиенты это прекрасно знали, это было общеизвестно.

Г-н ДЕБЕНЕ: И это тем не менее не заставило вас пренебречь деньгами евреев ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, но и евреи также не останавливались перед тем, чтобы пользоваться моими услугами.

Г-н ДЕБЕНЕ: Хорошо. Вы были католиком ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Что вы имеете в виду ?

Г-н ДЕБЕНЕ: Я спрашиваю, являетесь ли вы католиком ?

13211

H1206 – 0196

H1206 – 0197

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я принадлежу к лону католической церкви.

Г-н ДЕБЕНЕ: Не являлись ли вы также членом союза католического братства в то время, когда вы были студентом ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я никогда не был членом студенческой корпорации, ни национальной, ни католической.

Г-н ДЕБЕНЕ: Претересно. Вы были назначены рейхскомиссаром в Голландии приказом Гитлера от 18 мая 1940 года. Это правильно ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЕ: Как вы вчера показали, - по прибытии в Голландию вам были даны следующие директивы: сохранять независимость Голландии и установить экономические связи между этой страной и Германией. Вы также добавили, что фюрер в дальнейшем никогда не подвергал изменению эти директивы, не так ли ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не понял одного слова, а именно того слова, которое относится к экономическим связям.

Г-н ДЕБЕНЕ: Я сказал вам, что вы прибыли в Голландию со следующими директивами:

с одной стороны, сохранять независимость Голландии,

с другой стороны, установить экономические связи между этим государством и Германией. Это правильно ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не совсем согласен с такой формулировкой. Я должен был стремиться к установлению возможно более тесного экономического контакта между Голландией и Германией, причем также и экономическая система в будущем не должна была быть независима, не говоря, конечно, о мероприятиях, вызванных ~~в последнее~~ в то время военной необходимостью.

Г-н ДЕБЕНЕ: Наконец, вы показали, что по прибытии в

Голландию Вы не имели намерения привить определенную политическую волю нидерландскому народу, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я бы, пожалуй, так не сказал. В мои намерения входило по возможности содействовать национал-социалистской политике в Голландии, не навязывать ее, а лишь только содействовать.

Г-н ДЕБЕНЗ: Вы не намеревались привить эту политическую волю, но вы намеревались ее навязать?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, потому что политическое мировоззрение вообще никогда нельзя навязать.

Г-н ДЕБЕНЗ: Прекрасно. Я сейчас передам вам документ 997-ПС. Этот документ уже был представлен как Обвинением под № США-708, так и защитой вчера.

Будьте любезны обратиться к страницам 7 и 8 немецкого текста/страница 7-я французского перевода/, к параграфу, озаглавленному "Мероприятия". Этот документ, как Вам известно, является отчетом, который Вы сами составили.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, правильно.

ДЕБЕНЗ: Вы пишете:

"При таком положении вещей необходимо было прежде всего уничтожить влияние Винкельмана, что и было достигну то следующим образом. Генеральные секретари были поставлены в известность о том, что они не будут более получать приказов от рейхскомиссара, с чем они формально согласились. Посты генеральных секретарей были сохранены за прежними людьми, так как необходимо было признать, что было почти невозможно найти для их замены нидерландских подданных, которым можно было бы поручить администрацию. В правых партиях почти совершенно нет лиц, которые бы ли бы ~~достаточно~~ компетентными для такой работы. Однако, было

H1206 – 0198

H1206 – 0199

необходимо, чтобы о ряде мероприятий, в особенности экономических, а также политических, было сообщено нидерландскому народу в заявлениях за подписью генеральных секретарей".

В общем, из этого документа явствует, что если Вы и решили сохранить институт генеральных секретарей, то только потому, что они были вам нужны для навязывания голландцам ряда мероприятий, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, но где там вообще говорится о политике,- это ведь вопрос административного порядка.

Г-н ДЕБЕНЕ: Насколько мне известно, в данном случае речь идет об экономических, а также политических вопросах.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, в немецком тексте сказано: "Полицейские вопросы". Речь идет об экономических и полицейских вопросах, а не о политических. Между этими вопросами существует разница.

Г-н ДЕБЕНЕ: В таком случае я вам вновь прочитаю фразу, исправленную в соответствии с вашим ответом: "Однако, было необходимо, чтобы о ряде мероприятий, в особенности экономических, а также с политической точки зрения..."

Как здесь теперь должно быть: "политической" или "полицейской"?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Минутку. Однако здесь ведь имеется в виду не политика в смысле партийной политики, а политика в смысле обращения с жителями Нидерландов. Станут ли они при этом национал-социалистами или нет,- мне было безразлично.

13219

Г-н ДЕБЕНЭ: Но как это проводилось, в интересах нидерландской или германской политики?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я полностью признаю, что я проводил германскую политику. Это было частью моей миссии.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но разве германская политика в то время не являлась политикой национал-социалистской партии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Германская политика являлась в то время политикой борьбы за сохранение германского народа, которую вела национал-социалистская партия, но материальной основой являлось не осуществление 25 пунктов партийной программы, а завершение борьбы за существование германского народа.

Г-н ДЕБЕНЭ: В вашей администрации в Нидерландах с вами сотрудничали четыре генеральных секретаря: Циммер - по администрации и юридическим вопросам, Фишбах - по экономическим и финансовым вопросам, Рейтер - по вопросам общественной безопасности и Шмидт - по специальным вопросам.

Генеральный секретарь по вопросам общественной безопасности Рейтер находился в Вашем непосредственном подчинении?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Эти четыре перечисленных генеральных комиссара были в моем непосредственном подчинении, и Рейтер в числе их, постольку, поскольку он стоял во главе нидерландской полиции, как генеральный комиссар по вопросам безопасности, а не потому, что он был начальником немецкой полиции.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы решили лично управлять и руководить в Голландии. С этой целью Вы распустили две ранее существовавшие палаты. И этим же приказом Вы ограничивали

H1206 - 0200

H1206 – 0201

права Государственного Совета в области юрисдикции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не помню сейчас этого постановления; может быть, это было действительно так, как Вы говорите.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы также обеспечили себе контроль над финансами и государственной казной в Нидерландах. С этой целью вы 24 августа 1940 года издали распоряжение, которое давало вам возможность назначать президента голландского банка?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я точно не помню даты, но я издал действительно такое постановление.

Г-н ДЕБЕНЭ: Когда вы прибыли в Нидерланды, господин Трипп был президентом нидерландского банка, а также генеральным секретарем казначейства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: По какой причине вы его заменили другим лицом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Потому, что господин Трипп не хотел участвовать в изъятии имевшихся в то время девизов и в ограничениях, связанных с клирингом. Я предложил ему выйти в отставку, если он не хочет выполнять моих мероприятий.

Г-н ДЕБЕНЭ: А кем вы его заменили?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Господином Рост фон Тоннингеном.

Г-н ДЕБЕНЭ: Давно ли вы знали господина Рост фон Тоннингена?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне думается, что нет. Я знал его лишь по фамилии. У него были соответствующие способности, он занимал в Рейне, в Австрии, приблизительно тот же пост.

Г-н ДЕБЕНЭ: С какого времени вам известна эта фамилия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Вероятно, с того времени, как он

вступил ~~на~~ в свою должность в Вене. Я не знаю, когда это было.

Г-н ДЕВИНЭ: Не поддерживали ли Вы с ним контакт, когда он находился в Вене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется, что я его даже ни разу не видел за то время.

Г-н ДЕВИНЭ: Разве господин Рост фон Тоннинген не был членом национал-социалистской партии Голландии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДЕВИНЭ: Не это ли является причиной того, что вы назначили его на этот пост?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это было одной из причин. ~~Еще~~ Но главным образом не потому, что он был членом партии, а потому, что он придерживался нашей линии.

Г-н ДЕВИНЭ: Обратитесь, пожалуйста, опять к документу 997-ПС, который я вам сейчас вручил, к странице 5 немецкого текста/5-я страница перевода на французский язык/. Вот что вы говорите о господине Рост фон Тоннингене:

"Господин Рост фон Тоннинген целиком отвечает всем идеологическим требованиям, заключающимся в германской и национал-социалистской ориентации. Это оратор, полный темперамента и жаждущий деятельности. Он не находит силу в себе самом и ищет поддержку у третьих лиц."

Итак, насколько я понимаю, из того, что вы здесь пишете, отнюдь не явствует, что господин Рост фон Тоннинген был компетентен в финансовых вопросах.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Что касается других лиц, то я описывал не их специальную квалификацию, а их политические установки. Я не писал, что господин Муссерт является действительно признанным инженером в Нидерландах, я лишь характеризую его политические установки.

Г-н ДЕВИНЭ: Благодарю вас. Итак, вы учредили в Нидерландах гражданскую администрацию, а также германскую гражданскую администрацию.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Моих четырех генеральных комиссаров нельзя было рассматривать, как лиц, исполняющих в то же функции, какими обычно обладают министры. Но определенные функции были все-таки предоставлены генеральным секретарям.

Однако генеральные секретари не составляли правительства

13222

H1206-0202

H1206 – 0203

или министерства. Я сам вчера упомянул о том, что я стал во главе правительства.

Г-н ДЕВЕНЭ: Но ведь генеральные секретари представляли правительство Нидерландов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, генеральные секретари были главными начальниками, чиновниками в отдельных министерствах. Но они не являлись теми, кого мы называем носителями верховной власти в государстве. Эти господа находились в Англии.

Г-н ДЕВЕНЭ: Однако, Вам, тем не менее, было известно, что они были оставлены в Нидерландах правительством с тем, чтобы осуществлять его права?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Какие намерения были у правительства, отправившегося в Англию, когда оно назначало этих людей,—я не знаю. Я предполагал, что они остались в стране, чтобы осуществлять техническое руководство. Оккупационные власти при полной оккупации страны имеют право решать, как они будут управлять страной.

Г-н ДЕВЕНЭ: Полагаете ли Вы, что учреждение германской гражданской администрации в оккупированной стране находится в соответствии с международными конвенциями?

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н председатель, я протестую против этого вопроса, так как этот вопрос, по моему мнению, является тем вопросом, который должен решаться Судом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что этот вопрос может быть задан. Этот подсудимый уже высказывал свою точку зрения по поводу международного права во время прямого допроса его защитником. Мы допускаем этот вопрос.

Г-н ДЕВЕНЭ /к свидетелю/: Итак, отвечайте.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я прошу вас повторить еще раз этот вопрос.

Г-н ДЕБЕНЕ: Полагаете ли вы, что учреждение гражданской германской администрации в оккупированной стране находится в соответствии с международными конвенциями?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В том виде, в каком она была учреждена в Голландии, - совершенно определенно.

Г-н ДЕБЕНЕ: Почему?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так как Германия, оккупировав полностью страну, взяла на себя ответственность за управление этой страной и поэтому она должна была назначить в этой стране ответственное руководство.

Г-н ДЕБЕНЕ: Вы сами создали генеральные секретариаты, а именно: секретариат национальной информации и секретариат изящных искусств?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мы называем это министерством пропаганды.

Г-н ДЕБЕНЕ: Да.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я создал его.

Г-н ДЕБЕНЕ: А кого Вы поставили во главе этого секретариата?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется, что первым был профессор Кудевален; он был также членом нидерландской национал-социалистской партии.

Г-н ДЕБЕНЕ: Правильно. А штаты этого генерального секретариата состояли в большинстве своем из членов Н.С.?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Я в этом уверен, но каждого в отдельности я не знал.

Г-н ДЕБЕНЕ: Известно ли Вам, что в одном из отделов был член СС в качестве консультанта?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Вы имеете в виду нидерландскую организацию СС?

13224

H1206 – 0204

H1206 - 0205

Г-н ДРЕЙФУС: Нет, нет,-германской СС.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Тогда это, очевидно, был консультант.

Г-н ДРЕЙФУС: Он был консультантом по вопросам национального воспитания и народного образования.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не совсем понял Вас, он был консультантом...

Г-н ДРЕЙФУС: по вопросам народного образования.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не знал его, но я считаю, что это вполне возможно. Но мне не кажется, что он был там именно потому, что он член СС; видимо, тут имелись какие-нибудь другие причины.

Г-н ДРЕЙФУС: С какой целью Вы издали приказ о роспуске муниципальных и провинциальных советов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не могу утверждать, что это было упразднением всякого представительства. Я либо только распустил избранные общинные и провинциальные представительства, либо ограничил их администрацию. Я не только сохранил, но и расширил ее функции.

Г-н ДРЕЙФУС: Вы даже сместили мэров наиболее значительных общин.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Совершенно точно, и я убежден, что я действовал с полным правом, поскольку я представлял оккупационную власть. Мэр Амстердама не только воспрепятствовал проведению генеральной забастовки, напротив, он способствовал ей.

Г-н ДРЕЙФУС: Но разве именно по этой причине вы убрали всех мэров или, по крайней мере, некоторых мэров?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мэров я удалял только тогда, когда я больше не мог мириться с ними из-за их явно враждебного отношения. Что же касается их политических установок,

то они не имели для меня абсолютно никакого значения. Я до 1945 года оставлял на посту мэра в одном из городов Голландии брата господина Борэна; он был ожесточенным врагом национал-социализма и нас, немцев.

Г-н ДЕБЕНЭ: Хорошо, но в таком случае кем заменили Вы мэров, которые были Вами смещены?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется, что, по крайней мере, до 1943 года это назначение на посты производилось с согласия генерального секретаря внутренних дел г-на Фредерикса, который был оставлен нидерландским правительством на должности управляющего делами министерства внутренних дел. Там были как национал-социалисты, так и не-национал-социалисты. Так среди них находился, например, сын комиссара провинции Голландии, убежденный противник национал-социализма и также Германии, который был назначен мною мэром одного из самых больших городов Голландии, а именно Гаолле.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы не отвечаете прямо на мой вопрос. Я спросил вас, кем заменяли Вы тех мэров, которые были смещены?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я опять не понимаю вашего вопроса.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кем? Были ли это члены национал-социалистской партии Голландии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Частично это были члены Н.С.Б., частично люди аполитичные, а частично и приверженцы различных политических направлений, которые полностью были настроены против Германии национал-социализма. Со временем на эти должности назначалось все большее число членов НСБ, поскольку люди, не являвшиеся членами

13226

H1206 – 0206

H1206 – 0207

НСВ, не предлагали своих услуг. Колоссальный успех голландского движения сопротивления выразился в том, что участники его оказали нам решительное политическое сопротивление.

Г-н ДЕЙНО: Вы утверждаете, что, якобы, вы были вынуждены назначать на общественные должности большое число членов национал-социалистской партии из-за голландского движения сопротивления?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, такая мысль была бы для меня слишком смелой. Голландское движение сопротивления побудило лишь самих голландцев прекратить всякое сотрудничество с оккупационными властями, так что не нашлось никого, кроме членов НСВ, которые желали бы с нами сотрудничать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас удобное время об"явить перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/.

13227

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 11 июня 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

Г-н ДЕВЕНЭ. Подсудимый, Вы насаждали в больших городах, а также в провинциях Нидерландов агентов, которые подчинялись непосредственно Вам, и которым Вы предоставили широкие полномочия. Эти агенты были членами НСДАП?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите мне спросить Вас, что Вы понимаете под "агентами"? Я в провинциях и в крупных городах имел также немецких представителей. Вы имеете в виду немецких или нидерландских представителей?

Г-н ДЕВЕНЭ. Нет, я имею ввиду Ваших уполномоченных /бэауфтрагте/.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это были немцы, и я предполагаю, что все они были членами НСДАП. Этого я точно не знаю, но это вполне возможно. Мне кажется, что это действительно так и было.

Г-н ДЕВЕНЭ. Хорошо, тогда, чтобы освежить это в Вашей памяти, обратитесь к документу 997-ПС, который я вручил Вам на утреннем заседании. Страница 9-я в немецком и во французском тексте.

Я хочу сообщить Трибуналу, что сегодня утром я указал неправильный номер документа. Я назвал этот документ под № США-708, в действительности же это документ № РФ-122.

Наверху, на 9-й странице - Вы пишете: "Уполномоченный должен обладать широкими административными полномочиями и иметь право действовать по собственной инициативе в провин-

H1206 - 0208

H1206 - 0209

ции. С созданием этих должностей несколько повременили, так как следовало прежде всего ознакомиться со сложившейся обстановкой. В настоящее время установлено, что меньше всего следует беспокоиться об административных способностях чиновников, прежде всего это должны быть люди, обладающие политическим опытом. Затем у рейхсляйтера Бормана из штаба Гесса, были затребованы люди, которые в большинстве своем состоят членами партии и в настоящее время уже находятся в пути. В ближайшем будущем они еще не смогут начать исполнение своих обязанностей в провинциях". Это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, я считаю, что мои показания в этом отношении подтверждаются. Но не все они были представителями партии.

Г-н ДЕБЕНЭ. Возможно. Но я отмечаю также и то, что они были специально отобраны.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, это были люди, имеющие большой политический опыт, т.к. я хотел иметь не административных чиновников-бюрократов, а людей опытных в общественно-политических вопросах; здесь я не имею ввиду партийно-политические вопросы.

Г-н ДЕБЕНЭ. На какой основе Вы создали региональные и муниципальные ассамблеи?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ! Трибуналу кажется, - не знаю, может быть я и не прав, - что лучше, если Вы будете делать паузы после каждого предложения, а не после каждого слова.

Г-н ДЕБЕНЭ. Хорошо.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите попросить Вас об"яснить, что Вы понимаете под "общинными и провинциальными советами".

По нашим понятиям "советы" это корпорации, но я не создавал никаких корпораций, а назначал отдельных лиц, которые должны были руководить администрацией, возглавлять ее.

Г-н ДЕБЕНЭ. Но в общинах в Нидерландах существовали муниципальные ассамблеи. Называйте их, если Вам угодно, муниципальные советы. В провинциях были провинциальные ассамблеи, которые Вы можете называть провинциальными советами.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, благодарю Вас, теперь я понял.

Представительства, которые существовали ранее в провинциях и общинах, я распустил в 1941 году. В изданном мной положении об общинах я предусмотрел создание таких советов, но в действительности они никогда не были мной созданы, т.к. население не сотрудничало с нами и, следовательно, эти советы были бы просто навязаны населению. Этот пункт положения об общинах, следовательно, не вступил в силу.

Г-н ДЕБЕНЭ. Но на какой основе предусматривалась эта реорганизация?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите попросить Вас еще раз повторить вопрос.

Г-н ДЕБЕНЭ. На какой основе, согласно этому распоряжению, предусматривалась реорганизация?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я сейчас не могу припомнить какова была основа всего этого дела. Я предполагаю, что это нашло свое отражение в самом законе, в том случае, если реорганизация вообще была предусмотрена.

Г-н ДЕБЕНЭ. Прекрасно, в таком случае я по другому поставлю Вам вопрос. Быть может, тогда вы сможете на него ответить. Вводили ли вы принцип фюрерства, издавая свои распоряжения?

H1206 – 0210

H1206 – 0211

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да. Я называл это принципом единоначалия и я придерживаюсь того мнения, что в период кризиса всегда должно существовать такое единоначалие. Это вполне правильно.

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, но это была та же система, что и та, которая применялась в Германии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, это правильно. Может быть дело обстояло не совсем так, однако, я считал, что в тех условиях это было правильным. Я повторяю сейчас то, что я уже говорил вчера. Мы здесь совершили ошибку, которую часто совершают оккупационные власти, мы думали, что наш порядок будет лучше, чем тот, который существовал в этой стране до нас.

Г-н ДЕБЕНЭ. Введение этого принципа имело особое значение?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я, безусловно, имел некоторые предположения на этот счет; но прежде всего в этих районах я должен был иметь человека, который бы отвечал за администрацию, а не анонимное большинство какого-то представительного органа.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я попрошу передать вам документ Ф-861, который я представляю под № РФ-1524. В последнем абзаце вы увидите, какое значение придавалось этому в империи. Это письмо имперского министра внутренних дел, датированное 6 сентября 1941 года. Он пишет: "...особое значение следует придавать выполнению специального распоряжения о введении принципа фюрерства в нидерландских общинных администрациях.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, министерство внутренних дел интересовалось этим вопросом. Однако, я хочу отметить, что, во-первых, имперский министр иностранных дел не оказывал никакого влияния, и, во-вторых, что почти все полномочия

в 1941 году /на 80 процентов/ были предоставлены бургомистры, которые были приверженцами демократических партий и поэтому были моими политическими противниками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебене, разве Вы не установили путем всех Ваших предшествующих вопросов то, что подсудимый изменил существовавшую прежде форму правления в Нидерландах и ввел другую форму правления? Разве это не все, что Вам требовалось установить для того, чтобы иметь возможность выдвинуть аргумент, который Вы, без сомнения, используете. Подробности в данном случае не имеют значения, не правда ли?

Г-н ДЕБЕНЭ. Г-н председатель, я лишь хотел показать, что вопреки тому, что было сказано подсудимым, он старался навязать голландскому народу национал-социалистскую систему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что в основном он это признал. Он только что сказал, что он ввел то, что называется "ответственностью одного человека", что является перефразировкой термина фюрерского принципа, и что он распустил различные организации правительства в Нидерландах. Я говорю: раз он сделал такое общее признание, нет нужды углубляться в детали, такие, как: сколько раз они вмешивались в дела правительства Нидерландов и в чем именно выражалось это вмешательство. Разве это все не изложено в документе, составленном самим обвиняемым, а именно в документе, который Вы пред"являете под № ПС-997?

Г-н ДЕБЕНЭ. Почти что все, Господин председатель, но не все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Единственный вопрос заключается в том, важны ли все эти детали Трибуналу?

Г-н ДЕБЕНЭ. Я счел, что эти детали могут иметь определенное значение, поскольку сами руководители империи при-

H1206 – 0212

H1206 – 0213

давали им большое значение, а также и потому, что все они являлись частью заранее установленного общего плана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал склонен полагать, что Вы уже получили все необходимые для Вас ответы для аргументации, которую Вы собираетесь привести. Если имеются некоторые детали, которые, по Вашему мнению, являются важными для нас, Вы без сомнения, можете их выяснить.

Г-н ДЕВЕНЭ. С какой целью Вы централизовали полицию, создав директорат полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите мне попросить еще раз повторить вопрос.

Г-н ДЕВЕНЭ. С какой целью вы централизовали полицию, создав директорат полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я повторяю мои вчерашние показания. Нидерландская полиция, как мне кажется, подчинялась трем или четырем различным инстанциям - министерству внутренних дел, министерству юстиции, военному министерству и т.д. Я, в интересах единства полицейского управления, считал необходимым об"единить эти различные полицейские учреждения в одно учреждение и подчинить его министерству юстиции.

Г-н ДЕВЕНЭ. Разве вы не поставили во главе этой полиции члена национал-социалистской партии в качестве генерального директора?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДЕВЕНЭ. Итак, целью, которую вы преследовали, заключалась в том, чтобы отдать Голландию в руки НСДАП и, следовательно, приспособить внутреннее устройство Нидерландов к устройству Германии. Одним словом, вы хотели сделать примерно то же, что вы уже сделали в Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не полностью слышал перевод.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я повторяю: не заключалась ли цель, которую вы преследовали в Нидерландах, в том, чтобы передать управление этой страной в руки НСДАП, не заключалась ли она в том, чтобы организовать внутреннее устройство Нидерландов на манер внутреннего устройства Германии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я полагаю, что этого нельзя утверждать. Во-первых, политика НСБ /национал-социалистской партии Нидерландов/ не была идентична политике НСДАП. НСБ имела свои отличительные черты. Во-вторых, если бы я это хотел сделать, то я бы назначил господина Муссерта премьер-министром. Это было бы значительно проще. Это об"ясняется тем, что я, может быть, несколько схематично брал в пример нашу империю и хотел, хотя бы частично, ввести в Нидерландах администрацию, которая дала бы мне возможность осуществить возложенную на меня задачу обеспечения порядка и безопасности. Я вчера утверждал, что ни одного голландца я не принуждал стать национал-социалистом. Я не оспаривал того, что некоторая унификация была произведена, исходя из тех соображений и заблуждений, о которых я уже говорил.

Г-н ДЕВЕНЭ. Но вы назначили членов НСБ /национал-социалистской партии Нидерландов/ на руководящие должности во все административные органы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Не только членов НСБ, но я это действительно делал, так как я, в конце концов, мог лишь на них опираться. Все остальные саботировали выполнение моих распоряжений.

Г-н ДЕВЕНЭ. Вы вчера говорили Трибуналу об отозвании с должности магистратов суда в Левардене. Не могете ли вы уточнить причины их отставки?

H1206 – 0214

H1206 – 0215

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это не были магистраты. Это были председатели судов. Суд провинции Леварден об"явил, что те нидерландцы, которые будут осуждены нидерландскими судами и попадут в нидерландские тюрьмы, будут переведены в немецкие концлагери и что там их будут истязать и казнить. Вследствие этого суд считает, что он не в состоянии осудить нидерландца. Это заявление суда, по-моему, было неправильным. Насколько мне известно, нидерландцы не переводились из голландских тюрем в немецкие концлагери для того, чтобы их там казнили. Между тем, я познакомился с обстоятельствами дела по материалам амстердамских судей и уполномочил генерального секретаря, ведающего юридическими вопросами, обратиться к суду в Леварден с раз"яснением о том, что суд должен продолжать рассмотрение дел и вынесение приговоров. Однако, суд в Леварден не выполнил этого распоряжения и тогда я распустил этот суд.

Г-н ДЕБЕНЕ. Прекрасно. У меня сейчас имеется этот документ - судебное решение или приговор, который был вынесен судом в Леварден, и здесь нигде не говорится о том, что нидерландцев направляли в концлагери, в которых их мучили и в которых с ними расправлялись. Здесь речь идет лишь о том, что магистраты этого суда не хотят, чтобы после того, как срок заключения истекает, заключенных посылали в концлагери. Я прошу передать вам оригинал этого документа, - вы сможете поверить. Этот документ был уже представлен под № Ра-901.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я получил не немецкий перевод, а оригинал на незнакомом мне языке.

Г-н ДЕБЕНЕ. Документ голландский.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Простите, у меня здесь есть и немецкий перевод, да.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я прочитаю Вам этот документ для того, чтобы вы могли проверить перевод.

Суд учитывает тот факт, что в течение некоторого времени после осуждения преступников мужского пола голландскими судами на различные сроки тюремного заключения, осужденные, несмотря на положения закона и вопреки намерениям законодателя и судьи, отбывают наказание в лагерях, причем наказание усугубляется в такой степени, что судья, присуждая к тому или иному наказанию, совершенно не может не только предвидеть, но даже этого предположить; в связи с положением суд, учитывая возможность такого приведения в исполнение его приговора, будет воздерживаться присуждать обвиняемого к тюремному заключению на срок, в соответствии..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перевод не поступает.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я также не слышу перевода. У меня имеется перевод этого документа на немецком языке. Мне кажется мой защитник имеет этот документ среди своих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас имеется экземпляр этого документа на немецком языке?

Г-н ДЕВЕНЭ. Г-н председатель, у нас имеется копия на немецком языке, но мы сейчас не можем ее обнаружить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему же Вы тогда не пред"являете ее подсудимому?

Г-н ДЕВЕНЭ. Г-н председатель, я не могу сейчас ее обнаружить, она была мною помещена среди других документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему же Вам не суммировать содержание документа для свидетеля? Вы можете сообщить ему содержание приговора.

93236

H1206 - 0216

H1206 – 0217

Г-н ДЕВЛИН. Охотно, г-н председатель.

В судебном решении указывается, что судьи хотят приговаривать впредь лишь к превентивному заключению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы слышали вопрос?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, господин председатель. Но почему они не хотели выносить приговора? У меня был здесь перевод этого документа на немецком языке и я сделал свои выводы на основании немецкого текста, т.е. на основании перевода, так как я не мог вспомнить, каково было это заявление. Я читал этот документ здесь. Я припоминаю, что там было указано, что эти нидерландские заключенные попадают в немецкие концлагери, там их мучают и затем казнят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об этом совершенно ничего не говорится в том судебном решении, которое имеется у нас. В судебном решении ничего не говорится об этом. Не так ли?

Г-н ДЕВЛИН. Г-н председатель, подсудимый как раз настаивает на том, что судьи не хотят более выносить таких приговоров с тем, чтобы заключенных не направляли в концлагери на пытки и истязания.

В судебном решении об этом ничего не говорится. Здесь речь идет только о том, что суд не хочет выносить наказаний, которые влекут за собой отправку осужденных в концлагери. Я не вижу здесь в данном случае ничего, что сам подсудимый считает для себя оскорбительным.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я только что получил немецкий текст. Здесь сказано следующее: "Суд учитывает то обстоятельство, что с некоторых пор судьи приговаривали некоторых преступников к тюремному заключению, но, несмотря на это, нидерландские преступники мужского пола были казнены, вопреки имеющимся уставам и намерениям законодателя и судьи, причем

были казнены так, как это вообще не предусматривалось".

Здесь этот суд имел в виду концлагери, т.е. то, что заключенных из тюрьмы направляли в концлагери.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, господин Дебенэ.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы внесли ряд радикальных изменений в области народного образования?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я организовал проверку учебных планов школ и оказывал влияние на назначение преподавателей, в особенности в частных школах, которых в Нидерландах было очень много. Две трети всех нидерландских школ были частными. Я считал, что это необходимо сделать, т.к. в этих школах имелись ярко выраженные антигерманские тенденции, которые проводились в процессе обучения. Контроль осуществляло нидерландское министерство просвещения.

Г-н ДЕБЕНЭ. Таким образом вы препятствовали многим священникам проводить обучение?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что это было не так. Я отдал распоряжение и согласился с тем, что священники не должны были быть директорами школ. Что же касается преподавателей закона божьего, то я был согласен с тем, чтобы их жалование было уменьшено на одну треть. Они имели возможность продолжать преподавание, получая две трети прежнего жалования. На деньги сэкономленные таким образом, я нанял 4.000 молодых безработных учителей.

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, кстати об учителях. Разве вы не создали особую школу для учителей?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, нет, мне кажется, Вы имеете в виду курсы, которые были созданы для тех, кто сам изъявил желание заняться преподавательской деятельностью.

Г-н ДЕБЕНЭ. Нет, я имею ввиду учителей, которые должны

H1206 – 0218

H1206 – 0219

были ехать на несколько месяцев для стажировки в Германию до того, как получить назначение.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не помню этого. Возможно, что были учителя, которые должны были вести преподавание немецкого языка в нидерландских школах. В данном случае, возможно, я требовал, чтобы они сначала некоторое время пробыли в Германии для того, чтобы после этого иметь возможность вести преподавание, т.е. быть принятыми на работу.

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, вы же тому же сделали обязательным изучение немецкого языка в некоторых классах?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это было мной введено в седьмом классе, а также в создании мною восьмом классе. Но одновременно, я отдал распоряжение о том, чтобы было увеличено число предметов, которые велись на голландском языке, для того, чтобы доказать, что я не хочу онемечить нидерландцев, а лишь хочу дать им возможность изучать немецкий язык.

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, но у них еще ранее имелась такая возможность. Одновременно преподавали английский, французский и немецкий языки. Вы же заставили изучать немецкий язык за счет других двух иностранных языков.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я говорил о начальных школах, в которых преподавание немецкого языка еще не было введено. Возможно, что в средних школах преподавание немецкого языка было усилено за счет английского и французского языков.

Г-н ДЕБЕНЭ. Разве вы не издали приказ о закрытии целого ряда университетов? Почему вы это сделали?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я помню только о закрытии университета в Лейдене. Когда на основании моего распоряжения евреи-профессора этого учебного заведения были уволены, студенты

Лейденского университета об"явили забастовку, которая продолжалась довольно долго; после этого я закрыл университет. Я не могу вспомнить того, чтобы я давал распоряжения о закрытии других университетов; в католическом университете в Неймегене, в кальвинистском университете в Амстердаме, насколько я помню, преподавание само собой прекратилось.

Г-н ДЕБЕНЭ. А политическая школа в Дельфте? Разве вы не издавали приказ о ее закрытии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, она была закрыта временно, а затем, насколько мне известно, она была опять открыта.

Г-н ДЕБЕНЭ. Хорошо, а высшая экономическая католическая школа в Тильбурге?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не помню этого.

Г-н ДЕБЕНЭ. Это было в 1943 году.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не помню этого, однако, вполне возможно, что она по какой-либо причине была закрыта. Эта причина, очевидно, заключалась в том, что обучение в этой школе, как мне казалось, наносит ущерб интересам оккупационных властей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, разве необходимо рассматривать все это в деталях? Раз подсудимый уже сказал, что он закрыл одно учебное заведение, не указывая причины, почему он так поступил, не является ли это достаточным, чтобы Вы могли развить далее свой аргумент?

Г-н ДЕБЕНЭ. Конечно, господин председатель.

А школу в Лейдене, вернее Лейденский университет вы затем попытались превратить в национал-социалистский университет?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Если Вы называете так назначение двух или трех профессоров из 100 или 50 профессоров, то я,

13240

H1206 – 0220

H1206 – 0221

конечно, должен ответить утвердительно на Ваш вопрос. Других мероприятий я не помню. Один раз мне было доложено об одном проекте – создать в Лейдене высшую школу для немецких и нидерландских студентов и сделать так, чтобы дипломы этой высшей школы были действительны в Германии.

Однако такая высшая школа не была создана.

Г-н ДЕБЕНЭ. Но вель вы признаете, что намеревались создать такую школу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Намерение – это слишком много сказано. Эта идея обсуждалась, но была и еще другая идея – в немецкой армии в Нидерландах мы имели целый ряд студентов высших школ, которые, само собой разумеется, не могли продолжать свою учебу. И в то время ставился вопрос о том, чтобы для этих студентов, находившихся в немецкой армии, в Лейдене были открыты курсы, которые должны были дать студентам возможность продолжать учебу.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я передал ваш документ – документ Ф-803, который я пред"являю под № РФ-1525. Как вы видите, это отчет министерства просвещения Нидерландов /страница 23 французского текста, 16-я страница немецкого текста/.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. На странице 16-й?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, на странице 16.

/ П а у з а./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему вы не продолжаете, г-н Дебенэ?

Г-н ДЕБЕНЭ. Я хочу дать возможность подсудимому найти это место. Вы нашли 16-ю страницу?

Зейсс-Инкварт: Да, я нашел 16-ю страницу.

Г-н ДЕБЕНЭ. Оглашаю этот отрывок: "Были предприняты попытки превратить Лейденский университет в национал-социалистский университет, назначив туда профессоров национал-социалистов. Однако, эти попытки провалились вследствие

твердой позиции, которую заняли профессора и студенты. Профессора представили..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прервал/. Это на странице 15-й?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Это - на странице 23-й внизу по французскому переводу, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что это за документ?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Документ Ф-809.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не спрашивал номер документа. Я спрашиваю, какого характера этот документ, что он из себя представляет.

Г-н ДЕЙЕНЭ. Я указал Трибуналу, что здесь речь идет о докладе министра просвещения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был ли министр назначен подсудимым или он был назначен еще до войны?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Это - отчет теперешнего министерства Нидерландов. Я позволю себе указать Трибуналу, что я должен вписать здесь в детали, т.к. когда французское Обвинение представляло доказательства, в нашем распоряжении не было всех этих документов, а правительство Нидерландов хотело бы, чтобы все эти факты в пределах возможного были здесь изложены.

Этим и об"ясняется то, что сегодня я представляю документы, которые исходят от голландского правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это на странице 23?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Стр.23 французского перевода, внизу шестая строка последнего абзаца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно.

Г-н ДЕЙЕНЭ. Были предприняты попытки превратить Лейденский университет в национал-социалистский университет, назначив туда профессоров национал-социалистов. Однако, эти

H1206 - 0222

H1206 – 0223

попытки провалились вследствие того, что профессора и студенты заняли твердую позицию. Профессора представили коллективную просьбу об отставке в мае 1943 года, но так как они не получили никакого ответа, то они в этом же году возбудили это ходатайство вторично. Это повлекло за собой арест"...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Безусловно, подсудимый уже говорил это, не так ли? Вы говорите сейчас о Лейденском университете, не так ли?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Да, господин председатель. Если я правильно понял, то подсудимый сказал, ставился вопрос о создании школы в Лейдене с национал-социалистским руководством, но что он не осуществил этот проект.

В то же время из документа явствует, что это произошло не по его воле, а из-за позиции, которую заняли преподаватели университета. Я хотел указать лишь на этот факт.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите мне сделать замечание по этому поводу?

Г-н ДЕЙЕНЭ. Конечно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Здесь, только в этом документе говорится о попытке превратить Лейденский университет в национал-социалистский. Об этом говорится только в этом документе. Я, однако, продолжаю настаивать на том, что я назначил только двух, самое большее трех профессоров, которые были национал-социалистами. Но это не является свидетельством того, что весь университет стал национал-социалистским. Однако этот документ ясно показывает, как я действовал в данном случае. В ответ на демонстративное заявление об отставке профессоров я не принял никаких мер. Второе прошение об от-

ставке также осталось без ответа. То, что затем были произведены аресты, очевидно, об"ясняется тем, что часть профессоров была у нас на подозрении, эти профессора попали в лагерь в Михельгентель, в котором обитатели его играли в гольф.

Г-н ДЕБЕНЭ. Следовательно, это простое совпадение?

ЭЛЬСС-ИНКВАРТ. Я не хочу этого утверждать. Безусловно, после второй попытки устроить демонстрацию мы, конечно, проверили этих господ.

Г-н ДЕБЕНЭ. Разве вы не предпринимали мер введения принудительной трудовой повинности для студентов?

ЭЛЬСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что до тех пор, пока они занимались в университете - нет, так как я сделал для студентов исключение. Я знаю, что студенты технических учебных заведений и других высших школ получали удостоверения об освобождении от работ в том случае, если они выполняли условия, которые им были поставлены перед поступлением в высшее учебное заведение. Они не несли трудовой повинности.

Г-н ДЕБЕНЭ. Хорошо, в таком случае я сейчас вкратце оглашу второй параграф Вашего распоряжения. Это распоряжение от 11 марта 1943 года под № 27:

"Каждый студент, который после вступления в силу настоящего распоряжения, успешно выдержит выпускные экзамены в одном из учебных заведений, перечисленных в § 1, либо какие-либо аналогичные экзамены, рассматриваемые как таковые в соответствии с решением генерального секретаря министерства просвещения, науки и культурного воспитания, должен в течение определенного периода времени нести трудовую повинность в соответствии с указаниями управления трудовой повинности".

Это действительно ваше распоряжение?

ЭЛЬСС-ИНКВАРТ. Там говорится о трудовой повинности?

13244

H1206 – 0224

H1206 – 0225

Г-н ДЕЛЕНЗ. У меня нет немецкого текста. Это распоряжение № 27.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Распоряжение № 27?

Г-н ДЕЛЕНЗ. Да.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите спросить Вас, какой параграф?

Г-н ДЕЛЕНЗ. Параграф второй.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это правильно. Здесь сказано следующее: "Студенты, которые сдали государственные экзамены, т.е. уже окончили высшее учебное заведение; их товарищи одного с ними возраста, уже выполнили свою трудовую повинность, а эти студенты, которые находились в лучших условиях, теперь должны были отработать. Однако, это не означало, что они должны прекратить или прервать учебу.

Г-н ДЕЛЕНЗ. Следовательно, студенты могли свободно продолжать учебу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не помню ничего такого, что могло бы воспрепятствовать этому.

Г-н ДЕЛЕНЗ. Хорошо. Взгляните на следующее распоряжение № 28, это распоряжение генерального секретаря Ван Дамма. В этом распоряжении студентам предлагается сделать заявление о лояльности.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, правильно.

Г-н ДЕЛЕНЗ. Каковы были последствия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Последствия для меня были непонятными. Высшие школы тогда являлись центром антигерманской деятельности. Я требовал от студентов высших школ, чтобы они заявили, что они будут выполнять существующие в оккупированных областях Нидерландов законы и не будут предпринимать ничего такого, что будет вредить германской империи, германской армии или нидерландским властям, а также не будут

нарушать установленного в университетах порядка. Мне не понятно, почему студент высшей школы не может сделать такого заявления? Те, которые это сделали, могли, без всяких затруднений, продолжать учебу, однако, нидерландские профессора саботировали это мероприятие и отказались читать лекции.

Г-н ДЕЛЕНЭ. Что случилось с теми, кто не подписал такого заявления о лойльности?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Они исключались из высшего учебного заведения и если они относились к тем контингентам, которые привлекались на работу в соответствии с законом о трудовой повинности, то их использовали на работах.

Г-н ДЕЛЕНЭ. Прекрасно. Разве вы не применили в университетах принцип фюрерства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, не так уже строго, как в управлениях общин. Однако я дал ректорам университетов большие полномочия, так как они несли большую ответственность.

Г-н ДЕЛЕНЭ. Великолепно. Велась ли в высших школах определенная национал-социалистская пропаганда?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что это было неизбежно.

Г-н ДЕЛЕНЭ. В частности, учащиеся должны были посещать выставки и присутствовать на собраниях, которые организовывала национал-социалистская партия или даже имперские учреждения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я этого не знаю, однако, вполне возможно, что это было так.

Г-н ДЕЛЕНЭ. В общем, вы вмешивались в административную область, в область народного образования, а также осу-

13246

H1206 – 0226

H1206 – 0227

ществляли такое же вмешательство в культурную жизнь нидерландского народа?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, в том аспекте, в котором я говорил вчера.

Г-н ДЕББЕНЭ. Вы действительно создали различные профессиональные палаты, как вы показали?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, да.

Г-н ДЕББЕНЭ. Вы утверждаете, что вступление в эти профессиональные палаты не было обязательным и что вы никогда не заставляли вступивших платить членские взносы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это неправильно, членство здесь было обязательным. Я также убежден, что председатели т.н. профессиональных палат требовали от своих членов, чтобы они платили взносы. Я, однако, отклонил предложение, чтобы на основании неуплаты членских взносов, делались какие-нибудь выводы и человек исключался бы из членов палаты и таким образом лишался работы; я также отклонил предложение добиваться выплаты взносов через суд.

Г-н ДЕББЕНЭ. Но не помните ли вы о трудностях, которые в связи с этим возникли в об"единении врачей?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я как раз имел ввиду профессиональный союз врачей, т.к. там определенные круги требовали, чтобы те члены, которые не внесли взносов, были лишены врачебной практики или по крайней мере были бы в судебном порядке принуждены к выплате взносов. Я указал представителям этого профессионального об"единения на то, что если они не могут путем убеждения заставить платить взносы, я против того, чтобы применялись в данном случае методы принуждения.

Г-н ДЕББЕНЭ. А какие круги этого требовали?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Может быть, вы раз"ясните свой вопрос, тогда мы сэкономим время.

Г-н ДЕБЕНЭ. Не была ли это партия НСВ, например?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В какой связи вы упоминаете эту организацию?

Г-н ДЕБЕНЭ. Все время в одной и той же... Вы сами сказали, что некоторые круги требовали обязательной выплаты членских взносов. Я спрашиваю, какие круги выдвигали такое требование?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вы имеете в виду, кто из моих друзей или сотрудников настаивали на том, чтобы я требовал уплаты взносов? Я не совсем понимаю смысл вашего вопроса.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я лишь спрашиваю вас, чтоби вы уточнили кого вы подразумеваете под "кругами". Вы же сами употребили это слово. Может быть, мне неправильно его перевели?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Вы имеете ввиду французское слово "милье" - круги?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, Трибунал считает, что вы тратите слишком много времени на такой незначительный вопрос. И у нас ушло целое вечернее заседание на обсуждение различных мероприятий, которые проводил подсудимый в Нидерландах. Из его признаний совершенно ясно, что он изменил весь состав администрации в Нидерландах.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы также принимали участие в преследовании церкви?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Не знаю, можно ли назвать эти мероприятия преследованием церкви, однако, я провел мероприятия, которые имели отношение к церкви.

Г-н ДЕБЕНЭ. Какие именно мероприятия?/Пауза/ Какие мероприятия?

H1206 - 0228

H1206 – 0229

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что вы считаете наиболее важным мероприятием закрытие некоторых нидерландских монастырей, причем в одном из этих монастырей была открыта немецкая школа, а церковь этого монастыря была снесена.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы вчера утверждали, что священники или, по крайней мере, один священник имел право посещать концлагери, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не понял вашего вопроса.

Переводчики, я вас не понимаю, говорите медленнее.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вчера вы заявили, что священник или священники имели право посещать концлагери. Так ли это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я этого не говорил. Я только сказал, что на сборном пункте для евреев в Вестерборге были евреи католического и протестантского вероисповедания, которых по воскресеньям посещал священник, приходивший в лагерь. Я не думаю, что в концлагерях, которыми ведала германская полиция, имели право бывать священники и что они вообще имели доступ в эти лагери.

Г-н ДЕБЕНЭ. Всего один вопрос относительно прессы: Была ли сохранена хоть некоторая свобода печати во время оккупации? Я подчеркиваю, некоторая свобода?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я считаю, что эта свобода была слишком незначительной. Печать находилась под довольно строгим контролем министерства пропаганды. Редакторы назначались только по характеристикам нидерландского министерства пропаганды. Мне кажется, что оккупационные власти, само собой разумеется, для такого важного орудия, каким является печать, используют только тех людей, которые в некоторой степени одобряют существующее положение. И вот я и хотел, чтобы этим людям предоставили большую свободу слова и, мне кажется, что

я могу сказать, что используя свое влияние, мне удалось добиться этого. Но и имперский комиссар в Нидерландах не был всемогущим человеком.

Г-н ДЕБЕНЭ. Разве не было проведено никаких репрессивных мер против ряда газет?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не знаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете отвечать быстрее. У вас получаются слишком большие паузы между вопросами и ответами.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Но я должен сначала освежить это в своей памяти. И если мне задается вопрос о событиях, которые имели место пять лет тому назад, то мне необходимо припомнить, что в действительности имело место в то время. Я, конечно, мог бы сразу ответить нет, но я уверен, что такой ответ будет неправильным. Так, например, в отношении репрессий мне известно, что однажды в Гааге была взорвана редакция газеты; это было мероприятием полиции безопасности, потому что эта редакция являлась центром пропагандистской группы.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы показали... Вы вчера говорили по вопросу о стерилизации евреев в Голландии. По чьей инициативе она была произведена?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Если вы спрашиваете, кто проводил это мероприятие, то мне кажется, я не ошибусь, если отвечу следующим образом: Полиция безопасности сообщила мне, что некоторые евреи добровольно подвергались стерилизации еврейскими врачами, и после чего эти евреи были освобождены от обязанности носить еврейскую звезду, а также и от других ограничений. Речь идет не о тех евреях, которые должны были быть эвакуированы, а только о тех, которые должны были остаться в Голландии, естественно, при известных ограниче-

H1206 – 0230

H1206 – 0231

ниях. Я дал поручение своему начальнику отдела здравоохранения выяснить этот вопрос. Он сообщил мне, что эта операция у женщин особенно серьезна. После этого я отдал распоряжение начальнику полиции и СС запретить делать эту операцию, во всяком случае женщинам. Тогда христианские церкви обратились ко мне с протестом. Я ответил этим христианским церквам, что в данном случае нельзя оказывать никакого давления. /Я предполагаю, что в ваших документах есть этот мой ответ./ В этом своем ответе я подробно изложил то, как обстояло дело. Вскоре эта акция была окончена. И как я слышал, христианские церкви дали знать евреям, что на них не будет оказано никакого давления. Как только они это узнали, они перестали подвергать себя такой операции. Я затем сам распорядился, чтобы возвратили имущество тем евреям, которые не желали подвергаться стерилизации, и тем самым этот инцидент был исчерпан. Но я должен сейчас сказать, что чем дальше мы уходим от этого события, тем непонятнее оно становится.

Г-н ДЕБЕНЭ. Но именно вам принадлежит идея произвести стерилизацию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет. Об этом мне было сообщено полицией безопасности.

Г-н ДЕБЕНЭ. Прекрасно. Я передам вам документ 3592-ПС, который я представляю за № РФ-1526. Речь идет об аффидевите Хильдегард Кунце, агента имперского управления безопасности.

"Я помню, что в этом отчете или в каком-то другом, он /т.е. Зейсс-Инкварт/ подсказал мысль о том, что все евреи, которым разрешено остаться в ~~Германии~~ Голландии, должны быть стерилизованы". Здесь не говорится об управлениях и отделах полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Здесь весь вопрос заключается в том,

хорошая или плохая память у этой машинистки, которая в 3-м пункте своих показаний совсем и не утверждает, что отчеты, упомянутые в этом пункте, являются теми, которые были упомянуты ею во втором пункте, и которе она приписывает мне. Не может быть, чтобы она видела отчет, в котором говорилось бы, что я выдвинул такое предложение, т.к. об этом мне было сообщено, как о факте полиции безопасности, т.е. это было уже совершившимся фактом или, вернее, мероприятием, которое уже начали проводить.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы все же настаиваете на том, что не вы, а полиция предложила это мероприятие. 2 К Как бы там ни было, но вы терпимо отнеслись к этому.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я некоторое время относился терпимо к этому мероприятию, поскольку оно проводилось в отношении мужчин. Это верно. Причем мне было сообщено, что на этих евреев не оказывается непосредственного давления, т.е. им ничем не угрожали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы об"явим перерыв на 10 минут.

/Об"является перерыв на 10 минут./

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит французский обвинитель г-н Дебенэ./

Г-н ДЕБЕНЭ. Подсудимый, вы утверждаете, что вы не принуждали никого отправляться на работу в Германию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Наоборот, я как раз облзал, приблизительно 25 тысяч нидерландцев работать в Германии. Я об этом уже говорил вчера.

Г-н ДЕБЕНЭ. Прекрасно, в таком случае я не буду касаться этого вопроса.

13252

H1206 – 0232

H1206 – 0233

Вы ввели также ряд законодательных положений, касавшихся вопроса о подданстве?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. О подданстве нидерландцев?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, конечно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, ввел.

Г-н ДЕБЕНЭ. Принимали ли вы участие в арестах, содержании под стражей и угоне в концентрационные лагери в Германию голландских граждан и каким образом вы осуществили это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Разрешите мне коротко дать разъяснения относительно подданства.

Г-н ДЕБЕНЭ. Пожалуйста.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Многие нидерландцы изъявили желание вступить в войска СС, и фюрер намеревался дать им германское подданство. Таким образом они лишились бы нидерландского подданства, чего они явно не хотели. Поэтому я издал распоряжение о том, что при получении германского подданства голландское подданство не теряется в течение одного года; в течение этого года данное лицо должно принять решение в каком подданстве оно хочет остаться. Вот каковы были мотивы и цели изданного мной распоряжения.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я еще раз поставлю вам вопрос, который я только что задал. Участвовали ли вы в арестах, содержании под стражей и угоне в концентрационные лагери голландских подданных, и в чем именно выражалось ваше участие?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Аресты и направление в концлагери было делом одной только полиции. Я не помню ни одного случая, когда бы я ходатайствовал перед полицией об отправке кого-либо из нидерландцев в немецкий концлагерь. Возможно, что были такие случаи, когда я давал задание немецкой полиции направить нидерландцев в Герцогенбуш или в Амперс-

форт. Особенно в то время, когда нидерландские суды выносили очень нестрогие приговоры по делам спекулянтов. Я требовал, чтобы их направляли на 2-3 месяца в концентрационный лагерь. Но, если у вас имеются какие-либо определенные случаи, то скажите мне о них, пожалуйста. Вы можете быть уверены в том, что я все расскажу так, как это осталось у меня в памяти.

Г-н ДЕБЕНЕ. Этого не следует делать, т.к. ваш ответ меня удовлетворил.

Принимали ли вы участие во взятии и в казнях заложников?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я вчера сказал, что я помню лишь об одном таком случае с заложниками в 1942 году. Я уже рассказывал, какое участие я принимал в этом. Так называемые расстрелы заложников, начиная с июля 1944 года, не были расстрелами заложников, а были лишь приведением в исполнение приговоров; это дело на основании приказа фюрера было передано полиции. Я сам никогда не давал приказа о каком-либо индивидуальном расстреле. Но я повторяю, что если я, например, обращал внимание полиции на то, что в каком-либо определенном местечке в Нидерландах замечено нелегальное движение и давал им задание проверить это дело, то мне было ясно, что руководители этого движения сопротивления могут быть арестованы и на основании приказа фюрера расстреляны. Но я повторяю, я должен был выполнять свой долг, находясь даже в самом затруднительном положении, т.е. старался, чтобы виновные /с правовой точки зрения, а не с точки зрения морали, т.к. с точки зрения морали я, наверное, действовал бы так же, как они/ не предстали перед судом.

Г-н ДЕБЕНЕ. Что касается факта, о котором вы упомянули

H1206 – 0234

H1206 – 0235

вчера: там шла речь о заложниках, которые были расстреляны после покушения на железной дороге в Роттердаме?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДЕВЕНЭ. Кто отобрал этих заложников?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Заложники были выбраны полицией безопасности. Начальник СС и полиции представил мне их списки. Я, как я вчера уже говорил, спросил его, почему он выбрал именно этих людей. Он мне дал об"яснение и при просмотре этих списков я исключил многодетных отцов. Затем я вернул эти списки начальнику СС и полиции и просил его учесть это мое пожелание при проведении данного мероприятия. Таким образом, вычеркнув многодетных отцов, я сделал так, что эти многодетные люди не были расстреляны.

Г-н ДЕВЕНЭ. Сколько заложников было таким образом отобрано?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я этого сейчас не помню. Может быть их было 12-15 человек, из них пять осталось. Больше нельзя было сократить это число, т.к. первоначально предусматривалась цифра от 25 до 50 человек.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я передам вам сейчас документ, касающийся взятия этих заложников. Это документ Ф-886, который я представляю в качестве документа РФ-1527. Это заявление генерала Христиансена, вернее, это копия показаний генерала Христиансена. К ней приложены письменные показания под присягой главы голландской делегации. Обратитесь, пожалуйста, к четвертому абзацу от конца в первом заявлении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас имеется подлинник этого документа?

Г-н ДЕВЕНЭ. Господин председатель, я только что указал, что это лишь копия показаний, к которой приложены письменные показания под присягой главы голландской делега-

ции. Но, если Трибунал потребует, мы сможем представить ему подлинник этих показаний как только мы получим его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Но, господин Дебенэ, здесь нет никакого удостоверения, которое бы говорило о правильности копии.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я полагал, господин председатель, что эти письменные показания даны представителем голландского правительства в Нюрнберге... На подлинники... Простите, это правильно, они не были размножены на ротаторе, к оригиналу приложены письменные показания под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы хотите доказать путем этих письменных показаний, данных под присягой? Относительно заложников?

Г-н ДЕБЕНЭ. Конечно, господин председатель. Здесь даже говорится, что сам подсудимый указал, кого именно взять в качестве заложников.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каким образом были составлены эти письменные показания под присягой?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, это было в ходе следствия, которое велось в Нидерландах по делу генерала Христиансена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему вы считаете, что по уставу Трибунала этот документ может быть допущен?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я думаю, что мы уже представляли Трибуналу документы подобного же рода в виде копий, которые были удостоверены, как копии с документов, подлинники которых находятся в тех странах, откуда они исходят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если подлинник, с которого была снята копия, является документом, который может быть допущен

H1206 – 0236

H1206 – 0237

согласно уставу, то требуется соответствующее удостоверение, в котором бы заверялось, что эта копия является действительно точной копией подлинника, который может быть допущен согласно уставу.

Приемлем ли этот документ согласно уставу?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я полагаю, что в данном случае эта копия является приемлемой, поскольку речь идет ни более, ни менее, как о письменных показаниях, данных под присягой, которые были получены в соответствии с обычными законоположениями в Нидерландах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас имеется немецкий экземпляр этого документа?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, господин председатель, этот документ был переведен на немецкий язык. Я просил перевести его на немецкий язык.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, этот документ написан на голландском языке, а генерал Христиансен, дававший показания, был немец, не так ли?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, этот документ представлен в подлиннике на голландском языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подлинник на голландском языке?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, в соответствии с имеющимися у меня данными, подлинник составлен на голландском языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На каком языке были даны показания?

Г-н ДЕБЕНЭ. На голландском языке, допрос производился с помощью переводчика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А перед каким судом, на каком процессе?

Г-н ДЕБЕНЭ. Я полагаю, что это происходило на заседании голландского военного трибунала. Да, это был голландский военный трибунал.

/К микрофону подходит господин Дюбост/.

Г-н ДЮБОСТ. Господа Судьи, этот документ является выдержкой из материалов следствия по делу генерала Христиансена, следствия, которое производилось в Нидерландах. Министр юстиции Нидерландов направил нам выдержку из протокола этого допроса, который составлен в соответствии с законными нормами во время следствия по делу генерала Христиансена. Следовательно, этот документ был составлен на голландском языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это показание, данное под присягой, написано на голландском языке. Что, генерал Христиансен - голландец?

Г-н ДЮБОСТ. Генерал Христиансен - немец.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А если он немец, то почему он давал показания на голландском языке? А если он давал их не на голландском, то почему нет копии на немецком языке? Здесь есть удостоверение от полковника, который, говорит, представительствует от правительства Нидерландов, о том, что это правильная копия показаний генерала Христиансена. Если документ, имеющийся у нас, написан на голландском языке, а генерал Христиансен давал свои показания на немецком языке, то этот документ не может быть точной копией, а является лишь переводом на голландский язык. Что вы можете сказать по этому поводу?

Г-н ДЮБОСТ. С генерала Христиансена показания были сняты с помощью переводчика, в соответствии с правилами, принятыми в голландском судопроизводстве, и были записаны на голландском языке. Голландский Трибунал не мог принимать показаний на иностранном языке. Вот почему протокол допроса составлен на голландском языке.

H1206 - 0238

H1206 - 0239

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/. Господин председатель, разрешите мне сказать несколько слов. Так как я поддерживаю связь с защитником генерала Христиансена, мне известно, что против генерала Христиансена возбуждено дело, которое будет слушаться в английском военном суде. У меня есть некоторые сомнения по поводу этого документа, т.к. он не заверен и неизвестно был ли переводчик, переводивший с немецкого на голландский, достаточно квалифицированным переводчиком. Таким образом, я, как защитник, лишен возможности подвергнуть генерала Христиансена перекрестному допросу. Мне кажется, что если просто так представят этот документ, - то права защиты будут значительно ущемлены.

Г-н ДЕЛМЭ. Господин председатель, мне сообщили, что генерал Христиансен в настоящее время находится под стражей в Арнхеме у голландских властей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дельмэ, Трибунал примет этот документ, если вы доставите от суда, который судил генерала Христиансена, удостоверение в подлинности этой копии. Единственное удостоверение, подтверждающее подлинность копии, имеющееся у вас в настоящее время, подписано полковником... - имя которого я не могу произнести. Нет ничего утверждающего его полномочия, кроме его собственного заявления о том, что он является представителем от голландского правительства. Мы не знаем, кто он такой.

Г-н ДЕЛМЭ. Конечно, господин председатель. Я представлю позднее подлинник этого документа Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Вы представите подлинник позднее.

Г-н ДЕВЕНЭ. Здесь находится уполномоченный голландского правительства, я имею ввиду при французской делегации.

ЭЙЗС-ИНВАУЭР. Господин председатель, разрешите мне сделать одно замечание. У меня есть лишь французский текст: я хочу прочесть следующее:

"Христиансена допрашивали не как свидетеля, а как подсудимого. Он не обязан говорить правду, он может говорить обо всем, о чем захочет. За это он не может быть привлечен к ответственности". Я думаю, что уже поэтому документ должен быть отклонен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /перебивая/. Но, доктор Эйзс-Инбауэр, причина, по которой этот документ может быть принят Трибуналом, если он его получит, заключается в том, что согласно статьи 21-й Устава - предусматривается, что отчеты, включая акты и документы комитетов, которые учреждены в различных союзных странах для расследования военных преступлений, а также ~~союзных стран~~ отчеты и приговоры военных или других Трибуналов любой из Объединенных наций, принимаются в качестве доказательств. И вот по этой-то причине этот документ, по мнению Трибунала, будет приемлемым, как только будет представлен подлинник.

Итак, вы возьмете на себя труд представить соответствующим образом заверенную копию этого документа?

Г-н ДЕВЕНЭ. Да, конечно, господин председатель.

ЭЙЗС-ИНВАРТ. Разрешите мне высказаться относительно этого документа?

Г-н ДЕВЕНЭ. Будьте любезны, подождите пока я оглашу вам то место, на которое я буду ссылаться. Это на 4-й странице французского текста, 4-й абзац в конце первого заявления, второй абзац на этой странице:

"Я напоминаю, что в связи с этим уже Эйзс-Инварт

H1206 - 0240

H1206 - 0241

заявил, что будет расстреляно пять заложников. Я не знал, кто входил в число этих заложников. Я не отбирал этих пятерых заложников и совершенно не занимался вопросом их казни.

Это было, конечно, дело чисто политическое по своему характеру, к которому я был привлечен в качестве представителя германских вооруженных сил и как командующий".

Теперь вы можете высказаться, если вы этого желаете.

ФЕЛЬС-ШНЕВАРТ. Это описание, которое дано не свидетелем, а подсудимым генералом Христиансеном, полностью совпадает с моими показаниями по этому вопросу. Вначале генерал Христиансен говорит, что фельдмаршал Рундштедт и ОКВ через его начальника передали ему приказ расстрелять заложников. Далее он говорит, что он через свой юридический отдел издал оповещение, в котором говорилось о том, что заложники понесут кару, если будут иметь место акты саботажа. Он, далее, говорит, что такие акты саботажа продолжали иметь место и он обратился в главное командование на западе или в ОКВ и получил оттуда ответ, что заложников следует расстрелять. Затем он говорит, что он сообщил мне об этом приказе, т.е. о том, что старое распоряжение относительно заложников остается в силе. На это я ответил, что надо расстрелять пять заложников; /это я всегда утверждал/ Я также здесь уже говорил о том, что всего должно было быть расстреляно 25 человек, а я добивался того, чтобы 20 человек из них не были расстреляны. Следовательно, эти показания в основном верны и совпадают с моими.

Г-н ДЕЛЬМЕ. Но в этом документе речь идет не о 25 заложниках, а здесь говорится лишь, что именно вы указали на этих пятерых заложников. Обратитесь к следующей странице, - показаниям от 5 марта 1946 года. Генерал Христиансен показал:

"Теперь я припоминаю, что мой заместитель полковник Клетер также принял в этом участие. Таким образом, их было семеро. Я передал приказ, согласно которому заложники должны были быть сочтены ответственными, и Зейсс-Инкварт тут же указал на пятерых лиц, которых следует отобрать в качестве заложников. Вы спрашиваете, было ли в действительности это так просто? Очевидно, Зейсс-Инкварт имел соответствующие полномочия".

Таким образом, здесь еще раз говорится о том, что вы отбирали заложников.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Повторение моих слов не меняет того факта, что было намечено к расстрелу 25 человек и что я добился того, что было расстреляно лишь пять. Это вам завтра подтвердят свидетели. Все это было делом военных инстанций и начальника полиции и СС, и за их подписями было издано это оповещение.

Я, как имперский комиссар, воспользовался своим правом и снизил по возможности число подлежащих расстрелу заложников до пяти. Но окончательная цифра была установлена главнокомандующим и начальником СС и полиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, читали ли вы последний абзац письменного показания, данного под присягой, 4-я страница внизу?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я еще этого не читал, я это сейчас сделаю.

"Я прошу вас отметить также то, что на этом совещании у Зейсс-Инкварта, последний решительно оставил за собой право указывать на лиц, которые должны быть взяты в качестве заложников".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. На это я не могу сказать ничего иного,

H1206 – 0242

H1206 – 0243

как то, что я уже сказал. Выбор заложников, повидимому, был произведен начальником СС и полиции на основании определенных директив, которые он получил от главнокомандующего или точнее от вышестоящего учреждения. Я попросил показать мне список, так как я, как имперский комиссар, тоже интересовался тем, какие люди отобраны, и я, как я уже сказал, использовал свое влияние для того, чтобы исключить из этого списка многодетных отцов. В остальном я не хочу критиковать и оспаривать довольно субъективные показания генерала Христиансена. Мы долго и хорошо вместе работали. Суд решит, дал ли я неправильные показания или он ошибается.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я так и думал. Вы утверждаете, что это был единственный случай, когда вы вмешались в отбор и казнь заложников?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я думаю, что да.

Г-н ДЕВЕНЭ. Были ли вы в курсе казни заложников после покушения на Редера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. То, в какой степени меня информировали об этом, я уже говорил вчера, я не знал этой намеченной цифры. Мне было известно, что были расстреляны те люди, которые из-за своего поведения, а также и на основании указаний фюрера, должны были быть расстреляны полицией безопасности. Цифру я узнал позднее.

Г-н ДЕВЕНЭ. Следовательно, вы не принимали никакого участия в этом расстреле заложников?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я не могу этого сказать, нет, так как я с заместителем начальника СС и полиции безусловно серьезно обсуждал то, что следовало делать в данном случае; это ведь был очень серьезный случай. Относительно того, что эти расстрелы были произведены, я уже вчера говорил.

Я был с этим согласен. Я сказал, что я не мог ему возражать и протестовать в тот момент против того, чтобы это мероприятие было осуществлено.

Г-н ДЕВЕНЭ. Кто был этот начальник полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Доктор Шейгарт.

Г-н ДЕВЕНЭ. Что вы думаете о д-ре Шейгарте?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я думаю, что он не был очень жестоким человеком и без всякого энтузиазма взялся за это дело. Это дело ему, очевидно, было очень не по душе.

Г-н ДЕВЕНЭ. Но это был человек, заслуживавший доверия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, в служебных делах я доверял ему.

Г-н ДЕВЕНЭ. Прекрасно. Тогда я приведу вам еще один документ. Это документ Ф-879, который я представляю под № РФ-1528. Я указываю Трибуналу, что это также копия протокола, который был получен отделом по расследованию военных преступлений в Амстердаме. Эта копия подписана людьми, которые были допрошены, в то же время к ней приложены данные под присягой письменные показания, как и в предшествующем случае. Если Трибунал пожелает, я также представлю в его распоряжение подлинники этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, вы представьте, пожалуйста, подлинники, как было решено раньше.

Г-н ДЕВЕНЭ. Это будет исполнено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Или достаньте его у кого-нибудь из членов прокурорства.

Г-н ДЕВЕНЭ. Это будет сделано, господин председатель.

Подсудимый, будьте любезны обратиться к показаниям д-ра Шейгарта, это - 6-я страница французского текста, третье показание, 5-й абзац... Вы нашли это место?

13244

H1206 – 0244

H1206 - 0245

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вот что показал д-р Шейнгарт: "После того, как было произведено следствие, я явился лично к доктору Зейсс-Инкварту - рейхскомиссару Голландии, с которым я обсудил это дело. Д-р Зейсс-Инкварт тогда дал мне приказ осуществить жесточайшие репрессивные меры и казнить 200 заложников, 200 заключенных, которые были осуждены на смерть там, где было совершено преступление.

Эта казнь имела целью устрашение населения. К сведению населения было об"явлено, что значительное число лиц будет расстреляно за это покушение".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Во всяком случае, подтверждается то, что здесь речь идет о расстрелах голландцев, которые, как он здесь говорит, были приговорены к смертной казни, т.е. которые на основании приказа фюрера, за какой-либо акт саботажа или по другой причине во всяком случае должны были быть расстреляны. Вот что надо в первую очередь сказать, это здесь наиболее важный момент. Вопрос заключается в том, называлась ли цифра 200 и требовал ли я этого? Я продолжаю утверждать то, что я уже утверждал относительно показаний моих бывших сотрудников. Я также продолжаю утверждать, что у меня вообще не было никакой возможности дать такой приказ д-ру Шейнгарту. Он мне не был подчинен в этих вопросах. Правда, я заявил, что в таких делах мы должны действовать энергично, это совершенно правильно. Эту цифру 200 /я думаю, что всего было 300/ я узнал позднее. Об"явление, о котором он здесь говорит, было подписано д-ром Шейнгартом.

Г-н ДЕБЕНЭ. Вы не сказали "строгие меры". Вы сказали, "жесточайшие репрессивные меры". Это не совсем одно и то же.

Зейсс-Инкварт: Я не понял вопроса.

Дебеле: Я повторяю: вы не сказали „строгие меры", вы сказали „жесточайшие репрессивные меры".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Строгие меры, которые должны были быть приняты, должны были оказать устрашающее действие, но речь шла не о репрессиях, т.е. не о расстрелах людей, которые при других обстоятельствах никогда не были расстреляны.

Г-н ДЕБЕНЕ. Я полагаю, что этот документ достаточно ясен, здесь речь идет о "репрессивных мерах" после покушения на Редера.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Т.е. нужно было расстрелять людей, которые и без того были бы расстреляны; там ясно сказано, что они уже были приговорены к смерти.

Г-н ДЕБЕНЕ. Повторите, пожалуйста, что вы показали, но мне не поступил перевод.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Здесь речь идет о расстреле людей, которые были бы так или иначе расстреляны. Здесь ясно сказано, что они были приговорены к смерти, об этом говорится в следующем абзаце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывал/. Я уже записал это пять минут тому назад. Вы уже сказали./Обращаясь к обвинителю/: Он уже показал, что документ говорит сам за себя.

Г-н ДЕБЕНЕ. Вчера вы также показали, что ни один из заложников не был расстрелян в лагере для заложников в Минель-гентелле?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне это не известно.

Г-н ДЕБЕНЕ. Но, тем не менее, вы вчера это показали. Вы все еще утверждаете, что они не были расстреляны?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, отвечайте на вопрос, а не качайте головой. Это не доходит по микрофону.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я хочу только сказать, что я не знаю ни одного случая; может быть такой случай и имел место, но я не помню его.

13266

H1206 – 0246

H1206 – 0247

Г-н ДЕБЕНЭ. Будьте добры, повторите то, что вы сказали.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я хочу только сказать, что я не помню ни одного случая.

Г-н ДЕБЕНЭ. Таким образом, вы не отрицаете того, что могли быть случаи расстрелов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Может быть, и были причины для подобного расстрела, но я такого случая не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На одной и той же линии я слышу два голоса сейчас.

Г-н ДЕБЕНЭ. Все ли заложники, которые были казнены таким путем, принадлежали к числу осужденных на смертную казнь? Разве один из заложников, расстрелянных после покушения в Роттердаме, не был схвачен накануне казни?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не знаю этого, т.к. вообще не знаю, были ли кто-нибудь расстреляны.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я не спрашиваю вас сейчас лишь о тех заложниках, которых брали в лагере Микельгентелль. Я вас спрашиваю о том, не было ли такого случая, когда при казни заложников в Роттердаме, один из заложников был арестован за день перед казнью и на следующий день казнен.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Об этом я не осведомлен. Из этого документа я вижу, что речь идет о заложниках из лагеря Микельгентелль. Я не помню, чтобы из этого лагеря брали заложников, но это возможно, т.к. в данном случае заложники были необходимы.

Г-н ДЕБЕНЭ. Нет, я не спрашиваю вас о том, брали ли заложников из лагеря Микельгентелль. Я спрашиваю вас о том, действительно ли, когда были казнены заложники в Роттердаме, один из заложников был арестован за день до расстрела?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Этого я не знаю.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я вам напомню. Быть может, вам что-нибудь

сказал или барона Шиммель-Пенинга?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Насколько мне известно, барон Шиммель-Пенниг был из Зеландии; больше я ничего о нем не знаю.

Г-н ДЕБЕНЕ. И вы не можете сказать, почему и при каких условиях он был арестован?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я лишь знаю, что барон Шиммель-Пенниг был одним из тех 5 заложников, которые были расстреляны.

Г-н ДЕБЕНЕ. Вы признаете, что были совершены многочисленные казни после того, как в Голландии был создан учрежденный вами полицейский суд?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, этого не было, т.к. эти расстрелы, имевшие место в середине 1944 года, не были произведены на основании каких-либо распоряжений или решений особых судов /штандгерихте/, они были произведены на основании приказа фюрера.

Г-н ДЕБЕНЕ. Таким образом, вы утверждаете, что в связи с вашим распоряжением от 1 мая 1943 года не было произведено ни одной казни?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Казни производились не на основании приговоров, вынесенных особыми судами /штандгерихте/, которые были мной предусмотрены в этом распоряжении /за нарушение этого распоряжения/. Возможно, что начальник СС и полиции положил основные моменты этого распоряжения в основу своих решений.

Г-н ДЕБЕНЕ. Но вы все еще утверждаете, что вы не имели никакой власти над начальником полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не мог приказывать ему, но совершенно правильно то, что мы работали в тесном контакте друг с другом.

Г-н ДЕБЕНЕ. Следовательно, он совещался с вами по

H1206 – 0248

H1206 – 0249

вопросу о карательных мероприятиях?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет.

Г-н ДЕБЕНЭ. Карательные меры, проводившиеся в жизнь, осуществлялись с вашего согласия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Репрессии и всевозможные оповещения были его делом. Часто я даже и не знал, какие оповещения он издает и узнавал о них лишь позднее. С моей стороны не было дано никаких распоряжений относительно этих мероприятий. Я лишь смогу опять указать на то, что это было выполнение приказа фюрера, полученного через Гиммлера.

Г-н ДЕБЕНЭ. И вы были активным сторонником этих карательных мероприятий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Для меня само собой разумеющимся было то, что необходимо бороться с саботажем и движением сопротивления и другими подобными явлениями. Но кроме арестов, производимых полицией, приговоров, выносимых начальником СС и полиции, и кроме расстрелов, проводимых полицией, ничего нельзя было предпринять. Я не мог воспрепятствовать проведению этих мероприятий. Мне было бы приятнее, если бы приговоры выносили суды.

Г-н ДЕБЕНЭ. Конечно.

Я теперь передам вам документ Ф-360. Это письмо, которое я пред"являю под № РФ-1529. Имеется в виду письмо, которое написано вами, датировано 30 ноября 1942 года и адресовано доктору Ламмерсу. Я пропускаю первую часть письма...

Прошу извинения, я забыл указать Трибуналу, что подлинник не включен в досье; здесь находится фотостат. Но в моем распоряжении имеются письменные показания под присягой, которые я передам Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, вам не следует беспоко-

иться о том, чтобы передать нам данное письменное показание. У нас есть фотокопия.

Г-н ДЕЛЬМА. Я пропущу две первые страницы документа /по французском переводе/. Вторая тема. Вы пишете следующее: "Закон о военных судах полиции был разработан в соответствии с письмом рейхсфюрера СС. Я полагаю, что я действовал в соответствии со всеми пожеланиями, которые в нем высказывались. Я не хотел бы лишь назначать в качестве председателя Трибунала высшего начальника СС и полицейфюрера, т.к. это назначение означало бы для нидерландцев ограничение власти рейхскомиссара Голландии, что приобретает особую важность при учете того факта, что рейхскомиссар назначается фюрером, как лицо, которое должно блюсти интересы империи. Я передал лично высшему начальнику СС и полицейфюреру все полномочия, которыми должен пользоваться магистрат. Я полагаю, что закон о военных полицейских судах будет полезен и сыграет большую роль в установлении законных положений в будущем".

Следовательно, вы имели власть над начальником полиции?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я был авторитетным лицом для особых полицейских судов /полицайштандгерихте/, но не для начальника СС и полиции. Я во время чрезвычайного положения оставался верховным судьей в полицайштандгерихтах, но это не значит, что я мог давать приказы полиции. Эти полицайштандгерихты существовали в Нидерландах не более 14 дней.

Г-н ДЕЛЬМА. Во всяком случае, безусловно то, что здесь идет речь о чрезвычайных судах, ведение которых вы поручили начальнику полиции.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, это верно, но это относится только к полицайштандгерихтам /особым полицейским судам/ и только в виде исключения во время чрезвычайного положения, ибо за то, что делали в это время полицайштандгерихте, я нес ответ-

H1206 – 0250

H1206 – 0251

ственность. Это было вызвано генеральной стачкой в 1943 году.

Г-н ДЕБЕНЭ. Итак, мы с вами договорились. Вы передали чрезвычайные суды в ведение полиции. Прекрасно.

Теперь я представляю вам документ 3430-ПС. Этот документ является сборником речей, которые были произнесены вами в период оккупации Нидерландов. Я попрошу вас обратиться...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Дебене, вы сейчас ссылаетесь только на одно место в документе 860?

Г-н ДЕБЕНЭ. 860?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я спрашиваю вас, вы собираетесь сослаться только на одно место этого документа?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, господин председатель. Я использую лишь вторую часть документа, т.к. в первой части говорится о полиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не думаете ли вы, что вы возлагаете слишком много работы на бюро переводов? Там имеется 18 страниц.

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я с вами полностью согласен. Я предполагал использовать этот документ, касаясь вопроса об организации полиции, что относится к первой теме, на которой я хотел остановиться. Я не привел сейчас документ полностью, чтобы не затягивать судебного разбирательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я только хочу сказать, что если вы собираетесь использовать лишь небольшую часть документа, то не следует заставлять бюро переводов, которое очень загружено работой, переводить 18 страниц. У меня имеется еще другой документ за № 803-Ф, в котором гораздо больше 18 страниц и который был также мало использован. Но продолжайте.

Г-н ДЕБЕНЭ. Это именно так, господин председатель, но я использовал их лишь частично, т.к. я считал, что Трибунал признает нелишним посвящать значительное время рассмотрению

подобных деталей. Вот какова была причина того, что я вкратце приводил эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я весьма удивлен тем обстоятельством, что у вас на каждой из этих 18 страниц имеются важные выдержки?

Г-н ДЕВЕНЭ. Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Во всяком случае - продолжайте.

Г-н ДЕВЕНЭ. Слушаю-сь. Теперь мы переходим к другому вопросу. К моменту вашего приезда в Голландию страна располагала значительными запасами продовольствия и сырья?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, имелись очень большие запасы, очень большие.

Г-н ДЕВЕНЭ. В первые же годы оккупации были произведены значительные из"ятия из этой страны?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Простите, я не понял.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я спрашиваю, были ли произведены значительные из"ятия из этой страны в первые же годы оккупации?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, по распоряжению управления по 4-х-летнему плану, все запасы были конфискованы. Запасов должно было хватить на 6 месяцев, т.е. тех запасов, которые находились на складах в Нидерландах; все же остальное империя обязалась предоставить позднее, когда эта часть будет израсходована.

Г-н ДЕВЕНЭ. Следовательно, вы утверждаете, что эти запасы предназначались для голландского населения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, конечно.

Г-н ДЕВЕНЭ. Конечно?.. Прекрасно. Тогда, будьте добры, обратитесь к документу, который я уже представил вам сегодня утром. Это документ 997-ПС, страница 9 и 10-я, здесь сказано...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Назовите, пожалуйста, номер документа.

Г-н ДЕВЕНЭ. 997-ПС.

H1206 - 0252

H1206 – 0253

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. А у меня есть этот документ?

Г-н ДЕВЕНЭ. Это 12-я страница французского текста и 11-я страница немецкого текста. Вы пишете: "Запасы сырья были из"ятн и с согласия генерал-фельдмаршала распределены таким образом, что голландским жителям был оставлен лишь необходимый минимум на 6 месяцев. Распределение производилось по тому же принципу, что и в империи. Такой же принцип равномерного распределения продовольствия был установлен и на будущее. Так смогли обеспечить для империи значительные запасы сырья, например, 70 тысяч тонн промышленных жиров, что является примерно половиной количества, необходимого для империи".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это полностью совпадает с моими показаниями.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я полагал, что вы сказали тогда, что эти запасы были предназначены для голландского населения, а не для империи.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это ошибка в переводе. Я сказал, что все запасы были конфискованы и только полугодовой запас был сохранен, а остальное должно было, по мере потребления имеющихся запасов, поставляться из империи, причем по тем нормам, которые существовали в империи.

Г-н ДЕВЕНЭ. Хорошо, значит поступил неправильный перевод.

Вы получали неоднократно жалобы в процессе таких из"ятий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так точно.

Г-н ДЕВЕНЭ. А какие меры в связи с этим вами предпринимались?

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Я обратил внимание своих людей, а именно внимание генерального секретаря Гирифельда и других генеральных секретарей на то, что по этому поводу имеется категорический приказ управления по 4-х летнему плану. Может быть, я иногда и передавал некоторые жалобы в это управление в том случае, если конфискация запасов казалась мне уж очень тягостной.

Г-н ДЕБЕНЭ. Производились ли помимо этих реквизиций и изъятий массовые закупки для империи?

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Я не понял.

Г-н ДЕБЕНЭ. Помимо реквизиций...

ЭЙСС-ИНКВАРТ. Ах, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, мы сейчас прервем заседание; вам еще много времени понадобится, господин Дебенэ?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, все зависит от того, как быстро будет отвечать на вопросы подсудимый. Я полагаю, что полчаса, максимум три четверти часа будет достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Тогда об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 12 июня 1946 г./

ен

13274

H1206 – 0254

H1206 – 0255

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 12 июня 1946 года.

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, поступило сообщение о том, что подсудимые Гесс и Иодль будут отсутствовать на утренней сессии Суда.

Г-н ДЕБЕНЭ: Подсудимый, вы согласны с тем, что значительные запасы товаров были отправлены в Германию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это правильно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Касаясь вопроса о другом методе, который использовали для разграбления Нидерландов, я хотел бы пред'явить вам документ, который, кстати, свидетельствует о том, что в этом грабеже участвовали не только вы, но также Геринг и ОКВ. Это документ Ф-868, который становится документом РФ-1530.

Имеется в виду сообщение, которое было вам передано по телетайпу из ОКВ и подписано Рейнеке. Этот документ датирован 5 декабря 1940 года. Он начинается со следующих слов:

"Заседание у господина рейхсмаршала. 7 октября 1940 года.

Упорядочение отправки и эффективного из'ятия товаров в Голландии представителями германских вооруженных сил и связанных с ними учреждений.

В согласии с господином рейхсмаршалом и господином имперским комиссаром, на оккупированных территориях, положения, существовавшие до настоящего времени и определявшие отправку и из'ятие товаров в Голландии, признаются недействительными. Представители германских вооружен-

ных сил и учреждений, которые к ним относятся /далее следует перечень этих учреждений/, а также власти и представители учреждений в Голландии, относящихся к вооруженным силам, могут в пределах средств, которыми они располагают, отправлять на родину посылки полевой почтой максимальным весом в I.000 граммов, без ограничения числа этих посылок".

"Это в такой же мере относится к посылкам весом более 250 граммов..."

Я не буду оглашать продолжения этой выдержки, в ней далее говорится об освобождении от оплаты за провоз.

"Провоз вещей, взятых с собой в связи с увольнением в отпуск, а также переездом границы в других случаях не подвергается никаким ограничением".

Ограничения были сняты с вашего согласия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Согласие - это слишком сильно сказано. Здесь речь идет не о полномочиях производить конфискацию, а о директиве относительно транспорта. Эти вещи должны были каким-либо образом быть куплены, их нельзя было конфисковывать. Господин рейхсмаршал отдал соответствующий приказ, и я стал выполнять его. Речь шла о так называемом "приказе об увозе вещей", в котором говорилось, что каждый солдат, возвращающийся на родину из Нидерландов, может взять с собой столько вещей из тех, которые он закупил, сколько он в состоянии провезти. Затем я издал для гражданских учреждений постановление в соответствии с вышеупомянутым указанием. Мне кажется, что через два года это указание было отменено, так как все время поступали жалобы, что это указание способствует развитию черного рынка.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я не сказал вам, что здесь говорится о реквизиции. Вчера я сказал, что имели место массовые ре-

H1206 – 0256

H1206-0257

квизиции и вы мне ответили, что это правильно. Сегодня я говорю вам... и пред'являю при этом документ для того, чтобы продемонстрировать, что существовало также и другое мероприятие, с помощью которого производилось разграбление товаров в Нидерландах.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Вы говорили ранше о конфискациях, я хотел уточнить этот вопрос.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я об этом говорил вчера. Теперь же будем продолжать далее. Будьте любезны дать показания относительно распоряжения, изданного управлением по четырехлетнему плану.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я сейчас не помню дословно соответствующего постановления. Мне кажется, оно здесь уже оглашалось. Во всяком случае в этом постановлении предусматривалась мобилизация всех экономических ресурсов в сфере германских интересов в пользу германской политики, а во время войны, естественно, предусматривалась мобилизация военных ресурсов для военной экономики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, из перевода, который я слышал, я понял, что этот документ будет представлен под номером I530-ПС? Я думаю, что это ошибка. Он должен итти за № ...

Г-н ДЕБЕНЭ: Простите, господин председатель, это документ РФ-I530.

Кем был издан ~~закон~~ приказ о захвате имущества франк-масонов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я должен признаться в том, что я этого, собственно, не знаю. Когда обратили на это мое внимание, конфискация уже была произведена. Я предполагаю, что приказ исходил от Гиммлера и был передан через Гейдриха.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я сейчас освежу вашу память. Я пред'яв-

ляю вам документ Ф-865, который становится документом РФ-I53I. Это письмо,которое написано вами,не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Письмо датировано II марта I944 года.Оно подписано вами,не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Совершенно точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Прекрасно. В этом письме вы пишете следующее:

"Многоуважаемый доктор Ламмерс, я приказал из'ять в Нидерландах имущество франк-масонов. В связи с тем, что это из'ятие было произведено в результате тех усилий,которые я предпринял с помощью одного из государственных учреждений, это находится в противоречии с остальными из'ятиями, которые производятся другими учреждениями и затрагивает интересы господина имперского министра финансов,которому предоставлено право принимать решения о последующем использовании доходов, полученных в результате произведенных из'ятий.

Сегодня я написал письмо господину министру финансов, и я позволю себе адресовать вам прилагаемую ниже копию указанного письма. Прошу Вас поддержать меня".

Таким образом,вам стало известно о том,что имущество франк-масонов было из'ято не после того, как это из'ятие было произведено, т.к. именно вы из'яли их имущество?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я настаиваю на моем предыдущем заявлении. В вопросе спрашивалось,кто отдал распоряжение об из'ятии имущества, а я понял вопрос так, словно меня спрашивали,кто в империи потребовал этого из'ятия. Я фактически лишь только через несколько месяцев узнал обо всем комплексе этих дел, я занялся ликвидацией этого имущества и приказал моим соответствующим органам довести дело до конца,

H1206 – 0258

H1206 – 0259

после чего я написал это письмо. Таким образом, я руководил конфискацией имущества.

Г-н ДЕБЕНЭ: Ведь вы только что показали, если я правильно понял сделанный перевод, что вы узнали об этом лишь пост-фактум. Вы подтверждаете теперь, когда вам предъявляют документ, те показания, которые вы задавали вчера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не понял,- это вопрос, который вы мне задаете?

Г-н ДЕБЕНЭ: Да. Я в данном случае констатирую факт.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: И тогда я не понял этого вопроса.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я в данном случае констатирую факт.

Были ли значительны из'ятия, произведенные у франкмасонов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Я хотел лишь указать, что другие инстанции приступили первыми к из'ятию имущества и что они проводили конфискацию, но что затем я взялся за это дело и приказал своим органам довести конфискацию до конца.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы предусмотрели использование тех средств, которые были получены в результате произведенных из'ятий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я внес предложение о том, чтобы они были предоставлены в распоряжение партии.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы обсуждали этот вопрос предварительно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я также написал письмо, мне кажется, что упомянутое здесь приложение к моему письму, адресованному министру финансов, содержит предложение о том, чтобы это имущество было передано партии.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не угрожали ли вы населению Нидерландов голодом в ответ на забастовку на железных дорогах в декабре 1944 года?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это можно рассматривать и как угрозу,я во всяком случае считал ее вполне реальной.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы потребовали от генеральных секретарей профсоюзов, чтобы они заставили прекратить забастовку?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, Трибунал хотел бы провести дальнейшее расследование относительно того, кто дал приказ о конфискации собственности, принадлежавшей масонам?

Подсудимый ,знаете ли вы, кто отдал приказ о конфискации?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, приказ о конфискации был издан Гейдрихом и разослан полицией. Затем уполномоченный партии начал эту конфискацию, после чего я взялся за это дело и поручил его моим инстанциям.

Г-н ДЕБЕНЭ: Когда был отдан приказ об из'ятии этого имущества?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В первые же месяцы. Это мероприятие было проведено очень быстро, в течение нескольких недель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какова была причина этого?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Масоны были об'явлены врагами империи, и подпали под указ о конфискации имущества врагов империи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был ли приказ Гейдриха изложен в письменной форме?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я этого не знаю. Приказ был получен полицией безопасности и выполнялся полицией безопасности. Я предполагаю,что, очевидно, это была телеграмма, если эта операция вообще не была заранее запланирована.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо,вы хотите сказать,что вы провели это в жизнь, не имея на руках какого-либо письменного приказа относительно этого?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я получил сообщение от полиции безопа-

H1206 – 0260

H1206-0261

сности. Возможно, это было письменное сообщение,а может быть и устное, в нем говорилось о том, что главное имперское управление безопасности проводило конфискацию,в соответствии с этим сообщением я продолжил эту конфискацию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой суммой определяется приблизительно конфискация?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется,что окончательная сумма составляла свыше 8 или 9 миллионов гульденов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И затем,по-моему, вы сказали,что вы предложили, чтобы вся эта сумма была передана партии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я ходатайствовал о том, чтобы эти 9 миллионов гульденов были переданы партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И они были ей переданы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,я не получил никакого ответа на мое предложение. Это состояние,очевидно,осталось в Нидерландах в виде каких-то ценностей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы были в это время рейхскомиссаром Голландии? Не так ли? Что же все-таки произошло с деньгами?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Деньги были положены на банковский счет,возможно, на эту сумму были закуплены банковские билеты. Эта сумма рассматривалась как особый фонд и не пускалась в оборот.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но все это происходило в 1940 году,не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Конфискация продолжалась,очевидно, до 1942 года и с этого момента деньги оставались на счете в банке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком банке?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Г-н председатель, я этого не знаю,однако,не подлежит сомнению, что нидерландцы это установили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И когда вы сказали, что эта собственность была конфискована в течение нескольких месяцев, вы имели в виду 1940 год? Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, конфискация была произведена непосредственно после вступления немецких войск в Нидерланды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, г-н Дебенэ.

Г-н ДЕБЕНЭ: Изъятое имущество было использовано таким же образом, как и имущество, конфискованное у евреев? Отвечайте.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В основном сумма, которая была получена от реализации конфискованного еврейского имущества, была помещена в банк по учету имущества и ренты. Эта сумма не была истрачена, но некоторые расходы были покрыты за счет этих средств, например, для покрытия расходов на строительство лагеря "Вугт" были использованы эти деньги. Номинальная выручка, которая должна была быть получена от конфискации еврейского имущества, составляла 400 миллионов гульденов или еще больше, однако, эта сумма полностью не была собрана.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кому же в действительности предназначалась выручка от конфискаций? Шла она на нужды германского правительства или ее использовали в иных целях?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Имущество евреев сначала было конфисковано, а затем, насколько было возможно, распродано, и мы называли это "ариезацией". Средства, полученные от "ариезации", были собраны в банке по учету имущества и ренты, но в основном...

Г-н ДЕБЕНЭ: Будьте добры, отвечайте прямо, а не говорите о том, как производились изъятия. Я спросил вас, как были использованы полученные средства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В основном эта сумма вообще не была

H1206 – 0262

H1206 – 0263

израсходована. 400 миллионов гульденов должны находиться все еще в ~~в вашем~~ банке по учету имущества и ренты в Нидерландах, частично в виде ценных нидерландских бумагах, а частично в виде подлинных ценностей; лишь сравнительно небольшая часть из этой суммы была израсходована для определенных целей. Мне кажется, что самой большой была сумма в I4 миллионов гульденов, истраченная на строительство лагеря "Вугт". Я обратил внимание имперского министра финансов на...

Г-н ДЕБЕНЭ: Простите, я задам вам следующий вопрос: были ли использованы полученные в результате конфискации средства на нужды империи, да или нет?

ЗЕ ЕС-ИНКВАРТ: Нет, если не рассматривать расходы на строительство лагеря "Вугт", как расходы на пользу империи. Однако, эти средства были потрачены, потому что в то время лагерь "Вугт" должен был стать сборным лагерем для евреев.

Г-н ДЕБЕНЭ: В общем вы считаете, что лагерь в Вугте был создан в интересах нидерландских жителей?

ЗЕ ЕС-ИНКВАРТ: Да, я могу с уверенностью утверждать это. Расходы на строительство лагеря "Вугт" были покрыты за счет этих средств, причем, мне кажется, что эта сумма составляла I4 миллионов гульденов. Эти средства были затрачены, поскольку лагерь должен был стать сборным лагерем для евреев. Лишь позже Гиммлер сделал из него концлагерь.

Г-н ДЕБЕНЭ: Это весьма своеобразное мнение, которое будет оценено Трибуналом по достоинству. Однако, касаясь вопроса об имуществе франк-масонов и об использовании сумм, которые были получены в результате его конфискации, я хотел бы знать, для кого же они в действительности предназначались - для империи или же для создания концлагерей, в которых помещали нидерландских жителей?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Ни для того и ни для другого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Дебенэ, он уже сказал, или мне показалось, что он сказал, что эта сумма хранилась в каком-то неизвестном банке и исчислялась приблизительно 400.000.000 гульденов и что эти деньги поступили от евреев.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Г-н председатель, этот банк я знаю. Состояние евреев было помещено в кассу по учету рент.

Прекрасно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Теперь я вам передам документ, являющийся письмом. Это документ Ф-864, который становится документом РФ-1532. В этом документе уточняется, как именно вы намеревались использовать средства, полученные в результате конфискаций.

В начале письма вы прежде всего указываете, что общая сумма, полученная в результате конфискаций, составила до настоящего времени 6.134.662 флорина. Вы указываете, что эта сумма находится в "Рейхсштифтунг" Нидерландов, - речь идет не о нидерландской, а о германской организации в Нидерландах.

Далее вы указываете, на что предназначались различные суммы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли вы сказать мне подробно о том, где эти деньги. Он сказал, что они находятся в банке.

Г-н ДЕБЕНЭ: Так точно, господин председатель. Я хотел лишь огласить несколько строк в конце, в которых уточняется предназначение этих сумм.

"Я полагаю, что вы намереваетесь использовать средства, полученные в результате распродажи имущества организаций масонов в Нидерландах, в совершенно определенных целях".

Вы добавляете:

"... так же как и прибыль, полученную за счет евреев,

H1206 – 0264

H1206 – 0265

т.к. в результате состоявшегося обсуждения нами было достигнуто соглашение по вопросу об использовании этой прибыли".

Таким образом,вы намеревались использовать средства, полученные в результате конфискации имущества масонов, так же,как и средства, полученные за счет евреев?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Здесь об этом совсем не упоминается.

Г-н ДЕБЕНЭ: Тем лучше - здесь написано.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Цель использования этих средств совершенно ясна. Имперский министр финансов тогда хотел завладеть этим еврейским имуществом. Я обратил его внимание на то, что оно еще не конфисковано и раз'яснил ему, что я не получил еще из империи указаний о полной конфискации,что нужно подождать и посмотреть, как будут дальше развиваться события.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но вы ему предложили,чтобы они были использованы в тех же целях?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я предложил ему использовать эти суммы для определенных целей в Нидерландах, то-есть направить это имущество не в империю,а оставить его в Нидерландах. Однако сама цель использования этого состояния вполне ясна, он же хотел отправлять его в империю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, я думаю,что вы можете пропустить это.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я как раз подумал о том,что Трибунал сам сможет оценить это по достоинству.

Теперь обратимся к вопросу о забастовке на железной дороге. Ведь вы приказали генеральным секретарям профсоюза железнодорожников, чтобы они заставили прекратить забастовку?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы запретили передвижение транспортных средств и наложили запрет на ввоз продовольствия?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Именно вы это сделали?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно. Я об этом уже вчера заявлял.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кстати, вы знали тогда достаточно хорошо, каково было продовольственное положение в Голландии и каковы будут неизбежные последствия того решения, которое было вами принято, решения исключительной важности?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В действительности дело обстояло не так, потому что фактически транспортное сообщение было уже прекращено, так как военные инстанции конфисковали транспортные средства и речь шла о том, чтобы создать "модус вивенди", чтобы,удовлетворив потребности армии,казавшиеся мне важными,опять наладить доставку продовольствия в Голландию. Если бы не вспыхнула забастовка железнодорожников, то я, безусловно,добился бы от военных инстанций,чтобы они отказались от конфискации,и тогда судоходство было бы в полном порядке.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но здесь не имелись в виду германские вооруженные силы. Вы прекрасно знали, когда вы запретили судоходство, что было время отправлять продовольствие на зиму в Западную Голландию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, но в тот момент, когда я наложил "эмбарго", уже фактически не было никакого транспортного сообщения, а имевшиеся еще суда, перевозившие продовольствие,были конфискованы армией вместе с продовольствием.

Г-н ДЕБЕНЭ:Таким образом, принятое вами решение было бесцельно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,потому что,приняв такое решение, я добился от военных инстанций того, что они ограничивались наиболее коротким сроком и заверили меня в том.что они

13286

H1206 – 0266

H1206 – 0267

оставят в полной сохранности выделенные мной суда.

Г-н ДЕБЕНЭ: А на какой период было наложено это эмбарго?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется, между 15 и 20 октября я дал начальнику моего транспортного отдела указание снять эмбарго. Фактически, однако, это эмбарго оставалось в силе еще несколько дней, потому что нидерландские транспортные органы оказались не на высоте положения.

Г-н ДЕБЕНЭ: Приблизительно до какого числа?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Возможно, это продолжалось до середины ноября.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не было ли это в тот период, когда обычно производились наиболее значительные транспортировки?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это правильно. В ноябре и декабре мы смогли бы доставить столько продовольствия в Голландию, что могло бы хватить даже на шесть недель, морозов что явилось бы максимально возможным сроком, и в сентябре я был убежден, что в ноябре и декабре я буду располагать необходимым количеством тоннажа.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но в действительности такая возможность у вас имелась?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: К сожалению, нет, я не располагал этой возможностью, вследствие того, что голландские транспортные органы не проявили оперативности, а также в связи с другими обстоятельствами, обусловленными войной.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вам было достаточно хорошо известно, что принятое вами решение приведет к тяжелым последствиям?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В сентябре это решение не должно было иметь таких тяжких последствий, значительно серьезнее был тот факт, что армия нуждалась в судах, в виду вспыхнувшей забастовки железнодорожников. Для меня не могло существо-

вать более тяжкого упрека, чем если бы немецкий народ сказал, что я, соблюдая интересы империи, не сделал всего того, что было в человеческих силах и что было достижимо в этой борьбе.

Г-н ДЕБЕНЭ: Трибунал оценит по достоинству эти показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Дебенэ; вы, кажется, останавливались на этом вопросе вчера, не так ли?

Г-н ДЕБЕНЭ: Я не думаю этого, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но относительно эмбарго на перевозку груза вы говорили вчера.

Г-н ДЕБЕНЭ: Господин председатель, насколько я помню, я вчера говорил лишь о произведенных реквизициях и коснулся одного или двух вопросов из экономической области. Я не думаю, что я затрагивал данный вопрос. Если это действительно так, то я прошу извинения у Трибунала. К тому же, я закончил рассмотрение этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

Г-н ДЕБЕНЭ: Каково было положение голландского банка после того, как вы прибыли в страну в 1940 году?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нидерландский банк, как эмиссионный банк, находился в основном в частных руках. Президентом его был г-н Трип. Государство, конечно, оказывало на него определенное влияние, потому что это ведь был эмиссионный банк.

Г-н ДЕБЕНЭ: Давайте более короткие об'яснения.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Хорошо, но в более коротких об'яснениях не будет отражена вся правда.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не соответствовало ли тогда количество инкассируемого золота количеству выпускаемых бумажных денег?

H1206 – 0268

H1206-0269

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется,что бумажные деньги соответствовали золотому обеспечению, и имевшихся фактически девизов было больше, чем выпущенных бумажных денег. Голландский банк вообще располагал большим количеством золота и девизов,имевших золотое обеспечение,чем существовало выпущенных бумажных денег.

Г-н ДЕБЕНЭ: А каково было положение в тот момент,когда Германия капитулировала?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В это время имело хождение несколько миллиардов бумажных денег,составлявших довольно большую сумму и, вероятно, еще 23 миллиона золотых гульденов.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но прежде всего имперских марок?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,я ведь говорю 23 тысячи золотых гульденов.Другим платежным средством были имперские деньги.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не был ли вами отдан приказ об уничтожении границы, препятствовавшей притоку денежных знаков извне? Отвечайте.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не знаю,что вы имеете в виду,говоря об уничтожении границы...

/Переводчик об'ясняет,что означает слово "девизенгренце"/.

Г-н ДЕБЕНЭ: Таким образом,вы были полностью согласны с тем, чтобы уничтожить эту границу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Предложение исходило от моих органов. Я принял предложение. Господин Грип его опротестовал.Я передал об этом предложении в Берлин.В Берлине господин рейхсмаршал был согласен с предложением. Имперский министр Функ был против него, и я отдал распоряжение о проведении этого предложения, которое было внесено мной и одобрено господином рейхсмаршалом.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но вы лично были согласны с этим?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Само собой разумеется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, что,собственно,вы понимаете под "валют-фронтиер",о котором вы сейчас говорите? Мы просто хотим понять, о чем вы говорите.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я имею в виду свободное обращение имперских денежных знаков в Голландии.

Не принудили ли Голландию платить значительные суммы денег в форме,якобы, добровольных выплат? В частности, для войны против большевизма?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я, кажется,достаточно ясно изложил это дело. Империя потребовала в определенный период 50 миллионов марок в качестве оккупационных расходов,необходимых для подготовки обороны в Голландии. В Голландии мы называли эту сумму "добровольным взносом", уплачиваемым из чисто политических причин. Но в действительности это было требование империи, которое так или иначе надо было осуществить, и я совершенно не настаиваю на том, что какой-либо нидерландец делал этот взнос добровольно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но ведь вы были согласны с этими мерами?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Каковы были финансовые и экономические последствия всех этих мероприятий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Финансовые последствия сказались в том, что чрезвычайно увеличилось хождение бумажных денег и увеличились жировые счета, которые имели такую же форму, как и аналогичные счета в империи и в оккупированных областях. В Голландии мы действовали таким образом, во Франции мы поступали иначе. Финансовые последствия связаны с поражением империи. Если бы Германия не проиграла

H1206-0270

H1206-0271

войны, то Голландия,безусловно, имела бы претензию к суверенной Германии на уплату свыше 4 I/2 миллиона гульденов.

Г-н ДЕБЕНЭ: Прекрасно. Тогда обратитесь к документу 997-ПС, который был передан вам вчера. Я сейчас прочту вам,что думали вы тогда об этих мерах./Это страница I4 документа на французском языке и I2 страница немецкого текста/. Документ 997-ПС, РФ-I22 является большим отчетом Зейсс-Инкварта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 997?

Г-н ДЕБЕНЭ: Это на четырнадцатой странице документа 997-ПС. Вы пишете:

"Установление этих положений /это - шестая строка/ далеко превосходит все те положения, которые были установлены до сих пор в области экономики во всех соседних странах, в том числе и в протекторате /стр.I2 немецкого текста и I4-я французского/. Они являются подлинным первым шагом в установлении единого денежного союза,учитывая при этом значение этого соглашения, затрагивающего независимость Нидерландов".

Вы добавляете: "Исключительно важно то, что соглашение,выработанное в указанном духе, было подписано президентом банка Трипом, который пользуется большой известностью банковских финансовых кругов Запада".

Вот свидетельство того,как вы оценили эти мероприятия.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это правильно. Однако,я должен сегодня признаться,что моя точка зрения в то время была неверной,потому что,если я об этом не заявлю,я слишком обвиню президента банка, господина Трипа. То,что здесь написано, не соответствует еще тому положению,которое возникло в результате уничтожения границы, препятствовавшей обраще-

нию денежных знаков. Это было лишь соглашение о том, чтобы эмиссионные банки обеих стран в неограниченном количестве принимали бумажные деньги. Между прочим, я разрешу себе указать на то, что я сказал о личных качествах господина фон Трипа, и я считаю, что в данном случае, благодаря согласию последнего, были соблюдены нормы международного права.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но вы здесь совершенно ясно указали, что это затрагивало независимость оккупированной страны.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В моем изложении фактов имелся преувеличенный оптимизм.

Г-н ДЕБЕНЭ: Прекрасно, Трибунал оценит по достоинству ваши показания. Вы также рассматривали вопрос об уничтожении таможенных границ? Вы даже не хотите подождать пока вам переведут. Как же вы хотите понять в таком случае. Я повторяю: вы рассматривали вопрос об уничтожении таможенных границ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не имелось ли в Нидерландах различных учреждений, которым было поручено производить разграбление произведений искусств?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не могу это назвать разграблением, однако, во всяком случае устанавливалась охрана этих произведений искусства.

Г-н ДЕБЕНЭ: Однако, было много подобного рода учреждений?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: И вы, знаете, в частности, учреждение, которым руководил доктор Мюльман?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кем был он послан в Голландию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я послал Мюльмана в Нидерланды до то-

H1206-0272

H1206 – 0273

го,как я сам туда приехал с тем,чтобы он подготовил помещения для моих учреждений.

Г-н ДЕБЕНЭ: Лишь для того, чтобы разместить там ваши учреждения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. В тот момент лишь только для того, чтобы разместить учреждения.

Г-н ДЕБЕНЭ: А впоследствии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Затем Мюльман уехал и через некоторое время возвратился, как представитель управления по четырехлетнему плану с тем, чтобы заняться вопросами сохранения предметов искусства. Дело обстояло,примерно, так же,как в Польше.

Г-н ДЕБЕНЭ: Что вы подразумеваете под "охраной"?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Практически...-я не буду долго распространяться,-практически он должен был установить,находятся ли среди конфискованного имущества произведения искусства, и затем его задача заключалась в том,чтобы сообщать об этих произведениях искусства различным органам империи.

Г-н ДЕБЕНЭ: Только лишь сообщать?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, так как закупка затем производилась другими инстанциями. Я предполагаю,т.е. я знаю точно, что он также занимался частной торговлей произведениями искусства в качестве посредника.

Г-н ДЕБЕНЭ: Не получали ли вы сами картин через него?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, но не для меня,а для тех целей, о которых я говорил вчера.

Г-н ДЕБЕНЭ: Хорошо,вчера вы показали,что вы обеспечили сохранность многочисленным произведениям искусств и,в частности, картинам. В каких целях вы это сделали?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я распорядился об из'ятии многих про-

изведений искусства, постольку, поскольку имелось постановление о конфискации имущества, принадлежавшего врагам и евреям, и в ходе этой конфискации были из'яты и затем распроданы и произведения искусства, находившиеся среди этого имущества.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Для упомянутых мною подарков, например, музею по истории искусства в Вене и др. я закупил 3 или 4 картины.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но я спросил вас, в каких целях вы обеспечили сохранность этих произведений искусства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Из'ятие имущества евреев и врагов империи сначала имели своей целью секвестр. Однако, со временем стало ясно, что эти произведения искусства будут закуплены империей. Три или четыре картины, которые я лично купил, предназначались мною для немедленной отправки определенным учреждениям в империю, например, музею по истории искусств в Вене.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но среди этих произведений искусств были лишь те, которые принадлежали евреям?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я ведь уже сказал - имущество врагом империи. Однако, здесь не имелась в виду конфискация имущества всех ее врагов в общем, конфискация имела место лишь в тех случаях, если было доказано, что эти лица занимались враждебной деятельностью и выступали против империи. Имущество этих лиц в таких случаях тоже конфисковывалось.

Г-н ДЕБЕНЭ: Хорошо. Вот что вы пишете в одном из документов, который был уже ранее пред'явлен Трибуналу. Вы этот документ, конечно, знаете. Это документ Ф-824, который был пред'явлен под № РФ-1344. Этот документ вам известен.

H1206-0274

H1206 – 0275

Это письмо,написанное вами и адресованное доктору Ламмерсу. В нем говорится о конфискации картин, которые предназначались для фюрера. В третьем абзаце этого документа /французский текст/ Вы пишете следующее: "

"Из перечня картин, который был мне сообщен, я заключил, что таким образом была обеспечена сохранность довольно значительного числа картин большой ценности. Картины для фюрера, в соответствии с теми ценами в стране, которые мне известны, получены исключительно выгодно." Вы добавляете далее, что автопортрет Рембрандта был получен с помощью Мюльмана. Таким образом, сохранность произведений искусства обеспечивалась именно для того,чтобы имперские власти получили возможность вывозить их в Германию?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В этом отношении не может быть никакого сомнения. О картине Рембрандта,я хочу лишь сказать,что она попала в Голландию нелегальным путем и поэтому была конфискована. Что касается рембрандтовской картины, то вообще не может быть никакого сомнения в том,что в данном случае была нарушена немецкая инструкция.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы сами,помимо картин, завладели многочисленными произведениями искусства, как то бриллиантами, драгоценными камнями.?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Об этом мне ничего неизвестно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Об этом вам ничего неизвестно? У вас в Вене имелся дом на Антергассе,3?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. Мой дом был на Иглауэрштрассе, 15. Однако это не имеет значения. Пожалуйста,продолжайте.

Г-н ДЕБЕНЭ: Разве у вас не были собраны различные произведения искусства из Нидерландов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Об этом я ничего не знаю.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вам это неизвестно? Прекрасно.Кто отдал

приказ о конфискации королевского имущества?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Лично я.

Г-н ДЕБЕНЭ: И это было сделано по вашей же инициативе?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я был не только инициатором,но я решился на эту конфискацию и осуществил ее.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы были лишь исполнителем?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Не лишь,а также и исполнителем.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но я не спросил - были ли вы также и исполнителем. Я спросил: вы были только исполнителем?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,я вчера подробно рассказал о том, какими я руководствовался соображениями,когда принял решение произвести конфискацию королевского имущества,и затем я осуществил эту конфискацию.

Г-н ДЕБЕНЭ: Прекрасно.И вы утверждаете,что это было сделано после того, как королева произнесла речь? Ведь это именно то, что вы показали вчера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я ознакомлю вас с документом Ф-828,который я представляю под № РФ-1533. Этот документ является письмом рейхслейтера Мартина Бормана имперскому министру Ламмерсу от 3 июля 1941 г. Это письмо адресовано вам.

В начале письма Борман излагает содержание речи,произнесенной королевой Нидерландов, и в последнем абзаце, который представляет для меня интерес, он пишет:

"Гитлер,следовательно,разрешил конфисковать имущество королевской семьи в Нидерландах,т.е. разрешил сделать то, что имперский комиссар потребовал еще ранее".

Продолжаете ли вы утверждать, что это было связано с речью которую произнесла королева?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: По техническим причинам перевод сей-

H1206 - 0276

H1206 – 0277

час не поступал.

Г-н ДЕБЕНЭ: Во всяком случае документ находится перед вами.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да,верно, я знаю о чем идет речь.

Г-н ДЕБЕНЭ: Конечно,вам это известно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я совершенно не помню о том, что я,как утверждают, уже раньше внес такое предложение. Я,право, совершенно не могу припомнить это. Возможно, я обсуждал вопрос о том, следует ли конфисковывать имущество или нет. Я,однако,могу,вспомнить лишь о том предложении,которое я сделал в тот период, когда эта речь была произнесена. Это ведь была не первая речь,которую произносила королева Нидерландов, она выступала в том же духе еще раньше.

Г-н ДЕБЕНЭ: Это весьма своеобразное об'яснение,Трибунал оценит его по достоинству.

Наконец,ограбление Нидерландов и попытка нацификации и германизации этой страны, - не было ли это произведено гражданскими властями, главой которых являлись вы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: И да и нет. Мне совершенно ясно,что нидерландцы воспринимали наши действия в области экономики как разграбление. Однако, с формальной и правовой точек зрения дело, как мне кажется, обстояло иначе. Нидерланды я вовсе не германизировал.

Г-н ДЕБЕНЭ: Будьте любезны обратиться к документу 997-ПС /страница 22 немецкого текста, 26 - французского/, к части,озаглавленной: "Констатации". Это ваш отчет. Он находится у вас в руках.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я оглашу ту часть,в которой вы отмечаете результаты проделанной вами работы до 18 июля 1940 г:

2/ Управление является в настоящее время удовлетворительным и к тому же беспрестанно улучшается под руководством и контролем германских властей.

3/ Хозяйство и транспорт вновь пущены в ход и отвечают требованиям военного времени. Начала производиться коренная перестройка континентальной экономики. Запасы,находившиеся в стране, переданы в распоряжение военной экономики империи. Финансовые ресурсы /это было в 1940 г./ тщательно изучаются и переданы под контроль Германии. Все это производится на базе широкого сотрудничества с нидерландскими жителями."

Ведь вы писали именно это? Ведь вы думали именно так?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да,и мне кажется, что с пунктом вторым согласится любая оккупационная держава, а что касается пункта 3-го,то в нем была воплощена идея установления нового порядка в Европе.

Г-н ДЕБЕНЭ: Ваши суждения будут оценены Трибуналом по достоинству.

Обратимся теперь вкратце к еврейскому вопросу.Вчера вы показали,что вы протестовали против отправки тысячи евреев в лагерь Маутхаузен или в Бухенвальд и что более в эти лагери не отправляли. Но почему вы не протестовали против отправки в Освенцим? Вы считали,что этот лагерь в корне отличался от тех двух лагерей?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Само собой разумеется. Маутхаузен и Бухенвальд являлись концентрационными лагерями, в то время, как Освенцим мне охарактеризовали как сборный лагерь, в котором евреи должны были оставаться до тех пор, пока не кончится война или пока не будет принято какое-либо другое решение по этому вопросу.

Г-н ДЕБЕНЭ: До того,как вы прибыли в Голландию, вы бы-

H1206 – 0278

H1206-0279

ли ад'ютантом генерал-губернатора Польши?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Ад'ютантом я не был,я был его заместителем.

Г-н ДЕБЕНЭ: Тем лучше. Таким образом,вы слышали что-нибудь об этом лагере?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Тогда вообще еще не существовало лагеря Освенцим.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но разве не было вам известно,что пепел после сожжения этой тысячи евреев, отправленных в Бухенвальд и Маутхаузен, был прислан их семьям,за что они должны были заплатить по 75 флоринов. Это происходило в 1941 г. И это не помешало вам в дальнейшем предпринимать другие меры, направленные против евреев, меры,которые неминуемо приводили к угону евреев?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это мероприятие,названное первоначально эвакуацией, представляет собой,с моей точки зрения, нечто совершенно иное, чем угон или отправка в концентрационный лагерь.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но ведь вам была известна участь,которая постигала евреев, угоняемых в лагери?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Участь евреев,о которой мы знаем сегодня,не была известна большинству, основной массе. Какие сомнения у меня были по этому поводу,я вчера уже рассказал.

Г-н ДЕБЕНЭ: Это весьма своеобразное мнение. Вчера,когда вы говорили о карательных мерах в отношении газеты, издававшейся в Гааге, вы показали...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это вопрос,который вы разбирали вчера во время перекрестного допроса?

Г-н ДЕБЕНЭ: Господин председатель, эти вопросы были переданы мне сегодня утром в связи с теми показаниями,ко-

торые были даны подсудимым вчера. В противном случае, я бы закончил допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает,что вы не должны вновь возвращаться к этому вопросу.

Г-н ДЕБЕНЭ: В таком случае я закончил со всеми вопросами,так как вопрос о заложниках, как и... Но у меня имеется один вопрос, который я хотел бы задать с разрешения Трибунала, вопрос,касающийся затопления. Если Трибунал будет возражать, то я не буду задавать несколько имеющихся у меня вопросов о заложниках. Могу ли я задать вопрос,касающийся затопления?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает,что вы вчера касались вопроса о затоплении. Я не знаю...

Г-н ДЕБЕНЭ: Тогда я закончил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'являет перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал прервет сегодня заседание без четверти пять, поскольку после этого состоится закрытое заседание суда.

/К микрофону подходит г-н Додд/.

Г-н ДОДД: Я заметил,что защитник подсудимого Кальтенбруннера находится здесь. Насколько я понимаю, должен производиться перекрестный допрос этого подсудимого защитником Кальтенбруннера. Я думаю,что мы сэкономим время,если он сейчас приступит к перекрестному допросу и закончит его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

КАУФМАН: Господин председатель,я прошу извинить меня за то,что я вчера отсутствовал и тем самым вызвал,так сказать, неудовольствие Трибунала. У меня была на то осо-

H1206 – 0280

H1206 - 0281

бая причина, ибо обстоятельства иногда бывают сильнее воли. Я в последние годы был серьезно болен, вчера я почувствовал себя плохо,хотя у меня было твердое намерение притти на это заседание, я подготовил весь материал, я прошу покорно извинить меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,конечно, доктор Кауфман, Трибунал принимает ваши об'яснения.

КАУФМАН: Господин свидетель,с какого времени вы знакомы с подсудимым Кальтенбруннером?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я познакомился с доктором Кальтенбруннером в 1935 или в начале 1936 г.,в связи с благотворительным обществом "Ламберт", которое оказывало разрешенную полицией помощь семьям национал-социалистов,попавших в беду.

КАУФМАН: Какую роль играл Кальтенбруннер в Австрии до аншлюса, принадлежал ли он в 1938 году к радикальным или умеренным элементам?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне тогда говорили,что Кальтенбруннер был близок к кругам СС, но он не был руководителем нелегальной организации СС,во главе ее стоял какой-то инженер из Штирии.

КАУФМАН: Это был инженер Леопольд?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,я неоднократно говорил с Цернатто о Кальтенбруннере. Мы его в партии называли"начальником полиции II июля", то-есть это значит,что его влияние распространялось на то,чтобы удержать радикальные элементы от таких эксцессов,какие имели место в Июле 1934 г.

КАУФМАН: Затем Кальтенбруннер стал заместителем стаст-секретаря /унтерштатссекретарь/ в Австрии.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

КАУФМАН: Предложили ли австрийские круги, или Гиммлер,

и Гитлер, или, может быть, подсудимый Геринг назначить его на должность заместителя статс-секретаря?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Насколько мне известно, это предложение исходило от Австрии. Я же сам для своего министерства вообще не принимал к сведению предложения, которые вносились имперскими инстанциями. Партия в Австрии указала на Кальтенбруннера, потому что мы хотели иметь в полиции своего человека.

КАУФМАН: Каковы были практически его полномочия, когда он занимал должность заместителя статс-секретаря?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется, что он, будучи заместителем статс-секретаря, вообще ничего не делал. Лишь после отставки Скубля президент Австрии назначил его статс-секретарем. На этом посту он выполнял административно-хозяйственные функции. Исполнительной властью он не мог пользоваться. Если я, например, хотел освободить какого-либо человека, то Кальтенбруннер должен был запросить командующего /бефельсхабер/ или командира /командёр/ полиции безопасности, а если они не соглашались, то мы должны были обращаться к Гейдриху.

КАУФМАН: Итак, установлено, что в 1943 году Кальтенбруннер был назначен начальником главного имперского управления безопасности. Он здесь утверждал, что он неоднократно отказывался взять на себя этот пост. Можете ли вы что-либо сказать по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я знаю, что в конце ноября или в начале декабря 1942 года я был в главной ставке, причем во время этой поездки я навестил и ~~похолнул~~ военно-полевую ставку Гиммлера. И там мне один из адъютантов заявил, - мне кажется, его фамилия была Вольф, - что Гиммлер хочет назначить Кальтенбруннера в главное имперское управление бе-

H1206-0282

H1206 – 0283

зопасности,но что Кальтенбруннер отказывается. Он сказал,что его теперь на 4 недели пригласят в военно-полевую ставку, с ним будут говорить соответствующим образом для того,чтобы он все же принял этот пост.

КАУФМАН: Есть ли у вас какие-либо доказательства того,что Кальтенбруннер был,собственно,назначен на эту должность потому,что он должен был реорганизовать и руководить политической и военной службой осведомления.

ЗЕ"СС-ИНХВАРТ: Я располагаю некоторыми косвенными уликами, доказывающими,что он не в такой мере ведал действительными делами полиции безопасности, как Гейдрих. У меня на самом деле есть сведения, подтверждающие его деятельность в области контрразведки.

В то время,когда еще был Гейдрих,начальник моей полиции безопасности все время говорил только о Гейдрихе, если ему нужно было получить распоряжение из Берлина. Когда Кальтенбруннер занял этот пост,я не припоминаю, чтобы он говорил о Кальтенбруннере,он упоминал главное имперское управление безопасности в целом и иногда Мюллера. Насколько я припоминаю, я сам лишь только два раза говорил с Кальтенбруннером о вопросах,имеющих отношение к полиции безопасности. В одном случае по делу доктора Шушнига, о котором здесь сообщил д-р Кальтенбруннер, а в другом случае я говорил с ним по поводу моего родственника, который должен был быть направлен в концентрационный лагерь, и я по этому поводу обратился к Кальтенбруннеру, потому что он являлся единственным человеком, которого я знал в главном имперском управлении безопасности, и я также предполагал,что он должен был быть там влиятельным человеком. Я не знал ничего об ограничении его функций.

Кальтенбруннер тогда позвонил Мюллеру, обратившись к нему таким образом, каким обычно начальник не обращается к своему подчиненному сотруднику. Я располагаю точными доказательствами, потому что с 1944 года я очень тесно сотрудничал с Кальтенбруннером в данной области. Кроме того, я предоставлял его разведке за границей различные ценности или добивался согласия соответствующих имперских органов на то, чтобы эти средства отпускались.

КАУФМАН: Вы только что говорили о Мюллере. Вы имеете в виду Мюллера, начальника гестапо?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

КАУФМАН: Не создалось ли у вас такого впечатления, что у этого человека были сосредоточены функции полиции безопасности?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я могу лишь только сказать, что я слышал, как Кальтенбруннер во время разговора по телефону сказал Мюллеру: "Ну, как вы решите этот вопрос?"

КАУФМАН: Кроме того, вы получали все военные и политические доклады из рук Кальтенбруннера, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, неоднократно. Это были совершенно секретные доклады, которые, мне кажется, составлялись всего лишь в четырех экземплярах.

КАУФМАН: Был ли такой порядок уже до назначения Кальтенбруннера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, насколько я помню, доклады эти были введены Кальтенбруннером лишь в конце 1943 и в начале 1944 года.

КАУФМАН: Чем отличались эти доклады от тех докладов, которые ранее составлялись Канарисом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не знаю докладов Канариса или, вернее, знаю их частично. И те, которые мне известны, я полу-

H1206 – 0284

H1206 - 0285

чал еще от прежнего главного имперского управления безопасности.

КАУФМАН: Правильно ли,что доклады,составленные Кальтенбруннером, отличались неизвестной до толе резкостью и прямолинейностью в критике всех общественных мероприятий?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это тоже так. Но прежде всего эти доклады Кальтенбруннера отличались об'ективностью и не являлись докладами, изготовленными с определенной целью.

КАУФМАН: Каких размеров были эти доклады?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне кажется,такие доклады насчитывали 40-60 страниц, а иногда и больше,и они появлялись, насколько мне известно, через каждые три - четыре недели. Кроме того, составлялись,кажется, еще внеочередные специальные доклады.

КАУфман: Знаете ли вы о том, что эти специальные доклады лишь направлялись в военные учреждения и имелось ли в этих докладах также освещение военной обстановки?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Доклады,о которых я говорю,носили главным образом политический характер и адресовались фюреру. Вев связи с этими докладами я припоминаю чрезвычайно резкую точку зрения, высказанную о политике, проводившейся империей в Польше, и об отношении к католической церкви,я припоминаю также,что этот доклад был написан на бланках главного имперского управления безопасности, что показалось мне делом необычайным.

КАУФМАН: Вы говорите сейчас об этой критике по двум указанным моментам. Будьте любезны ответить мне на мой вопрос о том, в чем заключалась эта критика,затрагивав-

шая эти два момента общественной жизни.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Что касается Польши,то в докладе было выдвинуто требование относительно того, чтобы Польше были предоставлены или пообещаны автономия и собственное государственное устройство, что касается католической церкви, то выдвигалось требование об отмене всех административных и других мероприятий и чтобы католическая и протестантская церкви были оставлены в покое.

КАУФМАН: У меня больше нет вопросов. Благодарю вас.

/К микрофону подходит представитель американского обвинения господин Додд/.

Г-н ДОДД: Вчера вы сказали Трибуналу,что вы стали членом партии в 1938 году и что номер вашего членского билета равен кажется нескольким миллионам?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это был седьмой миллион, причем с 1938 года членство в партии считалось формальным.

Г-н ДОДД: Вы говорите "формально", - вы пытаетесь несколько показать себя и подчеркнуть,что хотя вы и не были в течение некоторого времени членом партии, но в течение этого времени вы платили членские взносы и поддерживали партию,не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет,два первые момента не соответствуют действительности. С сентября 1937 г.,простите, с сентября 1932 года по 1933 год я платил взносы в целях оказания помощи партии. В душе я чувствовал себя национал-социалистом и членом партии, но внешне, формально я не связал себя никаким обязательством.

Г-н ДОДД: Являлись ли вы членом Штирийского союза охраны родины?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я был членом Штирийского союза охраны родины с осени 1932 года.

13306

H1206 – 0286

H1206 - 0287

Г-н ДОДД: И эта организация фактически полностью подчинялась национал-социалистской партии в течение некоторого времени, когда вы были членом ее. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это намечалось, но не было выполнено. Существовало соглашение, что Штирийский союз охраны родины будет включен в партию, но Мюнхенская партийная организация не поняла этого, и отдельные члены союза должны были самостоятельно вступать в партию.

Г-н ДОДД: Вы знали человека по имени д-р Андрес Морсей? М-о-р-с-е-й?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Андреас Мозер? Мне кажется, он был адвокатом, но лично я его не знал.

Г-н ДОДД: Вы знаете, что он был также членом Штирийского союза охраны родины?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет.

Г-н ДОДД: Вы помните беседу с ним 7 марта 1938 года, за несколько дней до аншлюса.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, этого я не припоминаю.

Г-н ДОДД: Если вы не помните, то может быть я смогу помочь вам. Вы помните, что вы ему сказали, что вы вступили в эту организацию в 1932 году, что это было недолго до того, как эта организация была запрещена?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это совершенно исключается. Руководителем Штирийского союза охраны родины был Константин Каммерхофер. Вся Австрия знала это.

Г-н ДОДД: Вы не помните такой беседы, в которой вы заявили то, что я сейчас вам прочел. Вы заявляете, что вы никогда этого не говорили или вы не помните этой беседы? Это то, что я хочу выяснить?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Беседу я припоминаю, но я заявляю, что совершенно исключается будто я сказал, что я являюсь

руководителем Штирийского союза охраны родины, потому что вся Австрия знала, что руководителем этого союза был Константин Каммерхофер. Я мог ему в крайнем случае сказать, что Каммерхофер является моим другом и это так и было.

Г-н ДОДД. В таком случае я хочу показать вам его заявление или, вернее, показание по делу доктора Гидр Шмидт. Это документ № 8992. Это показание было дано судье Верховного уголовного суда в Вене Зухер 19 марта 1946 года. Мы предоставляем этот документ в качестве документального показательства № США-882. Я прошу вас посмотреть на вторую страницу и вы найдете там фразу, которая начинается следующими словами: "7 марта 1938 года..." и далее продолжает..."до того, как это стало возможно, незадолго до того, как была запрещена организация Штирийского союза охраны родины в 1933 году". Далее он ссылается на некоего Каммерхофера, на которого Вы также только что ссылались.

Далее, в следующем предложении говорится: "Он /Зейсс-Инкварт/ вступил в эту организацию и никогда из нее не выходил". Поэтому ваше заявление о том, что вы никогда не были членом НСДАП формально может рассматриваться как правильное, но заявление о том, что вы не работали нелегально, согласно его заявлению, не является правильным.

13308

H1206 – 0288

H1206 - 0289

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Д-р Мозер не может вообще знать, вел ли я нелегальную работу или нет.Он просто исходит из того, что этот союз охраны родины действительно слился с НСДАП, но это неправильно, это может подтвердить свидетель Оберрейтер.

Г-н ДОДД: Вы знаете человека по имени Рейнер?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, очень хорошо, д-р Фридрих Рейнер.

Г-н ДОДД: Да, вы ходатайствовали о его вывозе в качестве свидетеля и он будет здесь выступать в качестве вашего свидетеля, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДОДД: Но что вы скажете, если он заявит, что вы стали членом НСДАП после того, как был запрещен этот Штирийский союз охраны родины?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я хотел бы сказать по этому поводу следующее...

Г-н ДОДД: Хорошо. Прежде, чем вы ответите, я хочу вам сказать, что этот документ уже был представлен в качестве доказательства и я убежден, что вы его видели. Этот документ № США-812-ПС.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это письмо, доклад д-ра Рейнера.

Г-н ДОДД: Следовательно, вам известно, что он сказал?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДОДД: Вы видели документ? Вы согласны с тем, что он говорит в этом документе относительно того, что вы были членом в результате членства в этом Штирийском союзе охраны родины и что вы фактически стали членом НСДАП после того, как была запрещена эта организация?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я хочу сказать вам, что я сам до 1938 г придерживался этого мнения или, вернее сказать, отчасти сомневался, так ли это или нет, но в 1938 году партийные органы кате-

горически заявили, что они не признают это слияние, что члены Штирийского союза охраны родины не являются членами партии, и что каждый член этого союза должен вступить в партию отдельно. Это должен будет подтвердить Рейнер.

Г-н ДОДД: Хорошо. Скажите мне следующее: независимо от того, являлись ли вы формально членом партии, разве вы не признавали руководства Клаузнера, который был лидером национал-социалистской партии в Австрии, и разве вы не следовали его желаниям и не выполняли его указания?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Имеете вы в виду руководство в Австрии или в Германии?

Г-н ДОДД: В Австрии, я говорю о Клаузнере, который был в Австрии руководителем австрийских нацистов.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, я понимал это и считал, что Клаузнер был руководителем австрийских национал-социалистов, но я не признавал Клаузнера как моего политического руководителя. Это явствует из того же доклада, который вы только-что цитировали, господин обвинитель. Рейнер говорит в этом докладе:

"Зейсс-Инкварт не признавал Клаузнера, когда речь шла о политически важных делах".

Г-н ДОДД: Он, фактически, говорит обратное, если вы посмотрите на документ.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: О, нет.

Г-н ДОДД: Минутку, посмотрите на документ. На стр.9 немецкого текста и на 7-й странице английского текста говорится: "Взаимоотношения между Зейсс-Инквартом и Клаузнером были следующие: Зейсс-Инкварт, безусловно, признавал руководство партии и мероприятия, проводимые партией. Он также признавал Клаузнера лидером партии; будучи членом партии, он

H1206 - 0290

H1206-0291

подчинялся Клаузнеру и получал от него приказы".

Вы нашли это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: У меня в руках мои собственные записи и там приводится продолжение этого документа, в котором сказано следующее:

"Помимо этого он на основании соглашения в Берхтесгадене и на основании тех заявлений, которые сделал ему фюрер в то время, когда он посетил штаб, заявил о том, что он является лидером нелегальной национал-социалистской партии в Австрии, непосредственно подчиняясь фюреру в области государственно-политической деятельности".

Г-н ДОДД: В любом случае остается непреложным фактом, что в самом начале этого периода вы признавали полную приверженность Гитлеру, причем задолго до аншлюсса? Вы признавали политическую приверженность, неправда ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это почти что так. Я, правда, не совсем ясно представлял себе, как далеко должна простираться безоговорочная приверженность ему, потому что считал, что и Гитлер желал избрать революционный путь.

Г-н ДОДД: Хорошо. Разве вы не имели отношения к делу Дольфуса помимо того, что вы уже сказали вчера Трибуналу? Вы знаете, конечно, что Рейнер сказал, что вы имели к этому отношение, и об этом указывается в документе 812-ПС.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДОДД: По-моему, важно, что сейчас вы отвечаете. Вы этого не сделали при вашем допросе. Документ представляется в качестве доказательства и в нем указывается, что вы поддерживали...

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я этого не сделал, господин Обвинитель, потому что ведь Рейнер будет допрашиваться в качестве свидете-

ля. Рейнер должен будет сказать здесь под присягой, на каких фактах он основывает свои утверждения. Я могу лишь только сказать: нет.

Г-н ДОДД: Хорошо, я знаю. Я понимаю это, и поэтому я вас спрашиваю сейчас. Я желал бы знать, что вы сейчас можете сказать относительно того, что Рейнер говорит в документе, который представлен в качестве доказательства и в котором говорится о том, что вы принимали участие в заговоре Дольфуса 25 июля 1934 г.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. Это совершенно неверно.

Г-н ДОДД: Хорошо. Имеется один вопрос в связи с этим, который мы должны здесь выяснить, если сможем. Не хотите ли вы сказать Трибуналу, что церемонии - если я могу употребить такое выражение, - проводившиеся в связи с убийством Дольфуса, не имели никакого отношения к Дольфусу в тот период, когда они проводились.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не хотел бы, чтобы сложилось такое впечатление, потому что эта церемония была посвящена памяти семи повешанных национал-социалистов, и мне кажется, что при этой церемонии вспоминалась не смерть Дольфуса, а вспоминался тот факт, что, как кажется, 107 или 108 национал-социалистов совершили попытку устранить систему, которая по мнению национал-социалистов была антигерманской и враждебной империи, причем 7 человек в результате этой попытки были повешаны. Во время церемонии не упоминалось, что Дольфус был расстрелян.

Г-н ДОДД: Я не утверждал, что об этом говорилось, но церемония несомненно была посвящена памяти дня убийства Дольфуса, и я думаю, что говорить, что это не имело к нему отношения, значит уклоняться от прямого ответа. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. Если бы Дольфус не был расстрелян, церемония все равно бы состоялась.

H1206 - 0292

H1206 – 0293

Г-н ДОДД: Уверены ли в этом, думаете ли вы, что они были бы повешаны даже в том случае, если бы не был расстрелян Дольфус?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В любом случае они были бы повешаны.

Г-н ДОДД: Вы были назначены государственным советником в 1937 году. Итак, вновь будем говорить кратко о Рейнере и его документе. Вам известно, что Рейнер также говорит, что Вы были назначены благодаря влиянию Кеппплера и других австрийских нацистов, а также германских официальных лиц? Это так? Оказали они свое влияние на ваше назначение в 1937 году? Рейнер в этом отношении также неправ?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Совершенно не прав. Кеппплер вообще не оказывал никакого влияния при назначении меня на должность государственного советника.

Г-н ДОДД: Значит, Рейнер, по вашему, ошибается, когда он говорит, что они оказывали влияние. Вы, насколько я понимаю, не согласны с таким заявлением. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, он совершенно неправ.

Г-н ДОДД: Хорошо.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я был назначен государственным секретарем только потому, что Чернатто обсудил мою кандидатуру и предложил ее Шушнигу... Если бы Кеппплер внес такое предложение, то это заставило бы Шушнига не назначать меня.

Г-н ДОДД: Но не думаете ли вы, что Шушниг случайно назначил вас потому, что кто-то говорил с ним об этом и что все эти нацисты, с которыми вы были знакомы, не имели к этому никакого отношения? Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, этого я не хочу сказать. Я говорил с Рейнером о перспективе, связанной с моим назначением на должность государственного секретаря, потому что наш общий

знакомый уже до того обсудил этот вопрос с Цернатто. Затем я переговорил по этому вопросу с Рейнером. Но он не оказал никакого влияния на это назначение.

Г-н ДОДД: Вы видели документ, известный как протоколы Госсбаха? Это документ США-25, № 386-ПС, представленный Трибуналу много месяцев назад. Вы припоминаете, что Гитлер при обсуждении отчета, представленного Госсбахом, заявил, что он имеет планы в отношении Австрии и Чехословакии. Вы помните об этом? Это имеется в документе.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДОДД: Это было 11 декабря 1937 г. - нет, извините. Это было 5 ноября 1937 года. Когда Вы впервые услышали об этом совещании? В первый раз в вашей жизни когда вы услышали об этом совещании?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Здесь, в этом зале.

Г-н ДОДД: Здесь, в зале суда? Вы помните, что вы писали письмо 11 ноября д-ру Юре?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДОДД: Вы очень хорошо помните это или вы желаете ознакомиться с копией этого документе? У нас есть копия. Это новый документ, который вы еще не видели.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: У меня также есть копия.

Г-н ДОДД: Это документ № 3396-ПС.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Так точно.

Г-н ДОДД: Что вы имели в виду, когда вы писали Юре 11 ноября 1937 года. Вы писали: "Я лично верю в то, что не будет явных результатов до начала следующего года. В настоящее время я получил подлинный отчет от Линц..." И далее вы говорите о газетной статье. Я хотел бы знать следующее: что вы понимали под событиями в начале 1938 года?

H1206 - 0294

H1206 - 0295

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: При создавшейся в то время ситуации в Австрии было ясно, что такое внутриполитическое положение не могло долго продолжаться. Оптимистически настроенные национал-социалисты считали, что или Шушниг в ближайшее время уйдет в отставку, или что-либо произойдет. Я правильнее истолковал политическую обстановку и был того мнения, что перемена в австрийских внутриполитических делах произойдет лишь только весной и именно в том направлении, что национал-социалисты получат дальнейшую свободу действий.

Г-н ДОДД: Меня это фактически ни в какой степени не может интересовать, если вы не считаете, что это может быть важным для вашего ответа. Я хочу немного вернуться назад, вы начинаете свое письмо ссылкой на беседу с господином Кеплером. Он был агентом Гитлера 11 и 12 марта, когда власть в Австрии перешла в руки нацистов. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да,да.

Г-н ДОДД: Вы говорите: "Беседа протекала в очень спокойной обстановке и они говорили крайне откровенно.

Однако я не верю, что эти вопросы так созрели для обсуждения, как это представлялось с точки зрения национального порядка и империи".

Далее вы продолжаете: "Я был бы приятно удивлен, если бы первоначальное решение было достигнуто здесь в этом году".

Фактически вы говорили о передаче Австрии в руки австрийских нацистов? Вы это имели в виду, когда вы писали письмо? Там шла речь о "первоначальном разрешении".

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет. Во-первых, там не сказано, что мои разговоры с Кеплером были секретными, там сказано, что они были насыщенными содержанием.

Г-н ДОДД: Там сказано, что "совещание проходило в об-

13315

становке "полной изолированности". Я не знаю, было ли оно секретным и я не знаю, что именно это означает?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это означает, что мы очень реалистично смотрели на вещи ко время наших бесед. Имперские инстанции все время напирали. Может быть, речь шла также о том, что будет оказан дипломатический нажим со стороны империи. Во всяком случае при этом преследовалась та цель, чтобы деятельность национал-социалистов в Австрии была разрешена и чтобы был осуществлен, наконец, намечавшийся аншлюсс. Там вовсе не обсуждалось содержание документа Госсбаха, я также убежден, что Кепплер не имел никакого представления об этом. Кепплер отнюдь не занимал такого прочного положения при Гитлере.

Г-н ДОДД: Вы припоминаете, что вы писали письмо Кепплеру несколько позднее, в январе 1938 года. Помните ли вы это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДОДД: Вы хотели отказаться от вашего мандата, от возложенной на вас ответственности?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н ДОДД: Что это был за мандат, который вы получили от Кепплера или Геринга?

На кого ссылался Кепплер в своем письме?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это был мандат австрийского государственного советника. Я не хотел принять его, а так же хотел отказаться и от задания, заключавшегося в том, чтобы проверить, можно ли договориться о привлечении национальной оппозиции к сотрудничеству. От Кепплера я вообще не получал никакого мандата и едва ли смог бы принять его.

Г-н ДОДД: Вы знаете, что документ представлен в качестве доказательства 33/97-ПС, США-702? Кепплер говорит, что он проинформировал Геринга о сложившейся обстановке и что

H1206 – 0296

H1206-0297

Геринг посоветовал ему оставить вас на этой работе. Мой вопрос заключается в следующем: почему Геринг должен был так интересоваться этим мандатом, если это имело отношение к вам, как к государственному советнику в Австрии? Он не был официальным представителем австрийского правительства, а вы были.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ:: Мог бы я получить этот документ на руки?

Г-н ДОДД: Да, конечно. Вы также найдете здесь ссылку на д-ра Юре, того самого человека, о котором мы говорили несколько минут назад, и которому вы писали письмо от 11 ноября.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Господин Обвинитель, какое место вы имеете в виду в этом письме?

Г-н ДОДД: Мой вопрос заключался в следующем: меня интересует, почему Кеплер информировал Геринга о вашем желании уйти с того поста, который вы занимали в нацистской партии или, как вы заявили, с занимаемой вами должности государственного советника, и нас это еще больше интересует в связи с вашим об'яснением. Какое отношение имел к этому Геринг?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я уже заявлял вчера, что Шушниг поручил мне рассмотреть условия, на которых можно было привлечь национальную оппозицию к сотрудничеству, и я всегда говорил Шушнигу, что национал-социалисты без согласия Гитлера не станут ничего предпринимать. Я с ведома Пернатто и д-ра Шушнига посетил Геринга и Гесса. Обоим господам было известно, что я через Кеплера поддерживаю связь не только с австрийскими национал-социалистами, но и с деятелями в империи. Это было так же известно и в империи и они были заинтересованной стороной. Если бы я внезапно заявил: "у меня с этим покончено, я

больше не сотрудничаю", то я чувствовал бы себя обязанным предупредить так же национал-социалистов в империи, для того, чтобы они больше не могли бы на меня расчитывать. Мне кажется, что это само собой разумеется. Это нужно было бы сделать в любом случае.

Г-н ДОДД: Письмо ваше от 11 ноября к Юре было написано после вашего совещания с Гессом и Герингом. Не так ли?

Несомненно, вы встретились с Герингом в июле 1937 г.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, об этом я ведь дал здесь показания.

Г-н ДОДД: Очень хорошо. Теперь я хочу задать вам несколько вопросов по поводу вашего совещания с фон Папеном в Гармише, которое, как я вас понял, заранее не намечалось. Вы говорили там о возможности того, что на пост министра безопасности будет назначен член нацистской партии. Говорили ли вы также о возможной поездке Шушнига в Берхтесгаден, которая состоялась вскоре после этого совещания?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, мы не говорили об этом, мы не говорили так же и о том, состоится ли встреча между доктором Шушнигом и Гитлером, мы не обсуждали так же и того, будет ли разрешен вопрос дипломатическим путем.

Г-н ДОДД: Разве этот вопрос вообще не обсуждался? Не было никакого обсуждения этого вопроса?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: О какой-либо встрече этих государственных руководителей ничего не говорилось. Мы обсуждали лишь каков будет план.

13318

H1206 - 0298

H1206 – 0299

Г-н ДОДД. Когда впервые Вы узнали о предполагаемой встрече Гитлера с Шушнигом и от кого Вы узнали об этом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что два дня... Это было, видимо, 10 февраля, я получил известие, кажется, от Рейнера или от Глобочника, в котором мне сообщалось, что должно состояться такое совещание. Приблизительно в то же время Пернатто потребовали , чтобы я приехал в Вену, но он мне еще не сказал в чем было дело.

Г-н ДОДД. Разве фактически не является фактом, что вы подготовили для Гитлера вопросы, которые позднее являлись основанием для его беседы с Шушнигом в Берхтесгадене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не совсем понял, что Вы говорите, что я должен был, по вашему, подготовить?

Г-н ДОДД. Мой вопрос заключался в следующем: является ли фактом, что Вы подготовили записки или своего рода меморандум для Гитлера, который он использовал как основу для беседы с Шушнигом в Берхтесгадене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я написал предложение относительно разрешения этого вопроса. Текст я передал, с одной стороны, Пернатто, с другой стороны, Рейнеру. Вполне возможно, что Рейнер переслал это предложение в импери-, я не предусмотрел бы в этом ничего предосудительного.

Г-н ДОДД. Хорошо. Но вы знаете очень хорошо, что Мюльман накануне конференции ночью был послан Вами и Вашими помощниками в Берхтесгаден с меморандумом, чтобы опередить Шушнига и фон Папена. Разве это не факт?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Д-р Мюльман...

Г-н ДОДД. Да, да....

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Д-р Мюльман отправился тогда в Берхтесгаден и он был осведомлен о последней беседе, которая у меня

состоялась с д-ром Шушнигом. Он, видимо, записал это.

Г-н ДОДД. Разве Вам не известно, что Мюльман знал, а Шушниг не знал этого, и что особенно важно, что Мюльман проехал туда раньше его? Он взял с собой меморандум и условия, которые Вы предложили Шушнигу накануне.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ Я уверен, что Шушниг не знал о том, что Мюльман находится в Берхтесгадене и что он проинформировал Кепплера, а тот, в свою очередь, Гитлера. Этого д-р Шушниг определенно не знал. Когда я беседовал с Шушнигом, я еще не знал, что Мюльман поедет в Берхтесгаден.

Г-н ДОДД. Когда Вы узнали о том, что Мюльман уехал в Берхтесгаден?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я после беседы с доктором Шушнигом пришел в мою канцелярию, там был уже доктор Рейнер, может быть, еще кто-нибудь, и я оповестил доктора Рейнера об этом совещании. Возможно, Мюльман тоже присутствовал при этом. После этого мы, - я не исключаю при этом себя,-решили проинформировать Кепплера о содержании этой беседы. Очевидно, между тем доктор Шушниг отправился уже на вокзал, и я не счел, собственно, нужным тотчас же оповестить об этом доктора Шушнига.

Г-н ДОДД. Нет, конечно, нет. Но вы хотели информировать Гитлера о характере Вашего совещания с Шушнигом в тот вечер?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не видел тогда никакого повода и никакой возможности, проинформировать д-ра Шушнига о том, что доктор Мюльман проедет в Берхтесгаден.

Г-н ДОДД. Может быть Вы и не видите необходимости, но я хочу выяснить следующее: Вы хотели сообщить Гитлеру о Вашей беседе с Шушнигом и о том, что было сказано Вами?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДОДД. Почему Вы сообщили главе другого государства о

H1206 - 0300

H1206 – 0301

Вашей беседе с главой Вашего собственного государства, приверженцем которого Вы являлись?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не видел в этом никакого вероломства. Я просто уведомлял руководителей двух договаривающихся сторон, посредником которых я был.

Г-н ДОДД. Можете ли Вы сказать, что Вы в тот период могли вести переговоры между Вашей страной и Германией, не уведомляя об этом Вашего собственного канцлера? Шушниг не знал, что Вы послали меморандум Гитлеру? Будьте откровенны.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, доктору Шушнигу определенно не было известно об этом, но господин Шушниг знал совершенно точно, что я все время поддерживал непрерывную связь с империей и именно через доктора Кеплера и что я все время передаю в империю соответствующие результаты наших переговоров, потому что империя должна была занять свою позицию. Я всегда утверждал, что нельзя будет достичь никакой внутриполитической договоренности между обеими сторонами, если Гитлер не выразит своего согласия. Это факт, тут уже ничего не поделаешь. Правильно ли это с моральной точки зрения или нет, но дело обстояло именно таким образом. Без согласия Гитлера нельзя было проводить политики взаимопонимания.

Г-н ДОДД. Это был не первый раз, когда Вы действовали нечестно в отношении Шушнига? Помните, что Вы дали ему честное слово, что Вы не выдадите его планов относительно плебисцита?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДОДД. После этого совещания Вы направились в гостиницу "Регина". Помните Вы, что Вам говорили Ваши сообщники и что Вы отвечали им на это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Господин обвинитель, я не могу ответить Вам,мне кажется, что Вы что-то путаете здесь. В отель "Регина" я отправился не тогда, а 10 марта вечером. Это было совершенно другое дело. Прежде всего, доктор Шушниг поступил неправильно, взяв с меня честное слово, ибо он сам ведь в договоре от 12 февраля назначил меня посредником. Если б я знал заранее о том, что он от меня потребует, я бы отказался, потому что я, согласно договору от 12 февраля, был обязан тотчас же уведомить империю об этом деле. Я сдержал свое слово. В тот же вечер ко мне пришел Юре, который узнал об этом из другого источника, и я ни одним словом не дал понять Юре, что я знаю об этом. На следующее утро, до 12 часов пришел Рейнер. Я лишь в полдень стал принимать участие в переговорах. Рейнер говорит, что это было уже утром, он ошибается, это произошло в полдень.

Г-н ДОДД. Хорошо, я принимаю это исправление, но я не думаю, что это очень важно.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. С моей точки зрения, это очень важно.

Г-н ДОДД. Хорошо, мы решим это. Я хочу, чтобы Вы послушали о том, что сказал Рейнер относительно того, как Вы держали свое слово: "Зейсс-Инкварт об,яснил, что он знал об этом лишь в течение нескольких часов, но, что он не мог говорить об этом, потому что он дал честное слово держать это в секрете, но во время совещания он дал понять, что нелегальная информация, полученная нами, является правильной и что, учитывая новую обстановку, он с самого начала сотрудничает с ландслейтером".

Это, несомненно, нельзя рассматривать как сохранение тайны или как доказательство того, что Вы сдержали свое

H1206 – 0302

H1206 – 0303

слово и как Вы, так и Шушниг, поняли это.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В этом случае нельзя было поступить иначе. Приблизительно в полдень истекло время, когда я обязал был молчать. Люди сидели передо мной и рассказывали мне все подробности. Я же не мог им вдруг сказать, что все это ложь и обман, потому что я не обязался Шушнигу лгать перед другими. Поэтому я молчал. И все присутствовавшие поняли из моего молчания, что дело, видимо, обстояло именно таким образом.

Г-н ДОДД. Вы знали, когда нужно молчать и когда нужно сделать некоторые замечания с тем, чтобы дать возможность Вашим сообщникам понять, что именно Шушниг просил Вас держать в секрете?

Но когда Вы узнали точно о том, что именно произошло в Берхтесгадене, об ужасных угрозах и ужасном обращении с Шушнигом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Об этом я узнал от Цернатто. Мне кажется, это было уже 13 февраля. Затем я услышал об этом от министра иностранных дел Шмидта и затем д-р Шушниг частично рассказал мне то же самое. Это было, видимо, 13 или 14 февраля.

Г-н ДОДД. Вы имели очень полную картину о том, как жестоко обращались с Шушнигом. Я полагаю, что Вам известно также о том, как был вызван Кейтель для того, чтобы запугать его и оказать военное давление, как были высказаны угрозы о вторжении в страну и т.д., то-есть, Вы полностью знали о том, что произошло? Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. О том, что был вызван Кейтель, я не припоминаю, но Шушниг сказал мне, что там присутствовали генералы, и, очевидно, будет оказан военный нажим.

Г-н ДОДД. Да, я полагаю, что Гитлер выставил требование о том, что национал-социалисты должны иметь министра внутренней безопасности. Вам об этом сообщил Шушниг. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, мне кажется, Гитлер потребовал, чтобы национал-социалистам были предоставлены посты министра внутренних дел и министра безопасности, Шушниг согласился с этим и на вопрос Гитлера, кого Шушниг предлагает, Шушниг назвал мое имя. Но все это росказни и слухи, деталей я не знаю. Это,во всяком случае, произошло в ходе этих весьма трагических переговоров.

Г-н ДОДД. Я думаю, что это очень важно, поскольку Вы имеете свидетеля, который будет допрошен и который был на этом совещании, - это доктор Шмидт. И Вы говорите Трибуналу, что Шушниг предложил Вашу кандидатуру, а не Гитлер требовал, чтобы Вы были назначены на этот пост?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я вообще ни в чем не хочу убеждать Трибунал, я хочу лишь способствовать выяснению закулисной стороны этих событий, насколько позволяет Устав.

Г-н ДОДД.Можете ли Вы сказать нам, кто сказал это, поскольку у нас имеются показания, свидетельские показания под присягой министра иностранных дел Шмидта о том, что Гитлер требовал этого, и что Шушниг согласился с этим требованием? Кто сказал Вам, что Шушниг этого хотел?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне сказал это доктор Мюльман, но я хочу заметить, что в основном все обстояло так, как Вы говорили, господин обвинитель, ибо это была лишь деталь, относившаяся к тактике. Если фюрер принудил Шушнига указать министра внутренних дел и если возник разговор,в результате которого Шушниг назвал мое имя, то я не хочу использовать это обстоя-

H1206 - 0304

H1206 – 0305

тельство для своей защиты.

Г-н ДОДД. Я думаю, это очень смелое заявление. Факт заключается в том, что все было подготовлено для этого; как Вы, так и Гитлер знали о том, что Вы будете включены в состав правительства. И вопрос о том, кто впервые назвал Вашу фамилию не является уж очень существенным.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это правильно, но я не знал точно, что Гитлер потребовал в этот день указать нового министра внутренних дел и что он назначил меня, ибо я не получил от господина фон Папена никаких сведений относительно результатов переговоров с Гитлером. Я только предполагал, что дело может обернуться таким образом. Я отнюдь не считался в Берлине "персона грата", для того, чтобы Берлин остановился именно на моей кандидатуре.

Г-н ДОДД. Через несколько дней после этого так называемого соглашения, которое было достигнуто в Берхтесгадене, Гитлер нарушил его. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да. Это было 17 февраля.

Г-н ДОДД. Он нарушил его до 17 февраля. Не так ли? Вы помните как Гитлер назначил Клаузнера главой партии, несмотря на то, что между ним и Шушнигом было достигнуто соглашение о том, что ничего подобного не будет сделано и что не будет такой политической нелегальной организации? Вы знали об этом, не так ли? Когда это было?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я, очевидно, не понял Вашего первого вопроса. Мне показалось, что...

Г-н ДОДД. Я сказал следующее. Дело в том, что через несколько дней после встречи в Берхтесгадене Гитлер назначил Клаузнера главой нелегальной нацистской партии в Австрии.

Это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Но мне думается, что это было после 17 февраля, потому что я сам старался склонить Гитлера к тому, чтобы он согласился назначить Клаузнера главой нацистов в Австрии, потому что мне было совершенно ясно, что ни один национал-социалист в Австрии не будет следовать за человеком, которого не признает Гитлер.

Г-н ДОДД. Признаете ли Вы запись свидетеля Гунзо Цернатто книгу которого Вы представили Трибуналу? Признаете ли Вы его запись о том, когда это произошло?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, я признаю ее.

Г-н ДОДД. Он говорит, что это было через несколько дней после встречи в Берхтесгадене. Я полагаю, что это могло быть 17, но вряд ли? Не было ли это до того, как Вы поехали в Берлин?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Кто это сказал, я?

Г-н ДОДД. Нет, - Цернатто, о показаниях которого я сейчас говорю.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я впервые в своей жизни увидел Гитлера 17 февраля и тогда, мне кажется, Клаузнер еще не был назначен, так как я сам лично уговаривал Гитлера, чтобы он согласился с тем, чтобы Клаузнер руководил австрийскими национал-социалистами.

Г-н ДОДД. Я вижу, что признаете это. Я понимаю, что это ~~серьезный вопрос~~ был критический в период Ваших переговоров, между Австрией и Германией, если это соглашение, как утверждает Цернатто, было нарушено через несколько дней после того, как оно было заключено. И следовательно, когда Вы поехали в Берлин, Вы знали, что Гитлер уже начал свои беззаконные действия в

H1206 – 0306

H1206 – 0307

Австрии, если действительно это произошло до того, как Вы поехали в Берлин.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я хотел бы заметить, что эта нелегальная работа, которая велась не всегда обязательно Гитлером, но так же и другими лицами, никогда не прекращалась. В мои намерения входило облечь эту нелегальную работу в такие формы, чтобы ее можно было бы контролировать в Австрии. Я всегда говорил и Шушнигу, что австрийские нацисты не станут ничего делать без согласия Гитлера.

Г-н ДОДД. Вопрос заключается не в этом. Я не хочу более обсуждать этот вопрос. Я хочу задать Вам еще один вопрос о Вашем совещании с Гитлером. Вы определенно к 17-му знали о том, как плохо обращались с Шушнигом и Шмидтом в Берхтесгадене. Сказали ли Вы Гитлеру об этом в течение двухчасовой беседы, которую Вы с ним имели,

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, потому что с 1934 года я так же не был ответственен за политику отечественного фронта, проводившуюся против национал-социалистов. Это было просто реакцией на притеснение национал-социалистов в Австрии.

Г-н ДОДД. Хорошо. Сейчас обратимся к 8 марта. В этот день Шушниг сказал вам о плебисците, который он намеревался провести через несколько дней. Это было 9 марта. Вы написали письмо Шушнигу и послали копию этого письма Гитлеру. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так точно.

Г-н ДОДД. Сказали Вы Шушнигу о том, что Вы с курьером послали копию Гитлеру?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Не знаю, но я ничуть бы не колебался, потому, что после 12 февраля 1938 года я должен был все время

информировать империю.

Г-н ДОДД. Вы, как государственный советник Шушнига, конечно, должны были информировать его о том, что Вы послали копию этого, очень важного документа Гитлеру? Но вы не сказали ему об этом, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это возможно, но,мне кажется, что я, может быть, сказал Цернатто об этом. Я, определенно, уведомил Цернатто, о том, что я поставил в известность империю, в этом не может быть сомнения.

Г-н ДОДД. Мы проверим это. На следующий день вы имели вечером совещание с Шушнигом, Шмидтом и Скибль, кажется, в помещении канцлерства и Вы никому из них не сказали о том, что Вы уже связались с Гитлером через специального курьера? Вы помните об этом совещании?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Не имею представления об этом. Я припоминаю лишь встречу 10 марта вечером. Но, очевидно, это так, мне кажется, что...

Г-н ДОДД. В этот вечер 10 марта, когда Вы отправились в отель "Регина" и встретились с Клаузнером. Сразу же после этого Вы вышли на улицу и встретились с Вашими сообщниками. Сказали ли Вы им о том, что Вам сказал Шушниг и что Вы ответили ему во время беседы.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. 10 марта?

Г-н ДОДД. Да, 10-го.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, но я встретил прямо-таки удивительное безучастное отношение.

Г-н ДОДД. Но Ваш курьер уже вернулся из Берлина в это время? Не так ли? Глобочник уже возвратился из Берлина?

H1206 – 0308

H1206 – 0309

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, Глобочник вернулся и сообщил, что Берлин отклоняет подобный плебисцит и что я на следующий день получу письмо с мнением Гитлера об этом.

Г-н ДОДД. На том же совещании в отеле "Регина" Вы слышали, как Рейнер дал инструкцию о мобилизации партии в Австрии для того, чтобы организовать демонстрацию и захватить власть на следующий день? Вы были тогда там, когда он сообщил о своих планах? Вы помните это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я думаю, что это было большим преувеличением со стороны Рейнера. Я припоминаю лишь, что Клаузнер сказал, что"следовательно, завтра все будут поддерживать с ним связь". Само собой разумеется, что всем было ясно, что может возникнуть демонстрация, так же и правительству было ясно, что , если этот вопрос не будет теперь решен, дело дойдет до больших демонстраций.

Г-н ДОДД. Я думаю мы быстро закончим с этим вопросом, если Вы согласитесь со мной, что эти демонстрации вовсе не были стихийными, как Вы старались это доказать Трибуналу, а были очень хорошо подготовлены и разработаны Вашими сообщниками. Вы согласитесь с этим?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Были ли эти демонстрации стихийными? Безусловно, нет.

Г-н ДОДД. Они не были стихийными?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Ведь вся атмосфера, начиная с 8 марта, крайне накалилась.

Г-н ДОДД. Хорошо. Даже когда Хорстенау на следующее утро 11 марта приехал из Берлина, он сказал Вам о подготовке или о разговорах в Берлине о военных событиях.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Хорстенау?

Г-н ДОДД. Да.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, так точно, и мы об этом же сообщили доктору Шушнигу.

Г-н ДОДД. Вы встретились с Шушнигом и в то же утро написали ему другое письмо.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Перед этим я в течение двух часов беседовал с ним и обрисовал ему все детали, а это письмо явилось лишь подтверждением.

Г-н ДОДД. Письмо это представляло собой ультиматум Шушнигу, не так ли? И оно было составлено Вами по указанию Вашего политического руководителя, Клаузнера?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет. Это утверждал Рейнер, это опять одно из его утверждений. Если вообще можно говорить об ультиматуме, то я пред"явил его уже до этого в устной форме, так как я перед тем как уйти попросил Шушнига до двух часов дня дать мне ответ, и в случае отказа Глейзе и я должны были подать в отставку. В то время я еще вообще не говорил с Клаузнером.

Г-н ДОДД. Насколько я понимаю, все то, что сказал Рейнер в этом отчете - в документе 812-ПС, как Вы говорите, является ложным?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это не ложь, а некоторое преувеличение.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я повторяю, что я хочу узнать Вашу точку зрения, потому, что я не смогу этого сделать позднее, когда свидетель будет вызван к свидетельскому пульту. Он также утверждает, что он говорил с Вами о захвате власти, в случае, если Шушниг откажется принять Ваш ультиматум. Правильно это или нет?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не припоминаю этого, я не думаю, что это было так.

13330

H1206 - 0310

H1206 - 0311

Г-н ДОДД. Что Вы скажете о его заявлении о том, что Вы обсуждали три определенных и возможных шага для захвата Австрии и передачи ее Германии. Это правильно или нет?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне кажется, что это изложение фактов, сделанное Рейнером уже после того, как все произошло.

Г-н ДОДД. Я должен Вас спросить об этом, поскольку,по-моему, мы должны знать Вашу точку зрения.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Прошу Вас...

Г-н ДОДД. Знаете ли Вы, что Рейнер также сказал, что в телеграмме, в хорошо известной телеграмме к Гитлеру говорилось о плохом положении в Австрии и что эту телеграмму привез обратно Глейзе-Хорстенау. Об этом он говорит в том же документе.

Что Вы можете сказать по этому поводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это не совсем правильно, письмо Гитлера я...

Г-н ДОДД. Как это может быть неправильно, если это правильно. Вы сказали, что в этом имеется доля правды.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я получил письмо Гитлера с курьером, а не от Глейзе- Хорстенау. И в этом письме был проект телеграммы.

Г-н ДОДД. Это та же самая телеграмма, на которую ссылался Геринг, когда он говорил о своих разговорах по телефону, и та же самая, на которую ссылался Кеплер,когда он разговаривал по телефону. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, эта телеграмма была вдвое длиннее, и я совершенно решительно отклонил ее.

Г-н ДОДД. Хорошо. Наконец, я хочу Вас спросить о том, дне, когда Вы произнесли речь по радио. Это было сделано по распоряжению Геринга? Он Вам сказал, чтобы Вы это сделали? Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я над этим не задумывался. Мне было это совершенно безразлично.

Г-н ДОДД. Я думаю будет лучше, если Вы посмотрите стенографическую запись его телефонного разговора. В этот вечер, в 19 ч. 57 м., он беседовал с Вами и предложил Вам обратиться к народу с заявлением, и через несколько минут после этого Вы выступили с таким заявлением. Вы хотите сказать, что Геринг Вам не говорил этого?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Геринг требовал от меня нечто совершенно другое. Геринг требовал, чтобы я об"явил себя представителем временного правительства и чтобы я захватил власть . Кажется, именно этого он требовал. Я представился австрийцам в качестве министра внутренних дел и министра безопасности и потребовал от них, чтобы они сохраняли спокойствие и не оказывали сопротивления наступавшим немецким войскам, то-есть, я сказал то же самое, о чем полчаса до меня говорил Шушниг.

Г-н ДОДД. Вам потребовалось всего лишь две - три минуты для того, чтобы подойти к микрофону после беседы с Герингом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Тогда я о ~~остальном~~ столько переговорил с фельдмаршалом Герингом, и я не хочу изобличать ни его, ни себя, говоря о тех действиях, которые мы могли совершить на основании телефонных разговоров. Мне кажется, что я в результате их почти ничего не предпринял.

Г-н ДОДД. Вы ведь не указываете, не правда ли, что Геринг не был заинтересован в том, чтобы Вы продали Австрию Германии? Он, конечно, очень был заинтересован в том, что произошло в тот день. Не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не считаю здесь уместным выражение: "продавать". Конечно, Геринг явно был заинтересован в том,

13332

H1206 - 0312

H1206 – 0313

чтобы закончить это дело, может быть, несколько поспешно.

Г-н ДОДД: Вы вчера сказали Трибуналу, что в здании было примерно 40 эсэсовцев и что, по Вашему мнению, они находились там потому, что Миклас и Пушниг не предпринимали ничего для того, чтобы их удалить оттуда и что их можно было очень легко удалить. Правда ли заключается в том, что Вы были министром безопасности и на Вашей ответственности лежало удаление их оттуда?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, я не мог распоряжаться в учреждении канцлера и кроме того, там ведь присутствовал д-р Скюбль, достаточно было господину Миклас или д-ру Пушнигу сказать одно слово и прибыли бы 300 человек из гвардейского батальона и навели бы порядок, от меня в тот момент нельзя было потребовать, чтобы я принял меры против национал-социалистов.

Г-н ДОДД: Хорошо, если было достаточно одного их слова, то достаточно было лишь движения Вашего пальца для того, чтобы удалить их оттуда. Это были ваши национал-социалистские эсэсовцы, помимо этого Вы были начальником полиции.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не знаю, послушали бы эти люди меня, а гвардейский батальон находился не в моем распоряжении, потому что он представлял собой войсковую единицу, но, безусловно, я мог бы воспользоваться своим влиянием и, может быть, это было бы не без успеха. Но те 14 человек, которые там присутствовали, в моих глазах не значили ничего.

Г-н ДОДД: Это место было окружено ими. Не так ли? Они находились не только в здании, но и вне его и на крышах соседнего дома. Вы помните это?

ЭЙЗС-ИНКВАРТ: В то время перед резиденцией канцлера собралось несколько тысяч национал-социалистов.

Г-н ДОДД: Хорошо, лучше если мы возвратимся вновь к вашему другу Рейнеру, который будет здесь давать показания по Вашему делу, и Вы видели статью, - я думаю правильно назвать это статьей, - которую он написал об этой исторической ночи? Вы знакомы с этой статьей?

ЭЙЗС-ИНКВАРТ: Да, да, это произведение можно назвать даже больше, чем статьей.

Г-н ДОДД: Он назвал ее "Часы исторического решения". Г-н председатель, это документ 4064-ПС, США-883. Вы согласились с тем, что Рейнер дает совершенно иную картину в отличие от той, которую Вы дали этому Трибуналу. Не так ли?

Знаете ли Вы эту статью? Вы сказали, что знаете.

Он говорит, что Вам известно то, что под командованием Кальтенбруннера в ту ночь находилось 700 эсэсовцев и что Локет имел в течение получаса в своем распоряжении 6 тысяч

13334

H1206 – 0314

H1206 -0315

членов СА. Затем им были отданы приказы занять федеральную канцелярию, окружить здание и удерживать его до тех пор, пока не будет об"явлено, что к власти пришло национал-социалистское правительство, что 14 эсэсовцам, которыми командовал ад"ютант Кальтенбруннера Риннер, был отдан приказ прорваться в здание и занять федеральную канцелярию и т.д. Он сказал, что Вы являетесь тем самым человеком, который отдал Риннеру приказ войти в помещение канцлера. Это очень важно, и я бы желал узнать, что Вы скажете по этому поводу. Риннер командовал 14 эсэсовцами, которые были предназначены для удаления, как Вы сказали, каких-то других лиц. Как Вы увидите, он говорит следующее: "В 10 часов командующий охранными частями сообщил министру безопасности Зейссу, который был в нашей комнате, что один человек в сопровождении 14 других должен будет пройти через ворота в здание во исполнение приказа свыше. Я быстро информировал доктора Зейсс-Инкварта о том, что Риннер и его 14 человек специально предназначены для захвата федеральной канцелярии. Доктор Зейсс-Инкварт приказал привести Риннера наверх. Я никогда не забуду этого момента. В сопровождении охраны вошел высокий, как жердь, Феликс Риннер, известный австрийский чемпион по бегу и т.д. Он был первым национал-социалистским штурмфюрером, который вошел в штаб в ту ночь, и Вы фактически являетесь тем человеком, который разрешил ему войти.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Это победная статья, написанная под влиянием настроения, вызванного победой. Я могу лишь только сказать, что я просто обнаружил, что эти национал-социалисты в белых рубашках и черных штанах расположились в коридорах, я справился о том, что случилось. Однако, что касается опи-

13325

сания этой драматической сцены, как я открывал ворота, то нам лучше подождать, что скажет сам Рейнер.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я понимаю это. Мы продолжим. Вы заметите, что несколько дальше он говорит, что Вы взяли на себя полную ответственность и приказали открыть ворота и пропустить этих людей. Но Вы утверждаете, что это не так. Это все, что я хочу знать.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, нет, это мне совершенно неизвестно.

Г-н ДОДД. Хорошо. Хорошо. Я думаю мы пойдем дальше. Я полагаю, что в статье, написанной Рейнером, нет ни одной доли правды. Так? Или что-нибудь все-таки есть в статье такое, что Вы можете принять как достоверное? Вам известно, что он будет вызван в качестве Вашего свидетеля?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я также очень заинтересован теми показаниями, которые он здесь даст. Все в общем является несколько апоэтизированным изображением событий. Основная канва, конечно, правильна, но в статье слишком много победного ликования.

Г-н ДОДД. Я полагаю, я так же должен сам сказать в связи с предварительным вопросом, что Гидо Шмидт, показания которого у нас имеются, и которые я буду рад показать Вам, сказал, что это место было окружено СС-осцами и что они вошли в здание с Вашего согласия. Что Вы скажете по этому поводу? Он также будет вызван в качестве Вашего свидетеля.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я уже говорил, что несколько тысяч национал-социалистов собрались вокруг резиденции канцлера. Мне неизвестно, были ли они членами СС или СА, среди них было довольно много женщин. Этого, так сказать, мобилизационного приказа партии я не знал, но я уже пополудни сказал д-ру Шушнигу, что если мы не договоримся, ему придется

H1206 – 0316

H1206 –0317

ожидать больших демонстраций, организованных партией.

Г-н ДОДД. Еще один вопрос. Сказали ли Вы Трибуналу или я вас так понял, что президент Миклас ушел в отставку без какого-нибудь нажима с Вашей стороны. Президент Миклас в то время был президентом Бунда Австрии. Вы сказали, что он ушел в отставку без какой-либо просьбы с Вашей стороны?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я требовал, чтобы он подписал закон об аншлюссе. Он на это ответил, что он этого не сделает. После издания конституции, его полномочия перешли ко мне. Он сам не хотел больше препятствовать развитию событий. Я не думаю, что я ему сказал, чтобы он ушел в отставку. Я лишь только требовал, чтобы он подписал этот закон.

Г-н ДОДД. Да, но он в своих показаниях перед судом в Вене указал, что Вы требовали от него ухода в отставку. Помните ли Вы это или Вы забыли, или Вы будете утверждать, что это неправда?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет, я считаю, что это совершенно исключается, так как я точно помню, как он сказал: "Я не могу подписать этот закон, но я не буду препятствовать этому ходу событий. Если Вы мне подтвердите, что аншлюсс будет осуществлен, я уйду в отставку и таким образом вы получите все мои полномочия". Если он воспринял это как требование, чтобы он ушел в отставку, я не буду ему возражать и еще больше затруднять его положение, потому что я признаю, что я был сторонником аншлюсса.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я хочу представить это в качестве доказательства и Вы можете ознакомиться с этим показанием, если желаете. Во всяком случае, эти показания он дал перед судом в Вене 30 января 1946 года. Это документ 3697-ПС, который

я представляю в качестве доказательства за № США-884. Если Вы желаете ознакомиться с этим документом, то Вы это можете сделать. Он говорит как раз о том, о чем я говорил Вам, что Вы долго обсуждали с ним этот вопрос, что Вам было очень это неприятно, но что Вы, несмотря на это должны были подчиняться приказам из Германии и что поэтому он должен итти в отставку. Это - на 17-й странице английского текста показаний президента Микласа.

Писали ли Вы одно письмо Гиммлеру или Вы писали в 2-х письмах Гиммлеру о Бюркеле? Одно из этих писем представлено в качестве доказательства. Я хочу спросить Вас, помните ли Вы содержание второго письма? Вы помните, в этом письме к Гиммлеру Вы отвергали, что Вы вмешивались в вопрос о высылке евреев и что вы лишь настаивали на том, чтобы этот вопрос был передан Кальтенбруннеру и СД?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Мне известен этот документ, он уже представлялся здесь. Я знаю его, я видел его здесь в суде.

Г-н ДОДД. Я полагаю, что Вы могли его видеть, но он не представлялся в качестве доказательства. Однако, я намереваюсь представить его в качестве доказательства.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, но,письмо, определенно, является правильным.

Г-н ДОДД. Это - документ 3398-ПС, который представлен в качестве доказательств за № 2 США-885. В этом письме Вы говорите, что Вами даны инструкции о том, что вывоз евреев должен проводиться только в связи с согласованием с СД и через СД и не должны допускаться самовольные действия.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Правильно. Должен ли я высказаться по этому поводу, господин обвинитель?

H1206 - 0318

H1206 - 0319

Г-н ДОДД. Я хочу спросить Вас, знали ли Вы об этом? Насколько я понял из Ваших ответов при прямом допросе, Вы действительно знали об этом. Вы знали о вывозе евреев и Вы выполняли свою миссию, следя за тем, чтобы СД проводила эту работу. Именно этом я и хотел выяснить. Я уверен, Вы согласитесь с этим?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, конечно, я знал, что в Вене несколько эшелонов нагружались евреями и направлялись в Польшу. Заранее ничего не было приготовлено, и евреи находились в весьма затруднительном положении. Я возразил против этого, и так как Брункель пожаловался, я сказал Гиммлеру, что если такие мероприятия будут проводиться, то ими должно руководить СД, потому что я считал, что тогда дело будет несколько лучше налажено. Естественно, когда я это сегодня говорю, то это звучит весьма трагично и вызывает горечь. Но я думал, что в таком случае будут созданы по крайней мере какие-нибудь временные квартиры и кроме того, я знал на примере ноября 1938 года, как делаются такие дела. Партия заварит кашу, а государство оказывается вынужденным браться за это дело и доводить его до конца.

Г-н ДОДД. Да, во всяком случае Вам было известно, что Кальтенбруннер в то время занимался вывозом или был ответственным за вывоз евреев из Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. В этой связи я не припоминаю о Кальтенбруннере. Я думаю, что партия одна занималась этим делом. Да, мне думается, партия действовала самостоятельно в этом вопросе и Кальтенбруннер, мне кажется, не участвовал в этом.

Г-н ДОДД. Разве Вы не сказали СД, а разве Кальтенбруннер в то время не возглавлял СД в Австрии?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я считал, что нужно, чтобы СД занялось этим, но эти эшелоны были отправлены не Кальтенбруннером, это сделал Глобочник.

Г-н ДОДД. Хорошо, но ведь СД находилось под его руководством. Он в то время был начальником всей полицейской системы Австрии.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да, но к этому скорее имел отношение командир полиции безопасности. Насколько он был влиятельным, я не знаю. Мне кажется, в очень малой степени.

Г-н ДОДД. В ходе работы этого Трибунала нам стало известно, что он имел очень большое отношение к этому делу. Не так ли? Вам теперь известно, что он имел к этому большое отношение?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Нет.

Г-н ДОДД. Не хотите ли Вы сказать, что Вы не слышали о том, что Кальтенбруннер имел какое-то отношение к вывозу евреев?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я должен предоставить Кальтенбруннеру говорить об этом. Я сам из своего опыта не знаю об этом.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я не собираюсь дальше рассматривать этот вопрос, и это не то, о чем я Вас спрашиваю. Я Вас спрашиваю - Вы слышали в этом зале суда о том, что Кальтенбруннер имел большое отношение к вывозу евреев?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так точно.

Г-н ДОДД. Это имеет отношение к Вашему письму, не так ли? Вы знаете, что Кальтенбруннер имел большое отношение к вывозу евреев в то время, когда Вы писали это письмо?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. К эвакуации евреев Кальтенбруннер, по моему мнению, вообще не имел никакого отношения, так как это было произвольным мероприятием, проводившемся партией и гаулейтером

H1206 - 0320

H1206 - 0321

Глобочником.

Г-н ДОДД. Вы помните, когда Вы получили полномочия от Ламмерса о конфискации имущества, относительно чего Вас допрашивали в Вене?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Да.

Г-н ДОДД. Вы видели эти документы? Это новые документы: Ваше письмо к Ламмерсу и его ответ на Ваше письмо, а также приказ, изданный по Вашей просьбе. Таким образом, имеется три документа.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так точно.

Г-н ДОДД. Ваше письмо Ламмерсу от 23 октября 1938 г. - это документ, представленный в качестве доказательства 3448-ПС, за № США-886 и ответ Ламмерса Вам от 24 октября 1938 г., это документ № 3447-ПС, США-887 и сам приказ представляет собой документ 3450-ПС, который представляется в качестве доказательства за № США-888. В документах идет речь о конфискации собственности евреев в Австрии, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Так точно. Я вчера уже заявлял, что я участвовал в этом, издав соответствующие постановления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не сделать ли сейчас перерыв?

Г-н ДОДД. Я могу закончить через 5 минут, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, продолжайте в таком случае.

Г-н ДОДД. Я желал бы закончить и я думаю, что смогу это сделать.

Г-н подсудимый, когда Вы впервые узнали об огромной смертности австрийцев, находившихся в концлагерях после аншлюсса?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. О многих австрийцах, погибших в концентрационном лагере, лишь только здесь, в суде; но о том, что много австрийцев находилось в концлагерях - я узнал, очевидно, в 1943/44 г.г. В 1938/1939 г.г. я знал, что некоторые политические противники находились в концентрационных лагерях, но я думал, что они со временем отпускались на свободу, по крайней мере некоторые из них.

Г-н ДОДД. Знали ли Вы о том, что их убивали в Бухенвальде еще в 1939 году? Знаете ли Вы тех лиц, которым было известно о смерти австрийских граждан ? Подумайте, прежде чем отвечать. Разве вы не знаете о том, что в Бухенвальде убивали тех, которые были Вашими политическими противниками?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не припоминаю этого, господин обвинитель.

Г-н ДОДД. Вы никогда не слышали об этом ни одного слова?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я не хочу этого утверждать, если Вы напомните мне хоть одно имя, я скажу Вам как обстояло дело.

Г-н ДОДД. Я знаю, что если я назову фамилию, то Вы скажете, что Вы слышали об этом. Однако, я спрашиваю сначала Вас: действительно ли Вы не слышали о том, что многие из них умирали в этих лагерях? Это все, что я хочу знать. Об этом было очень хорошо известно в Австрии, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я без всякой оговорки допускаю, что мне сообщали о том, что тот или иной человек умирал в лагере, причем уже в 1938 или 1939 г.г.

Г-н ДОДД. И тем не менее, Вы продолжали сотрудничать с нацистами, даже после того, когда Вы узнали, что многие из Ваших соотечественников брошены в концлагери? Разве это не изменило Вашу точку зрения? Независимо от того, каковы были

H1206 – 0322

H1206 – 0323

Ваши убеждения до аншлюсса, Вы определенно знали, что они делали после этого.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Не может быть речи о том, что я знал, что умирало большое число людей, а то, что кое-кто умирал, не могло меня тронуть, потому что за период с 1934 до 1938 года в концентрационных лагерях доктора Дольфуса и отечественного фронта или австрийского государства умерло по крайней мере такое же число национал-социалистов.

Г-н ДОДД. Согласитесь ли Вы со мной, что после того, как нацисты пришли к власти, положение в Австрии стало очень тяжелым и что они продолжали ухудшать это положение? Вы и каждый житель знал об этом. Не хотите ли Вы сказать, что они улучшили положение? Я желал бы узнать Вашу точку зрения по этому поводу.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я скажу совершенно откровенно, - конечно, если слушать сегодня руководителей политических противников, то положение было ужасным, но если знать народ до 1939 года, то можно сказать, что он просто ожил, ибо была уничтожена безработица, и словно новым духом повеяло... Но война сделала положение невыносимым.

Г-н ДОДД. Еще один последний вопрос. Постарайтесь ответить на него кратко. Должен ли я понимать это так, что Вы берете на себя ответственность за все, что произошло в Польше и за все то, что, как здесь будет установлено, имело место в Польше? Вы вместе с Франком несете за это ответственность. Берете ли Вы на себя эту ответственность как его помощник?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Прежде всего это может относиться только к тому времени, когда я был там и являлся заместителем статс-секретаря.

Г-н ДОДД. Конечно, я не говорю о том времени, когда Вас уже там не было. Я лишь говорю о том времени, когда Вы там были.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Причем я беру на себя ответственность как заместитель статс-секретаря в тех случаях, когда я действительно выполнял функции такового и когда я узнавал о преступлениях, против которых я не принял мер.

Г-н ДОДД. Я хочу лишь зачитать одну фразу для занесения ее в протокол из документа, который уже был представлен в качестве доказательства. Ваша честь, это документ 2233-ПС. Из этого документа я хочу зачитать на первой странице 4-й абзац, поскольку часть этого документа зачитывалась защитой, эта же часть - была опущена. Этот абзац обозначен маленькой арабской цифрой 3. "Немедленные полицейские и другие мероприятия будут проводиться под непосредственным руководством начальника полиции безопасности. Любому арбитражному действию будет оказываться серьезное сопротивление". Это, между прочим, имело отношение к операции "АБ", по поводу чего свидетель дал показания. Из протокола видно, что Вы, г-н подсудимый, присутствовали в то время, когда подсудимый Франк обсуждал эту операцию "АБ" и когда он сделал заявление, которое я только что зачитал.

Конечно, вы не отказываетесь от ответственности за все, что было сделано в результате операции "АБ". Не так ли? Потому что Вы действительно знали об этом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ. Я вообще ничего не отрицал, ни в случае с операцией "АБ" и ни в других случаях. Я уже особо говорил об этом мероприятии.

H1206-0324

H1206 - 0325

Г-н ДОДД. Г-н председатель, документ 2233-ПС, представленный в качестве доказательства за № СССР-223 имеется также и на французском языке. Он уже представлен в качестве доказательства и уже был принят Трибуналом. Но в тот момент, когда этот документ представлялся в качестве доказательства, отсутствовал перевод на французском языке, который я сейчас и представляю Трибуналу. Я закончил свой допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Додд, Вы сказали, что документ от 11 ноября 1937 г. № 3379-ПС является новым документом. Дали ли вы ему какой-нибудь номер?

Г-н ДОДД. Одну минуту, г-н председатель, я это проверю; документ представлен за № США-889. Это действительно новый документ и я его представил в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал сейчас об"является перерыв до 2 ч. 05 м.

/Об"является перерыв до 14.00/

ВЖ
ВЗ
НН

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 12 июня 1946 года.

/ Вечернее заседание/.

Встать! Суд идет!

Д-р ШТЕЙНБАУЭР:/ защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/: Господин свидетель, французский обвинитель спросил Вас, были ли Вы заместителем генерал-губернатора Франка и не знали ли Вы поэтому о существовании Освенцима. Где,собственно,находится Освенцим?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Освенцим находился не в генерал-губернаторстве, а в области,включенной в гау Верхней Силезии.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю Вас.Затем тот же обвинитель представил Вам свидетельские показания одной двадцатилетней девушки по фамилии Кунце. Это документ 3594-ПС. Согласно этому заявлению, Вы, якобы,неоднократно посылали доклады Гиммлеру.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Когда мне указали на это обстоятельство вчера вечером, я был несколько утомлен. Поэтому я пришел к заключению, несколько противоречащему документу, и утверждал, что в третьем пункте упоминаются сообщения, которые совершенно не имеют ко мне никакого отношения. Свидетельница говорит, что от меня через полицию безопасности поступали Гиммлеру сообщения о положении евреев.Это чепуха, опровергнутая ~~результатами~~ фактами. Имперские комиссары вовсе не подчинялись Гиммлеру, насколько это касается еврейского вопроса. О еврейском вопросе я, может быть, написал 2 - 3 письма, об отдельных случаях, которые через мой штаб были переданы штабу Гиммлера, но не через полицию безопасности.

ШТЕЙНБАУЭР: Этого достаточно. Затем Вам были пред'яв-

H1206 – 0326

H1206 – 0327

лены показания некоего доктора Карла Георга Шонгарта. по поводу расстрела заложников.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Шонгарт был преемником, лучше сказать, заместителем Ройтера, и это правда, что он посетил меня после того, как он обследовал место покушения. Он сообщил мне, что Гиммлер требует расстрела 500 действительных заложников, выдающихся голландских деятелей. Я был очень напуган и Шонгарт сказал тотчас же, что об этом не стоит и говорить. На это я сказал доктору Шонгарт: поверь, мы должны же что-то сделать, надо как-то реагировать. Тогда Шонгарт сообщил мне, что имеется ряд смертных приговоров, которые в ближайшие дни должны быть приведены в исполнение, и он предлагает расстрелять этих людей сейчас и ложно сообщить об этом, как об ответе на покушение.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, заменяя военного командующего, Вы направили населению какое-либо предупреждение в связи с вопросом о заложниках, как это обычно делается, согласно нормам международного права?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что здесь имеется документ с предостережением против саботажа, в котором я угрожаю, что в случае противодействия будет затронута собственность и население будет привлечено к несению охранной службы.

ШТЕЙНБАУЭР: Разрешите обратить внимание Трибунала на то, что это предостережение содержится в документе II 63-ПС.

Далее, я хочу пред'явить Вам два документа, один из которых является протоколом допроса генерала Кристиансена, в котором он говорит, что Вы были тем человеком, который отдал приказ расстрелять заложников.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что Кристиансен не говорит этого. Он признает, что он отдал приказ, он лишь считает, что я, так сказать, оказал на него давление за кулисами. Я уже говорил об этом, но может быть свидетель Виммер может дать более подробные показания, так как он присутствовал на этом совещании, как говорит сам Кристиансен.

ШТЕ'НБАУЭР: Вчера вечером я еще раз изучил этот вопрос, так как никак не мог понять решения Трибунала о том, что эти свидетельские показания, которые, собственно, представляют собой допрос подсудимого, приняты Судом. По моему мнению в § 21 Устава имеется в виду нечто иное. Я считаю, что эти выдержки из показаний не имеют доказательной силы, ибо теоретически возможно, что Кристиансен будет сейчас осужден англичанами в Голландии с тем обоснованием, что его показания неверны. Но я не хотел бы задерживать Суд. Я хочу лишь просить принять во внимание такие же показания комиссара по уголовным делам Мунта, которые я уже представил в документе № 77, стр. 199.

Затем я обращаю Ваше внимание еще на одно место. Г-н французский обвинитель утверждал, что нидерландские генеральные секретари были допущены нидерландским правительством, как правительством, и поэтому Вы не имели права вмешиваться в суверенные дела Нидерландов. Что Вы скажете на это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне это неизвестно и, по-моему мнению, это не имеет никакого значения. Нидерланды капитулировали на всей территории за исключением Зеландии. В условиях капитуляции имеются лишь военные ограничения; в отношении гражданских властей капитуляция была безоговорочной, и я считаю, что поэтому я был вправе, согласно норм международного права, взять правление в свои руки.

13348

H1206 – 0328

H1206 – 0329

ШТЕЙНБАУЭР: Высокий Суд, я хотел бы в связи с этим представить один документ,в котором говорится об этом вопросе. Это приговор верховного суда Нидерландов от I2 января I942 года.В своей заключительной речи я буду ссылаться на этот документ в правовом отношении. Он передается Суду в заверенной форме на четырех языках; Обвинение согласно с тем, чтобы я представил его; это № 96.

Затем господин французский обвинитель утверждает,что эти массовые расстрелы и особенно депортация гражданских рабочих и высылка евреев производились для того,чтобы уменьшить биологическую силу нидерландского населения?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю,что я могу привести конкретные факты, доказывающие,что я хотел обратного. Совершенно ясно,что война ведет к потерям среди населения и,может быть, я мог бы при еще большей внимательности или при еще большем сопротивлении воспрепятствовать еще чему-либо. Если этого не было сделано, то я действительно очень сожалею. Но решающими являются две цифры: смертности и рождаемости. До I944 г. смертность в Голландии,согласно статистическим данным Нидерландского статистического управления, увеличилась с 9,5 до I0, а в I9I4-I9I8 гг. с I2 на пятнадцать человек до I7, т.е. почти на 50%, хотя Нидерланды управлялись собственным правительством,не вели войну и не были блокированы. Рождаемость по полученным мною в I945 году данным статистического управления в I9I4-I9I8 годах уменьшилась почти наполовину. В годы моего правления до I944 г. рождаемость увеличилась с 20 до почти 25 на тысячу человек, т.е.на добрую четверть. Конечно,в первую очередь это вызвано волей голландского народа к жизни, но без сомнения и результатом мероприятий моей гражданской администрации.

~~ШТЕЙНБАУЭР: В доказательство правильности утверждений~~

ШТЕЙНБАУЭР: В доказательство правильности утверждений моего клиента я представляю данные Нидерландского центрального статистического управления. Ответ я получил через генерального секретаря; один немецкий и один английский экземпляр, но они не заверены. Подлинник находится наверно в генеральном секретариате.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я хотел бы заметить, что в этой статистике...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр! Как вы обосновываете то, что это относится к делу?

ШТЕЙНБАУЭР: ~~Так как~~ В обвинительном заключении и на процессе утверждалось, что Зейсс-Инкварт хотел германизировать нидерландский народ, сломить сопротивление, и на него возлагают ответственность, в частности, за плохое состояние здоровья населения, за уменьшение рождаемости и за смертность. Все это утверждается в нидерландском правительственном докладе и частично было представлено. Поэтому я вчера, с разрешения Суда, направил запрос нидерландскому правительству и ответ уже получен; в нем имеется даже больше данных, чем я просил, в частности, говорится о жертвах войны. Но мы воздадим должное истине и представим ответ в том виде, в каком мы его получили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае Вы представляете этот документ? Вы представляете его в качестве доказательства?

ШТЕЙНБАУЭР: Я представляю этот документ суду в качестве документа № 106 в том виде, как я его получил от генерального секретариата.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я должен сказать, что цифры снижения рождаемости в 1914-18 гг. в этом докладе уменьшены по сравнению ~~чем в~~ с докладом, полученным мною в 1945 г.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем у меня есть еще два вопроса относи-

H1206 – 0330

H1206 – 0331

тельно Австрии. Первый вопрос: американский обвинитель утверждает, что Вы передали Мюльману в Берхтесгаден какие-то записи. Можете ли Вы сказать, что было в них написано?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Конечно. Это были результаты моей беседы с доктором Шушнигом. Там говорилось о достигнутой договоренности относительно привлечения к сотрудничеству д-ра Крис, д-ра Райнталер и д-ра Фишбок, превращения народно-политической секции отдела при Отечественном фронте, то-есть коротко о всех вещах, по поводу которых была достигнута договоренность, и которые Адольф Гитлер в Берхтесгадене для проведения австрийскими национал-социалистами.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем американский обвинитель спросил Вас, знали ли Вы о том, что австрийцы после аншлюсса умирали в концентрационных лагерях? Вы ответили: нет, этого вы не знали. Но и в австрийских концлагерях также умирали люди. Здесь с течением месяцев Вы познакомились с концлагерями. Хотели ли Вы сказать, что они одинаковы с теми, которые Вы имели в виду?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Ни коим образом.

ШТЕЙНБАУЭР: Спасибо. Это меня удовлетворяет.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: К тому же я ведь сказал, что я слышал, что, может быть, австрийцы умирали в немецких концлагерях, но с тем, что мы слышали здесь о немецких концлагерях, их ни коим образом нельзя сравнить.

ШТЕЙНБАУЭР: Спасибо. Я закончил допрос подсудимого, как свидетеля, и с разрешения Суда вызову сейчас первого свидетеля по австрийскому вопросу генерала Глайзе-Хорстенау.

Г-н БИДДЛ /прерывая/: Подсудимый, Вы сказали, что Вы считали законы сухопутной войны устаревшими. Вы это помните?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н БИДДЛ: Считали ли Вы все эти законы устаревшими?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет.

Г-н БИДДЛ: Какие законы Вы считали устаревшими?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я считал, что договорные положения о защите гражданского населения устарели из-за развития техники вооружения, т.к. известные военные меры, тотальная блокада, воздушные налеты и т.д. в первую очередь направлены на уничтожение гражданского населения и вследствие этого, следует оправдать то, что гражданское население рассматривают, как военный потенциал, как войска на фронте. Но если это так, то нужно и гражданское население оккупированных областей рассматривать таким же образом.

Г-н БИДДЛ: Когда Вы говорите "рассматривалось таким образом", Вы имеете в виду, что Германия поэтому имела право использовать гражданское население для ведения войны, производства вооружения и т.д.; именно к такому выводу Вы пришли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это мой вывод.

Г-н БИДДЛ: Когда Вы пришли к такому выводу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что с увеличением налетов приблизительно...

Г-н БИДДЛ: Оставьте вопрос об усилении воздушных налетов. Назовите мне лишь дату. Когда Вы пришли к такому заключению?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В конце 1941 - в начале 1942 года.

Г-н БИДДЛ: Хорошо. У меня к Вам еще два небольших вопроса.

Вы сказали, что Вы заявили фюреру, что Вы не будете действовать, как троянский конь, - это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, конечно.

Г-н БИДДЛ: Хорошо, разве он предложил Вам, чтобы Вы действовали, как троянский конь?

13352

H1206 – 0332

H1206 – 0333

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, это нет. Но я совершенно ясно сознавал все неудобство своего положения. Я вполне сознавал, что мною могли злоупотреблять в таких целях, что за моей спиной могли подготовить ситуацию для аннексии Австрии.

Г-н БИДДЛ: Вы употребили это выражение после того, как Вы в течение некоторого времени говорили с фюрером, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: В ходе беседы. Но эта мысль пришла мне раньше, я высказал ее только во время этого совещания.

Г-н БИДДЛ: Таким образом за некоторое время до этого совещания эта мысль уже приходила Вам в голову?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н БИДДЛ: Я полагаю, что с тех пор, как Вы стали активно заниматься австрийским вопросом, эта мысль Вас не покидала?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Возможность двусмысленности этой ситуации была мне совершенно ясна.

Г-н БИДДЛ: То-есть, что Ваши действия могли быть неправильно истолкованы?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это - во-первых, а во-вторых, моя деятельность могла быть использована так, как я этого не хотел.

Г-н БИДДЛ: Конечно, потому что в одно и то же время Вы представляли обе стороны, а это, в любом случае, трудное положение - не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, это правильно.

Г-н БИДДЛ: Хорошо, давайте займемся вопросом об об'явлении собственности врагов государства конфискованной. Я предполагаю, что Вы в качестве уполномоченного, составляли эти декларации, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н БИДДЛ: И Вы это делали в соответствии с декретом

фюрера, который уполномачивал Вас на это?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Такова была практика, обычная в империи, и я получил, если не поручение, то нечто вроде указания...

Г-н БИДДЛ: Подождите, я не спрашиваю Вас о практике. Это было сделано согласно декрету, не так ли? Эта практика проводилась в соответствии с декретом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н БИДДЛ: И этот декрет распространялся на все оккупированные страны, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я думаю, что нет. Это распоряжение я сам опубликовал в Нидерландах. Мероприятия в Нидерландах осуществлялись на основании моего распоряжения.

Г-н БИДДЛ: Я понимаю это. Я не хочу ввести Вас в заблуждение. Вы действовали в соответствии с декретом фюрера, который давал Вам соответствующие полномочия, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Скажем - на основании распоряжения.

Г-н БИДДЛ: Директивы фюрера, не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

Г-н БИДДЛ: Находится ли эта директива в материалах Суда? Была ли она предоставлена в качестве доказательства?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я не думаю.

Г-н БИДДЛ: Очень хорошо. Теперь скажите нам, каково было содержание этой директивы? Каково было ее содержание?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Это было общее указание о том, что следует конфисковать состояние лиц, ведущих враждебную империи деятельность. Уже в Австрии я издал подобное распоряжение. Первое такое распоряжение было издано в самой империи. И оно послужило, так сказать, образцом.

Г-н БИДДЛ: Итак, в Нидерландах Вы были тем человеком, которому была предоставлена полная свобода действий решать, кто в этой стране являлся врагом империи, не так ли? Вы

H1206 - 0334

H1206 – 0335

могли принимать такое решение в соответствии с этим декретом?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, это, собственно, было делом полиции и суда. Я обладал только некоторым влиянием.

Г-н БИДДЛ: Понимаю. Полиции, конечно, не нужно было обращаться к суду за вынесением такого решения - не так ли?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нет, или полиция самостоятельно принимала такое решение или же люди предавались суду и суд осуждал их за определенные преступления и на основании приговора принималось решение в отношении имущества.

Г-н БИДДЛ: Согласно этому декрету была конфискована собственность франк-масонов. Чья еще собственность, или собственность каких групп населения была конфискована в Нидерландах, согласно этому указанию фюрера? Я имею в виду не отдельных лиц, а группы населения.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Мне сейчас ни одна не приходит в голову, но несколько групп еще имелось.

Г-н БИДДЛ: Но фактически, - следите правильно ли я излагаю имевшую место практику, - полиция на основе высказываний или действий отдельных лиц или целых групп заключала, что они являются врагами империи, и в таком случае их собственность конфисковывалась, - это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да, и решающей инстанцией был тогда Гейдрих.

Г-н БИДДЛ: Решающей инстанцией был Гейдрих?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Нидерландские инстанции тоже это делали.

БИДДЛ: И Вы проводили в жизнь решения Гейдриха, - это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Я осуществлял решения Гейдриха в отношении имущества. Общество исследователей библии тоже относилось сюда.

Г-н БИДДЛ: Исследователи библии также составляли такую группу?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Они тоже относились сюда.

Г-н БИДДЛ: И собственность исследователей библии также была конфискована, так как они были врагами империи?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: У них не было много имущества,но то, что имелось, было конфисковано,и притом за их позицию, за отказ нести военную службу.

Г-н БИДДЛ: Они отказывались - давайте выясним этот вопрос. Это интересно. Исследователи библии отказывались воевать или работать в направлении германских военных усилий и, поэтому, их собственность была конфискована.Это правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Не совсем. Исследователи библии в Германии отказывались служить в армии. Тогда это общество было запрещено сперва в Германии, а затем этот запрет был распространен на все области...

Г-н БИДДЛ: Подождите, я не говорю об этом. Я говорю о Нидерландах. Что справедливо в отношении Нидерландов?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да. Но нидерландское общество исследователей библии было запрещено не потому, что эти люди отказывались служить в армии,а потому,что в принципе правительство было против исследователей библии.

Г-н БИДДЛ: О,понимаю, на основании общих принципов. Они были пацифистами, поэтому Вы были против них и, поэтому, Вы конфисковали их имущество, правильно?

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый может вернуться на свое место на скамье подсудимых.

/Пауза, вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя и фамилию,пожалуйста.

H1206 – 0336

H1206 – 0337

СВИДЕТЕЛЬ: Эдмунд Глайзе-Хорстенау.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги." Клянусь Богом, всемогущим и всеведующим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю."

/Свидетель повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н свидетель, какое положение Вы занимали при австро-венгерской монархии?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я родился в Верхней Австрии в офицерской семье французского происхождения. В 1918 году я был майором генерального штаба в австрийской главной ставке, референтом по вопросам политики и прессы.

ШТЕЙНБАУЭР: Какое положение Вы занимали потом в Австрийской республике?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: После переворота в 1918 г. я был на гражданской службе, директором архива университета, историком и писателем. Между прочим, я автор монографии о крахе старой Австрии...

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н генерал, простите, что я Вас перебиваю. Мы хотим, чтобы Вы коротко указали лишь свои официальные должности. Какие официальные посты занимали Вы при республике?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Директор архива, затем с 11 июля 1936 г. - министр в кабинете Шушнига, как наблюдатель за выполнением июльского соглашения. В марте 1938 г. я был в кабинете Зейсс-Инкварта.

В ноябре 1939 г. я добровольно вступил в германскую армию. Сначала занимал мало приятную должность инспектора могил, затем с 1941 г. использовался на военно-дипломатической работе в Загребе, не командуя войсками. В сентябре 1944 г. я ушел с этой должности, так как я, как

старый австриец, наперекор официальной политике был принципиальным противником террора усташей, а также и потому, что я недипломатично назвал избранного и назначенного нами главу государства Павелича уголовным суб'ектом.

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н генерал, я задал Вам несколько кратких вопросов. Для меня будет достаточно, если Вы ответите в общих чертах. Трибунал немногое хочет знать об аншлюссе, но он хочет знать, как произошел аншлюсс. Поэтому я спрашиваю совсем кратко.

Была ли у Вас после июльского путча 1934 г. какая-либо связь с канцлером Шушнигом?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Каково было тогда экономическое положение?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Экономическое положение того времени характеризуется средними цифрами безработных. Из 6 млн жителей - 400 тысяч были безработными, т.е., если учитывать семьи этих людей, + свыше I млн. человек терпели нужду из-за безработицы.

ШТЕЙНБАУЭР: Какие существовали возможности в отношении расширения экономического пространства?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я могу открыто сказать, что в отношении всех возможностей был один ответ: "нет". Если Австрия хотела вернуть Габсбургов, говорили "нет"; если Австрия хотела с помощью таможенной унии увеличить свое экономическое пространство, говорили -"нет". И если великие люди, как Бриан, Пардье, говорили о Дунайской федерации, то соседи, довольные автаркией, отворачивались от нас. В этом, так сказать, австрийская трагедия.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем образовалась партия, считавшая своей основной задачей аншлюсс. Каковы были методы борьбы этой партии?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: В I9I8 г. знаменосцем "аншлюсса" не

13358

H1206 – 0338

H1206 - 0339

в последнюю очередь была социал-демократическая партия под руководством Отто Бауэра, который уже за год до того заявил, что аншлюс является единственной возможностью для австрийского пролетариата. Позже на передний план вырвалась национал-социалистская партия, объединившаяся, правда, подчинившись безусловно руководству Адольфа Гитлера, лишь в конце двадцатых годов.

ШТЕЙНБАУЭР: Кто был руководителем НСДАП в Австрии в то время?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Руководители часто менялись. Но Гитлер в лице пруссака доктора ... Как это его зовут пруссака?.. в лице одного пруссака... я сейчас не могу вспомнить имени...послал к нам инспектора, который затем в 1933 году был изгнан Дольфусом из Австрии. Хабихт, д-р Хабихт его имя.

ШТЕЙНБАУЭР: После него - верно ли это - партией стал руководить капитан Леопольд?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: После него во главе партии стал капитан Леопольд.

ШТЕЙНБАУЭР: А как относились австрийские национал-социалисты к Адольфу Гитлеру?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Они считали себя обязанными беспрекословно повиноваться ему и быть ему верными.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем было заключено известное соглашение от II июля 1936 года и Вы после этого познакомились с Зейсс-Инквартом? Что сообщил он Вам о своих политических целях?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я близко познакомился с Зейсс-Инквартом непосредственно перед заключением этого соглашения. Я не припоминаю точно, что он мне сообщил тогда о своих политических целях. В общем они совпадали с тем, что он позднее выдвигал в качестве своих политических

13357

целей.

ШТЕЙНБАУЭР: А именно? Я прошу Вас совсем кратко...

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Партию,не как организацию,а в форме носителя идей превратить в тотальный инструмент режима Дольфуса - Шушнига, в народный фронт,причем эти носители идей должны были выразить свою верность государству и конституции Австрии с благословения Адольфа Гитлера.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы когда-либо вели сами переговоры или разговаривали с Адольфом Гитлером?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Кроме марта 1938 года, я трижды имел возможность говорить с Адольфом Гитлером.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда Зейсс-Инкварт вступил в правительство?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Зейсс-Инкварт вступил в правительство после 12 февраля 1938 года.

ШТЕЙНБАУЭР: Он посещал Адольфа Гитлера?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Насколько я помню, 17 февраля он посетил Адольфа Гитлера.

ШТЕЙНБАУЭР: Рассказал ли он Шушнигу и другим членам кабинета об этом посещении Гитлера?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Шушнигу,без сомнения; мне - также.

ШТЕЙНБАУЭР: Содействовал ли он подготовке плебисцита, который был назначен на 13 марта 1938 года?

ГЛАЙЗЕ -ХОРСТЕНАУ: Я уже 6-го, ничего не зная о плебисците, поехал в отпуск на две недели, так что я не могу дать на этот вопрос полного ответа.

ШТЕЙНБАУЭР: Но не знаете ли Вы, было ли решение о плебисците принято в совете министров с согласия Зейсс-Инкварта, или нет? Он Вам позже об этом не рассказывал?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Насколько я знаю, ни один совет

13340

H1206 - 0340

H1206 – 0341

министров не занимался вопросом о плебисците.

ШТЕЙНБАУЭР: Национал-социалисты были согласны с плебисцитом?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Насколько я мог судить после возвращения из отпуска, они совершенно не были согласны.

ШТЕЙНБАУЭР: Ну, итак, стало известно, что Шушниг хочет провести плебисцит. Где Вы тогда были, чем Вы занимались в то время?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: 6-го февраля... марта я, как я уже сказал, поехал в отпуск. 7 марта я сделал давно намеченный доклад в Штутгарте. Тема: " Центральная Европа через тысячу лет после рождества Христова".

ШТЕЙНБАУЭР: Детали нас не интересуют, только факты.

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Затем я в качестве частного лица поехал в Ландау в Пфальце, чтобы посетить своих французских родственников. Там меня искал Бюркель, которому я ничего не сказал о своем прибытии, и на квартире Бюркеля я услышал по радио речь Шушнига в Инсбруке. Я сразу понял, что плебисцит, учитывая характер Гитлера, вызовет большое противодействие, и я решился сейчас же самолетом вернуться в Вену. Бюркель, который должен был это устроить, однако, позвонил в имперскую канцелярию, и Гитлер выразил желание, чтобы я поехал в Берлин. Я изложил американскому офицеру, допрашивавшему меня, причины, побудившие меня последовать этому предложению. Только позднее уже здесь я узнал, почему Гитлер пригласил меня в Берлин. Один, вполне надежный свидетель, сказал, что Гитлер не хотел, чтобы я вернулся в Австрию: он знал, что я был противником решения вопроса насильственным путем.

В ночь с 9 на 10 я явился к Гитлеру. После 2 1/2 - часовой беседы, не принявшей конкретной формы, он не

пришел ни к какому решению, а лишь сказал мне, что на следующий день около II часов он вызовет меня. В действительности он вызвал меня лишь в 8 часов вечера и вручил мне проекты для Зейсс-Инкварта:

а/ предложения Шушнигу об отставке,

б/ речи по радио.

Я заявил, что я сам не могу везти эти проекты в Австрию, пусть это сделает обычный курьер.

Позже фельдмаршал Геринг вручил мне еще один проект, в котором имелся текст телеграммы Гитлеру со вторичной просьбой о введении германских войск. Я сразу же говорю заранее, что все эти три проекта - также и третий, насколько я знаю, - не приобрели никакого актуального значения. Это то, что произошло со мной II-го в Берлине.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем Вы полетели в Вену и встретились там с Зейсс-Инквартом. Что Вы делали затем с ним в критическое утро II-го марта?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Зейсс-Инкварт встретил меня на аэродроме.

Я коротко информировал его о том, что имело место в Берлине, и не утаил от него своих опасений, имевшихся у меня. Я вместе с Зейсс-Инквартом в II часов утра, то-есть непосредственно после моего прибытия, отправился к Шушнигу. В то время, когда Зейсс-Инкварт излагал Шушнигу внутриполитические проблемы, возникшие в это время и незнакомые мне, так как я отсутствовал, я, почти рыдая, указал Шушнигу на большую опасность новых международных осложнений, новой возможной мировой войны и заклинал его уступить и отменить плебисцит, назначенный на воскресенье.

ШТЕЙНБАУЭР: Подали ли Вы и Зейсс-Инкварт ходатайство об отставке?

13362

H1206 – 0342

H1206 - 0343

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я не помню, зашло ли дело так далеко. Беседа была сравнительно короткой. Но потом в час мы подали ходатайство об отставке.

При этом я не нуждался ни в приказе Гитлера, ни в приказе руководителя национал-социалистов Клаузнера.

Уже во вторник вечером я на квартире Бюркеля решил использовать в связи с плебисцитом и это средство отставки министра, чтобы может быть избежать самого плохого.

ШТЕЙНБАУЭР: Как отнесся Шушниг к предложению отложить плебисцит?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Шушниг сначала держался сдержанно. Потом в 2 часа дня Гвидо Шмидт и Гвидо Цернатто - мне не надо говорить, кто это такие - пытались добиться соглашения с Зейсс-Инквартом. Я держался в стороне, так как моя миссия была полностью закончена уже I2 февраля.

ШТЕЙНБАУЭР: Что сделал Зейсс-Инкварт после обеда?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: После этой беседы, которая не привела ни к чему, Шушниг все еще колебался в принятии решения. Затем все-таки заявил, что он, согласно пожеланию, переносит плебисцит на следующее воскресенье. Я думал, что самое серьезное уже позади. Вскоре после этого Зейсс-Инкварт был вызван к телефону и вернулся заметно взволнованным; ему сообщили из Берлина, что Гитлер больше не может сотрудничать с ним... с Шушнигом и что Зейсс-Инкварт должен требовать канцлерский пост.

Зейсс-Инкварт пригласил меня пойти с ним к Шушнигу. Я из чувства деликатности отказался. Зейсс-Инкварт пошел к Шушнигу один, очень скоро вернулся обратно и имел со мной короткий разговор, который мне кажется важным. Он рассчитывал на то, что он получит пост канцлера и сказал мне почти что с сожалением ~~что~~: "Теперь нам придет-

13363

ся принять и нацистов и вместе с католиками и аналогично настроенными создать особую организацию, с помощью которой я буду управлять". Но от Гитлера он требовал во внутриполитическом отношении соглашения о полном спокойствии в течение 5-ти лет.

ШТЕ НБАУЭР: На это Гитлер не пошел,а его войска вошли в Австрию,и затем Вам был представлен закон. Вы были вице-канцлером, подписали ли вы этот закон и по какой причине?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я подписал этот закон. Я вступил в правительство по просьбе Кеплера и подписал этот закон по трем причинам: во-первых,под впечатлением того, что Австрия во всем мире была одинока, никто не шевельнул пальцем ради нас; во-вторых,-я должен здесь сказать то, что уже повторялось в южно-германской прессе, - под впечатлением невиданных демонстраций на улицах - называйте это массовым психозом или как хотите,- господствовал массовый психоз; это были невиданные народные демонстрации; и, в-третьих, я сам не содействовал составлению этого закона; когда я взял в руки этот закон,-внизу по улице грохотали немецкие танки. Оккупация страны Адольфом Гитлером заканчивалась. Теперь надо было гнуть или ломать. Если бы Австрия хотела ~~бы~~ выразить какое-либо другое желание, это было бы уже невозможно. Часто склонны говорить, что моя родина должна была тогда из страха перед смертью покончить жизнь самоубийством...

ШТЕ НБАУЭР: Г-н генерал, этого достаточно,благодарю Вас.

Господин председатель, у меня нет больше вопросов к этому свидетелю.

Д-р КУБУШОК (защитник подсудимого фон Папена): Было

13364

H1206 – 0344

H1206 – 0345

ли июльское соглашение заключено под давлением со стороны Германии или же по обоюдному желанию и в интересах обеих сторон?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Оно было заключено по обоюдному желанию, и в интересах обеих сторон.

КУБУШОК: Тогда и позже у Вас были абсолютно доверительные отношения с канцлером Шушнигом?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: До зимы 1937/1938 гг. у меня с Шушнигом были абсолютно доверительные отношения.

КУБУШОК: Известно ли Вам что-нибудь о намерении г-на фон Папена содействовать устранению канцлера Шушнига?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я никогда не слышал ни малейшего намека на это.

КУБУШОК: Что такое, так называемый вспомогательный фонд "Ландгот"?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Вспомогательный фонд "Ландгот", молчаливо разрешенный правительством в чисто австрийском стиле – это не должно быть критикой, ибо это в чисто австрийском стиле, – фонд для поддержки национал-социалистских... членов семей арестованных и заключенных в тюрьму национал-социалистов.

КУБУШОК: Во всяком случае, Шушниг и правительство знали об этом?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Они знали об этом и прекрасно знали "Ландгот".

КУБУШОК: Как относилась НСДАП и особенно Леопольд к г-ну фон Папену?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: НСДАП и Леопольд относились к г-ну фон Папену совершенно отрицательно. Они враждовали с ним уже из-за его католических убеждений и вообще не доверяли ему во всех отношениях.

КУБУШОК: Благодарю Вас.

13365

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Перекрестный допрос

Г-н ДОДД: Знали ли Вы генерала Муфф?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: О да, очень хорошо.

Г-н ДОДД: И Вы обычно сообщали ему обо всем, что происходило в государственном совете Австрии, не так ли?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Нет.

Г-н ДОДД: Знаете ли Вы Стефана Таушиц - австрийского посла в Германии?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Тоже нет. Мы о чем-то говорили с ним, но то, что я мог дать использовать себя в качестве шпиона, противоречит моим традициям кайзеровского солдата.

Г-н ДОДД: В таком случае, как Вы думаете, для чего Бюркель привез Вас из Штутгарта в Берлин?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я не понимаю.

Г-н ДОДД: Что же, по Вашему мнению, являлось целью Вашей поездки, когда в марте 1938 года Гитлер захотел Вас видеть и Вас привезли из Штутгарта в Берлин?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ. Я поехал в Берлин не из Штутгарта, а из Пфальца. Гитлер передал мне, что я должен непременно приехать, и я раздумывал об этом. Но потом я согласился; ~~я~~ потому что я хотел знать, что делается в Берлине..

Г-н ДОДД: Я хотел знать, что по Вашему мнению, явилось причиной Вашей поездки, когда Вы выехали, откуда бы то ни было, в Берлин. Это все. Что, по Вашему мнению, было целью этой поездки?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Моим намерением было последовать приглашению Гитлера, чтобы узнать, как обстоит дело в Берлине.

Г-н ДОДД: Хорошо. Далее, Вы сказали Трибуналу, что Вы

H1206 – 0346

H1206 – 0347

были заинтересованы лишь в мирном разрешении этого вопроса. Несомненно, когда Вы получили эту фальшивую телеграмму и проект речи, которую должен был произнести по радио Зейсс-Инкварт, Вы, конечно, не думали, что Вы должны были действовать мирным и лойяльным путем, поскольку это касалось Австрии, не так ли?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: На основании этих трех документов, у меня создалось впечатление, что если Шушниг откажется от плебисцита в воскресенье, то возможно будет достигнуто мирное разрешение.

Г-н ДОДД: И что, как Вы полагали, Вы должны были сделать с этой телеграммой, с этой фальшивой телеграммой, в которой Гитлера просили о помощи в связи с беспорядками? Это было за несколько дней до фактических событий. Вы знали, что это был полный обман, очевидный обман. Почему же Вы согласились доставить ее в Австрию?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я не взял ее с собой. Дело даже дошло до резкого спора с фельдмаршалом Герингом. Я не взял ее с собой. Этот проект был передан курьеру.

Г-н ДОДД: Вы сказали нам... - Вы знаете, что у нас имеются записи Ваших показаний и там записано, что Вы привезли эту телеграмму с собой.

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Нет, я никогда не говорил, это наперекор всякой действительности, я никогда не записывал и не говорил, что я сам взял с собой какой-либо из трех проектов; я придавал значение тому, чтобы заявить, что это сделал курьер. Я хотел бы указать на то, что после соглашения от 12 февраля Зейсс-Инкварт имел право сноситься с имперскими и партийными инстанциями в империи.

Г-н ДОДД: Хорошо. Во всяком случае, Вы знали о том, что эта телеграмма была фальшивой, не так ли? Независимо от того, Вы ее доставили или Глобочник, она являлась

фальшивкой, не так ли?

ГЛАЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Позвольте, потом я больше никакого отношения не имел к этой телеграмме; через несколько месяцев я спросил Зейсс-Инкварта - была ли вообще послана эта телеграмма, и он мне ответил - нет, телеграмма послана не была. Я уже сказал, что эти три документа и остались неиспользованными.

Г-н ДОДД: Несомненно, Гитлер дал их Вам не для того, чтобы Вы их выбросили. Когда Вы согласились доставить эти документы, Вы не знали о том, что их предполагалось использовать?

ГЛАЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Все остальное было задачей Зейсс-Инкварта, который после Берхтесгаденского соглашения должен был осуществлять связь с имперскими и партийными...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, постарайтесь, пожалуйста, отвечать на вопрос, а не говорить нечто другое.

ГЛАЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Хорошо.

Г-н ДОДД: Хорошо, я не собираюсь далее настаивать на этом вопросе. Вы, очевидно, думаете, что у Вас были некоторые другие причины, но я не хочу далее настаивать на раз'яснении этого вопроса.

ГЛАЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Нет, я был бы очень благодарен, если бы я мог следить, я не понимаю этого вопроса.

Г-н ДОДД: Если Вы не понимаете этого вопроса, то бесцельно настаивать на его раз'яснении.

ГЛАЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я был бы очень благодарен, если бы Вы еще раз задали этот вопрос.

Г-н ДОДД: В моем вопросе я предположил, что Вы, по крайней мере, знали в чем заключалась эта фальшивая телеграмма, которая была Вам вручена, - ее проект, и составленный, как Вы сказали, Гитлером или Герингом. Вы

H1206 – 0348

H1206 – 0349

были тогда в австрийском правительстве министром без портфеля. Вы,конечно,знали, что эта телеграмма была законченной фальшивкой и все же Вы с готовностью собирались вернуться в Австрию и связаться там по этому делу с Зейсс Инквартом, зная,что подобная телеграмма была составлена и послана с курьером.

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Эта телеграмма потеряла всякое значение из-за того, что Шушниг отменил плебисцит. Я категорически заявил Шушнигу, причем я предоставил Зейсс-Инкварту, который сидел рядом со мной,высказаться подробнее: "Ты смотри,если мы не кончим с этим плебисцитом,то Гитлер замаршируют по улицам Австрии". Это те слова,которые я сказал Шушнигу.

Г-н ДОДД: Хорошо. Это не то, о чем я говорю, но я не собираюсь больше останавливаться на этом вопросе.

Помните, Вы говорили нам о том,что Вы выяснили,что в то время, когда Геринг говорил с Зейсс-Инквартом по телефону, рядом с Герингом в Берлине сидели подсудимый фон Папен и Фриц Видеман?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Мне очень жаль, об этом я узнал лишь после краха в 1945 году от Видемана.

Г-н ДОДД: Я хочу знать,каким образом Вы выяснили это?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я узнал это от капитана Видеман, с которым я встретился случайно.

Г-н ДОДД: Хорошо. Как Вы знаете, подсудимый фон Папен однажды написал письмо Гитлеру, в котором он говорил, что Вы были добровольным его сотрудником в отношении вопросов, связанных с возможностью присоединения Австрии к Германии или аншлюса; это было еще в 1936 году. Вы знаете об этом? Этот документ представлен в качестве доказательства по этому делу за номером 2246-ПС, США-67.

Вы были добровольным сотрудником Папена?

ГЛАЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ: Я был активным сотрудником в деле нормализации междугосударственных отношений. Вообще же я не знаю этого документа.

Г-н ДОДД: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, Вы хотите подвергнуть свидетеля повторному допросу?

ШТЕЙНБАУЭР: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, свидетель может удалиться.

Сейчас мы сделаем перерыв.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

Свидетель Фридрих Райнер занимает место за свидетельским пультом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя и фамилию, пожалуйста.

СВИДЕТЕЛЬ: Доктор Фридрих Райнер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:

"Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

Д-р ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/. Господин доктор Райнер, какие функции и как долго Вы выполняли в НСДАП?

РАЙНЕР: Я - член НСДАП с 10 октября 1930 года. До 1934 года у меня не было никаких функций. После этого я был назначен гаулейтером Каринтии Клаузнером в областное управление. Начиная с 1936 года, я работал в государствен-

H1206 – 0350

H1206 – 0351

ном управлении. Затем государственным руководителем Леопольдом я осенью 1936 года был уволен со своей должности, так как у нас с ним были разногласия. В феврале 1938 года я был назначен Клаузнером его политическим советником и сотрудником вновь в государственное управление. В мае 1938 года я был назначен фюрером гаулейтером Зальцбурга. 1 декабря 1941 года я был переведен в Каринтию. Таковы мои политические функции.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, Вы были под конец гаулейтером Каринтии?

РАЙНЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: В своей долгой работе в НСДАП Вы хорошо ее изучили?

РАЙНЕР: Да, я очень хорошо знаю положение дел со времени аншлюсса.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда Вы познакомились с Зейсс-Инквартом?

РАЙНЕР: С Зейсс-Инквартом я в первый раз познакомился в августе 1935 года и имел с ним разговор в течение нескольких минут. Через несколько дней я был арестован и шесть с половиной месяцев находился под арестом у австрийской полиции. После моего освобождения, примерно, в апреле или в мае 1936 года, я вновь встретился с Зейсс-Инквартом в Вене и с тех пор поддерживал с ним постоянную связь.

ШТЕЙНБАУЭР: Был ли он членом партии?

РАЙНЕР: Зейсс-Инкварт во время нелегального существования партии не был членом НСДАП, а был членом организации "штирийской защиты родины". Эта организация, мне кажется, в 1933 году по соглашению своего руководства с Хабихтом была корпоративно принята в австрийскую НСДАП. После аншлюсса этот прием не был признан имперским казначеем Шварцем, и члены "штирийской защиты родины", в том

числе, кажется, и доктор Зейсс-Инкварт,должны были вновь вступать в партию.

ШТЕЙНБАУЭР: Так что утверждение,по этому вопросу в знаменитом "письме Райнера" - неверно? /Я все время буду коротко называть его "письмом Райнера"/.

РАЙНЕР: Тогда я еще не знал, что прием не был признан имперским казначеем в такой форме.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом,Вы знали Зейсс-Инкварта и часто с ним говорили и он вам,конечно, изложил свои идеи по вопросу аншлюсса?

РАЙНЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Каковы были эти идеи? Расскажите о них очень кратко.

РАЙНЕР: Аншлюсс не был в это время об'ектом нашего обсуждения. Мысль об аншлюссе была пунктом программы всех австрийских партий. Аншлюсс оставался идеальной целью для нас всех. Но,однако, здесь речь шла о том, чтобы австрийское государство снова пошло по немецкому курсу и чтобы внутреннее положение было урегулировано. Трудность здесь заключалась в том, что государство, основанное Дольфусом и Шушнигом без учета демократической конституции,допускало лишь однопартийную систему. Поэтому было особенно трудно привлечь к сотрудничеству или легализовать основную массу оппозиции национального крыла. Эта задача должна была, по мнению Зейсс-Инкварта и моему, быть решена без нового кровопролития, мирным,спокойным путем. При обоюдной доброй воле и при устранении всякого радикализма этот путь должен был казаться подходящим.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем было заключено соглашение от II июля 1936 года?

РАЙНЕР: Да.

13372

H1206 – 0352

H1206 – 0353

ШТЕЙНБАУЭР: И Вы тогда поехали к Адольфу Гитлеру, чтобы выяснить его отношение к партии. Что сказал Вам тогда Адольф Гитлер?

РАЙНЕР: Через несколько дней после II июля 1936 года я был вызван в Берхтесгаден и 16 или 17 июля был принят Адольфом Гитлером. Фюрер вел со мной очень серьезную и подробную беседу и в резкой форме потребовал, чтобы австрийские национал-социалисты при любых условиях выполняли соглашение от II июля. Он критиковал методы, которые практиковались до тех пор, и применил выражение: "Они героичны, но глупы". Он указал на то, что применение этих методов в будущем приведет к хроническим внешнеполитическим трудностям. Он потребовал, чтобы национал-социалисты в Австрии использовали существующие политические возможности, и на мой ясный вопрос: "А также и отечественный фронт?" - он ответил: "Да". Он заверил меня, что разрядка общего настроения произойдет с течением времени благодаря улучшению отношений между обеими германскими государствами.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, он в основном одобрил политику Зейсс-Инкварта?

РАЙНЕР: Я видел в соображениях фюрера подтверждение правильности того курса, который мы избрали.

ШТЕЙНБАУЭР: Был ли Зейсс-Инкварт также руководителем партии?

РАЙНЕР: Нет, Зейсс-Инкварт никогда не был руководителем партии.

ШТЕЙНБАУЭР: Подчинился ли он руководству партии, а именно австрийской НСДАП, как это Вы пишете в своем письме?

РАЙНЕР: Зейсс-Инкварт был членом национальной оппозиционной группы и, как таковой, признавал всякое руко-

водство.

Я указываю в этом письме на то, что он признавал Клаузнера, ибо Клаузнер был, по соглашению в Берхтесгадене, назначен фюрером вместо Леопольда, так как он обещал проводить спокойный, открытый и ясный курс. В сотрудничестве с ним осуществление соглашения в Берхтесгадене казалось обеспеченным.

Зейсс-Инкварт, однако, категорически заявил, что он, как гарант Берхтесгаденского соглашения и министр правительства Шушнига, независим от Клаузнера.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, господин свидетель, после соглашения от 12 февраля 1938 года Вы во время поездки по железной дороге встретили возвращавшегося от фюрера Зейсс-Инкварта?

РАЙНЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Что сообщил он Вам о своей беседе с фюрером?

РАЙНЕР: Зейсс-Инкварт возвращался в спальном вагоне и мы сидели вместе с ним в его купе. У него в руках был листок бумаги, кажется, конверт письма, и на нем были сделаны записи. Я вспоминаю, что он так описывал предварительные формальности: он заявил, что он прибыл, как австрийский министр, присягнувший конституции и ответственный перед президентом и канцлером Австрии. В лице Адольфа Гитлера он приветствовал фюрера всех немцев. Затем он подробно рассказал мне об отдельных пунктах беседы, которые я сейчас все не помню. Мое общее впечатление было таково, что беседа протекала хорошо, и я также видел, что беседа велась в духе лойяльности по отношению к канцлеру Шушнигу. Насколько я помню, аншлюсс, как таковой, вообще не обсуждался.

13374

H1206 – 0354

H1206 – 0355

ШТЕЙНБАУЭР: Помните ли Вы, что он сказал Вам, что он заявил Гитлеру, что он хочет быть живым гарантом Шушнига, а не троянским конем?

РАЙНЕР: Я не хотел бы утверждать, что это было сказано именно так; выражение, которое доктор Зейсс-Инкварт неоднократно использовал, гласило: "я не троянский конь". Я вспоминаю также, что он неоднократно употреблял также то выражение, что он является живым гарантом обоюдостороннего выполнения соглашения в Берхтесгадене.

ШТЕЙНБАУЭР: Он также заявил, что он отрицает "культурную борьбу"?

РАЙНЕР: Я думаю, что я это помню. Во всяком случае, он стоял на этой точке зрения, и я считаю, что он говорил об этом с фюрером.

ШТЕЙНБАУЭР: Был ли фюрер согласен с этими предложениями?

РАЙНЕР: У меня было такое впечатление, что Адольф Гитлер был полностью согласен с предложениями доктора Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР: Сообщил ли Зейсс-Инкварт об этом Шушнигу?

РАЙНЕР: Я полагаю, что да. Во всяком случае он говорил, что он намерен это сделать.

ШТЕЙНБАУЭР: Сообщил ли он то же самое и австрийским национал-социалистам?

РАЙНЕР: Да, так как это было особенно необходимо. Зейсс-Инкварт говорил на одном совещании руководителей, которое имело место в начале марта, и указывал на то, что эволюционный курс и меры, которые частично не по душе радикальным элементам, роспуск нелегальных организаций одобряются Адольфом Гитлером.

Я думаю, что я также помню, что на большой демонстрации в Линце и по поводу демонстрации в Граце он также

категорически ссылался на это, ибо только посещение Адольфа Гитлера как следует узаконило его в глазах национал-социалистов.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы написали в своем письме Райнера, что Зейсс-Инкварт был осведомлен о подготовке революционных мер?

РАЙНЕР: Разрешите спросить, господин доктор, какие революционные меры Вы имеете в виду?

ШТЕЙНБАУЭР: От 10 марта.

РАЙНЕР: Я прошу разрешить мне начать несколько издалека: выражение "революционные меры" слишком широко. Меры, которые были приняты, заключались в общем в следующем: после речи канцлера Шушнига в Инсбруке майор Клаузнер был убежден, что тем самым разрушена всякая основа для внутриполитического соглашения, и что эта речь подействует, как искра в бочке пороха. Если мы ранее обсуждали, при каких обстоятельствах мы могли бы голосовать во время плебисцита "да", то теперь это, учитывая настроение широких масс, стало невозможно.

Нужно было ясно выразить позицию национал-социалистского руководства. Еще ночью гаулейтерам была дана первая информация, согласно которой партия не была согласна с намеченным плебисцитом, и выдвигала лозунг воздержания от голосования. Требовалась строжайшая дисциплина, ибо мы опасались, что волны очень скоро будут очень высоки. 10 марта началась пропаганда, которую уже давно подготовлял Цернатто, и имели место столкновения. Мы получили также сообщение о том, что крупные группы запрещенного в 1934 году шутцбунда получили вооружение. Поэтому было издано распоряжение о полной готовности формирований и им было поручено заботиться о защите националистов. Это в

13376

H1206 – 0356

H1206 – 0357

основном были шаги, которые были предприняты I0-го числа.

Относительно настроений в провинциях, я думаю, что я информировал в общих чертах доктора Зейсса вечером; об отдельных организационных мерах, я его, наверное, не информировал.

ШТЕЙНБАУЭР: Он поддерживал эти настроения?

РАЙНЕР: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Призывал ~~ли~~ он к демонстрациям или препятствовал ~~им~~ им?

РАЙНЕР: Он их не поддерживал и не призывал к ним. Воспрепятствовать им на этой стадии было уже нельзя.

ШТЕЙНБАУЭР: Что было II-го утром?

РАЙНЕР: II марта утром я работал в бюро государственного советника Юри в доме № I по Зейтцерштрассе. Я не помню в подробностях - над чем. Мы встретились с доктором Зейсс-Инквартом, Глайзе-Хорстенау и некоторыми другими приблизительно в полдень в бюро доктора Фишбока, и доктор Зейсс-Инкварт рассказал о результатах переговоров с доктором Шушнигом. Результатом этого совещания было письмо министров и государственных советников доктору Шушнигу, в котором мы требовали к двум часам ночи отмены этого противоконституционного плебисцита и назначения нового плебисцита через несколько недель, согласно положениям конституции, угрожая в противном случае уходом в отставку.

ШТЕЙНБАУЭР: Что же произошло затем? Шушниг перенес затем срок плебисцита; как Вы узнали об этом?

РАЙНЕР: Да, Шушниг перенес срок плебисцита, однако, отказался назначить срок нового плебисцита и поручил министру безопасности доктору Зейссу проведение строгих мер. Это решение было сообщено вечером по телефону в им-

перскую канцелярию в Берлине, что вызвало заявление империи о том, что это решение, как половинчатое, ~~решение~~ принято быть не может. С этого, насколько я знаю, началось вмешательство со стороны Германской империи.

ШТЕЙНБАУЭР: Не началось ли вмешательство уже с того момента, как Глайзе-Хорстенау, как утверждают, или курьер привез в Вену письмо Адольфа Гитлера?

РАЙНЕР: Я считал, что известные документы, которые показал мне в полдень Глобочниг и которые были предназначены для партийного руководства, были привезены Глайзе-Хорстенау, который рано утром прибыл из Берлина. Как я узнал лишь позже, это сделал курьер. Вмешательство империи, по моему мнению, это не являлось.

ШТЕЙНБАУЭР: Имела ли место между партией и империей, с одной стороны, и Зейсс-Инквартом, с другой стороны, совместная игра?

РАЙНЕР: Если Вы, господин доктор, под совместной игрой понимаете "заговор", то я должен ответить абсолютно отрицательно. Однако осуществлялось сотрудничество, предусмотренное в Берхтесгаденском соглашении.

ШТЕЙНБАУЭР: Дал ли Клаузнер приказ о том, что партия имеет свободу действий и должна захватить власть?

РАЙНЕР: Партии категорическим приказом Адольфа Гитлера было указано не предпринимать никаких революционных шагов. Этот приказ был повторен в первые дни марта через Кеплера, и министр иностранных дел Риббентроп вызвал тогда Кеплера, который был уже в самолете, еще раз к себе, чтобы заострить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр, вопрос заключался в том, что сделал Клаузнер, а свидетель говорит нам сейчас о том, что делали многие другие люди!

13378

H1206 – 0358

H1206-0359

ШТЕЙНБАУЭР: Да. Я спросил Вас, когда Клаузнер дал гаулейтерам приказ о захвате власти?

РАЙНЕР: Этот приказ был дан Клаузнером вечером II марта.

ШТЕЙНБАУЭР: Был ли Зейсс-Инкварт согласен с этим?

РАЙНЕР: Зейсс-Инкварт был информирован о нем лишь через некоторое время.

ШТЕЙНБАУЭР: Я должен Вам сказать, что гаулейтер Айгрубер из Верхней Австрии подтвердил в своих свидетельских показаниях, что он получил телеграмму, в которой к нему обращались, как к областному старшине. Известно ли Вам что-либо об этом?

РАЙНЕР: О телеграммах или об одной телеграмме мне вообще ничего неизвестно. Я знаю, что приказ Клаузнера был передан по телефону из дома № I по Зайтц ерштрассе. Телефонный разговор в этот вечер вел также Глобочниг с канцлером. Я полагаю, что Айгрубер имеет в виду один из этих разговоров.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что Глобочниг, который ведь был гаулейтером Вены до того, как уйти в подполье, сказал Вам, что он злоупотребил именем Зейсс-Инкварта при захвате власти?

РАЙНЕР: Глобочниг рассказал мне, что в бюро канцлера поступали различные запросы, которые были переданы ему по телефону, и что он при этом не всегда называл свое имя. Я помню один специфический случай с Зальцбургом.

ШТЕЙНБАУЭР: В письме Райнера Вы сделали также одно замечание, в котором Вы говорите об оказании помощи 25 июля 1934 года. Обвинение видит в этом какую-то связь с убийством канцлера Дольфуса.

РАЙНЕР: Это замечание об'ясняется одним разговором, во

время которого Зейсс-Инкварт рассказал мне, что после 25 июля он несколько дней опасался,что его имя будет приведено в связь с этими событиями. Но через некоторое время выяснилось, что такой связи не существовало.Он в связи с этим пытался использовать свое влияние в духе умиротворения и взял на себя защиту. Это я имел в виду.

ШТЕЙНБАУЭР: Значит,Вы подразумевали это под словами "оказание помощи"?

РАЙНЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что на президента доктора Микласа было оказано давление со стороны австрийских нацистов для того,чтобы он назначил Зейсс-Инкварта?

РАЙНЕР: Переговоры,которые заняли весь вечер,происходили под известным давлением,так как практически уже по всей Австрии произошли перемены. Свержение кабинета Шушнига вызвало невероятную лавину. Это чувствовалось при переговорах.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, Вы считаете,что вообще давление имело место,но не прямо на самого президента?

РАЙНЕР: Об этом вообще не стоит и говорить.

ШТЕЙНБАУЭР: Ну,а как Вы об'ясните,однако, то,что 40 членов СС ворвались тогда в бюро канцлера и заняли его?

РАЙНЕР: О занятии бюро СС не может быть и речи. После того,как около 8 часов вечера Миклас вновь отказался назначить канцлером национал-социалиста, Кеплер сказал, что вступление войск произойдет в 8 часов, а не в тот момент,о котором было сообщено ранее. Он выразил опасения за безопасность партнеров по переговорам. И,действительно, повсюду господствовала, + как говорят у нас в Австрии,- сумятица и положение казалось очень неустойчи-

13380

H1206 – 0360

H1206 – 0361

вым. Здание канцлерства было занято полицией и гвардией и было приведено в состояние обороны. Я сообщил об этом положении руководству партии и просил принять меры по защите для того,чтобы вследствие необдуманных актов не возникло огромного зла. В качестве последствия принятых мер следует рассматривать то, что, мне кажется, около IO часов вечера явился командир СС в гражданском платье и заявил, что он со своими людьми прибыл для защиты партнеров по переговорам. Зейсс-Инкварт считал эту меру излишней, но я просил его все-таки учитывать это, и тогда он разрешил,чтобы эти люди были пропущены полицией или гвардией во двор здания канцлерства. Не было оказано никакого давления, также не имело места никакое насилие; это была лишь мера безопасности.

ШТЕЙНБАУЭР: У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник Сервatиус/.

Д-р СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/: Господин свидетель, Вы были гаулейтером Каринтии. Имели ли Вы также административные права на соседние итальянские территории во время войны?

РАЙНЕР: Да, в сентябре 1943 года я был назначен верховным комиссаром в оперативной зоне "Адриатическое побережье" с местом пребывания в Триесте и мне подчинялись 6 провинций.

СЕРВАТИУС: Проводили ли Вы там учет иностранных рабочих для использования их в Германии?

РАЙНЕР: Да.

СЕРВАТИУС: Каким образом это производилось?

РАЙНЕР: Это производилось путем вербовки, причем без всякого применения насилия, так как эти рабочие в течение многих десятилетий привыкли заниматься поисками работы

на севере.

СЕРВАТИУС: Эти рабочие использовались в Вашем гау?

РАЙНЕР: В большей своей части они были использованы в моем гау,но также и в других районах в Альпах.

СЕРВАТИУС: Каковы были условия жизни этих рабочих в Вашем гау?

РАЙНЕР: Условия жизни были обычные и нормальные.

СЕРВАТИУС: Где были размещены эти люди? В лагерях? И видели ли Вы такие лагери?

РАЙНЕР: Они были размещены у тех лиц, которые давали им работу. Там,где их было большее количество,- в лагерях, которые обслуживались итальянским консульством и германским трудовым фронтом.

СЕРВАТИУС: Забошился ли германский трудовой фронт практически о положении дел?

РАЙНЕР: Да, он был обязан это делать на основании соглашения,о котором я был информирован, и очень ревностно выполнял эту задачу.

СЕРВАТИУС: Вы сами осматривали эти лагери?

РАЙНЕР: Да, я неоднократно осматривал лагери и нашел,что положение хорошее,а в части промышленных рабочих, например,на одном строительстве, условия были чрезвычайно хорошими.

СЕРВАТИУС: Можете ли Вы перечислить названия этих лагерей?

РАЙНЕР: Особо хорошее впечатление на меня произвел лагерь строительства гидростанции на Драве Мюнд,а также в Швабеке.

СЕРВАТИУС: Как вели себя иностранные рабочие в конце войны? Были ли беспорядки?

РАЙНЕР: Нет. Правда, у меня в моем маленьком гау при значительном количестве рабочих были заботы о питании.

13382

H1206 – 0362

H1206 – 0363

Отношение к населению было хорошим, так как население Каринтии - добродушный и покладистый народ. Я сам видел, как французские рабочие, которые уже были собраны в лагери англичанами для транспортировки во Францию, вновь возвращались к своим крестьянам, чтобы ожидать отправки у них, а не в лагерях.

СЕРВАТИУС: Много ли представителей имела национал-социалистская партия в Каринтии?

РАЙНЕР: Да, в Каринтии было настолько много национал-социалистов, что Шушниг однажды сказал:

"Колючую проволоку вокруг страны - и концентрационный лагерь готов".

СЕРВАТИУС: Но отношение к иностранным рабочим было хорошее?

РАЙНЕР: Да, конечно.

СЕРВАТИУС: У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит представитель американского Обвинения г-н Доцд/.

Перекрестный допрос

Г-н Доцд: Свидетель, когда Вы пришли к заключению, о том, что подсудимый Зейсс-Инкварт не был членом партии, как Вы заявили в своем письме? Когда Вы изменили свою точку зрения по этому вопросу?

РАЙНЕР: О том, что он не был членом партии, я узнал довольно поздно - после аншлюсса. Я не могу уже точно указать год.

Г-н ДОЦД: Но ведь это было вскоре после того, как Вы написали этот отчет, не так ли? Вы вскоре после этого выяснили, что то, что Вы сообщили, не было точными сведениями? Вы неправильно это поняли?

РАЙНЕР: В этом докладе я пытался так изложить положе-

ние, как это было бы благоприятным для доктора Зейсс-Инкварта, так как я не хотел поддерживать обвинение против доктора Зейсс-Инкварта.

Г-н ДОДД: Я Вас спрашивал не об этом; я Вас спросил, являетсяли фактом, что вскоре после написания этого письма Вы выяснили, что Вы ошиблись, утверждая, что Зейсс-Инкварт был членом партии. Я думаю, что Вы можете прямо ответить на это, без продолжительных об'яснений.

РАЙНЕР: Я не думаю, что я мог установить это очень скоро.

Г-н ДОДД: Хорошо, когда же это было? Это все, что мы хотим знать. Если в какое-либо время Вы получили такую информацию, когда Вы ее получили?

РАЙНЕР: Этого я уже не могу сказать и это не казалось мне столь важным.

Г-н ДОДД: Хорошо. Когда же Вы изменили свое мнение, или узнали, что вы ошиблись, говоря, что Зейсс-Инкварт знал об инсценированных демонстрациях или о приготовлениях к таким демонстрациям, которые должны были иметь место в Вене, и принимал в них участие? Когда Вы узнали, что это была неправильная информация или ошибка?

РАЙНЕР: Мне неизвестно, что доктор Зейсс-Инкварт принимал участие в демонстрациях в Вене.

Г-н ДОДД: Это не то, что я сказал. Мне очень жаль, если Вы меня неправильно поняли. Повернитесь ко мне, может быть, если Вы будете смотреть на меня, это Вам немного поможет. Отвечая доктору Штейнбауэру, вы сказали Трибуналу, что Зейсс-Инкварт не провоцировал этих демонстраций и не мог в то время предотвратить их. Но доктор Штейнбауэр спросил Вас, было ли правдой то, что Вы писали в Вашем письме об участии Зейсс-Инкварта в этих планах. Вы

H1206 – 0364

H1206 - 0365

знаете, что Вы писали в своем письме или докладе, не так ли? Вы помните, что Вы писали в этом докладе о Зейсс-Инкварте и о его участии во всем этом?

РАЙНЕР: Я уже не помню подробностей своего доклада.

Г-н ДОДД: Может быть, Вы хотели бы взглянуть на него?

РАЙНЕР: Да, пожалуйста.

Г-н ДОДД: Пока этот доклад принесут, я смогу выяснить несколько других вопросов. На самом деле, Вы в ноябре месяце дали письменное показание, в котором Вы под присягой подтвердили, что это было правильным, - не так ли?

РАЙНЕР: Относительно этого я ясно заявил, что я здесь опираюсь частично на сведения доверенных лиц, и что я потом уже получил информацию, из которой я вижу, что не все было изложено верно. Я также заявил, и это записано в протоколе, что я составлял этот доклад с известной тенденцией. Было сделано также дополнение к моим письменным показаниям, данным под присягой.

Г-н ДОДД: Подождите, 15 ноября 1945 года здесь, в Нюрнберге, Вы дали это письменное показание под присягой, в котором Вы заявили, что Вы подтверждаете факты, изложенные в этом докладе, и что все они соответствуют действительности, согласно всем имеющимся у Вас сведениям. Скажите, от кого и какую информацию Вы получили после 15 ноября - информацию, которая побудила вас дать сегодня перед Трибуналом показания, прямо противоположные этому докладу.

РАЙНЕР: Относительно этого я могу заявить, что я остаюсь на той точке зрения, которую я занял 16 октября.

Г-н ДОДД: Является ли этот доклад правильным в целом, как Вы нам заявили об этом 15 ноября?

РАЙНЕР: Этот доклад не надо принимать буквально. Он

частично основывается на показаниях доверенных лиц. Он составлен мною с чистой совестью, согласно ситуации в то время, кажется, в июле 1939 года, с определенной тенденцией.

Г-н ДОДД: Да, но в ноябре Вы сказали, что доклад соответствует действительности, не так ли?

РАЙНЕР: Этого я не говорил. Я сказал...

Г-н ДОДД: Я покажу Вам Ваше письменное показание, данное под присягой. Ваше письменное показание приложено к тому документу, который у Вас имеется, и это Ваша подпись, не так ли? И Вы дали присягу в правдивости этих показаний?

РАЙНЕР: Я сделал об этом заявление в категорической форме, записал затем его предосторожности ради, и очень долго говорили о формулировке оговорок.

Г-н ДОДД: Отвечайте на мой вопрос. Является ли это письменным показанием, которое Вы дали под присягой 15 ноября, здесь, в Нюрнберге? Да или нет?

РАЙНЕР: Да.

Г-н ДОДД: Далее, в нем Вы заявляете, что Вы даете показания и подтверждаете, что "факты, составляющие основу вышеупомянутых писем и отчетов, насколько Вы знали и насколько могли знать, являются достоверными". Выше в этом письменном показании Вы упоминаете о том, что Вы читали эти письма и этот доклад.

Итак, является ли это письменное показание правильным? Говорили ли Вы правду, когда в ноябре Вы под присягой заявили это нам?

РАЙНЕР: Этот аффидевит правилен, однако, я требую, чтобы те заявления, которые я сделал относительно этого до-

H1206 – 0366

H1206 – 0367

клада и которые были тогда запротоколированы, ~~если~~ по меньшей мере, ~~были~~ застенографированы, ~~никто с ним, чтобы они~~ были приложены к аффидевиту.

Г-н ДОДД: Почему Вы тогда не попросили, чтобы в Ваше письменное показание были включены какие-либо замечания по этому докладу, если он был не полностью правильным? Вы ведь принимали присягу. Просили ли Вы о том, чтобы к Вашему показанию было что-либо добавлено или чтобы туда были внесены какие-либо изменения?

РАЙНЕР: Это подтверждение я воспринял, как подтверждение подлинности представленного мне документа. Протокол моих показаний излагает мое отношение к содержанию. Ради осторожности я еще заявил, что я и здесь хотел бы сделать некоторые оговорки, которые были сформулированы одним из допрашивавших меня господ следующим образом: "Насколько я знаю и с чистой совестью", и он заявил, что тем самым выражены обычным методом все мои оговорки.

Г-н ДОДД: Скажите, Вы действительно серьезно заявляете сейчас это Трибуналу о Вашем письменном показании? Вы действительно вполне серьезно сделали последнее заявление?

РАЙНЕР: Я говорю вполне серьезно, мне нечего умалчивать.

Г-н ДОДД: Хорошо, может быть, мы сможем пролить несколько больше света на то, какого рода доклады Вы представляли. У меня имеется здесь еще один доклад, который Вы до сих пор не видели. В 1942 году Вы произнесли речь.

Это документ - 4005-ПС, который мы представляем за № США-890.

Лучше будет, если перед Вами будет копия этого документа - США-890. Вы помните Вашу речь, которую Вы про-

изнесли II марта I942 года в Клагенфурте перед руководящим составом нацистской партии и лицами, имевшими почетные значки и ордена крови гау Каринтия, в которой Вы изложили весь ход событий марта I938 года? Вы помните тот день, когда Вы произнесли эту речь?

РАЙНЕР: Я произнес такую речь.

Г-н ДОДД: Хорошо. Давайте обратимся к этой речи. Скажите, Вы говорили правду в тот день, когда произносили эту речь?

РАЙНЕР: Я изложил события в такой форме, чтобы они были поняты моей аудиторией.

Г-н ДОДД: Говорили ли Вы правду, когда Вы произносили эту речь? Я не спросил Вас, сделали ли Вы эту речь интересной; я спросил Вас, сказали ли Вы правду?

РАЙНЕР: Я думаю, что я тогда говорил правду. Но я также думаю, что я не о всем был осведомлен правильно.

Г-н ДОДД: Хорошо, давайте посмотрим, что Вы сказали в I942 году в связи с этим докладом, - это документ 8I2-ПС.

Обратитесь к... мне кажется, это страница 8 Вашего текста. Я пытаюсь найти для Вас предложение, начинающееся словами:

"Лишь в сотрудничестве с нами, Юри и некоторыми сотрудниками Леопольда..."

† Это страница 2-я английского текста, приблизительно в середины страницы, вернее, в нижней трети страницы.

Вы нашли это?

РАЙНЕР: Нет, страница I8-я немецкого текста?

Г-н ДОДД: Я сказал - страница 8-я.

РАЙНЕР: Я нашел.

Г-н ДОДД: Вы нашли это место?

"Лишь в сотрудничестве с нами, † Юри и некоторыми со-

H1206 - 0368

H1206 – 0369

трудниками Леопольда, а также с согласия Леопольда было возможно добиться назначения Зейсс-Инкварта на пост государственного канцлера /штатората/. Все с большим и большим умением Зейсс-Инкварт ведет переговоры".

РАЙНЕР: Да.

Г-н ДОДД: Вы нашли это место?

РАЙНЕР: Да, я нашел его.

Г-н ДОДД: "Мы знали, что он был тем человеком, который наилучшим образом может представить интересы движения на арене политических сражений". Он также безоговорочно подчинился руководству Клаузнера. Он всегда вел себя как заместитель Клаузнера и добросовестно выполнял все инструкции Клаузнера. С назначением Зейсс-Инкварта на пост канцлера мы нашли новую возможность приступить к дальнейшим переговорам. В то время создался целый ряд нелепых ситуаций. Политический аппарат информировал нас относительно событий в лагере Шушнига. Наши связи с Риббентропом, Герингом и Гиммлером поддерживались через Кеплера".

Вы сказали это в своей речи, как это указано здесь в тексте; как Вы теперь связываете это с тем, что Вы сообщили сейчас Трибуналу относительно доклада, направленного Бюркелю?

РАЙНЕР: Мне неизвестно, откуда взята эта запись. Я должен иметь возможность...

Г-н ДОДД /прерывая/: Я Вам сейчас скажу. Это-захваченный документ, который был найден в архивах; поэтому Вам не следует особенно об этом беспокоиться. Сейчас я хочу знать, признаете ли Вы, что Вы произнесли эту речь и что во время ее произнесения Вы сказали все это?

РАЙНЕР: Я произнес эту речь. Но я категорически заяв-

ляю, что то, что я показал сегодня под присягой по этому пункту, - ~~это~~ верно. Это изложение было предназначено для тогдашней аудитории, и его не стоит воспринимать так ~~же~~, как то, что я говорю сейчас, полностью сознавая свою ответственность.

Г-н ДОДД: Ведь сегодня Вы не говорите здесь лишь для удовольствия собравшейся аудитории, не правда ли?

РАЙНЕР: Правильно.

Г-н ДОДД: Давайте перевернем страницу и посмотрим, что Вы сказали о Папене и об этом совещании. Далее Вы говорите, каким образом Вы получали сведения, как Вы встретились на Рингштрассе, и т.д. Если Вы теперь будете следить за мной, Вы не потеряете этого места.

"Папену решительно было заявлено, что он должен втайне начать подготовку к переговорам. В Австрии об этом знали только Шушниг, Шмидт и Цернатто. Они думали, что с нашей стороны об этом был информирован только Папен. Папен также считал, что только он один знал об этом, но мы также были информированы и беседовали с Зейсс-Инквартом по этому поводу".

Это совещание в Берхтесгадене. Скажите, говорили ли Вы правду, когда Вы говорили об этом в 1942 году? Или это было просто широковещательное заявление, рассчитанное на то, чтобы создать определенное впечатление у аудитории?

РАЙНЕР: В отношении этого документа я не могу проверить, верно ли передана моя тогдашняя речь.

Г-н ДОДД: Почему же нет? Это было в 1942 году. Разве Вы не помните этого? Вы хотите сказать, что Вы не знаете, говорили ли Вы тогда правду или нет, или что Вы не знаете, сказали ли Вы вообще об этом или нет?

13390

H1206 – 0370

H1206 – 0371

РАЙНЕР: Тогда я перед простыми людьми Каринтии дал такое изложение и я...

Г-н ДОДД: Вы солгали им или Вы сказали им правду?

РАЙНЕР: Нет, но я говорил этим простым людям по-иному, чем я должен говорить под присягой по конкретным пунктам перед этим Трибуналом. Мне кажется невозможным, чтобы меня сегодня ловили на отдельных пунктах речи, которая была произнесена четыре года назад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы получили ответ на свой вопрос? Он не отвечает на Ваш вопрос?

Г-н ДОДД: Я спросил Вас, сделали ли Вы или нет в тот день эти заявления, и если да, то были ли они правдивыми? Вы можете ответить на этот вопрос очень просто и нам не нужно никаких пространных об'яснений. Вы сами прочли эту речь и слышали, как я ее оглашал. Теперь будьте добры ответить.

Вам не нужно читать эту речь еще раз. Вы уже один раз читали ее и затем я читал ее Вам. Скажите - было ли это правдой и говорили ли Вы это?

РАЙНЕР: В деталях это неверно.

Г-н ДОДД: Хорошо, правильно ли все это в каком-либо отношении? Правда ли, что Папен был информирован об этом и Зейсс-Инкварт знал об этом совещании задолго до того, как оно имело место или за некоторое время до этого? Вот, что мы хотим сейчас узнать.

РАЙНЕР: Когда мы собрались на зимнюю олимпиаду в Гармиш-Партенкирхен, мы встретили...

Г-н ДОДД: Подождите, Вы не отвечаете на мой вопрос. Вы сейчас читаете следующий абзац или следующее предложение. Я знаю, что следует дальше, и собираюсь спросить Вас о совещании в Гармише. Но сейчас я спрашиваю Вас,

правда ли то,что Вы говорили о фон Папене и Зейсс-Инкварте? Это все,что я хочу знать.

РАЙНЕР: Это верно,что в это время мы были информированы о намерении провести совещание.

Г-н ДОДД: И Зейсс-Инкварт об этом знал.

Хорошо,пойдемте немного дальше и займемся совещанием,имевшим место в Гармише. Вас пригласили туда на олимпийские игры, как Вы сами говорили, и там Вы встретились с Папеном и Зейсс-Инквартом. Они имели ряд переговоров, а затем Вы отправились в Берлин.

Я хочу теперь пойти несколько дальше. Здесь очень много интересного материала. У нас нет времени заняться всеми ими сейчас. Спуститесь немного ниже, я хочу спросить Вас о том, что,как Вы сказали, Вы уже подготовили к тому времени.

"Мы уже подготовили следующее:" - и далее Вы говорите о Шушниге и о предстоящем совещании. Это на обороте страницы 9 Вашего текста, свидетель, и в последнем абзаце 5 страницы английского текста. Вы тогда сказали:

"Мы уже подготовили следующее:

"О последних результатах беседы мне сообщил Зейсс-на свидании в одном магазине на Кертнерштрассе.Я набрал номер телефона,по которому можно связаться с Глобусом в Берлине". - Кстати,для Трибунала я хотел бы уточнить,что Глобус и Глобочник одно и то же лицо - не так ли?

РАЙНЕР: Да.

Г-н ДОДД: "Я сообщил ему относительно отрицательных результатов этой беседы. Я мог говорить с Глобусом совершенно открыто.

У нас был секретный код для каждого имени и,кроме того, мы оба говорили на таком ужасном диалекте, что ни одна душа на свете не могла бы нас понять. Глобус немед-

H1206 – 0372

H1206 – 0373

ленно составим этот доклад"... и так далее.

Тем временем Кеплер отправился в Мюнхен в спальном вагоне".

И затем через одно-два предложения далее:

"Затем я передал инструкции через члена партии Мюльмана, который оказался прекрасным связным между нами и правительственными учреждениями в империи. Он выехал в Зальцбург в одном поезде с Шушнигом. В то время, как вагон Шушнига отцепили в Зальцбурге и он, проведя там ночь, проследовал в Оберзальцберг на автомобиле, Мюльман продолжал свой путь и прибыл в Берхтесгаден. Он и Кепплер приехали к фюреру раньше Шушнига и смогли все ему рассказать. Шушниг прибыл утром, был принят и был очень удивлен, когда фюрер начал переговоры именно с того места, где они были безрезультатно прерваны за день до этого на совещании между ним и Зейссом.

Фюрер вел переговоры совсем не в том духе, как этого ожидал Шушниг. Он все довел до конца. Шушнига третировали в манере, которую трудно себе вообразить. Фюрер схватил его мертвой хваткой, оскорблял его, кричал на него и упрекал за все те грязные делишки, которые Шушниг вел за последние годы. Шушниг стал ярым курильщиком. Мы знали даже о том, что делалось в его спальне. Мы знали об его образе жизни. Он курил то по 50, то по 60 сигарет. Здесь, в присутствии фюрера, ему даже не разрешили курить. Шушниг даже не мог курить.

Риббентроп говорил мне потом, что он действительно жалел Шушнига. Шушниг все время стоял перед фюрером, исполненный внимания, держа руки по швам, и говорил только "слушаюсь", "яволь".

Что же Вы можете сообщить по этому поводу? Вы ска-

вали обо всем этом в своей речи и было ли все правдой, когда Вы заявляли обо всем этом? Свидетель,вплоть до этого места_ Вы читали этот документ вместе со мной. Говорили ли Вы это или нет_ и если говорили, то правильно ли это?

РАЙНЕР: Описание событий, которые я здесь даю,в общем и целом соответствует действительности. Отдельные формулировки, которые я вижу здесь,не мои. В этом пункте этот документ был дополнен другой рукой. Верно ли изложены события в деталях,- этого я не могу сказать с определенностью,так как многое из этого происходило не в моем присутствии.

Г-н ДОДД: Я только хотел выяснить, говорили ли Вы это, - это все. Очень хорошо,мы будем продолжать.

Вы также сказали им тогда, что Шмидт, в конце концов, пошел к Риббентропу и попросил его дать Шушнигу одну сигарету_ и,таким образом, они дали ему одну сигарету. Теперь давайте перейдем через несколько страниц к более важному вопросу. Это-на странице I3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд,сможете ли Вы сегодня закончить свой допрос, потому что мы собираемся об'явить перерыв без четверти пять?

Г-н ДОДД: Да, я закончу его. Мне потребуется еще только две минуты,чтобы закончить. Я не думаю,что это займет много времени. Мне надо еще остановиться на одном или двух пунктах этой речи.

Вы знаете,что в этой речи Вы сказали Вашим слушателям о том дне, когда Зейсс-Инкварт прибыл на совещание и сообщил Вам, что он связан честным словом ничего не говорить о плебисците. Вы знаете,что Вы сказали Вашим слушателям в тот день... Вы сами можете найти это место, я мо-

H1206 – 0374

H1206 – 0375

гу заверить Вас, что это имеется в тексте, и если Вы поверите мне на слово, то мы сэкономим время. Это имеется на странице I3 английского текста. Вы сказали: "Мы спросили Зейсса:- это правда?" И Зейсс ответил: "Я связан честным словом ничего не говорить, но мы будем действовать так, как будто все это правда". „Он ведь был дипломатом, - заметили Вы, - нам все стало ясно".

Он дал Вам знать - не так ли, что Шушниг сказал ему о плебисците. Он дал Вам знать об этом, не правда ли? Пожалуйста, можете Вы ответить на мой вопрос без...? Вы не найдете ответа на него на этой странице.

РАЙНЕР: Описание, которое имеется здесь, соответствует тому, что я помню.

Г-н ДОДД: Еще один последний пункт и больше я не намеревакюсь задавать ему вопросов.

Вы также сказали Вашим слушателям, что в ночь с четверга I0 марта на пятницу II марта, все гаулейтеры собрались в Вене для получения информации:

"I0 марта мы издали приказ СА и СС, Лукешу и Кальтенбруннеру о том, чтобы, начиная с пятницы, созвать половину наших войск, и что лучшие бойцы должны были в полном вооружении оставаться в бараках на случай возникновения гражданской войны", и т.д. Вы сказали это?

РАЙНЕР: С оружием и в бараках? Это не может быть верно. Указание тогда гласило так, и я об этом рассказал без изменений, что половина собравшихся должна была оставаться дома, т.е. в местах сбора. О бараках вообще не могло быть и речи, а оружия у нас не было почти никакого.

Г-н ДОДД: Вы знаете, что почти все, сказанное Вами во время этой речи, детально изложено в том докладе, который

Вы составили для Бюркеля. Дело заключается в том, что Вы в обоих случаях говорили о том, что Вы считали правдой,- не так ли? Именно так обстояло дело. Когда Вы составляли Бюркелю свой доклад, и когда Вы выступили с речью к руководителям и членам партии, имевшим ордена крови, Вы сообщили то, что Вы считали фактами и что, конечно, как Вы знаете, до сих пор является фактами.

РАЙНЕР: Я не могу признать этот протокол аутентичным.

Г-н ДОДД: У меня нет больше вопросов, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв.

/Перерыв до 13 июня 1946 года/.

вж

13396

H1206 – 0376

H1206 – 0377

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 13 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрел вопрос о времени, которое потребуется защитникам для заключительных речей. Должны неуклонно выполняться положения статьи 18-й Устава, которые обязывают Трибунал вести процесс быстро и нельзя разрешить защитникам занимать своими речами столько времени, сколько они пожелают. В силу необходимости следует устано - вить известные ограничения, так как в противном случае этот, уже затянувшийся процесс, может длиться до бесконечности.

Трибуналу известно, что Обвинение добровольно ограничит срок своих заключительных речей в общей сложности тремя днями, и в этой связи известное добровольное ограничение должно быть установлено также и со стороны защиты. Доказательства, предъявленные защитой, уже были заслушаны во всех деталях, поэтому в заключительных речах нет необходимости делать подробный анализ представленных доказательств, а необходимо лишь кратко обобщить основные вопросы.

Трибунал считает необходимым разъяснить, что, если в какой-нибудь из речей будет опущена та или иная тема, это не послужит для Трибунала основанием для специальных выводов.

Исходя из этого, речи защитников, по мнению Трибунала, включая речь, которая будет произнесена от имени всех подсу -

димых относительно общих принципов права, должны занять в общей сложности 14 дней. Тем самым защита получит в два раза больше времени, чем потребовалось Обвинению и на вступительные, и на заключительные речи.

Путем взаимной договоренности между защитниками эти 14 дней могут быть распределены по их усмотрению и Трибунал предпочитает, чтобы они сами, а не Трибунал, произвели это распределение времени между собой.

Трибунал поэтому просит защитников подготовить свои речи в соответствии с вышесказанным и сообщить Трибуналу возможно скорее о том, как они распределили время между собой. Если они не смогут притти к соглашению относительно распределения времени между собой, то Трибунал дополнительно рассмотрит этот вопрос.

Трибунал также желает указать как Обвинению, так и защите, что Трибуналу будет весьма удобно, если защита и Обвинение представят письменные переводы своих речей ~~в то время~~, перед тем, как они будут произносить эти речи. Это все.

НЕЛЬТЕ /защитник подсудимого Кейтеля/: Г-н Председатель, решение, которое Вы только что огласили, было неожиданным для защиты, так как ранее нас не заслушивали по этому вопросу. Нам это кажется тем более достойным сожаления, что решение на практике направлено против элементарнейших прав защиты, так как оно уменьшает возможность представить то, что должно быть представлено на этом чрезвычайно важном процессе в связи с подсудимыми и с проблемами, вставшими в ходе их дела.

Мы в настоящее время не в состоянии вообще даже просмотреть весь материал. Если я, не желая опережать остальных защитников, возьму в качестве примера дело подсудимого Кейте-

H1206 - 0378

H1206 -0379

ля, то Вы поймете, что тот материал, который был внявлен только после одного перекрестного допроса, поставил меня в очень затруднительное положение; как я, так и целый ряд за - щитников полагаем, что все это нельзя разбирать вместе. Я считаю, что при всем стремлении все вопросы суммарно рассматривать, к делам отдельных подсудимых должен все же быть ин - дивидуальный подход. 14 дней - это очень небольшой период времени, как мне кажется, и практически почти невозможно добиться справедливого распределения времени с тем, чтобы соответствующим образом рассмотреть дела отдельных подсудимых. Поэтому я хотел бы ходатайствовать о том, чтобы оглашенное Вами решение /я не знаю, может быть, это было только предложение/ было еще раз пересмотрено при участии защиты. Не за - бегая вперед, т.е. не говоря о мнении, которое намеревается высказать вся защита, я хочу уже сейчас формально возразить против этого решения, так как оно ограничивает права защиты в большей степени, чем это допустимо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли кто-нибудь из представителей Обвинения или Защиты высказаться по данному вопросу?

/К микрофону подходит господин Додд./

Г-н ДОДД. Г-н председатель! Я хотел бы сказать, что я возражаю против замечания доктора Нельте, который заявил, что ограничение во времени является нарушением самого элементарного права подсудимых, ибо, я точно знаю, что в нашей стране является довольно обычной практикой на суде, ограни - чение времени защиты при произнесении окончательной речи, а также и в тех случаях, когда заседает суд присяжных и поэтому необходимо гораздо большее количество доводов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто еще из представителей Обвинения или защиты желает выступить по данному вопросу?

/К микрофону подходит защитник Лэдингхаузен/.

ЛЭДИНГХАУЗЕН /защитник Нейрата/. Господин председатель, я хотел бы прежде всего сделать одно замечание относительно ограничения во времени. Если мы ограничены 14-днями, то это означает, что на каждого подсудимого приходится приблизительно 4 часа для защитительной речи. Однако эти 4 часа в действительности не являются полными, так как вследствие техники передачи выступлений в этом зале, мы должны будем говорить медленнее, чем мы говорим обычно в защитительной речи, то-есть из тех четырех часов, которые нам приблизительно предоставляются, нужно вычесть то время, которое мы теряем, говоря медленно. По моим расчетам на защитительную речь в 4 часа придется в действительности самое большое три часа. Господа судьи! Я считаю, что Вы исходя из этого, признаете, что в течение этих трех часов нельзя представить весь материал по каждому подсудимому таким образом, чтобы защитительная речь действительно выполнила поставленную перед ней цель.

Ведь задачи этого процесса, единственного в своем роде в истории, заключаются в выявлении истины. Однако мы не можем раскрыть истину, произвольно рассмотрев только отдельные, вырванные из связи, действия. Мы должны в первую очередь показать, каким образом были совершены эти отдельные действия. Я хотел бы в этом отношении, как защитник подсудимого Нейрата, ответственного руководителя внешней политики империи до 1938 г., указать на то, что все действия, которые инкриминируются моему подзащитному, логически неизбежно вытекают из

H1206 - 0380

H1206 – 0381

развивающихся событий. В этом развитии исторических событий лежит объяснение всего того, что случилось до того момента, того дня, когда мой клиент подал ходатайство об отставке. Однако, это можно выяснить лишь в том случае, если я, по крайней мере, в общих чертах, обрисую основные стадии исторического развития.

Господа, если Вы учтете, что наряду с этим мне нужно коснуться комплекса вопросов, связанных с его деятельностью в качестве имперского протектора, что по причинам правового характера не так просто, как это кажется в первый момент, тогда Вы согласитесь со мной, что я не смогу произнести защитительную речь в течение 3-х часов.

Здесь выступал представитель американского Обвинения. Я хочу, в связи с его выступлением, указать, что мы находимся здесь не перед американским судом. Мне неизвестно, - а я пытался выяснить этот вопрос, - чтобы в международных судах, например, в Гааге или Египте, как-либо ограничивали время для заключительных речей защитников. Я прошу поэтому учесть, что перед нами здесь не американский суд, а международный суд, что это - международный суд, который выходит далеко за рамки всего того, что происходило до сих пор, выходит далеко за рамки тех военных судов, которые здесь в Германии рассматривали отдельные вопросы из этого огромного комплекса, и что никогда прежде военные суды не устанавливали ограничения во времени для защитительных речей.

Если Вы это учтете, то я надеюсь, господа, что Вы разрешите мне просить Вас еще раз пересмотреть Ваше решение, иначе мы должны будем притти к выводу, что мы не имеем возможности осуществить защиту наших подзащитных, как того требует наш долг.

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

РУДЕНКО. Господа судьи, я несколько дополню то, что уже сказал мой коллега г-н Додд. Уголовний процесс нашей страни знает права суда - ограничивать как Обвинителей, так и Защиту определенним регламентом при произнесении речей. Мне думается, что рассуждения Защити о том, что решение Трибунала якоби ограничивает их права, является несправедливим. Эти рассуждения лишени всяких оснований. Фактически защита сейчас, представляя доказательства по делу своих подзащитних, имеет полную возможность для представления всех материалов. Мне думается, господа судьи, справедливость состоит не в том, чтобы бесконечно вести этот процесс. Я полностью поддерживаю господина Додда и считаю совершенно правильным решение Трибунала.

/К микрофону подходит защитник подсудимого фон Папена доктор Кубушок/.

КУБУШОК. Разрешите, господин председатель, сделать еще небольшое замечание. Всякий судебный процесс не может быть расчитан во времени ни в какой своей стадии. В начале процесса нельзя предусмотреть продолжительность отдельних стадий и поэтому ограничить во времени объем представления доказательств. Также и на дальнейших стадиях процесса нельзя заранее предусмотреть время, которое потребуется для выступлений защиты и ограничить его. Ценность защиты /для этого защита и включается в процесс/ заключается в том, что человек, на которого возложена эта профессиональная задача и обладающий необходимими для ее выполнения качествами, представляет суду все то, что он в результате длительной работи и подробних разговоров со своим подзащитним считает необходимым для огла-

13402

H1206 - 0382

H1206 – 0383

шения. Такой материал должен быть представлен суду через посредство такого человека. В каких масштабах он должен представить это, - он должен решать сам, как знаток своего дела. Ни один из участвующих в процессе - ни члены суда, ни другие защитники - не могут даже приблизительно сказать, что необходимо в этой связи.

Поэтому я считаю, что ни для представления доказательств Обвинением, ни при допросе свидетелей, ни для защиты, не может быть установлен какой-либо регламент. На других стадиях процесса нам приходилось считаться с такими же трудностями. Критерием для ограничения, однако, может лишь быть решение о том - относится или не относится к делу тот или иной вопрос. Поэтому мы здесь во время представления доказательств и во время выступлений Обвинения всегда наблюдали, как знак, господина председателя, который умело и беспристрастно руководил процессом, всегда ограничивал выступления во времени, - там, где это было необходимо. Я не понимаю, почему нельзя использовать такой прием и при произнесении защитительных речей, и я думаю, что само собой разумеющаяся дисциплина, которой руководствуется каждый защитник, приведет к соответствующим ограничениям во времени. Сейчас я, однако, думаю, что ни один человек, кроме самих участвующих - и то, вероятно, лишь после того, как будут представлены все доказательства - не может предусмотреть регламент времени и вследствие этого, по-моему, сейчас само собой исключается установление каких-либо ограничений во времени. Если это решение Суда следует рассматривать как предложение об ограничении объема защитительных речей, - и в этом случае мы с благодарностью учтем эти указания, каким образом целесообразнее освещать доказа -

13403

тельственный материал - то, следуя указаниям Трибунала, мы не устанавливая твердого регламента, сумеем ограничить себя во времени и,тем самым, безусловно, придем к решению, которое будет справедливым в отношении всех сторон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не намерен сейчас подробно останавливаться на тех доводах, которые побудили Трибунал вынести решение, оглашенное мною сегодня утром. Я думаю, что будет гораздо целесообразнее, если защита, прежде чем выступать с формальными возражениями против данного решения Трибунала, внимательно ознакомится с ним. Однако от имени Трибунала я должен сказать, что это решение было вынесено не без консультации как с защитниками, так и с обвинителями. Этот вопрос обсуждался на закрытом заседании. Мы заслушали как представителей Обвинения, так и представителей защиты, которые выдвинули предложения, и мы в свою очередь тщательно рассмотрели эти предложения. Мы также указали им, что они должны обратить внимание других защитников на вопросы, обсуждавшиеся на закрытом заседании. Поэтому доктор Нельте совершенно неправ, говоря, что это решение было вынесено без заслушивания мнения защитников. Я только хотел добавить к этому, что, при сложившихся обстоятельствах, Трибунал дополнительно рассмотрит этот вопрос. Предложение, содержащееся в решении, объявленном сегодня утром, заключается в том, что защитники должны сами на добровольных началах распределить между собой эти четырнадцать дней, которые, по мнению Трибунала, являются вполне достаточным сроком для заключительных речей. Эти четырнадцать дней представляют собой четырнадцать полных дней и никакая их часть не будет занята рассмотрением вопроса об

13404

H1206 – 0384

H1206-0385

организациях и до тех пор, пока защитники подсудимых не попробуют распределить между собой время, они не смогут установить-смогут ли они уложиться в отведенное им время со своими речами, которые должны представлять собой не детальное рассмотрение всех предъявленных доказательств, а выступлениями, обращающими внимание Трибунала на основные вопросы, на которые они считают нужным обратить внимание Трибунала. Они не могут сейчас установить сумеют ли они должным образом уложиться в четырнадцатидневный срок. Поэтому защитники должны все вместе обсудить этот вопрос - и Трибунал считает, что они уже к этому приступили - с тем, чтобы решить, смогут ли они должным образом произнести свои речи в отведенное для них время - 14 дней.

Все доводы, которые мы заслушали сегодня утром, были полностью представлены нам защитниками, которые присутствовали на закрытом заседании и один из которых выступал сегодня утром на открытом заседании.

Теперь Трибунал будет продолжать слушание дела подсудимого Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник Зейсс-Инкварта/: Господин свидетель, вчера Вы в ответе на последний вопрос господина представителя американского Обвинения заявили, что Ваше письмо было написано с известной тенденцией. Я спрашиваю Вас, что это была за тенденция?

РАЙНЕР. Через некоторое время после аншлюсса начались интриги и подстрекательства против доктора Зейсс-Инкварта и некоторых других лиц. Они исходили от недовольных и радикальных элементов в Австрии и также в империи. Они использовали неустойчивую позицию доктора Зейсс-Инкварта в день

11-го марта и тот факт, что он стоял за революционное развитие и действовал в духе 2-х соглашений между двумя странами, для того, чтобы обвинить его в сепаратизме или более того...

ШТЕЙНБАУЭР. Можете ли Вы сформулировать это короче.

РАЙНЕР. Эти люди казались опасными потому, что за ними стоял Беркель и, по-моему, Гейдрих. Я считал эти нападки неделовыми и поэтому старался в своем докладе подобрать факты и доводы таким образом, чтобы те, кто будет читать поняли положение вещей и утихомирились.

ШТЕЙНБАУЭР. Таким образом, если я Вас правильно понял, Вы с помощью этого письма хотели подчеркнуть заслуги партии, одновременно щадя Зейсс-Инкварта?

РАЙНЕР. Да, так можно сказать.

ШТЕЙНБАУЭР. Второй вопрос. Вы упомянули в этом письме, что Зейсс-Инкварт написал ультиматум доктору Шушнигу. Помните ли Вы, диктовал ли он это письмо сам в своей канцелярии или поручил кому-нибудь составить его?

РАЙНЕР. Господин доктор, Вы имеете в виду письмо, которое было составлено 11-го марта?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, конечно.

РАЙНЕР. Мне кажется, что это письмо было написано в канцелярии и что я сам участвовал в его составлении.

ШТЕЙНБАУЭР. Затем Вы говорите в этом письме, которое было представлено Вам Обвинением, что Зейсс-Инкварт стал государственным советником благодаря сотрудничеству с д-ром Юри и д-ром Леопольдом. Я спрашиваю Вас - оба указанные лица Юри и Леопольд - могли оказать влияние на Шушнига?

РАЙНЕР. Нет. У них не могло быть такого намерения.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин Обвинитель, в подтверждение

H1206 – 0386

H1206 – 0387

своих утверждений представил вчера следующий документ - речь, произнесенную Вами, как оратором от гау в Кернтене. Вы помните это?

РАЙНЕР. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Была ли это типичная речь гаулейтера? То-есть я хочу сказать с точки зрения геббельсовской пропаганды - речь, в которой подчеркивали собственные заслуги и чернили противника?

РАЙНЕР. Я бы не сказал этого. Это был дружеский вечер "старой гвардии", с пивом и музыкой, в честь 11-го марта, и я в форме рассказа описал события и говорил очень долго. Это была моя самая длинная речь, она длилась свыше трех часов. Я произносил ее свободно без всякой подготовки, без каких-либо документов, и стенограмма, которая, очевидно, здесь имеется, мне кажется, далеко не во всех пунктах соответствует моей речи.

ШТЕЙНБАУЭР. Вы полагаете, что Вашей целью было не столько восстанавливать исторический ход событий, сколько произвести впечатление на Ваших товарищей по партии?

РАЙНЕР. Да, конечно.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

КУБУШОК /защитник Папена/: Во время вчерашнего перекрестного допроса упоминалось о том, что Вы один раз встретились с господином фон Папеном в Гармише. Что Вы обсуждали тогда с господином фон Папеном и как вообще дело дошло до этого разговора?

РАЙНЕР. Доктор Зейсс-Инкварт и я были приглашены имперским руководителем спорта в Гармиш, где должно было сос-

тояться совещание относительно союза альпинистов Австрии и Германии. Мы с Чаммером присутствовали на лодочных гонках на Ризерзее, там мы встретили господина фон Папена. Обратно мы пошли пешком встроем: - фон Папен, Зейсс-Инкварт и я,и при этом речь шла также о политической обстановке и о предстоящих ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, нам нет необходимости выслушивать все эти подробности. Вопрос заключался в том, носил ли этот разговор политический характер. Является ли это основной целью Вашего вопроса?

КУБУШОК. Да, это была политическая беседа, но нас интересует, о какой политике говорилось в этой беседе.

Господин свидетель, Вы может быть ограничите свои высказывания определенными рамками. Вы рассказали о случайной встрече. Вы возвращались в Гармиш. Каково было содержание разговора?

РАЙНЕР. Речь шла об обстановке в Австрии, о состоянии умиротворения и об отдельных пунктах, которые могли быть интересны в предстоящей встрече.

КУБУШОК. Таким образом, в общем обсуждалось ли что - нибудь такое, что по своему характеру не могло быть сообщено австрийской общественности?

РАЙНЕР. Нет.

КУБУШОК. Речь шла о вопросах, которые относились к выполнению июльского соглашения?

РАЙНЕР. Да, конечно.

КУБУШОК. Теперь в одном месте речи, о которой уже говорилось, Вы сказали, что Вы были вместе с другими господами вечером 9 марта 1938 года на квартире у фон Папена. Я хо-

13 408

H1206 – 0388

H1206 – 0389

тел бы знать, идет ли здесь речь о заранее условленной встрече или ~~это~~ она произошла более или менее случайно?

РАЙНЕР. Эта встреча была случайной, и я не знаю, кто ее назначил. Разговор, конечно, шел о плане Шушнига провести плебисцит и о сложившейся в связи с этим обстановке. Это было настолько неожиданным шагом, что мы должны были продумать его со всех сторон и попытались в спорах выяснить положение вещей.

КУБУШОК. Какова была позиция господина фон Папена во время этой беседы?

РАЙНЕР. Я вспоминаю, что господин фон Папен, который, между прочим, лишь случайно был в этот вечер в Вене, вел себя сдержанно. Мне кажется также, что он считал голосование "за" вполне соответствовавшим обстановке.

КУБУШОК. На каком основании Вы полагаете, что он считал голосование "за" необходимым или допустимым: из практических соображений или учитывая ту форму, в которой был поставлен вопрос австрийским правительством?

РАЙНЕР. Учитывая форму постановки вопроса австрийским правительством.

КУБУШОК. У меня еще один вопрос. Была ли это заранее условленная встреча для обсуждения специальных вопросов или это была встреча, организованная по какому-либо иному поводу, во время которой завязался разговор на эту актуальную политическую тему?

РАЙНЕР. Эта встреча была организована экспромтом в связи с пребыванием фон Папена в Вене, в связи с создавшейся новой политической ситуацией.

КУБУШОК. Было ли принято какое-нибудь решение?

РАЙНЕР. Нет.

КУБУШОК. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь я, с разрешения Суда, вызываю свидетеля доктора Гвидо Шмидта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Доктор Гвидо Шмидт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги:

"Я клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, какие посты Вы занимали в австрийской республике?

ШМИДТ. Я был по профессии дипломатом и при канцлере Зейпеле был принят на службу в министерство иностранных дел Австрии. Затем 6 лет был в посольстве в Париже. Оттуда я в 1936 г. был отозван и прикомандирован к главе австрийского правительства для переговоров с дипломатическими представителями. В 1936 году при канцлере докторе Шушниге я стал статс-секретарем и потом министром иностранных дел. Я состоял в правительстве Шушнига до его вынужденной отставки. С этого момента я никаким образом не занимался политической деятельностью.

ШТЕЙНБАУЭР. Господи свидетель, если горит желтый свет, то это значит, что Вы говорите слишком быстро.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда Вы видите, что загорается желтая лампа, свидетель, то Вы должны говорить несколько медленнее и делать паузы между заданным Вам вопросом и Вашим ответом.

ШМИДТ. Да.

H1206 - 0390

H1206 – 0391

ШТЕЙНБАУЭР. Какие причины экономического и внешне - политического характера повели к заключению соглашения от 11 июля 1936 года?

ШМИДТ. С начала 1936 года внешне-политическое положение Австрии изменилось в неблагоприятную для Австрии сторону. После событий в июле 1934 года Англия, Франция и Италия подписали в Штрезе заявление трех держав относительно сохранения независимости Австрии. Кроме существовавших до этого международных обязательств, эти три державы создали новую гарантию для сохранения независимости Австрии,- фронт в Штрезе, который в течение всего 1935 г. выполнял функции по защите Австрии. Развал этого фронта вследствие операций Муссолини в Абиссинии означал для Австрии потерю единственной практической международной гарантии, а для канцлера Шушнига - создание совершенно новой ситуации. По его внешне - политическим планам охрана независимости Австрии должна была быть возложена не только на плечи Италии, но и на плечи других стран, т.е. Франции и Англии.

К этому следует еще добавить также те трудности, которые возникали вследствие развития общеевропейского положения с 7-го марта 1936 г., с того дня, когда Адольф Гитлер положил начало своей политике неожиданностей, заняв Рейнскую область и не встретил при этом серьезного сопротивления со стороны западных держав. Это вызвало у австрийского правительства опасение, что в один прекрасный день и австрийский вопрос будет решен с помощью "неожиданностей" или, как мы увидим после, с помощью силы. Нельзя не упомянуть этих причин, если мы говорим о соображениях, которые лежали в основе заключения этого соглашения, точно так же, как и начинающееся

сближение между Римом и Берлином, которое относится как раз к этому времени, объясняется также политикой санкций Лиги Наций. Австрия, расположенная между Италией и Германией должна была считаться с тем, что существовавшая при Дольфусе итало-австрийская дружба когда-нибудь станет жертвой интимного сближения между Римом и Берлином.

По этим причинам и исходя из других соображений Шушниг искал средств для улучшения отношений, то-есть для восстановления отношений между Австрией и Германией.

Возможно необходимо назвать в этой связи некоторые основные принципы внешней политики Австрии. Основой австрийской внешней политики была тенденция к сохранению австрийской независимости. Австрийская внешняя политика основывалась далее на признании очень трудного и неудобного географического положения этой страны, зажатой между двумя авторитарными государствами, находящейся в центре идеологических столкновений Европы. Задачей внешней политики Австрии должно было быть достижение договоренности с крупным соседом - Германией. Она должна была основываться на решимости избегать всего, что могло бы повести к конфликту с Германской империей, избежать всего, что могло бы побудить Германию к совершению насильственных действий, которых можно было ожидать после 7 марта.

Таким образом, действительные политические причины внешне-политического порядка были решающими при принятии данного решения - восстановить отношения с германской империей, с которой мы говорим на одном языке и с которой до этого у нас искусственным путем были разорваны эти отношения.

Наряду с внешне-политическими причинами играли роль также и экономические соображения. Мировой экономический

13412

H1206 – 0392

H1206 – 0393

кризис особенно задел Австрию, экономическая конструкция которой была хотя и жизнеспособна, но крайне слаба. Это мы можем понять лишь тогда, когда мы проследим развитие событий с начала образования этого молодого государства. Издавна соседние страны проводили политику эгоизма и шовинистических собственнических интересов, и никогда не удалось добиться тесного экономического сотрудничества всех придунайских стран. Справедливо, что были достигнуты отдельные соглашения, как например, римские протоколы, но обоюдное недоверие, вынесенное из под общего крова австрийской монархии, осталось и оно препятствовало дальнейшему здоровому развитию. Затем, с 1931 года, с начала мирового экономического кризиса делается ряд попыток получить друг от друга помощь. Это начинается с попытки правительства создать таможенную унию, которая потерпела поражение вследствие сопротивления Лиги Наций. В 1932 г. имело место стремление Франции, Австрии и Венгрии объединиться в Малую Антанту и, таким образом, добиться экономического сотрудничества. Но и здесь снова они натолкнулись на сопротивление Германии и Италии, а также и Англии, которая отнеслась к этому отрицательно.

В 1933 г. к этому затруднительному положению добавилась еще внутриполитическая борьба с национал-социализмом. И эта борьба оказала отрицательное влияние на развитие экономической жизни Австрии, так как и экономика была втянута в эту внутриполитическую борьбу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, несомненно, все это представляет собой большой интерес, но, однако, все это имеет весьма отдаленное отношение к тем вопросам, которые должен решать Трибунал. Правда, я не знаю достаточно ли осветил эти вопросы, свидетель.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, этим объяснением я хотел показать, что с точки зрения экономики и внешней политики, обстановка была такова, что роль подсудимого была, собственно, отодвинута на задний план. Разрешите продолжать, господин председатель?

Господин свидетель, скажите об этом совершенно кратко.

ШМИДТ. Заключение?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

ШМИДТ. Все это привело к нарушению экономических отношений с германской империей, и вследствие этого борьба за экономическое существование Австрии вступила в очень серьезную фазу. Исходя из этих соображений, т.е. на основании экономических причин канцлер Шушниг пытался добиться договоренности с Германской империей и урегулировать экономические отношения, которые были до того полностью прекращены, т.е. он хотел добиться отмены запрета на провоз суммы свыше 1000 марок, оживления судоходства на Дунае, восстановления транспорта, возобновления разрешения на приезд туристов и прекращения жалоб, поступавших из провинций Австрии в связи со сбытом сельскохозяйственных продуктов, леса, зерна, скота и т.д. В основном это были главные соображения.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, я Вас спрашиваю теперь: содействовал ли доктор Зейсс-Инкварт подготовке или заключению этого соглашения от июля 1936 года?

ШМИДТ. Нет. Канцлер Шушниг во время этих переговоров работал исключительно с Глейзе-Хорстенау, который являлся представителем так называемой национальной оппозиции.

/ пауза /

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что микрофонная система

H1206 – 0394

H1206 – 0395

не в порядке, поэтому Трибунал объявляет перерыв.

/Объявляется перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, доктор Зейсс-Инкварт затем весной 1937 года начал заниматься политической деятельностью и Вы, очевидно, лишь тогда познакомились с ним?

ШМИДТ. Да, я познакомился с ним лишь летом 1937 года.

ШТЕЙНБАУЭР. Я перехожу теперь к дальнейшему периоду времени и хотел бы спросить Вас, какие внутренние и внешние политические причины привели к известной встрече Адольфа Гитлера и доктора Шушнига в Берхтесгадене?

ШМИДТ. Этот вопрос требует весьма подробного ответа. Я прошу разрешения дать мне возможность несколько подробнее остановиться на этом пункте.

В конце 1937 года, в начале 1938 года вторично наступило ухудшение внешне-политического положения Австрии. Италия вела военные действия в Испании на стороне Франко и заключила с ним соглашение, которое еще больше снизило ее военное и политическое влияние в центральной Европе. То, что называется "властью над Бреннером", в то время прекратило свое существование и Германия получила широкую возможность свободы действий по отношению к Австрии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, Трибунал знаком с общеизвестными историческими фактами, имевшими место в то время. Нет необходимости рассматривать этот вопрос настолько подробно.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, в таком случае я хотел бы Вас попросить сказать мне, присутствовали ли Вы в Оберзальцберге?

ШМИДТ. Да. Я хотел бы добавить, если мне не будет разрешено остановиться на вопросе исторического развития, - а я считаю этот вопрос таковым, - что канцлер Шушниг принял это приглашение, чтобы избавить Австрию от упрека в том, что она отклонила мирные попытки устранить имевшиеся разногласия между Австрией и германской империей. Канцлер Австрии, таким образом, никоим образом не был настроен оптимистически уже хотя-бы потому, что существовавшие разногласия были чрезвычайно велики и не были связаны с личностью партнера по переговорам.

Я помню, что Шушниг сказал мне перед отъездом, что он придерживается того мнения, что, возможно, лучше было бы, если бы вместо него к Гитлеру поехал профессор Вагнер Яурег, самый крупный психиатр Вены. Однако, он это сделал потому, что он, учитывая чрезвычайно тяжелое, неблагоприятное положение Австрии, считал, что ему необходимо это сделать для того, чтобы предотвратить насильственные действия и выиграть время, пока международное положение не сложится в пользу Австрии. К сожалению, мы были правы, когда мы опасались возможности нападения или будущих трудностей. Мы были правы, когда опасались, что Австрия будет изолирована. Понимание того, что Австрия будет изолирована, было, пожалуй, одной из важнейших причин, имевших значение для Шушнига, вместе с соображением относительно того, что таким образом можно будет пережить этот трудный период и выиграть время. Австрия должна была пройти этот трудный путь в те темные времена, которые наступили в последние дни зимы 1937 г. до марта 1938 г. без надежды на скорую или далекую помощь. Так дошло до Берхтесгадена.

13 416

H1206 – 0396

H1206-0397

ШТЕЙНБАУЭР: Вы, как министр иностранных дел, сообщили крупнейшим державам об известных событиях в Берхтесгадене?

ШМИДТ: Да, несмотря на то, что в прессе часто утверждалось обратное, все заинтересованные крупные державы подробно информировались о событиях как перед Берхтесгаденом, так и после Берхтесгадена. Я предоставил в распоряжение руководителя политического отдела, к которому в первую очередь обращались все иностранные дипломаты, весь нужный материал. Канцлер Австрии сам и я подробно информировали представителей всех аккредитованных в Вене держав и обращали также их внимание на опасность положения в стране.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Простите, что я Вас прерываю. Мне не хотелось выслушивать всех деталей. Вы уже сказали о том, что Вы информировали иностранные державы как до этого, так и после этого. Этого вполне достаточно.

ШТЕЙНБАУЭР: Мы возвращаемся к делу подсудимого. Я повторяю свой вопрос: принимал ли Зейсс-Инкварт участие в этом совещании?

ШМИДТ: В каком совещании?

ШТЕЙНБАУЭР: В Берхтесгадене.

ШМИДТ: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем он стал министром внутренних дел и полиции и поехал к Адольфу Гитлеру в Берлин. Сообщил ли он Шушнигу содержание его первого разговора с Адольфом Гитлером?

ШМИДТ: Я об этом не знаю. Однако я знаю об отдельных высказываниях статс-секретаря доктора Цернатто, из которых я могу заключить, что об этом совещании велась беседа между Зейсс-Инквартом и доктором Цернатто-руководителем отечественного фронта.

ШТЕЙНБАУЭР: Из этого можно заключить, что Шушниг узнал об этом совещании через Цернатто?

ШМИДТ. Да, я предполагаю, что это было так.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь мы переходим к дальнейшему периоду. Я буду говорить о мартовских днях 1938 года. Шушниг планировал тогда народный плебисцит. Знаете ли Вы о том, извещал ли об этом Шушниг Зейсс-Инкварта и говорил ли он с ним об этом?

ШМИДТ. Да, Зейсс-Инкварт, безусловно, был информирован об этом. Я также узнал, что приблизительно 10 марта было достигнуто соглашение между Зейсс-Инквартом и канцлером Австрии, так как канцлер рассказывал мне, что Зейсс-Инкварт даже заявил, что он готов выступить по радио в пользу выборов.

ШТЕЙНБАУЭР. Когда Глейзе-Хорстенау сообщил о том, что угрожает вступление немецких войск, Вы, как министр иностранных дел, известили об этом иностранные государства?

ШМИДТ. Да. Я не получал прямых сообщений от Глейзе-Хорстенау. Я узнал о критическом положении лишь на основании ультимативного письма, в котором требовалась отмена намеченного канцлером на 13 марта плебисцита. И, начиная с этого момента, в течение всего 11-го марта, имелся контакт с дипломатическим корпусом в Вене, а часом позже также и с нашими представителями в иностранных государствах.

ШТЕЙНБАУЭР. Требования Германии стали тогда все больше увеличиваться и, в частности, было поставлено требование об отставке Шушнига. Собрались министры и один из членов правительства сказал Зейсс-Инкварту следующее: "Мы теперь ясно видим, что империя хочет покончить с Австрией. Лучше всего будет, если Зейсс-Инкварт станет канцлером. Таким образом, переход в новое состояние будет, по крайней мере, терпимым".

13418

H1206 – 0398

H1206 – 0399

Вы вспоминаете о таком высказывании?

ШМИДТ. Нет. Я лишь позже узнал о высказывании министра Глейзе-Хорстенау, которое содержит требование, направленное Зейсс-Инкварту.

ШТЕЙНБАУЭР. Было ли у Вас впечатление, что после прощальной речи Шушнига прекратил свое существование и руководимый им отечественный фронт?

ШМИДТ. Мне кажется, вопрос неправильно описывает ситуацию. Было выдвинуто ультимативное требование об отставке канцлера и, наконец, государство было оккупировано войсками, и тем самым отечественный фронт, естественно, также прекратил свое существование, так как с вступлением немецких войск национал-социализм стал реальностью, которая,как это показало дальнейшее развитие, исключала возможность существования отечественного фронта.

ШТЕЙНБАУЭР. Зейсс-Инкварт затем был назначен канцлером Австрии. Он составил список членов кабинета министров и наметил Вас, господин свидетель, на пост министра иностранных дел, - это правильно?

ШМИДТ. Это правильно. Я, однако, отказался от этого. Затем ко мне еще раз обратились с этим предложением, но я снова отказался, и затем меня попросили изложить причины отказа. Зейсс-Инкварт заявил мне, что он намеревается, пока это будет возможно, сохранять независимость Австрии. Он боялся с его правительством национал-социалистского большинства натолкнуться на трудности на Западе и поэтому хотел использовать в правительстве мой дипломатический опыт и связи. Он добавил, что он намеревается путем привлечения положительных австрийских представителей создать более широкую платформу для этого правительства.

13419

ШТЕЙНБАУЭР. Вы нашли этих положительных австрийских представителей в списке министров?

ШМИДТ. Да, там такие фамилии имелись. Я сам ломал себе голову над этим, но не могу с уверенностью вспомнить отдельных фамилий.

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам, почему потом был составлен другой список членов кабинета министров, который являлся окончательным?

ШМИДТ. Вечером прибыл из Берлина статс-секретарь Кеплер и, как я узнал позже, он отклонил мою кандидатуру и, мне кажется, также и некоторых других, во всяком случае, относительно одного я знаю совершенно точно. Мне кажется, что он также по поручению Берлина предложил, чтобы Вебер занял пост министра иностранных дел. Таким образом, старый список отпал, и Зейсс-Инкварт больше не прилагал усилий к тому, чтобы отговорить меня от отказа.

ШТЕЙНБАУЭР. Полагаете ли Вы, что Зейсс-Инкварт намеревался сохранить независимость Австрии, даже при национал-социалистском руководстве?

ШМИДТ. Как свидетель, я могу лишь сказать то, что я знаю. Высказывать мнение очень трудно. Я лишь установил то, что он мне действительно сказал.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов к данному свидетелю.

/К микрофону подходит доктор Кубушок/.

КУБУШОК /защитник фон Папена/: Согласно заявлению американского посла в Вене, мистера Мессерсмита, фон Папен в начале своей деятельности в Вене сказал о том, что его нас -

13420

H1206 – 0400

H1206-0401

тоящей задачей в Вене является экономическое и политическое включение юго-восточной Европы в Германию /поскольку юго-восточная Европа является естественной внутренней областью Германии/.

Вы, господин свидетель, слышали о таком высказывании Папена?

ШМИДТ. Нет. При тех тесных связях, которые у меня были еще до моего назначения членом правительства и,в особенности, в последующее время с послом Мессершмитом, я, очевидно, узнал бы об этом. Я предполагаю, что этому вопросу, однако, все-же не придавалось такое особое значение, так как во время первых посещений дипломатов, как правило, они в беседе затрагивают лишь общие вопросы и обсуждают обще-политические вопросы, которые интересуют обе страны.

Я позже также не имел возможности установить, что немецкое посольство занимается вопросами политики юго-восточной Европы.

КУБУШОК. На основании тех же показаний господина Мессершмита, фон Папен тогда также заявил, что его усилия были направлены на ослабление и подрыв австрийского правительства. Считаете ли Вы, что господин фон Папен действительно высказал это мнение и что гораздо более важно, проводил ли он такую политику?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите доктор Кубушок, Вы не должны спрашивать его о том, полагает ли он, что такое мнение могло быть высказано или нет. Это лишь не имеющее под собой реального основания предположение, а не доказательство. Поэтому этот вопрос должен быть изъят, ответ на него не должен даваться и он будет вычеркнут из протоколов суда.

13421

КУБУШОК. Хорошо, я задам следующий вопрос. Сообщал ли Вам посол Мессершмит когда-нибудь о подобном высказывании господина фон Папена?

ШМИДТ. Нет.

КУБУШОК. Считало ли австрийское правительство полезным и необходимым снова установить отношения с империей путем заключения соглашения, как это было сделано в июле 1936 г.?

ШМИДТ. Да, я уже говорил о реальных политических причинах внешне-политического и экономического характера.

КУБУШОК. При этом, а также и во время последующих переговоров, играли ли роль внутри-политические причины, в особенности урегулирование партийного вопроса?

ШМИДТ. Естественно, задачей правительства было ликвидировать внутри-политическое напряженное положение, и австрийский канцлер должен был прилагать все усилия для того, чтобы найти выход из тяжелого положения, унаследованного им от Дольфуса, путем разгрома внутри-политических фронтов.

КУБУШОК. Полагаете ли Вы, что господин фон Папен заключил соглашение от июля 1936 г., преследуя обманные цели?

ШМИДТ. Нет, у меня не было повода сделать вывод, что он в заключении этого соглашения не усматривал серьезной попытки для установления соглашения "Модус вивенди" между империей и Австрией. Тот факт, что в конце-концов это привело к "модус мали вивенди" не изменяет этого.

КУБУШОК. Были ли со стороны Германии заявлены жалобы на то, что и после соглашения от 11 июля 1936 года не наступило никакого изменения во внутриполитическом курсе австрийского правительства?

ШМИДТ. Да, такие упреки мы слышали все время и, таким

13422

H1206 – 0402

H1206 – 0403

образом, мы подходим к последней и существенной причине конфликта с империей. Борьба с национал-социализмом внутри страны в интересах сохранения независимости страны и сотрудничество, на основании соглашения от 11 июля с Германской империей, руководство которой было национал-социалистским,- были теми двумя властными требованиями, которые через некоторое время австрийское правительство сочло несовместимыми. Этим объясняются и все трудности, с которыми столкнулись те люди, на которых было возложено выполнение этого соглашения в Вене, включая германского посла.

КУБУШОК. Подвергались ли обсуждению между канцлером и господином фон Папеном вопросы внутренней политики такие, как вопросы политики и личного состава так называемой национальной оппозиции, в результате имевших место условий и, в особенности, в связи с обстоятельствами, явившимися результатом июльского соглашения?

ШМИДТ. Только что описанное мною положение показывает, что такие обсуждения, очевидно, были неизбежными и что беседы о внутреннем политическом положении имели место между канцлером и германским послом также, как с итальянским послом, обычным путем, принятым в таких случаях. Я не знаю таких дипломатических мемуаров, которые не содержали бы подобного рода записей. Канцлер никогда бы не потерпел никакого вмешательства любого рода. В отношении отдельных лиц Шушниг был особенно сдержанным, так как он, если можно так сказать, опасался "троянских коней".

Таково было, примерно, положение, которое обсуждалось в беседах между канцлером, с одной стороны, и германским послом-с другой стороны.

13423

КУБУШОК. Можете ли Вы сказать, выражалась ли в чем-либо отрицательное отношение фон Папена к методам нелегальной партии?

ШМИДТ. Да, на основании тех сведений, которые получало правительство, к нелегальному руководству партии, в особенности же к действиям Леопольда - фон Пепен относился отрицательно. Это безусловно следует об"яснить принципиальными разногласиями, разными политическими убеждениями и различными политическими путями, которыми были намерены итти фон Папен, с одной стороны, и нелегальное руководство партии - с другой стороны.

КУБУШОК. Занимал ли г-н фон Папен, на основе июльского соглашения когда-либо агрессивную позицию в вопросах внешней политики Австрии?

ШМИДТ. Между Австрией и империей имелись непреодолимые разногласия не только в области культурных и внутриполитических связей, но и в области внешней политики. Я упомяну лишь требование Империи о том, чтобы Австрия вышла из Лиги Наций; требование, которое мы отклонили, указав на тот факт, что Австрия по причине ее географического положения и историческим предпосылкам, тесно связана с континентом, и также сославшись на то, что Австрия получила займы от Лиги Наций.

Вторым пунктом является отношение Австрии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (прерывая). Является ли все это ответом на вопросы, которые Вы ему задали?

ШМИДТ. Я сейчас перейду...

КУБУШОК. Это только вступление к ответу на мой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, свидетелю, чтобы он отвечал на Ваш вопрос и излагал ответ, а не вступление к нему.

13424

H1206 - 0404

H1206 – 0405

КУБУШОК. Для меня важно знать, воспользовался ли г-н фон Папен имевшимися возможностями для агрессивного вмешательства в австрийскую внешнюю политику в отдельных, упомянутых Вами, случаях?

ШМИДТ. Я хотел сказать, что несмотря на существование глубоких, коренных разногласий, это не имело места и что какой-либо посол более радикальных воззрений, несомненно имел бы возможность и случай занять более жесткую позицию по отношению к Австрии. Мы ни в одном случае не пришли к соглашению с германской империей о совместных действиях в области внешней политики. Фон Папен, правда, напомнил нам об этом, но этим все и ограничилось. Что же касается агрессии или деятельности агрессивного характера, - я ничего не могу сказать об этом.

КУБУШОК. Действовал ли г-н фон Папен в некоторых случаях, наоборот, как посредник.

Я хотел бы напомнить случай, имевший место в Пинкафельде.

ШМИДТ. Инцидент в Пинкафельде с флагом является примером посреднической деятельности, которую вел Папен. Незначительный сам по себе инцидент привел, однако, к угрозам вторжения со стороны Гитлера. Г-н фон Папен был вызван в Берлин и должен был приложить все усилия для того, чтобы смягчить ярость Гитлера, который, как я говорил, грозил вторжением в Австрию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, если это Вам удобно, говорите несколько быстрее, это будет тем более удобно для Трибунала.

ШМИДТ. Этот инцидент затем также был улажен господином фон Папеном без всяких трудностей.

КУБУШОК. Он уладил это дело. Скажите, говорил ли Вам фон Папен о причинах его отзыва 4-го февраля 1938 г.?

ШМИДТ. Во время одного из своих посещений, утром 5 числа, он выразил свое удивление и, я сказал бы, свой гнев, по поводу своего отзыва, который, по его и по нашему мнению, был вызван событиями 4 февраля 1938 г., - смещением генерала Фрича и 30-ти других генералов, ~~уходом в отставку~~ и отзывом фон Нейрата. Он считал, что это не могло не затронуть Австрию, в особенности, принимая во внимание кандидатуру его преемника. В то время на это место выдвигали кандидатуру Бюркеля или генерального консула Крибеля. И в этом примерно заключается то, что сказал фон Папен мне, и кажется, также и австрийскому канцлеру, перед своим от"ездом из Вены.

КУБУШОК. Таким образом, он считал и опасался, что его преемник будет вести более резкую политику по отношению к Австрии?

ШМИДТ. Это заключение было неизбежно, имея в виду только что упомянутых двух лиц.

КУБУШОК. Принимал ли господин фон Папен участие во время совещаний в Берхстенгадене в оказании давления на Вас и на Шушнига?

ШМИДТ. Нет, он не оказывал на нас никакого давления.

КУБУШОК. Может быть, он, наоборот, поскольку он вообще имел возможность участвовать в этих переговорах, пытался смягчить требования Гитлера?

ШМИДТ. Учитывая ту атмосферу насильственных действий, которая тогда господствовала, и учитывая те требования, которые были пред"явлены, - это я бы сказал, не было особенно трудным. Я полагаю, что он также, как и многие другие присут-

13426

H1206 – 0406

H1206 – 0407

ствовавшие, старался восстановить спокойствие для того, чтобы обеспечить разумное ведение переговоров.

КУБУШОК. Во время переговоров, однако, был сделан целый ряд уступок. Полагаете ли Вы, что поведение господина фон Папена и его участие в этих переговорах оказали сдерживающее влияние и привели к тому, что Вы достигли этих практических результатов?

ШМИДТ: Его общая линия поведения, безусловно, сводилась к посредничеству.

Говоря о результатах совещания в Берхтесгадене, вообще нельзя говорить об успехах. Однако, в этом Папен не виновен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, как Вы думаете, сможете ли Вы закончить через несколько минут?

КУБУШОК. Да.

Я полагаю, что для ответа на мой вопрос было бы лучше, если бы Вы рассматривали не окончательные итоги переговоров в Берхтесгадене, а тот факт, что Гитлер пред"явил Вам весьма обширную программу с требованиями, которые значительно превысили требования, выработанные к концу переговоров, если Вы учтете, что как раз в ходе переговоров были изменены некоторые очень важные для Вас пункты.

ШМИДТ. Да, если можно было говорить о помощи со стороны, то она пришла от господина фон Папена.

КУБУШОК. Может быть, Вы припоминаете, что переговоры Гитлера с Шушнигом, носили особенно бурный характер потому, что Гитлер пытался заставить Шушнига принять германскую точку зрения, ~~а Гитлер опрашивал позицию Шушнига~~ и что господин Фон Папен пришел на помощь Шушнигу и, таким образом, поставил его в лучшие условия для ведения переговоров, нежели это было вначале беседы.

ШМИДТ. Я не присутствовал в течение первых двух часов переговоров и поэтому не могу ответить на этот вопрос.

КУБУШОК. И последний вопрос. После 26 февраля, т.е. того дня, когда господин фон Папен нанес прощальный визит австрийскому канцлеру, он вел какую-нибудь официальную деятельность в Вене?

ШМИДТ. Нет. Руководство венским посольством было поручено поверенному в делах фон Штейну, который, как известно, сделал от имени империи два политических выступления, т.е. заявил вечером 9-го или утром 10-го протест против плебисцита, намеченного Шушнигом. Фон Штейн также вместе с генералом Нуффем и статс-секретарем Кеплером вручили президенту Австрии ультиматум с требованием отставки канцлера Шушнига. Из этого видно, что посол фон Папен больше не занимался никакой официальной деятельностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет перерыв до 2 часов 15 минут.

13428

H1206 – 0408

H1206 – 0409

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 13 июня 1946 г.

Вечернее заседание

/Допрос возобновился в 14 час.15 мин./

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал не будет заседать в субботу.

КУБУШОК. Я прошу Суд разрешить мне поставить еще один вопрос свидетелю Шмидту, так как я до перерыва случайно пропустил его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

КУБУШОК. Г-н свидетель, в ноябре 1937 г. , в ходе мероприятий против нелегального движения были конфискованы некоторые материалы под названием "Документы Тафа". Упоминалась ли в этих документах фамилия Папена?

ШМИДТ. Насколько я помню, эти материалы, которые мы называли "Планом Тафа", были обнаружены постепенно. Мне кажется, что в одном из этих документов говорилось о Папене в связи с предполагаемым покушением на немецкого посла в Вене, которое должно было привести к волнениям среди австрийского населения и в дальнейшем к репрессивным мерам со стороны правительства, а затем и к соответствующим мероприятиям со стороны Германской империи. Я не помню точно всех деталей этого плана.

КУБУШОК. У меня больше нет вопросов.

ЛЮДИНГАУЗЕН./защитник подсудимого фон Нейрата/. С разрешения суда я хотел бы задать несколько вопросов сви-

детелю.

Господин доктор Шмидт, когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Нейратом?

ШМИДТ. Я познакомился с господином фон Нейратом в Берлине в ноябре 1937 г., я тогда был приглашен к нему и нанес ему визит.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Скажите, какую позицию занимал г-н фон Нейрат в качестве имперского министра иностранных дел, в связи с отношениями Германии к Австрии и в частности в связи с договором от 25 июля 1936 года? Я хотел бы указать в этой связи на то, что Обвинение утверждает, что г-н фон Нейрат, якобы обманным путем заключил это соглашение.

ШМИДТ. Во время тех немногих встреч, которые я имел с г-ном фон Нейратом, Нейрат всегда стоял за независимость Австрии и требовал тесного внешнеполитического, экономического и военного сотрудничества с ней. Все эти беседы велись на базе договора. Расхождения были только в интерпретации договора от 11-го июля. Нейрат по заданию германского правительства выступал за максимальную активизацию договора, тогда как мы были вынуждены защищаться и поэтому предпочитали другую интерпретацию. Во всяком случае, Нейрат отвергал всякие насильственные методы и придерживался следующей линии: независимая Австрия, но возможно более тесно связанная с Германией.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Как относился г-н фон Нейрат к тем экстремистским партийным кругам в империи, которые фактически вели политику вмешательства во внутренние дела Австрии?

ШМИДТ. Как я уже сказал, Нейрат отвергал насильственные методы, а, следовательно, отвергал вмешательство в дела Австрии и выступал против использования нелегальной партии в Австрии. Я мог установить это из наших с ним разговоров.

13430

H1206 – 0410

H1206 – 0411

О том же свидетельствует его резко отрицательное отношение к деятельности статс-секретаря Кепплера и Везельмейера, которые прокладывали новые пути развития Юго-Востока и в первую очередь – Австрии? Выражения, которые он употребил, говоря об этих людях, не оставляли никакого сомнения относительно его позиции.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Г-н председатель, у меня нет больше вопросов.

/К микрофону подходит защитник Зайдль./

ЗАЙДЛЬ. Г-н председатель! Я прошу разрешить мне задать несколько вопросов свидетелю от имени отсутствующего в данный момент Штамера, защищающего подсудимого Геринга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ЗАЙДЛЬ. Г-н свидетель! Вы заявили, что в ноябре 1937 года Вы были на официальном приеме в Берлине?

ШМИДТ. Да.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, вы разговаривали тогда с фельдмаршалом Герингом?

ШМИДТ. Да.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что уже тогда фельдмаршал Геринг сказал вам, что австрийский вопрос может быть разрешен только путем полного об"единения обоих братских народов, – т.е. путем присоединения Австрии к империи и что он со своей стороны сделает все возможное, чтобы добиться этого?

ШМИДТ. В такой форме мне это не было сказано. Правда, рейхсмаршал указывал на необходимость тесного сотрудничества с Австрией, но, насколько я помню, он не говорил об аншлюссе. Для того, чтобы проиллюстрировать это, я могу сказать, что в то время мы говорили о событиях 25 июля 1934 года. Я высказал мнение, что июльское соглашение 1936 года должно подвести черту под этим этапом развития. Рейхсмаршал Геринг ответил мне, что он привлек к ответственности организатора

этого дела - по-моему Габихта - и выслал его в глухой уголок Германии. Из одного этого замечания следует, что мы вообще не могли беседовать об аншлюссе. Рейхсмаршал приветствовал то положение, которое создалось после договора от 11 июля 1936 года, т.к. таким образом был завершен прежний этап, который можно было назвать военным и который продолжался до 11 июля 1936 года.

ЗАЙДЛЬ. Правильно ли, что утром в день аншлюсса, т.е. утром 12 марта 1938 года, Геринг пригласил Вас в Берлин и Вы должны были полететь туда?

ШМИДТ. Нет. Это было в понедельник или во вторник. Это было 15 или 16 числа.

ЗАЙДЛЬ. Скажите, когда вы были в Берлине, Геринг спросил вас, обращались ли вы или Шушниг, накануне аншлюсса, к другим странам с просьбой о военной помощи?

ШМИДТ. Я не могу припомнить такого вопроса.

ЗАЙДЛЬ. Вы заявили сегодня утром, что после аншлюсса национал-социализм в Австрии стал реальностью. Я спрашиваю вас, разве до аншлюсса национал-социализм в Австрии не был политической реальностью?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что вы несколько спешите, я не знаю, в чем дело. Во всяком случае, повторите ваш вопрос, т.к. переводчик, повидимому, не понял его.

ЗАЙДЛЬ. Вопрос был следующий: разве до аншлюсса в Австрии национал-социализм не был политической реальностью? Я поставил этот вопрос, т.к. сегодня утром этот свидетель заявил, что только после вступления немецких войск в Австрию национал-социализм сделался там реальностью.

ШМИДТ. Выражение "политическая реальность" я употребил в том смысле, что национал-социализм с этого момента

13432

H1206 – 0412

H1206 – 0413

взяли в свои руки государственную власть, тогда как до того это была запрещенная партия, которая только по соглашению 12 февраля была привлечена к политическому сотрудничеству с правительством в рамках отечественного фронта. Таким образом, я имел в виду те коренные перемены в положении национал-социализма, которые последовали в результате вступления немецких войск в Австрию.

ЗАЙДЛЬ. Теперь последний вопрос. После аншлюсса вы неоднократно говорили рейхсмаршалу, что отечественный фронт в момент аншлюсса развалился, как карточный домик?

ШМИДТ. Да, я не помню точно отдельных выражений, но крах отечественного фронта последовал за отставкой канцлера. Отечественный фронт был источником сопротивления, а после 11-го марта это сопротивление было уничтожено.

ЗАЙДЛЬ. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли Обвинение произвести перекрестный допрос?

/К микрофону подходит представитель американского обвинения, г-н Додд./

Г-н ДОДД. Доктор Шмидт! Если это вам известно, скажите, когда в первый раз подсудимый фон Папен предложил канцлеру Шушнигу, чтобы он, Шушниг, встретился с Гитлером?

ШМИДТ. Это было поздней осенью 1937 года, в ноябре. Фон Папен взялся за организацию этой встречи. Переговоры о ней не дали конкретных результатов. Официальное приглашение фон Папен передал 6 или 7 февраля, вернувшись от Гитлера. В этот день я и узнал о приглашении.

Г-н ДОДД. Скажите нам, также, если это вам известно, не заверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание ограничится обсуждением строго ограниченного круга вопросов

и что на нем будут обсуждаться лишь те вопросы, которые были намечены Шушнигом и фон Папеном до совещания?

ШМИДТ. Сам канцлер требовал, чтобы программа этих переговоров была точно установлена. Он предлагал принять за основу 11 июля и окончательно устранить все существующие разногласия. Об этом договорились Шушниг и Папен.

Г-н ДОДД. Уверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание будет полностью благоприятным для Австрии?

ШМИДТ. Нет, Папен этого не утверждал, но он, правда, заявил, что ситуация весьма благоприятна, причем Папен указывал на новую обстановку, создавшуюся после 4 февраля. Он считал, что Гитлеру после этих событий необходимо добиться какого-либо внешнеполитического успеха; поэтому канцлер может надеяться недорогой ценой достигнуть такого успеха.

Г-н ДОДД. Я хочу выяснить здесь - причем вы можете отвечать кратко, это, мне кажется, будет для нас удобнее - вопрос, который сводится к следующему: у вас и у Шушнига создалось впечатление, что, если вы будете присутствовать на этом совещании, то это создаст некоторые преимущества для Вас и для Австрии? Не так ли?

ШМИДТ. Я уже сказал ранее, что канцлер не был настроен оптимистически, т.е. не надеялся на улучшение положения. Он хотел лишь урегулировать существовавшие разногласия.

Г-н ДОДД. Вечером накануне вашего от"езда в Берхтесгаден у вас было разговор с человеком по фамилии Хорибастель, не так ли? С послом?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. А предварительно, в тот вечер, вы беседовали с Зейсс-Инквартом, вы и Шушниг?

131/34

H1206 – 0414

H1206 – 0415

ШМИДТ. Это возможно, в те дни часто происходили совещания.

Г-н ДОДД. Быть может я сумею немного помочь вам. Не помните ли вы, что Черватто и Зейсс-Инкварт составляли какой-то меморандум, касающийся внутренних вопросов, в то время, как вы и кажется Хорнбастель, а может быть кто-то другой, готовили документ или документы по международным вопросам, или по вопросам внешней политики. Не помогает ли это Вам припомнить ход событий?

ШМИДТ. Я ничего не понял.

Г-н ДОДД. Я говорю о том времени, когда вы и некоторые из ваших сотрудников готовили какой-то меморандум относительно вопросов внешней политики, а Черватто и Зейсс-Инкварт готовили документы о внутреннем положении в стране. Вы помните об этом, не так ли?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Вы были встревожены в этот вечер по поводу Зейсс-Инкварта, не так ли?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. А почему вы были встревожены? Что вызывало у вас тревогу, чего вы опасались со стороны Зейсс-Инкварта?

ШМИДТ. Все те проекты, которые я получил перед от"ездом и которые были выработаны Черватто и Зейсс-Инквартом, в качестве основы для внутриполитической части переговоров, – все эти проекты казались мне в политическом отношении неизменными и совершенно непригодными. У меня создалось впечатление, что над ними работали два человека, которые с удовольствием сочинили проекты, но не понимая серьезности ситуации. Здесь были употреблены всевозможные формулировки относительно австрийского национал-социализма, причем делалось различие

между идеологией австрийского национал-социализма и истинного национал-социализма. На самом деле никакой разницы нет. Австрийское национал-социалистское мировоззрение является настоящим национал-социалистским. Все это я тогда раскритиковал в своих выступлениях.

Г-н ДОДД. Вы согласитесь со мной, если я скажу, что между ним и Гитлером существовала какая-то договоренность, которая должна была повлечь за собой нечто недоброе для Австрии? Под "ним" я имею в виду Зейсс-Инкварта.

ШМИДТ. Нет, у меня тогда не было опасений, что существует тайное соглашение между г-ном Гитлером и Зейсс-Инквартом.

Г-н ДОДД. Когда вы на следующий день прибыли в Берхтесгаден, вы узнали, что большая часть материала, который обсуждался между Пернатто, Вами, Зейсс-Инквартом и Шушнигом, ~~представление~~ была использована Гитлером в качестве основы его требований к Шушнигу, не так ли?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Не убедились ли вы, / по крайней мере, в этот день в том, что Зейсс-Инкварт связался с Гитлером незадолго до того, как вы прибыли в Берхтесгаден и сообщил ему эти основные требования.

ШМИДТ. У нас только создалось впечатление, что в основе совещания лежал проект, который был выработан людьми, знающими все обстоятельства дела. Основой этой программы требований была значительная часть соглашения между Зейсс-Инквартом и Пернатто. Всей программы мы до того не знали.

Г-н ДОДД. В тот день в Берхтесгадене вы и Шушниг представляли Австрию?

13436

H1206 – 0416

H1206 – 0417

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Гитлер, фон Папен, фон Риббентроп, Кейтель, Шпеер и Рейхенау представляли там Германию?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Вы, фон Папен и Шушниг все вместе ехали в одном вагоне от границы до Берхтесгадена, не правда ли?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. И во время этого...

ШМИДТ /прерывает/. Да. Я не помню ехал ли Папен туда в нашем вагоне. Обратно мы ехали все вместе.

Г-н ДОДД. Независимо от того ехал ли он с вами в одном вагоне, он был в том же поезде. Разве он не сел в этот поезд на границе, и не ехал затем с вами и Шушнигом?

ШМИДТ. Этого я не помню.

Г-н ДОДД. Разве он Вас не встретил на границе?

ШМИДТ. Да, он нас ожидал на границе.

Г-н ДОДД. Может быть я что-нибудь и путаю, но меня интересует тот разговор, который вы и Шушниг имели с фон Папеном, когда вы встретились с ним на границе или во время пути в Берхтесгаден, когда он сказал вам: "Между прочим, там будет несколько генералов, я надеюсь, вы не имеете ничего против этого". Вы помните, что фон Папен это сказал?

ШМИДТ. Да, я помню, что о генералах шла речь. Он сказал Шушнигу, что будет присутствовать... не помню, назвал ли он при этом имя Кейтеля.

Г-н ДОДД. Итак, об этом было упомянуто скорее вскользь и у вас не было возможности возразить против этого? А до этого времени вы не знали, что там будут военные?

ШМИДТ. До того времени мы ничего не знали об этом.

Г-н ДОДД. В какое время дня вы приехали в Берхтес-

гаден? Рано утром или утром же, но позднее?

ШМИДТ. В первой половине дня.

Г-н ДОДД. Я хотел бы, чтобы вы сообщили Трибуналу как можно точнее, что же именно произошло там в тот день. Об этом совещании мы слышали уже много показаний, но вы - первый человек, дающий здесь показания, который сам был там. Хотя, пожалуй, это не совсем так - Кейтель тоже там присутствовал, но во всяком случае вы принимали участие в обсуждении. С чего началось обсуждение?

ШМИДТ. Совещание началось с беседы между Гитлером и канцлером Шушнигом. Беседа происходила с глазу на глаз, так что ни я, ни другие господа не присутствовали при этом. Позднее туда были приглашены некоторые из присутствовавших. Затем состоялись совещания без Гитлера, с участием тогдашнего министра иностранных дел Риббентропа, и на этих совещаниях обсуждались все пункты предложенной нам программы. В процессе этих совещаний некоторые требования были вычеркнуты.

Г-н ДОДД. В то время, когда Гитлер говорил с Шушнигом, с кем говорили вы, если вы вообще с кем-нибудь говорили в то время? Что вы делали?

ШМИДТ. Я был вместе с остальными приехавшими, которых вы назвали. Часть времени мы провели в большом зале, а другую часть - в приемной перед комнатой, где происходило это совещание четырех.

Г-н ДОДД. Разговаривали ли вы, например, с Риббентропом в то время, когда Гитлер беседовал с Шушнигом? Что там происходило? О чем вы беседовали с Риббентропом, если вы говорили с ним?

ШМИДТ. В послеобеденные часы мы с Риббентропом рассмат-

13438

H1206 – 0418

H1206 – 0419

ривали программу требований. Частично я делал это один. Мне удалось удалить оттуда некоторые пункты. Таким образом, это были беседы в рамках пред"явленной нам программы требований.

Г-н ДОДД. Я хотел бы, чтобы вы пока ограничились рассказом лишь о том, что происходило там, для того, чтобы мы установили точную последовательность произошедших событий. Итак, в то время, когда Шушниг беседовал с Гитлером, вы действительно просто сидели и вели неофициальный разговор, или же вы беседовали с Риббентропом, или еще с кем-нибудь об Австрии и Германии.

ШМИДТ. Нет, в первой половине дня мы еще не говорили об этом, т.к. мы – во всяком случае я – еще не знали этой программы, а политические переговоры могли происходить только на базе обоюдно высказанных пожеланий обеих сторон.

Г-н ДОДД. Но ведь, очевидно, во время заседания были перерывы и в течение этих перерывов не удалось ли вам поговорить с Шушнигом? Во время этих нескольких перерывов?

ШМИДТ. Да, примерно, через час канцлер вышел, информировал меня о ситуации и советовался со мной...

Г-н ДОДД. Скажите нам, что он вам тогда сказал?

ШМИДТ. Он сначала охарактеризовал атмосферу, резкость тона и ультимативный характер сделанных предложений.

Г-н ДОДД. Попытайтесь рассказать нам, что он говорил вам, если вы помните. Что он говорил вам о той атмосфере, в которой велись переговоры и о тоне самого разговора? Вот, что мы хотим знать.

ШМИДТ. Он начал с того, как его встретили. Он сказал, что Гитлер упрекал его в том, что он не немец и что Австрия не проводит германскую политику. Так всегда было – еще

13439

во времена Габсбургов. Гитлер обвинил в этом также австрийских католиков. Австрия всегда вставляла палки в колеса всякому национальному движению, это продолжается и по сей день. Тут Гитлер упомянул о том, что Австрия не вышла из Лиги Наций. Затем произошел очень резкий разговор между Гитлером и Шушнигом, причем у Шушнига создалось впечатление, что делаются нападки лично на него. Я не помню теперь подробностей. Во всяком случае, по словам канцлера, атмосфера была крайне напряженной.

Г-н ДОДД. Я полагаю, что вы там обедали в полдень или несколько позже?

ШМИДТ. После этой беседы в 12 часов или в половине первого был обед. Там опять установилась совершенно нормальная атмосфера, так что за это время буря утихла.

Г-н ДОДД. Шушниг был, что называется, ярым курильщиком?

ШМИДТ. Когда? Тогда или вообще?

Г-н ДОДД. Я хочу сказать, именно в то время, конечно.

ШМИДТ. Разумеется. Шушниг очень много курил.

Г-н ДОДД. Мы слышали, что в тот день, во время совещания ему запретили курить и вы с Риббентропом просили, чтобы ему разрешили выкурить одну сигарету. Верно ли это или это выдумка?

ШМИДТ. Нам было сказано, что в присутствии Гитлера не следует курить, - это правильно. Я искал все время случая дать канцлеру возможность выкурить хотя бы одну сигарету. Я не помню, просил ли я об этом Риббентропа, так как эта деталь не представляется мне важной.

Г-н ДОДД. Хорошо, хорошо. Скажите и говорил ли вам на этом совещании Шушниг, что Гитлер потребовал назначения Зейсс-Инкварта министром государственной безопасности, правительства?

13440

H1206 – 0420

H1206 – 0421

ШМИДТ. Я опять не слышал вопроса, тут что-то случилось.

Г-н ДОДД. Требовал ли Гитлер, чтобы Зейсс-Интварт был назначен министром безопасности в правительстве Шушнига?

ШМИДТ. Да, это был один из пунктов программы требований.

Г-н ДОДД. Предложенной Гитлером?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Требовал ли он также, чтобы Глейзе Хорстенау был назначен военным министром?

ШМИДТ. Да, это было вторым требованием.

Г-н ДОДД. Требовал ли он также, чтобы некоторые студенты, исключенные из университетов Австрии, были вновь приняты в них?

ШМИДТ. Да, все отчисленные студенты должны были быть опять приняты в университеты.

Г-н ДОДД. А также, чтобы некоторые уволенные чиновники были восстановлены на своих должностях?

ШМИДТ. Да, это тоже.

Г-н ДОДД. Во-вторых, чтобы некоторые полицейские чиновники Австрии были также восстановлены на своих постах?

ШМИДТ. Это предусматривалось главой "Амнистия". Уволенные чиновники исполнительных органов должны были быть восстановлены на работе.

Г-н ДОДД. Выдвигались ли также требования относительно обмена валюты и таможенной унии?

ШМИДТ. Да, обсуждались также экономические требования в таком духе; о таможенной унии не говорилось, но эти требования вплотную подходили к ней.

Г-н ДОДД. Хорошо. Как только Шушниг услышал о пред"являемых вам требованиях, вы почувствовали, что совещание вышло за пределы соглашения между фон Папеном и Шушнигом,

не так ли? Вы тотчас же убедились в этом?

ШМИДТ. Да, программа шла дальше, чем мы предполагали. Это верно. Я не знаю, ознакомился ли фон Папен предварительно с этой программой. Предполагаю, что нет.

Г-н ДОДД. Я вас не об этом спрашиваю, но хорошо, если вы хотите что-либо сказать о фон Папене, то, пожалуйста; однако мой вопрос заключается в следующем: не пошли ли вы немедленно к фон Папену или Шушнигу и не сказали ли вы:"Здесь происходит совсем не то, ради чего, мы по вашим словам, сюда приехали". Не было ли у вас подобного разговора с ним во время одного из этих перерывов.

ШМИДТ. Конечно, мы говорили в этом смысле, что программа идет дальше, чем мы предполагали.

Г-н ДОДД. Что сказал фон Папен?

ШМИДТ. У нас создалось впечатление, что фон Папен сам был неприятно поражен некоторыми пунктами.

Г-н ДОДД. Не предлагал ли он вам, чтобы вы согласились на требования Гитлера?

ШМИДТ. После того, как мы добились некоторых уступок, Папен посоветовал нам принять требования в их окончательном виде, так как, по его мнению, следовало притти к соглашению. Шушниг дал на это свое согласие, потому что он не хотел уезжать без результатов, чтобы не осложнять положения Австрии.

Г-н ДОДД. И Гитлер согласился распустить новую национал-социалистскую партию в Австрии, не так ли? Не уверял ли он вас в том, что он это сделает?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. И что он отзовет д-ра Тафс и Леопольда - лидеров нацистской партии в Австрии?

ШМИДТ. Да.

13442

H1206 – 0422

H1206 – 0423

Г-н ДОДД. И вы согласились также назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности?

ШМИДТ. Канцлер согласился на это.

Г-н ДОДД. И вы согласились с тем, чтобы лица по имени Фишбек и Вольф были приняты на работу в австрийскую прессу?

ШМИДТ. Их пришлось принять – Фишбека в министерство торговли, а Вольфа – в отдел печати. О том, в какой форме это будет сделано, ничего не говорилось.

Г-н ДОДД. Вы также согласились попытаться привлечь некоторых национал-социалистов в "Отечественный фронт", вовлечь их в вашу политическую группу?

ШМИДТ. Выражение привлечь "некоторых нацистов в отечественный фронт" не подходит к тогдашней ситуации. Это был вопрос о включении националистической оппозиции в „Отечественный фронт", таким образом, об участии всей этой группы в политической жизни страны.

Г-н ДОДД. Гитлер заявил вам, что вы должны принять его условия до 15 декабря, не так ли? Простите, я хотел сказать до 15 февраля.

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. И он сказал вам, что если вы этого не сделаете, он применит силу?

ШМИДТ. Да, это был ультиматум. Гитлер заявил, что он намеревается уже в феврале вступить в Австрию и делает последнюю попытку избежать этого.

Г-н ДОДД. А что делали эти генералы? Люди, вроде подсудимого Кейтеля? Действительно ли они входили и выходили во время совещания?

ШМИДТ. Генералов неоднократно вызывали на это совещание.

Г-н ДОДД. Были ли вы и Шушниг испуганы? Не показалось ли вам, что вас арестуют или расстреляют?

ШМИДТ. Да, мы опасались, что мы не выберемся оттуда, но не боялись, что нас расстреляют.

Г-н ДОДД. Припоминаете ли вы, что, когда вы и Шушниг уезжали из Берхтесгадена, Шушниг сказал вам, что когда Гитлер вызвал Кейтеля, то он, Шушниг, подумал, что пришел конец? Вы помните, что Шушнин говорил вам об этом и вы ответили, что вы тоже испугались.

ШМИДТ. Я не понимаю вопроса.

Г-н ДОДД. Вы помните, как Шушниг говорил вам на обратном пути в Вену о том, что, когда вызвали Кейтеля, то он испугался и боялся, что его расстреляют или арестуют и вы в свою очередь заявили Шушнигу, что вы тоже очень испугались, думая, что пришел конец, или что-то в этом роде?

ШМИДТ. Нет, я не помню этого разговора. О расстреле не было и речи, но мы боялись. Канцлер тоже считал, что мы не выберемся оттуда, если переговоры не увенчаются успехом.

Г-н ДОДД. Очень хорошо. Что делал фон Папен в то время, как генералы входили и выходили во время совещания. Видел ли он это так же, как и вы?

ШМИДТ. В это время происходила оживленная беседа и теперь, через 8 лет, очень трудно сказать, что делал тот или иной человек.

Г-н ДОДД. Вас там было не так много, всего шесть или восемь человек. Держались ли вы, в осн-овном, вместе?

ШМИДТ. Не всегда все вместе были в этой комнате. Бывали различные комбинации: одни приходили, другие уходили.

Г-н ДОДД. Разрешите мне поставить вам вопрос так: разве фон Папен мог не видеть этих генералов там, в тот день?

13444

H1206 – 0424

H1206 – 0425

ШМИДТ. Он должен был видеть их в тот день, когда мы там были.

Г-н ДОДД. Фон Риббентроп сказал вам, что Гитлер очень рассержен, не так ли?

ШМИДТ. Мы все так думали.

Г-н ДОДД. И он, конечно, настаивал на том, что будет лучше как для вас, так и для Шушнига, если вы примете поставленные условия, не так ли?

ШМИДТ. Во всяком случае, Риббентроп не участвовал в оказании на нас давления. Он отстаивал немецкие требования, но не оказывал давления. Я об этом уже тогда сказал канцлеру.

Г-н ДОДД. Значит положение было таково: фон Риббентроп играл роль доброго гения, в то время как Гитлер играл роль злодея, а вас и Шушнига посылали от одного к другому?

ШМИДТ. У меня создалось впечатление, что Риббентроп недостаточно хорошо ознакомился с материалом и уже поэтому был довольно сдержан.

Г-н ДОДД. Это интересно, но совсем не ново на этом процессе. Но, во всяком случае, не является ли фактом то обстоятельство, что вами, так сказать, жонглировали, посылая от "доброго" Риббентропа к "злодею" Гитлеру.

ШМИДТ. Это неверно. Ситуация была совсем не такой. Мы с Риббентропом должны были обсудить детали. Гитлер сказал, что о подробностях нужно договориться в кругу специалистов.

Г-н ДОДД. Может ли так случиться, что вам еще до сих пор не все ясно? Вы уверены, что положение не было таковым, или быть может вы просто еще до сих пор не уяснили себе, какова была обстановка?

ШМИДТ. Чего не уяснил?

Г-н ДОДД. Каково было положение вещей, что вам прико-

13445

лилось маневрировать между "добрым гением" и "злодеем".[2]

ШМИДТ. Нет.

Г-н ДОДД. Хорошо, если вы не понимаете, то я считаю, что нет смысла продолжать об этом разговор.

До какого часа вы там оставались в тот день и когда вы уехали из Берхтесгадена?

ШМИДТ. Я уехал поздно, насколько помню, между 9 и 10 часами вечера.

Г-н ДОДД. Когда вы вернулись в Вену, сообщили ли вы Зейсс-Инкварту о том, что происходило на совещании в Берхтесгадене?

ШМИДТ. Сначала состоялась беседа между Чернатто и Зейсс-Инквартом, во время которой Чернатто детально информировал обо всем Зейсс-Инкварта, так как сам Чернатто получил сведения от канцлера и от меня. Я пришел к концу этого разговора, когда все главное уже было рассказано и речь шла о деталях.

Г-н ДОДД. Вы заявили Трибуналу сегодня утром, что Зейсс-Инкварт сказал вам, что он хочет сохранить некоторую независимость Австрии, + во всяком случае, какую-то видимость независимости. Вы не поверили этому, когда он вам об этом говорил, не правда ли?

ШМИДТ. Я не могу ответить на этот вопрос ни да, ни нет. Я ответил отказом на его предложения и не стал больше ломать себе голову над политическими концепциями Зейсс-Инкварта, т.к. не хотел участвовать в правительстве. Его предложение следовало считать вполне серьезным.

Г-н ДОДД. Вы сформулировали свой отказ в одной фразе, не так ли? ~~XXXXXXXXXXXXX~~ Что вы говорили относительно того, что вы хотите действовать искренно и порядочно?

H1206 – 0426

H1206 – 0427

ШМИДТ. Я сказал тогда, что поддерживаю канцлера Шушнига, что я попрежнему следую законам честности и верности, и что я уйду вместе с Шушнигом.

Г-н ДОДД. Не употребили ли вы выражение: "Я все еще верю, что должно поступать правдиво и порядочно"?

ШМИДТ. Нет. Я сказал: я следую законам верности и честности. Я шел вместе с канцлером Шушнигом и уйду вместе с ним. Нужно было знать мое отношение к канцлеру; тогда было бы ясно, что я не мог действовать иначе.

Г-н ДОДД. Нет, я и не говорил этого. Я лишь стараюсь доказать, что вы сами употребили такие выражение, отвергая предложения Зейсс-Инкварта, которые указывают на то, что вы не считали его правдивым, преданным и порядочным человеком. Не так ли?

ШМИДТ. Я этого не сказал, я просто привел причины, по которым я отклоняю его предложения. Разница заключалась уже в том, что я был в дружеских отношениях с канцлером.

Г-н ДОДД. Вы знаете, у нас имеются показания, данные вами под присягой в Вене, в которых вы заявляете суду – вы помните, что вы сказали там судье, – что Зейсс-Инкварт принимал участие в насильственном отстранении Шушнига от его поста?

ШМИДТ. Да, я заявил, что не могу войти в правительство Зейсс-Инкварта, т.к. оно, в конечном итоге, разделяло ответственность за отстранение от власти правительство Шушнига. Так как я был другом Шушнига, я не мог участвовать в таком правительстве.

Г-н ДОДД. Да, но все дело в том, могли ли вы, зная Зейсс-Инкварта и то, что он работал в тесной связи с нацистами, а также после всего, что вы узнали в Берхтесгадене, серьезно заявлять Трибуналу, что вы действительно верили

Зейсс-Инкварту, когда он говорил, что он хочет сохранить в какой-то мере независимость Австрии?

ШМИДТ. Я уже тогда в этом сомневался, как сомневаюсь и до сих пор. Каковы были его замыслы, я не могу сказать.

Г-н ДОДД. Я вас об этом не спрашиваю. Я спрашиваю вас, что вы думали об этом?

разговор
У вас был с подсудимыми фон Папеном и Зейсс-Инквартом, несколько лет назад, не так ли?

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Расскажите Трибуналу, где и когда эта беседа происходила?

ШМИДТ. Я встретился с фон Папеном в Турции поздней осенью 1943 г. Разговор зашел о событиях 11 марта 1938 года. Папен весьма критически отозвался об этих событиях и о Зейсс-Инкварте, так как он ничего не сделал для защиты интересов Австрии, а также ничего не сделал для немецкого народа. У меня создалось впечатление, что Папен был против насильственного разрешения австрийского вопроса, т.е. против того, что произошло.

Г-н ДОДД. Я хочу, чтобы вы сообщили Трибуналу, что именно сказал фон Папен о Зейсс-Инкварте? Это ведь было в 1943 году, не правда ли, а не в 1940 году. Это было, когда вы были в Турции, где также был и фон Папен, или нет? в то время?

ШМИДТ. Да, да.

Г-н ДОДД. Может быть я могу помочь вам немного, если вы забыли. Не говорил ли фон Папен, что он не подал бы руки Зейсс-Инкварту?

ШМИДТ. Да, это он заявил. Он сказал, что через некоторое время после аншлюсса он отказался подать руку Зейсс-Инкварту в связи с событиями 1938 года.

13448

H1206 – 0428

H1206 – 0429

Г-н ДОДД. И он говорил, что его поведение было совершенно невозможным? Не так ли именно выразился фон Папен, когда говорил о Зейсс-Инкварте?

ШМИДТ. Да, именно в такой форме он и выразился.

Г-н ДОДД. Что еще он говорил? Вы заявили там, в Вене, что фон Папен, говоря о Зейсс-Инкварте и о его поведении в марте 1938 года, употреблял самые резкие выражения? Я считаю, что Трибуналу это будет интересно и я хочу, чтобы вы рассказали об этом как можно точнее. Эта беседа между вами и фон Папеном имела место всего три года тому назад, а вы нам сказали о ней всего несколько слов.

ШМИДТ. Он говорил очень резко о том, что Зейсс не выступил на защиту Австрии и ничего не сделал для того, чтобы ее спасти, сберечь ее самобытность и сохранить ее интересы. Это была основная мысль Папена. Вторая мысль была та, что и Германия не извлекла для себя никакой пользы. Благодаря той форме, в которой все это было проделано, законные интересы Германской империи предстали в ложном свете перед всем миром и, таким образом, был нанесен ущерб внешнеполитическим интересам империи. Такова была его главная мысль и, по-моему, то же самое он говорил многим другим.

Г-н ДОДД. Хорошо. Я боюсь, что мы отклонились от темы о Берхтесгадене и я опустил один вопрос, имеющий, возможно, некоторое значение. Помните ли вы, - мне кажется это было незадолго до того, как закончилось совещание, - что Гитлер повернулся к фон Папену и сказал ему: "фон Папен, вы дали мне возможность стать канцлером, и я этого никогда не забуду". Вы слышали, как Гитлер сказал это фон Папену в тот день в Берхтесгадене?

ШМИДТ. Да, подобное заявление было сделано.

Г-н ДОДД. А что сказал Папен?

ШМИДТ. Я этого уже не помню.

Г-н ДОДД. Он сказал: "Да, мой фюрер", или, очевидно, что-то в этом роде, не так ли?

ШМИДТ. Да! Я предполагаю, что он ответил что-либо подобное, т.к. на такое обращение следовало дать ответ.

Г-н ДОДД. Но он, конечно, не отрицал этого, не правда ли?

ШМИДТ. Не думаю. Но я точно не помню ответа, я помню только вопрос.

Г-н ДОДД. В ту ночь в Вене, когда члены СС и СА врывались в окна и двери помещения канцелярии, принимал ли Зейсс-Инкварт какие-нибудь меры, чтобы воспрепятствовать этому.

ШМИДТ. Насколько мне известно - нет. Впрочем, я этого не знаю; я находился в другом конце здания.

Г-н ДОДД. Да, положение было очень напряженным, насколько нам известно. Скажите, вы действительно опасались того, что Шушнигу будет причинен какой-нибудь вред?

ШМИДТ. Ситуация была очень напряженной.

Г-н ДОДД. На чем вы и Шушниг поехали той ночью домой из канцелярии?

ШМИДТ. Мы поехали домой в трех машинах. В одной - ехал канцлер, в другой - президент и затем - я. Нас эскортировали и сопровождали эсэсовцы.

Г-н ДОДД. Но Зейсс-Инкварт не повез Шушнига домой на своей собственной машине. Его повезли домой эсэсовцы, не так ли?

ШМИДТ. Нет, они поехали вместе, и я сам слышал, как Зейсс-Инкварт сказал, что отвезет Шушнига домой. Чья это была машина - канцлера или Зейсс-Инкварта - я не знаю.

184/50

H1206 - 0430

H1206 – 0431

Во всяком случае, они поехали вместе, в одной машине.

Г-н ДОДД. В сопровождении членов СС?

ШМИДТ. Нет, это не так. Я не знаю, были ли в машине канцлера эсэсовцы. Эсэсовцы экспортировали нас при выезде из дома, но, по-моему, их не было ни в моей машине, ни в машине президента.

Г-н ДОДД. Это нечто иное, чем то, что вы сообщили суду в Вене. Там вы заявили: "что доктор Шушниг и я были доставлены домой в сопровождении эсэсовцев".

ШМИДТ. Нет, я сказал, что эсэсовцы экскортировали или сопровождали нас при выезде с Балльхаузплац. Их там было около 40 человек. Остался ли кто-нибудь из них после этого в машинах, я не помню.

Г-н ДОДД. Хорошо. Вы, вероятно, сможете помочь нам выяснить еще один вопрос. Когда Зейсс-Инкварт произносил свою речь по радио, он еще не был членом правительства, не так ли?

ШМИДТ. Об этом много спорили. Канцлер подал в отставку во 2-й половине дня. Президент сначала не принял отставку, т.к. Шушниг оставался еще канцлером, а Зейсс-Инкварт – министром. Была ли принята отставка позднее, я не могу сказать. Одни считают, что президент поручил канцлеру, а вместе с ним и Зейсс-Инкварту, продолжать вести дела, другие утверждают, что этого не было. На этот вопрос может ответить только сам глава государства

Г-н ДОДД. Так как вы являетесь бывшим членом правительства, то я хочу, чтобы вы посмотрели на один документ и сказали, видели ли вы его ранее.

Это документ 4015-ПС, США-891.

В нем говорится, что президент Миклас освободил от

должности не только Шушнига, как федерального канцлера, но и всех других членов федерального правительства, а также всех статс-секретарей соответствующих управлений. Это было 11 марта.[2]

ШМИДТ. Да.

Г-н ДОДД. Это указывает на то, что Зейсс-Инкварт еще не вступил в должность, когда он произносил свою речь по радио? Правильно ли мы поняли.[2]

ШМИДТ. Я думаю, что у меня большой опыт в этом деле, т.к. я сам долго работал у президента. Декреты об отставке...

Г-н ДОДД. Я хочу, чтобы вы лишь точно сказали: правда это или нет? Правильно ли мы понимаем?

ШМИДТ. Совсем не обязательно понимать это именно так. Подобные декреты обычно задерживаются на несколько дней, проходя через бюрократическую машину и подвергаясь всевозможной технической обработке. Поэтому не говорится, когда фактически произошла отставка. Я думаю, что декрет был издан спустя длительное время после 11 марта.

Г-н ДОДД. Часто ли Зейсс-Инкварт употреблял выражение "Троянский конь" в период, предшествовавший событиям 12-го марта. Что это было его обычным выражением?

ШМИДТ. Он несколько раз говорил, что не собирается вводить в Австрию "Троянского коня". Этим он хотел выразить свою лояльность и показать, что в его задачи вовсе не входит открыть двери Австрии для национал-социализма.

Г-н ДОДД. Думали ли вы когда-нибудь, что он слишком сильно выражал свой протест?

ШМИДТ. Против чего?

Г-н ДОДД. Против того, что он "Троянский конь".

13452

H1206 – 0432

H1206 – 0433

ШМИДТ. Я слышал это выражение всего два или три раза от Цернатто...

Г-н ЛОДД. Это все, что я хотел спросить.

/Повторный допрос./

ШТЕЙНБАУЭР. У меня есть только один коротенький вопрос - в связи с разбирающимися сейчас событиями.

Господин свидетель, скажите, Зейсс-Инкварт не выставил посты охранного батальона перед кабинетом министра?

ШМИДТ. Да, посты были выставлены.

ШТЕЙНБАУЭР. В котором часу Шушниг фактически ушел в отставку?

ШМИДТ. Как раз очень трудно сказать, когда именно это произошло и, в особенности, когда было сформировано новое правительство. Думаю, что это было между 9 и 10 часами, т.к. тогда президент начал серьезно говорить о кандидатуре нового канцлера, причем, по-моему, речь шла о бывшем канцлере д-ре Эндере.

ШТЕЙНБАУЭР. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

ШТЕЙНБАУЭР. С разрешения Трибунала я вызываю в качестве свидетеля полицей-президента доктора Вильгельма Скубля.

/В зал вводят свидетеля./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше имя и фамилию?

СВИДЕТЕЛЬ. Михаэль Скубль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Я клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги./

Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР. Г-н свидетель, какие должности вы занимали в австрийской республике?

СКУБЛЬ. В последнее время я был полицей-президентом в Вене и статс-секретарем по делам общественной безопасности. Кроме того, я был генеральным инспектором австрийских исполнительных органов.

ШТЕЙНБАУЭР. Были ли вы назначены на эти посты доктором Дольфусом и дал ли он вам инструкции накануне своей смерти?

СКУБЛЬ. Да. За день до того как он был убит, 24 июля доктор Дольфус назначил меня генеральным инспектором полиции и я пользовался его полным доверием.

ШТЕЙНБАУЭР. Можно ли считать вас также доверенным лицом его преемника и друга д-ра Шушнига?

СКУБЛЬ. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Когда Зейсс-Инкварт стал министром, вы были у него статс-секретарем и одновременно генеральным инспектором.

СКУБЛЬ. Так точно. Когда Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел и безопасности, я стал при нем статс-секретарем и был подчинен непосредственно ему, тогда как до того времени я был подчинен канцлеру как шефу службы безопасности.

ШТЕЙНБАУЭР. Полиция и жандармерия практически находилась в ваших руках или в руках Зейсс-Инкварта?

СКУБЛЬ. Практически я распоряжался полицией.

ШТЕЙНБАУЭР. У вас была, в частности, задача бороться с нелегальным движением?

СКУБЛЬ. Будучи полицей-президентом и статс-секретарем по делам общественной безопасности, я, безусловно, должен был бороться против всевозможных нелегальных течений и особенно

13454

H1206 – 0434

H1206 – 0435

против национал-социалистской агрессии.

ШТЕЙНБАУЭР. Скажите, имел ли какое-нибудь отношение д-р Зейсс-Инкварт к июльскому путчу 1934 года, т.е. к убийству Дольфуса?

СКУБЛЬ. Нет.

ШТЕЙНБАУЭР. Какую вообще позицию он занимал по отношению к национал-социализму?

СКУБЛЬ. Д-р Зейсс-Инкварт считал себя национал-социалистом, но, насколько мне известно, руководители подпольного движения, так называемые 120-и-150-процентные национал-социалисты, не считали Зейсс-Инкварта стопроцентным национал-социалистом и смотрели на него, как на человека - очень удобного для роли пешки на шахматной доске национал-социалистского движения.

ШТЕЙНБАУЭР. Если я вас правильно понял, он был скорее руководимым, нежели руководителем?

СКУБЛЬ. Да, у меня создалось такое впечатление.

ШТЕЙНБАУР. Как вы сотрудничали с Зейсс-Инквартом, как с министром внутренних дел?

СКУБЛЬ. ~~Нет~~ Мы работали согласованно и гармонично, без всяких помех.

ШТЕЙНБАУЭР. Оказывал ли он какое-либо влияние на полицию? Ну, например, включал он в полицейский корпус национал-социалистов?

СКУБЛЬ. Нет, этого никогда не было.

ШТЕЙНБАУЭР. Имели ли вы возможность делать доклады непосредственно Шушнигу, минуя министра?

СКУБЛЬ. Канцлер Шушниг был главой правительства и тем самым, естественно, моим высшим начальником. Понятно, что я регулярно и в экстренных случаях делал ему доклады и получал от него распоряжения.

ШТЕЙНБАУЭР. Д-р Зейсс-Инкварт вскоре после назначения его министром поехал в империю, к Гитлеру. Скажите, эта поездка была официальной или секретной?

СКУБЛЬ. Она была официальной.

ШТЕЙНБАУЭР. Почему вы так думаете?

СКУБЛЬ. Об этой поездке было об"явлено. Мне говорили о ней и я знаю, что Шушнигу было известно об этой поездке. Впрочем, понятно, что он, будучи человеком, осуществлявшим связь между австрийским правительством и империей, должен был иметь возможность говорить с Гитлером.

ШТЕЙНБАУЭР. Сообщил ли Зейсс-Инкварт после своего возвращения о содержании своих бесед с фюрером?

СКУБЛЬ. Да, я встретил Зейсс-Инкварта на вокзале при его возвращении и спросил его, каковы результаты беседы с Гитлером,

13456

H1206 – 0436

H1206 – 0437

и Зейсс-Инкварт, находясь еще под свежим впечатлением встречи и беседы с Гитлером, рассказал мне о том, что он заявил фюреру. Я хорошо помню это заявление. Зейсс-Инкварт сказал рейхсканцлеру: "I/ Господин рейхсканцлер, я - австрийский министр, я присягнул австрийской конституции, т.е. я присягнул независимости и суверенности Австрии. Во-вторых, я верующий человек, я - активный католик, следовательно, я не могу содействовать курсу, который должен привести к новому "культуркампфу", в-третьих, я прибыл из страны, в которой даже речи не может быть о тоталитарной форме правления".

ШТЕЙНБАУЭР: Несмотря на эту позицию, империя назначила новое руководство подпольной НСДАП в Австрии?

СКУЛЬ: Да. Насколько мне известно, 21 февраля Клаузнер был назначен ландеслейтером.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда доктор Шушниг об"явил о плебисците, он что-либо предпринял для поддержания безопасности?

СКУЛЬ: На национал-социалистов весть о плебисците произвела впечатление разорвавшейся бомбы. И не только на национал-социалистов в Австрии, но также и в Германии. Они сразу развернули лихорадочную деятельность и поэтому нужно было, разумеется, принять контрмеры. Эта активность об"ясняется тем, что национал-социалисты боялись потерпеть тяжелое поражение во время плебисцита, так как подавляющее большинство австрийского народа было за независимость Австрии. В этой связи очень интересно указать на одну статью, которая появилась 11 марта в австро-германской газете; в этой статье явственно чувствовалось беспокойство, что плебисцит откроет дорогу к демократизации Австрии, к созданию народного фронта и в дальнейшем к большевизации. Отсюда видно, что австрийские нацио-

нал-социалисты понимали, что они находятся в меньшинстве.

ШТЕЙНБАУЭР: Итак, мы переходим к памятному дню II марта 1938 года. Скажите, когда Вы, как шеф полиции, узнали, что немецкие войска вступили в страну?

СКУБЛЬ: II марта - это был тревожный и полный событиями день. Мы все потеряли тогда чувство времени. Я только знаю, что вечером было получено сообщение, что немецкие войска перешли границу; это сообщение ничем не было подтверждено, но оно дало дополнительные сведения о том, что происходит вызывающее беспокойство передвижение немецких войск на австрийской границе.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, Зейсс-Инкварт после отставки Шушнига не заявил по радио, что он, чтобы предотвратить хаос, призывает к спокойствию и порядку, так как он, Зейсс-Инкварт, все еще остается министром безопасности?

СКУБЛЬ: Да, Зейсс-Инкварт сделал такое заявление по радио.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что перед отставкой Шушнига Зейсс-Инкварт посылал какие-то телеграммы, отдавал распоряжения или вел телефонные разговоры относительно захвата власти в стране?

СКУБЛЬ: Я заметил, что вплоть до самого критического момента позиция Зейсс-Инкварта была крайне пассивной. Как я уже указывал, он производил впечатление скорее руководимого, нежели руководителя, причем явно был озабочен.

ШТЕЙНБАУЭР: Президент Миклас не предлагал Вам во второй половине дня или вечером занять пост канцлера?

СКУБЛЬ: Вечером канцлер Шушниг пригласил меня к себе

H1206 – 0438

H1206 – 0439

и заявил, что Германия, т.е. Гитлер пред"явил ультиматум, в котором он уже не ограничивается отменой плебисцита, а требует отставки Шушнига. Шушниг заявил мне, что он лично готов уйти в отставку, но он не думает, чтобы его люди согласились на кандидатуру Зейсс-Инкварта. После этого он спросил меня, готов ли я принять на себя должность канцлера. Он сделал мне это предложение по согласованию с президентом, который через несколько минут после этого повторил его. Я отклонил это предложение, полагая, что мое назначение на пост канцлера Гитлер воспримет, как об"явление войны. В качестве стате-секретаря по вопросам общественной безопасности я возглавлял фронт борьбы против национал-социалистской агрессии, т.е. являлся личным противником Гитлера. Если бы я принял канцлерство, Гитлер получил бы долгожданный предлог для ввода войск в нашу страну. Принять на себя канцлерство означало в этих условиях принять на себя дело отражения чужеземной агрессии, а это было совершенно бесперспективным делом, учитывая многократное превосходство германских вооруженных сил над австрийскими.

ШТЕЙНБАУЭР: Итак, Зейсс-Инкварт создал свой кабинет и включил Вас в него в качестве стате-секретаря. Почему вы вошли в состав этого кабинета?

СКУБЛЬ: Зейсс-Инкварт предложил мне в своем правительстве сохранить должность стате-секретаря по вопросам общественной безопасности, и я принял эту должность, надеясь, что Зейсс-Инкварт будет все время помнить о тех условиях, которые он поставил Шушнигу, т.е. что он будет канцлером независимой Австрии. Кроме того, мною руководило желание сохранить в своих руках исполнительную власть с тем, чтобы по-

мочь Зейсс-Инкварту в том случае, если бы перед ним возникли затруднения при отстаивании австрийской точки зрения. Таким образом, я хотел создать, так сказать, австрийский опорный пункт в кабинете Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР: Зейсс-Инкварт в то время попрежнему высказывался за самостоятельность Австрии?

СКУБЛЬ: Он об этом ничего больше не говорил. Это считалось само собой разумеющимся.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда и почему вы ушли из этого кабинета?

СКУБЛЬ: В ночь с II на I2 марта я получил задание встретить прибывавшего из Берлина рейхсфюрера СС Гиммлера на аэродроме. Прибыл не только Гиммлер, но и вся его свита. Я не припоминаю теперь имен, так как их было очень много, но я очень хорошо помню одно имя - Майснер. Это был офицер австрийского военно-морского флота, который 25 июля присоединился к национал-социалистскому восстанию и затем после поражения бежал в Германию, а теперь, под защитой Гиммлера, вернулся обратно. Это показалось мне совершенно невозможным и я решил, что не могу участвовать далее во всей этой истории. Когда я утром I2-го числа прибыл к канцлеру и узнал от Глейзе-Хорстенау, что Гиммлер потребовал моей отставки, я ответил: "Ок очень легко может ее получить, так как я сегодня утром решил уйти". После этого я заявил канцлеру, д-ру Зейсс-Инкварту, что мне известно требование Гиммлера, что я решил уйти в отставку и прошу принять это к сведению. Зейсс-Инкварт ответил мне на это: „Совершенно верно, что Гиммлер потребовал Вашей отставки, но я не разрешу диктовать себе что-либо извне. В данный момент положение таково, что, может быть лучше, чтобы Вы исчезли на несколько недель, но потом вы должны вернуться.

12480

H1206 – 0440

Я очень ценю ваше сотрудничество". Я сказал, что не пойду на это и затем подал письменное прошение об отставке с должности полиней-президента и статс-секретаря. Уже I2-го вечером я передал все дела Кальтенбруннеру, который был у меня т.н. политическим руководителем органов исполнительной власти.

ШТЕЙНБАУЭР: Потом Вы были высланы и до настоящего времени еще не возвращались в Вену?

СКУДЛЬ: Да, меня задержали эсэсовцы и полиция в моей квартире, а потом 24 мая два чиновника - криминалиста Кассельского отделения гестапо доставили меня в Кассель, где я и находился, пока меня не освободили союзники.

ШТЕЙНБАУЭР: У меня нет больше вопросов к свидетелю. Может быть, г-н председатель, мы сделаем перерыв?

/Об"является перерыв на I0 минут/.

13441

H1206 - 0441

H1206 - 0442

Встать, Суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли еще кто-нибудь из защитников задать вопросы этому свидетелю? /Молчание/.

Желают ли представители обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Г-н ДОДД: Вопросов нет, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться. /Свидетель уходит/.

/К микрофону подходит д-р Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, можно мне вызвать следующего свидетеля д-ра Фридриха Виммера.

/В зал Суда вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Доктор Фридрих Виммер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. "Я клянусь богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю". /Свидетель повторяет слова присяги/. Вы можете сесть. /Свидетель садится/.

ШТЕЙНБАУЭР: Я закончил австрийский вопрос допросом свидетеля Скубль. Перехожу сейчас к вопросу о Голландии.

Господин свидетель, с июля 1940 до мая 1945 года Вы были генеральным комиссаром по внутреннему управлению и юстиции в Нидерландах?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Занимая эту должность, Вы должны были заниматься внутренней администрацией, юстицией, вопросами школьного образования, здравоохранением, архивами, музеями

13462

и работой законодательных органов?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Не были ли Вы одновременно заместителем рейхскомиссара?

ВИММЕР: Только в исключительных случаях, а вообще - нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Принимали ли Вы участие в еженедельных совещаниях генеральных комиссаров и генеральных секретарей при рейхскомиссаре?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, Вы полностью информированы обо всех событиях, которые происходили в оккупированных Нидерландах?

ВИММЕР: В общих чертах - да.

ШТЕЙНБАУЭР: Теперь я Вас спрашиваю: германская полиция была частью ведомства рейхскомиссара, или она была подчинена центральным учреждениям в Берлине?

ВИММЕР: Германская полиция была отделена от ведомства рейхскомиссара и получала указания, как организационные, так и по существу дел, от соответствующих центральных инстанций в империи.

ШТЕЙНБАУЭР: То-есть это значит, что она была непосредственно подчинена рейхсфюреру СС Гиммлеру?

ВИММЕР: Да, она была непосредственно подчинена рейхсфюреру СС.

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, германская полиция имела какие-нибудь специальные задачи в Нидерландах, кроме задач охраны порядка?

12463

H1206 - 0443

H1206 – 0444

ВИММЕР: У нее был целый ряд особых задач в Нидерландах.

ШТЕЙНБАУЭР: Можете ли Вы перечислить эти задачи?

ВИММЕР: Я не могу дать Вам исчерпывающего ответа на этот вопрос, но в качестве примера я могу указать на то, что исключительно в ее компетенцию входила борьба с движением сопротивления в Нидерландах. В ее ведение входило также создание, руководство и контроль над концлагерями. Далее, исключительно к сфере ее деятельности относилось устранение евреев из среды нидерландского народа.

ШТЕЙНБАУЭР: Сейчас мы перейдем к внутренней администрации. Во главе прежних министерств стояли генеральные секретари, т.е. нидерландцы. Если они уходили в отставку, подвергались они какому-нибудь преследованию?

ВИММЕР: Нет, рейхскомиссар при своем вступлении в должность заявил нидерландским генеральным секретарям, что, если они окажутся в затруднительном положении в результате распоряжений или требований со стороны оккупационных властей, то они должны, ничего не боясь, непосредственно обращаться к нему, сообщать о всех возникающих у них трудностях и, если они захотят, он будет разрешать им уходить в отставку, причем они не должны опасаться каких-либо неприятностей и даже в финансовом отношении они будут обеспечены, т.е. получат свою пенсию.

ШТЕЙНБАУЭР: Рейхскомиссар смещал также комиссаров провинций?

ВИММЕР: Он сместил также некоторых комиссаров провинций, - я припоминаю 2 таких случая, но это происходило тогда, когда эти комиссары становились уже слишком дряхлыми.

ШТЕЙНБАУЭР: А как обстояло дело с бургомистрами?

ВИММЕР: Что касается назначения бургомистров, то здесь действовали те же правила, которые касались всех остальных чиновников в Нидерландах. Бургомистры в Голландии, в/противоположность многим другим государствам, не выбирались, а являлись чиновниками в настоящем смысле этого слова. Они назначались королевой, в т.ч. даже бургомистры самых небольших населенных пунктов. Т.к. главы государства не было в Нидерландах, рейхскомиссар оказался вынужденным разрешить вопрос о назначении и освобождении от должности бургомистров. Он разрешил его в том смысле, что на важные должности в государстве он назначал сам, тогда как значительная часть назначений и увольнений была передана в ведение нидерландских генеральных секретарей.

ШТЕЙНБАУЭР: Если вы сейчас ретроспективно рассмотрите вопрос о том, как обстояло дело с чиновничеством в 1940 и в 1945 гг., что Вы сможете сказать?

ВИММЕР: Мне кажется, я должен сказать, что в конце германской оккупации большая часть чиновников занимала должности, которые она занимала в момент вступления германских войск в Нидерланды.

ШТЕЙНБАУЭР: Зейсс-Инкварт обвиняется в том, что он распустил политические партии. Когда и почему это произошло?

ВИММЕР: Роспуск политических партий был обусловлен следующим обстоятельством. Некоторые политические партии заняли такую позицию, которую не могли допустить оккупационные власти, особенно в такие тяжелые времена. Я уже

13465

H1206 – 0445

H1206 - 0446

не говоря о том, что в оккупированной области вообще очень трудно, можно сказать, почти невозможно сотрудничать с политическими партиями. От службы информации поступали сообщения за сообщениями, что создавались заговоры самого различного характера и рейхскомиссар почувствовал необходимость распустить политические партии. Но он отнюдь не уничтожил партии в государственно-правовом отношении. Партии, как институт, сохранились.

ШТЕЙНБАУЭР: Империя потребовала реорганизовать администрацию Голландии и вместо традиционных провинций разделить Голландию на пять административных округов. Сделал ли это Зейсс-Инкварт?

ВИМЕР: Рейхскомиссар всегда отклонял такие требования или пожелания, он мог это делать, так как голландская администрация стояла на высоком уровне и рейхскомиссар учитывал, основываясь на многочисленных заверениях, что голландская администрация будет относиться вполне лойяльно к оккупационным властям.

ШТЕЙНБАУЭР: Существовала также близкая к национал-социализму голландская партия, руководимая Муссертом, т.н. НСВ. Оказывала ли эта партия НСВ руководящее влияние на администрацию?

ВИМЕР: НСВ, как партия, вообще не оказывала никакого влияния на управление страной. Но само собой разумеется, что оккупационные власти обращались в некоторых случаях за советом к нидерландской национал-социалистской партии, так как и прежде, и в наши дни оккупационные власти обращаются не к тем партиям и группам, которые выступают против них.

13466

ШТЕЙНБАУЭР: Скажите, Муссерт, руководитель НСВ, не пытался создать такого же положения, какое существовало в Норвегии при Квислинге, то-есть не пытался ли он стать министром-президентом в Нидерландах?

ВИММЕР: Такие стремления у Муссерта были. Он настойчиво и неоднократно говорил об этом и я могу сказать, что он поставил тем самым рейхскомиссара в очень неприятное положение.

ШТЕЙНБАУЭР: Короче говоря, рейхскомиссар...

ВИММЕР: Рейхскомиссар всегда отклонял это требование.

ШТЕЙНБАУЭР: Еще один вопрос: Зейсс-Инкварт оказывал на население оккупированных областей какое-нибудь давление в религиозном отношении?

ВИММЕР: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Издавал ли он какие-нибудь распоряжения относительно школ и школьной системы, которые ущемляли бы интересы голландцев?

ВИММЕР: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Не поддерживал ли он нидерландский Красный Крест, хотя в нем были ячейки нелегального движения сопротивления?

ВИММЕР: Зейсс-Инкварт не только не мешал работе Красного Креста, но, как Вы сказали, даже помогал ей. В политическом отношении у него было немало причин выступать против Красного креста, так как в учреждениях Красного Креста неоднократно обнаруживали подпольные радиостанции.

ШТЕЙНБАУЭР: Это были ячейки движения сопротивления?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Затем Зейсс-Инкварта обвиняют в том, что

13467

H1206 – 0447

H1206 – 0448

он изменял существовавшие законы, в частности в вопросе о подданстве и о браке. Вы были руководителем отдела юстиции, что Вы можете мне ответить?

ВИММЕР: Такое вмешательство в законодательство было совершено, так как с точки зрения руководства войной и в особенности с точки зрения вооруженных сил это было необходимо. Все голландцы, - сейчас мы говорим о подданстве, - которые вступали в германскую армию, хотели в качестве гарантии получить германское подданство. Рейхскомиссар считал, что в связи с получением германского подданства они не должны были иметь никаких неприятностей в самой Голландии. Он приказал,об этом и говорится в том распоряжении, которое вы сейчас упомянули, - чтобы нидерландцы, которые приобретают германское подданство, вместе с тем сохраняли свое нидерландское подданство, чтобы не быть отчужденными от своего народа, от своей нации.

Что касается брака, то здесь тоже создалась необходимость вмешательства. Было установлено правило, что когда германские солдаты хотят жениться на нидерландках, не нужно спрашивать согласия родителей. Это было понятно, если учесть, что, в противоположность другим странам, в Голландии согласие родителей на брак требовалось, по-моему, вплоть до того момента, пока детям не исполнится 30 лет.

ШТЕЙНБАУЭР: Сейчас я перехожу к другому комплексу вопросов. Это вопрос о так называемых военно-полевых судах. Можете Вы мне сказать о составе этих судов, как долго и когда они функционировали?

13468

ВИММЕР: Создание "военно-полевых судов" стало необходимым после того, как в Амстердаме произошла всеобщая забастовка. Таким образом хотели создать правовую основу на будущее для того, чтобы иметь возможность предотвращать такие забастовки или, если они уже начались, эффективно бороться с ними на основании соответствующих законов.

Как были организованы военные суд и когда они должны были функционировать, подробно сказано в соответствующих распоряжениях рейхскомиссара. Но если я должен ответить на ваш специальный вопрос, а именно - какой был состав этих судов, - то я по памяти могу сказать следующее: председателем такого суда был судья, который отвечал всем требованиям, пред"являвшимся к судье в германской империи.

ШТЕЙНБАУЭР: Это самое главное. Если я Вас правильно понял, то пока эти суды не стали полицейскими судами, председателем был обычный судья. Это верно?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что Зейсс-Инкварт применял т.н. коллективные наказания для городов и общин?

ВИММЕР: Рейхскомиссар действительно применял такие наказания. Самое тяжкое из таких коллективных наказаний было наложено на город Амстердам в связи с уже упоминавшейся всеобщей забастовкой. Эти наказания налагались после соответствующего разбора дела и на основании существовавших предписаний; они выносились административными органами, в частности полицией.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, если я вас правильно понимаю, коллективные наказания выносились в тех случаях, когда в том или ином событии участвовали не отдельные лица, а боль-

13469

H1206 - 0449

H1206 - 0450

мой коллектив? Например, в данном случае вы упомянули всеобщую забастовку.

ВИММЕР: Коллективные наказания налагались в тех случаях, когда в преступлении было замешано большинство граждан данной общины.

ШТЕЙНБАУЭР: Мне кажется, что мы можем закончить с этим комплексом вопросов. Вы мне не сказали только, как долго действовали эти т.н. полицейские военно-полевые суды?

ВИММЕР: Полицейские полевые суды функционировали, пока действовало чрезвычайное положение. Это продолжалось 14 дней. Впрочем это было единственный случай, когда рейхскомиссар ввел в Нидерландах военное положение, если не считать чрезвычайного осадного пложения, об"явленного уже во время вторжения союзников.

ШТЕЙНБАУЭР: Сейчас я перехожу к одному из самых тяжелых обвинений, которые были пред"явлены моему подзащитному. Это обвинение в том, что он расстреливал заложников или участвовал в их расстреле, вопреки всем нормам международного права. И сейчас, с разрешения суда, хотел бы показать Вам 2 документа, которые вчера были пред"явлены обвинением моему подзащитному. Один из документов представляет собой показания генерала военно-воздушных сил Кристиансена от 20 февраля 1946 года, а второй документ представляет собой протокол допроса высшего полицейского чиновника доктора Шенгарта. Это Ф-886.

Я попрошу Вас просмотреть эти документы и сказать мне, что вам известно по этому вопросу. Я хочу напомнить, что Вы дали здесь присягу, поэтому не торопитесь, и отве-

чайте на мои вопросы так, как того требует Ваша совесть.

Вы уже прочитали?

ВИММЕР: Нет еще.

/Продолжительная пауза, свидетель читает документ/.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель, я помогу. Вы кончили?

ВИММЕР: Нет еще, но пожалуйста.

ШТЕЙНБАУЭР: Знаете ли Вы, что в августе 1942 года в Роттердаме были расстреляны заложники за совершение актов саботажа?

ВИММЕР: Да... Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Почему были расстреляны эти заложники и по чьему приказу?

ВИММЕР: Мне кажется, что здесь всем известно, что такое роттердамское дело. Здесь речь идет о взрыве немецкого военного поезда с отпускниками. В связи с этим командование обратилось к рейхскомиссару, т.к...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не ответ на вопрос. Вопрос был следующий: Кто отдал этот приказ?

ВИММЕР: Какой приказ?

ШТЕЙНБАУЭР: Приказ о расстреле заложников.

ВИММЕР: Мне кажется, что приказ о расстреле был отдан полицией.

ШТЕЙНБАУЭР: А что общего имел с этим приказом рейхскомиссар? Вы же прочли сейчас в документе, как Кристиансен обвиняет его в связи с этим.

ВИММЕР: Вооруженные силы обратились к комиссару, так как обычно по всем важным делам рейхскомиссар и коман-

H1206 – 0451

H1206 – 0452

дующий вооруженными силами вели переговоры и приходили к соглашению. Я помню, что командующий самым решительным образом выступал по этому вопросу и требовал, чтобы в качестве примера было применено суровое наказание, чтобы в будущем такие случаи больше не происходили. Представители вооруженных сил заявили, что они не видят никакого другого средства, кроме расстрела большого количества заложников. Я уже сегодня не помню точно цифры, но, насколько я помню, они потребовали около 50 заложников. Я также помню, что соответствующие инстанции вооруженных сил заявили, что они откажутся от расстрела заложников только в том случае, если полиция заверит их, что на основании имеющихся в ее распоряжении материалов можно рассчитывать на то, что виновники будут схвачены и понесут соответствующую кару по приговору военно-полевого суда.

Вооруженные силы также указали на то, что движение сопротивления в Голландии стало усиливаться, становиться все более организованным, что выразилось в увеличении числа актов саботажа и других действий, направленных против оккупационных властей. Я очень хорошо помню, что указывали также на следующий момент: если бы вооруженные силы и полиция в Голландии были многочисленнее, чем на самом деле, можно было бы отказаться от применения суровых мер. Силы, которые тогда находились в Голландии, были самыми минимальными и при возрастании движения сопротивления положение вооруженных сил в Голландии могло подвергнуться серьезной угрозе.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель, я сейчас поставлю вам несколько вопросов, чтобы мы могли пойти дальше.

Вы сказали, что командующий вооруженными силами пришел и заявил, что в связи с этим взрывом он должен расстрелять заложников.

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что по имперскому декрету лица, участвовавшие в саботаже в западных оккупированных странах, должны были не предаваться суду, а поступать в распоряжение полиции. Вы помните об этом?

ВИММЕР: Мне кажется, что тогда этого еще не было, особенно если Вы имеете в виду приказ "Нахт унд Небель", который насколько я помню, был издан позднее.

Я хорошо помню, что в то время упоминался какой-то приказ, но он, по-моему, касался исключительно военнослужащих. Текста этого приказа я не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли Вам, что рейхскомиссар использовал свое влияние для того, чтобы вместо названных Вами 50 заложников, в действительности их было только 25, было расстреляно 5 ?

ВИММЕР: Это мне известно.

ШТЕЙНБАУЭР: И что ему удалось это сделать?

ВИММЕР: Да, это ему удалось.

ШТЕЙНБАУЭР: И что, в частности, он добился, чтобы отцы семейств не попали в число заложников?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, мы покончили с первым документом. Но я Вам пред"явил еще второй документ. Здесь говорится о покушении на высшего начальника СС и полиции Раутера, после чего было действительно расстреляно свыше 150 заложников. Вы уже прочитали этот документ?

13143

H1206 – 0453

H1206 – 0454

ВИММЕР: Нет, только часть его.

ШТЕЙНБАУЭР: В таком случае прочитайте документ до конца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штейнбауэр, почему необходимо, чтобы свидетель прочитывал весь документ полностью? Вы можете изложить ему факты.

ШТЕЙНБАУЭР: Хорошо, господин свидетель. Тогда потребовали, чтобы за покушение на этого начальника СС и полиции были расстреляны заложники.[2]

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Кто издал этот приказ и кто осуществлял его?

ВИММЕР: Я знаю об этом случае по сообщению бригаденфюрера Шенгарта. Он был начальником полиции безопасности и обратился тогда ко мне с вопросом, каков, собственно, теперь его чин после того, как Раутер стал нетрудоспособен, т.к. он, Шенгарт, должен подписать извещение и должен указать при этом свою должность. Тут же он рассказал мне всю эту историю, добавив, что он связался с Берлином, запросил там, какие репрессивные меры следует принять в связи с покушением на Раутера. Ему ответили, что нужно - расстрелять большое количество заложников. Он назвал мне и то число, это было приблизительно 500 человек, во всяком случае не меньше 500 человек, скорее даже больше. Он также сказал мне, что посетил рейхскомиссара по этому делу и сообщил ему о желании Берлина.

ШТЕЙНБАУЭР: Может быть, Вы будете говорить более точно? Берлин - город большой, назовите инстанции?

ВИММЕР: О желании Рейхсфюрера СС.Совершенно ясно, что раз было совершено покушение на одного из высших чиновников полиции и СС, в дело вмешался сам рейхсфюрер, причем лично Кенгарт доложил об этом самому рейхскомиссару, а через него его канцелярии. Рейхскомиссар, который не был компетентен при решении таких вопросов, попросил передать от своего имени рейхсфюреру СС просьбу и совет отказаться от такого большого числа заложников.

Все эти переговоры происходили по телефону, рейхсфюрер СС согласился уменьшить число, и, мне кажется, что именно в результате многочисленных телефонных разговоров число дошло до 200 или 150, точно я уже не помню. Я убежден в том, что если бы рейхскомиссар не сделал такого предложения через посредство Кенгарта, то было бы расстреляно то число заложников, которое вначале потребовали из Берлина. Так что можно с полным правом сказать, что рейхскомиссар спас жизнь нескольким сотням нидерландцев.

ШТЕЙНБАУЭР: А те люди, которые были расстреляны, это были случайные люди, пойманные на улицах, или люди, которые уже были осуждены?

ВИММЕР: Я по этому вопросу могу сказать, разумеется, только то, что мне сообщил в этой беседе бригаденфюрер Кенгарт. У меня нет оснований предполагать, что он мне сказал в то время неправду. Он сообщил мне, что в число заложников попали те лица, которые уже осуждены. Так что здесь речь шла лишь об ускорении проведения приговора в исполнение. Если бы этого числа нехватило, то были бы расстреляны те люди, которые уже находились в заключении и несомненно должны были быть приговорены к смерти.

13475

H1206 – 0455

H1206 – 0456

ШТЕЙНБАУЭР: Мне кажется, что этим я могу закончить данный комплекс вопросов. Сейчас я задам последний вопрос. Что произошло затем с заложниками, которые были доставлены в Бухенвальд?

ВИЛЛЕР: Эти заложники, спустя некоторое время, не помню точно, сколько времени, когда стали поступать жалобы на дурное обращение с ними, в значительной своей части, а может быть и полностью, были возвращены в Голландию и здесь большая часть их была отпущена. Насколько я помню, они были отпущены не все сразу, а постепенно.

ШТЕЙНБАУЭР: Здесь назывался маленькое местечко Путен, которое было разрушено за то, что там был совершен крупный акт саботажа. Приказали ли это сделать рейхскомиссар или кто-нибудь другой?

ВИЛЛЕР: Здесь, как и в Роттердаме, дело было чисто военным. Покушение было совершено против вооруженных сил и разбиралось военными органами. Соответствующий приказ был издан командующим вооруженными силами и, если я не ошибаюсь, рейхскомиссар... во всяком случае, я лично об узнал этом только после приведения приговора в исполнение

ШТЕЙНБАУЭР: Сейчас я перехожу к следующему пункту - к борьбе с т.н. врагами государства. Вчера здесь говорилось о конфискации имущества масонов и "толкователей Библии". Я хотел бы Вас спросить, во избежание недоразумений, имелось ли в виду конфискация имущества организаций или их членов, т.е. например, имущества масонских лож или также имущества отдельных масонов?

13476

ВИММЕР: В этих случаях конфисковалось исключительно имущество организаций и ни в коем случае не отдельных лиц. Если и бывали такие случаи, то это было злоупотреблением; но я о таких злоупотреблениях не помню.

ШТЕЙНБАУЭР: К так называемым врагам государства причислялись также голландские евреи? Кто занимался разрешением еврейского вопроса в Голландии? Вы, собственно, об этом уже говорили.

ВИММЕР: Этим вопросом с самого начала занималась полиция.

ШТЕЙНБАУЭР: У нас имеется целый список распоряжений за подписью Зейсс-Инкварта, которые представляют собой посягательство на права евреев. Вы можете вспомнить, когда и в какой форме начали действовать антиеврейские законы?

ВИММЕР: Ход событий в кратких словах был следующим. Зейсс-Инкварт всегда относился отрицательно к мысли о необходимости разрешения еврейского вопроса в Голландии и во время первых совещаний у рейхскомиссара было вынесено решение, что этого вопроса вообще не следует касаться. Через некоторое время , несколько месяцев спустя, рейхскомиссар сообщил, что он получил из Берлина задание приступить к разрешению еврейского вопроса, потому что в то время в различных заговорах, которые организовывались в Голландии,в сравнительно большом количестве принимали участие евреи. Кроме того, при затяжке войны следовало считаться с тем, что евреи уже ранее испытавшие плохое обращение со стороны немцев, не будут друзьями немцев. В условиях затяжной войны они могли стать опасными и поэтому их нужно было рассматривать как врагов, пусть не в формальном смысле этого слова, но практически. Рейхскомиссар очень колебался, приступая к выполнению этого

H1206 – 0457

H1206 – 0458

приказа, хотя, естественно, на совещании он заявил, что не может уклониться от осуществления приказа, т.к. он не в состоянии принять на себя такую ответственность. Насколько я помню, это можно установить на основании "Вестника распоряжений рейхскомиссара". Сначала было учтено имущество евреев. Затем немецким девушкам было запрещено быть служанками в еврейских домах, на этом особенно настаивала полиция, чтобы эти служанки не могли разносить информацию. И, наконец, когда из Берлина потребовали более энергичного разрешения вопроса, рейхскомиссар приказал провести регистрацию евреев. Это было сделано для того, чтобы знать, где находятся евреи, т.к. только в этом случае было возможно установить полицейский контроль и наблюдение за ними. Эти мероприятия сами по себе значительно отстали от тех, которые уже были проведены в империи. Затем стали настаивать - я не помню, делал ли это Гейдрих, были ли он тогда в Нидерландах, я его лично никогда не видел, - помню лишь, что он по меньшей мере дважды был у рейхскомиссара в Голландии. В 1941 г., а особенно в 1942 г., он потребовал более радикального разрешения этого вопроса. Рейхскомиссар сначала еще верил в то, что он выполнит это требование тем, что сконцентрирует голландских евреев в определенном месте, где за ними можно будет легко следить. Возникла мысль, что 1,2 или 3 района Амстердама можно будет использовать для размещения евреев. Это было связано с необходимостью переселить довольно большое число нидерландцев, так как до того евреи не были полностью изолированы от неврейского населения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все те показания, которые дает свидетель,

содержатся в декрете и об этом говорил сам подсудимый, не правда-ли? Никакой разницы, собственно нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае, какой смысл его об этом спрашивать?

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, я хотел бы сказать следующее: этот вопрос настолько важен, что я хотел бы, чтобы свидетель коротко подтвердил все это еще раз.

ВИММЕР: Я почти уже все сказал.

ШТЕЙНБАУЭР: Подведем итоги. Правильно ли утверждение, что евреев хотели сконцентрировать в гетто в Амстердаме?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Правильно ли, что Гейдрих требовал эвакуации евреев?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Правильно ли, что рейхскомиссар старался провести эту эвакуацию евреев в человеческих условиях, насколько это было тогда возможно?

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Я закончил этот комплекс вопросов. В Голландии существовали концлагери. Известно ли Вам, что Зейсс-Инкварт направлял судейские комиссии для инспектирования этих лагерей и устранял обнаруженные там недостатки?

ВИММЕР: Да, и не только в концлагерях, а вообще во всех лагерях подобного рода.

ШТЕЙНБАУЭР: В конце 1944 и в 1945 г.г. проводилось крупное мероприятие по эвакуации из Голландии всего населения, способного носить оружие. Было ли это акцией рейхскомиссара или каких-нибудь других органов?

13479

H1206 – 0459

H1206 – 0460

ВИММЕР: Эта акция проводилась имперскими органами, в первую очередь германскими вооруженными силами.

ШТЕЙНБАУЭР: Чем была вызвана эта акция?

ВИММЕР: Тем, что при тогдашнем критическом положении было рисковано оставлять годное к военной службе население Голландии. Во-первых, значительная часть военнопленных была отпущена по приказу фюрера в 1940 г. и возвратилась в Нидерланды, во-вторых, в это время резко усилилось движение сопротивления. Поэтому было сказано, что с военной точки зрения нельзя оставлять в Нидерландах годное к военной службе население.

ШТЕЙНБАУЭР: Не выдавал ли рейхскомиссар документы об освобождении от воинской повинности для того, чтобы смягчить эту акцию?

ВИММЕР: Да, выдавал.

ШТЕЙНБАУЭР: Не была ли часть населения освобождена от этой эвакуации путем привлечения ее к работам в Голландии?

ВИММЕР: Насколько я знаю-да, но более подробных сведений я вам дать не могу.

ШТЕЙНБАУЭР: Известно ли вам, какова была судьба бриллиантов, конфискованных после сражения при Арнгейме?

ВИММЕР: Одно из немецких хозяйственных учреждений спрятало эти бриллианты в Арнгейме во время артиллерийского обстрела. Потом они были доставлены в Берлин, а оттуда, как я узнал уже после капитуляции, вновь возвращены в Амстердам.

ШТЕЙНБАУЭР: Как обстояло дело с финансовыми вопросами в голландской администрации? Копились ли деньги, поступавшие при взимании налогов, или финансовыми делами мало занимались?

ВИММЕР: Я не являюсь компетентным лицом в этих вопросах, об этом мог бы лучше и с большим знанием дела показать генеральный комиссар по финансовым и экономическим вопросам; но что касается моих впечатлений, то я могу сказать следующее...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если он не компетентен в этих вопросах, то я не понимаю, зачем ему говорить об этом.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин председатель, свидетеля Фишбека невозможно найти. А этот свидетель, будучи заместителем рейхскомиссара, должен был в общих чертах знать об этом/. Я не буду спрашивать деталей. С"экономил ли рейхскомиссар лично крупные суммы и создал ли он из них свой особый фонд.[2]

ВИММЕР: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы ничего не знаете относительно положения с девизами?

ВИММЕР: Нет.

ШТЕЙНБАУЭР: Каким образом пред"являлись требования на поставки сырья, готовой продукции и продуктов питания в гражданском секторе администрации?

ВИММЕР: Они регулировались распоряжениями, публиковавшимися в "Вестнике распоряжений рейхскомиссара". Вообще было так: требования из империи поступали в рейхскомиссару, который передавал их соответствующим нидерландским органам, а они затем реализовали эти требования.

ШТЕЙНБАУЭР: Таким образом, это были не немецкие органы, а нидерландские, руководимые голландскими генеральными секретарями?

13481

H1206 - 0461

H1206 – 0462

ВИММЕР: Да. На основании одного из распоряжений, они имели соответствующие полномочия.

ШТЕЙНБАУЭР: Из"ял ли рейхскомиссар лично или его ведомства что-нибудь из крупных музеев?.

ВИММЕР: Я не понял вашего вопроса, откуда из"ял?

ШТЕЙНБАУЭР: Из публичных музеев.

ВИММЕР: Нет, я не помню ни одного такого случая. А я должен был бы об этом знать, так как музеи находились в моём ведении.

ШТЕЙНБАУЭР: Именно поэтому я Вас и спрашиваю. Может быть были вывезены архивы?

ВИММЕР: Вообще нет, но во время оккупации состоялся обмен архивами, о котором шли переговоры еще до войны. Обмен состоялся между голландскими и немецкими архивами по т.н. принципу происхождения фондов.

ШТЕЙНБАУЭР: Было ли возможно, чтобы каждый конфисковал то, что он хотел, или это было как-то упорядочено?

ВИММЕР: Нет, это было упорядочено, причем в последние годы этот порядок был еще раз подтвержден особенно строгим декретом рейхскомиссара. Этот декрет угрожал суровым наказанием всем тем, кто нарушал или собирался нарушить соответствующие предписания. Только 2 инстанции могли, по этому декрету, проводить конфискации - полиция и вооруженные силы.

ШТЕЙНБАУЭР: Сейчас я хотел бы опять вернуться к мероприятиям, которые проводились вооруженными силами и на этом закончить. Я говорю о т.н. "акции вооруженных сил", т.е. об эвакуации годных к военной службе голландцев. Было ли это мероприятие прекращено с наступлением холодов?

12182

ВИММЕР. Да, оно было прекращено после того, как я по поручению рейхскомиссара поговорил об этом с генерал-полковником Штудентом, который тогда командовал фронтом и ведал также нидерландскими делами.

ШТЕЙНБАУЭР. Теперь самый последний вопрос. Вы помните о еврейской библиотеке "Розенталиана"?

ВИММЕР. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Какова была ее судьба?

ВИММЕР. Насколько я знаю, она осталась в Голландии.

ШТЕЙНБАУЭР. Ее не должны были вывезти?

ВИММЕР. Да, это собирались сделать, но так как библиотека была общественной собственностью, собственностью городской общины Амстердама, рейхскомиссар по моему совету распорядился, чтобы эта библиотека, осталась в Нидерландах.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, я закончил допрос этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли еще кто-нибудь из защитников задать вопросы этому свидетелю? /Молчание/. Желают ли представители обвинения подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

/К микрофону подходит представитель французского обвинения господин Дебенэ/.

ДЕБЕНЭ. Свидетель, вы были лично Зейсс-Инквартом избраны для того, чтобы выполнять функции генерального комиссара в Нидерландах?

ВИММЕР: Да.

ДЕБЕНЭ. Вы знали Зейсс-Инкварта в течение многих лет?

ВИММЕР. Да.

13483

H1206 – 0463

H1206 – 0464

ДЕЛЕНЭ: Не были ли Вы одним из его сотрудников с 1938 года?

ВИММЕР: Да.

ДЕЛЕНЭ: Правильно ли, что во время оккупации Голландии значительное число членов НСБ и прогерманских элементов было назначено не только на руководящие посты, но также на второстепенные должности в голландской полиции и что им было поручено выполнять приказы оккупационных властей, как, например, производить аресты евреев, участников движения сопротивления, заложников и т.д.?

ВИММЕР: Что члены НСБ и прогерманских групп были назначены рейхскомиссаром как на руководящие, так и на низовые должности, я могу подтвердить. Но в процентном отношении они даже к концу оккупации составляли незначительную часть нидерландского чиновничества.

ДЕЛЕНЭ: Я вам сказал совершенно определенно - я имею в виду полицию, ответьте лишь по этому пункту.

ВИММЕР: Вы имеете в виду лишь полицию?

ДЕЛЕНЭ: Да, я уже сказал вам, полицию.

ВИММЕР: Да, мне это известно, но, по-моему, члены прогерманских групп не получали каких-либо специальных заданий. Мне кажется, что они получали такие же задания, как и все остальные чиновники. Подробных сведений об этом я не могу дать, так как я имел очень мало дел с полицией.

ДЕЛЕНЭ: Мне этого достаточно. Когда голландские чиновники полиции отказались выполнять приказы, которые им были даны оккупационными властями, и ушли со своих постов, разве германские власти не арестовали в качестве заложников членов их семей, например, их жен, их детей?

13484

ВИММЕР: Об этом я не помню.

ДЕЙЕНЭ: Вы не помните ни одного случая?

ВИММЕР: Случая ареста членов семей чиновников полиции?

ДЕЙЕНЭ: Да, и членов семей тех, кто не выполнял приказы германских властей?

ВИММЕР: Не помню.

ДЕЙЕНЭ: Прекрасно. В таком случае, может быть, вы помните, что члены семей нидерландских граждан, которые принимали участие в движении сопротивления, которые в какой бы то ни было форме оказывали сопротивление, арестовывались в качестве заложников?

ВИММЕР: Об этом я слышал.

ДЕЙЕНЭ: Следовательно, производились аресты заложников, как, например, в данном случае? Значит аресты заложников производились?

ВИММЕР: Вы называете их заложниками. Разве можно говорить о заложниках в таких случаях? Разве можно называть заложниками людей, которым не угрожает опасность расстаться с жизнью, которые не рискуют своей головой?

ДЕЙЕНЭ: До сих пор я вам задавал вопросы, а Вы мне должны на них отвечать. Не получали ли вы, протестов, например, из Сената и из Амстердамского университета против того, что жена и дети одного из профессоров этого университета были арестованы в качестве заложников?

ВИММЕР: Я не помню об этом. Возможно, что такая жалоба поступила в главный отдел по вопросам образования и воспитания, который находился при моем генеральном секретариате.

13485

H1206 – 0465

H1206 – 0466

ДЕБЕНЭ: Во всяком случае Вы не отрицаете, что такой факт имел место?

ВИММЕР: Я не могу сказать со 100-процентной уверенностью, что такого факта не было, но я не знаю о нем.

ДЕБЕНЭ: Другой вопрос: после того как студентам приказали сделать заявление об их лояльности, тех студентов, которые отказались сделать такое заявление, заставили немедленно явиться для зачисления на работы и угнали в Германию еще до того, как наступил срок для отправки лиц их категории, разве это не было так?

ВИММЕР: Да, но не в порядке трудовой повинности. Вы имеете в виду использование на работах/"арбейтэйнзатц"/

ДЕБЕНЭ: Это неважно. Но они были за это вывезены в Германию?

ВИММЕР: Да, на основании приказа высшего начальника СС и полиции.

ДЕБЕНЭ: Разве не правильно то, что рейхскомиссар произвел многочисленные и значительные реформы во всех областях деятельности голландского народа и то, что эти реформы противоречили конституции?

ВИММЕР: Этого нельзя сказать.

ДЕБЕНЭ: Но, однако же, были реформы?

ВИММЕР: Да, конечно, те, которые были обусловлены войной и оккупацией. Наконец, третий момент, который следует добавить: они были обусловлены отсутствием главы государства и отсутствием правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, не думаете ли Вы, что было бы лучше, если бы Вы точно указали свидетелю, на что Вы хотите обратить его внимание, вместо того, чтобы

задавать ему общие вопросы? Это даст ему возможность осветить дело более подробно.

ДЕВЕНС: Хорошо, господин председатель./Обращаясь к свидетелю/: Располагала ли в какой-либо мере свободой администрация Нидерландов?

ВИММЕР: Да, конечно, довольно большой.

ДЕВЕНС: Я Вам зачитаю выдержку из отчета подсудимого Зейсс-Инкварта. Этот отчет был составлен в конце июля 1940 года. Вы мне скажете, будете ли Вы все еще настаивать на ответе, который Вы мне только что дали? Вот что писал Зейсс-Инкварт:

"Гражданская администрация/речь идет об администрации в Нидерландах/ находится в настоящее время под достаточным и к тому же непрестанно улучшающимся руководством и контролем германских властей".

Разве ответ, который Вы только что мне дали, совпадает с тем, что писал Зейсс-Инкварт?

ВИММЕР: Если в ответе д-ра Зейсс-Инкварта говорится о том, что руководство было в германских руках, то я понимаю это в том смысле, что контроль осуществлялся немецкими властями. Само собой разумеется, что германская оккупационная администрация обеспечила себе право контроля и надзора над нидерландским законодательством, над важными административными и правительственными актами и все важные декреты и распоряжения не могли быть изданы без согласия оккупационных властей.

ДЕВЕНС: Мне этого достаточно. Трибунал по достоинству оценит ваш ответ в свете пред"явленного документа.

Пожалуйста, об"ясните, почему в Голландии было созда-

H1206 – 0467

H1206 – 0468

но правительство, в то время, как в других странах, как, например, в Бельгии, этого сделано не было?

ВИММЕР: Я не знаю настоящей причины, но, насколько я слышал и мог предполагать, главной причиной являлось то, что Германия стремилась к установлению хороших отношений с Голландией. Руководство империи, видимо, считало, что этого будет легче добиться с помощью гражданской администрации, чем с помощью вооруженных сил.

ДЕБЕНО: Разве этим, например, не преследовалась политическая цель, заключавшаяся в передаче этой страны в руки национал-социалистов, с тем, чтобы создать своего рода германскую федерацию, так сказать, германские государства?

ВИММЕР: Когда я говорил об этом с рейхскомиссаром, он отстаивал ту точку зрения, что голландский народ является независимым и суверенным народом и поэтому должен сохранить свое независимое и суверенное государство. То, что в период оккупации рейхскомиссар и германская администрация установили тесный контакт с теми партиями и группами, которые дружественно относились к Германии, само собой разумеется, и мне не нужно давать об"яснений по этому поводу. Но то, что Нидерланды, а тем более во время оккупации, не примут политического мировоззрения оккупирующей страны, было ясно для рейхскомиссара, как для всякого человека, способного трезво оценивать обстановку.

ДЕБЕНО: Вы сказали несколько минут назад, если я Вас правильно понял, что рейхскомиссар не хотел заставлять голландских генеральных секретарей принимать решения, которые бы противоречили их совести, и что, если они чувствовали себя в затруднительном положении, они могли

просить об отставке. Правильно я вас понял?

ВИММЕР: Да.

ДЕБЕНЭ: Уволил ли он кого-нибудь из генеральных секретарей, не просивших об отставке?

ВИММЕР: Единственным исключительным случаем был случай с генеральным секретарем Шпитценом. Это был статс-секретарь министерства водных путей сообщения, он не выполнил заданий рейхскомиссара и, несмотря на это, не подал в отставку.

ДЕБЕНЭ: Какого генерального секретаря вы имеете в виду? Из какого департамента?

ВИММЕР: Министерство водных путей сообщения, которое занималось водными путями, водным транспортом, польдерами, внутренним судоходством и т.д.

ДЕБЕНЭ: Это единственный известный вам случай?

ВИММЕР: Да, это единственный известный мне случай.

ДЕБЕНЭ: В каком году это было?

ВИММЕР: Мне кажется, это было... Минуточку... это было во всяком случае, в 1944 году, по-моему, летом.

ДЕБЕНЭ: Не помните ли Вы об увольнении генерального секретаря по вопросам национальной обороны г-на Рингелина?

ВИММЕР: Смещение генерального секретаря по вопросам обороны страны входило в компетенцию не рейхскомиссара, а командующего войсками в Голландии, так как по декрету фюрера всеми военными вопросами ведал командующий войсками.

ДЕБЕНЭ: Почему он был уволен?

ВИММЕР: Этого я не знаю.

ДЕБЕНЭ: Постарайтесь собраться с мыслями с помощью отчета Зейсс-Инкварта, и мы посмотрим, было ли это произведено на основании соглашения с командующим вооруженных

13489

H1206 – 0469

H1206 – 0470

сил. Вот что писал подсудимый: "Один из генеральных секретарей..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ/прерывая/: Господин Дебенэ, свидетель, очевидно, ничего об этом не знает.

ДЕБЕНЭ: Он говорит, Господин Председатель, что он ничего не знает о причинах, однако добавляет, что это было сделано по согласованию с военными властями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот вопрос входил в компетенцию военных властей и он об этом не знает. Вот что он сказал.

НИММЕР: Все дела министерства обороны страны попали в сферу компетенции командующего войсками в Нидерландах, так как, само собой разумеется, именно это министерство ведало всеми военными вопросами в Нидерландах, и ясно, что теперь все это переходило к немецкому командующему, как к военному представителю империи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если у Вас есть документ, подтверждающий, что этот человек был уволен Зейсс-Инквартом, то Вы можете предъявить его свидетелю.

ДЕБЕНЭ: Я хотел лишь показать, что он дал неправильный ответ, огласив четыре строки из этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как я уже сказал, если у Вас есть документ, доказывающий, что этот человек был уволен Зейсс-Инквартом, то Вы можете его предъявить свидетелю.

ДЕБЕНЭ: Именно это я и собирался сделать, Господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну что же... тогда предъявите этот документ свидетелю.

ДЕБЕНЕ: У меня нет оригинала на немецком языке, я передал его вчера Секретарю Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Зачитайте его синхронно. Г-н Дебенэ, зачитайте его.

ДЕБЕНЕ: Именно это я хочу сейчас сделать, Господин Председатель. Вот что писал Зейсс-Инкварт:

"Один из генеральных секретарей попытался использовать авторитет Винкельмана. Винкельман был начальником военной администрации по вопросу о продолжении работы военных предприятий для германских вооруженных сил. Однако, этот чиновник..."

ВИММЕР: Я не понял, еще раз зачитайте, пожалуйста, два последних предложения, я их не понял.

ДЕБЕНЕ: "...по вопросу о продолжении работы военных предприятий для германских вооруженных сил. Однако, этот чиновник был немедленно уволен".

ВИММЕР: Но ведь в документе не сказано, что именно рейхскомиссар сместил этого чиновника?

ДЕБЕНЕ: Конечно, не сказано, что рейхскомиссар сделал это. Однако, из оглашенного явствует по меньшей мере, что рейхскомиссар указывает в своем отчете, что если какой-либо чиновник независимо от занимаемого им поста не подчинится отданному ему приказу, его сместят с поста, и этот случай рейхскомиссар приводит в качестве примера.

ВИММЕР: Здесь речь идет о военном секторе. А я говорил только о гражданских делах, которыми и ведал рейхскомиссар. Вполне понятно и возможно, что рейхскомиссар в своем отчете Гитлеру писал также и о других вопросах: он отвечал за защиту имперских интересов в Голландии и поэтому мог сообщать о том, что не входило в непосредст-

13491

H1206 – 0471

H1206 – 0472

менно в сферу его деятельности. Я также не совсем уверен, что в этом деле с чиновниками и рабочими подразумевается именно генеральный секретарь по вопросам обороны страны.

ДРЕЙФУС: Ну, хорошо, перейдем к следующему вопросу.

Разве Вы не потребовали от генерального секретаря по вопросам народного просвещения, чтобы он перевез лаборатории из Камерлинск-Онесса в Лейдене, где они должны были быть переданы в распоряжение германских властей для произведения исследовательских работ в области атомной энергии.

ВИММЕР: В Нидерландах, но не в Германии.

ДРЕЙФУС: Но если это было сделано не для Германии, то генеральный секретарь сам легко мог бы решить этот вопрос, так что вам вовсе не было необходимости вмешиваться в это дело?

ВИММЕР: Это было мероприятие, проведение которого потребовали из империи, причем оно проводилось так, что все материалы, машины и т.д. остались в Голландии, и германские ученые получили возможность заниматься там своими исследованиями. Впрочем я не верю, что речь шла об атоме. Кто это утверждает?

ДРЕЙФУС: Вы заявили, что крупные публичные библиотеки и частные библиотеки не были конфискованы и вывезены в рейх? Вы это только что сказали. Не правда ли?

ВИММЕР: Только что? Мы сейчас о библиотеках вовсе не говорили.

ДРЕЙФУС: Но совсем недавно, когда Вас допрашивал защитник Зейсс-Инкварта, может быть, я вас неправильно понял, но Вы сказали, что библиотеки не были вывезены

из Нидерландов в рейх.

ВИММЕР: Я этого не говорил. Я прошу показать мне соответствующее место в протоколе.

ДЕВИНА: В таком случае это недоразумение.

Разве профессорам Амстердамского университета не грозила смертная казнь, если они просили отставки? Разве Вы лично не угрожали им смертной казнью?

ВИММЕР: Я никогда сам не угрожал, таким образом и не слышал о подобной угрозе. Я считаю совершенно невероятным, чтобы кто-нибудь выступал с такими угрозами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы сейчас об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до I4.VI-I946 г., I0.00/.

13493

H1206 – 0473

H1206 – 0474

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от I4 июня 1946 г.

/Утреннее заседание/.

Встать, Суд идет!

/К микрофону подходит представитель французского обвинения - г.Дебенэ/.

Г-н ДЕБЕНЭ. Я хочу задать свидетелю еще несколько вопросов.

Свидетель, в связи с ответами, которые Вы дали вчера по вопросу о разграблении и отправке в Германию библиотек, я хотел бы вам огласить несколько строк из документа, который я позавчера пред"явил Трибуналу под номером Ф-803 - РФ-I525, он находится на 34-й странице французского текста.

Это отчет министерства просвещения и искусств Нидерландов. Там сказано:

"Коллекции, а также библиотеки международного института социальных наук в Амстердаме были закрыты и библиотека, в которой около I50 тысяч томов, была увезена в Германию так же, как и значительные подборки газет. Библиотека Розенталиана в Университете в Амстердаме, являвшаяся собственностью общины, была размещена в I50 ящиках и увезена в Германию. Знаменитые коллекции по естественной истории в университете Св.Игнатия в Монт-Фоконе /Фалькенбург/ и музей естественной истории в Маастрихте были увезены в Германию вместе с библиотекой, которая составляет часть этого музея.

В I940 году все имущество франк-масонской ложи было конфисковано и увезено в Германию; в том числе и знаменитая библиотека Клаусона.

13494

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, не прочли ли Вы уже достаточно для того, чтобы осветить в необходимой степени Ваш вопрос? Мы уже получили этот документ и Вы уже перечислили полдюжины библиотек, которые, как Вы утверждаете, были вывезены в Германию, и, я полагаю, Вы хотите знать то, что может показать свидетель по этому вопросу. Нет необходимости углубляться во все эти детали.

Г-н ДЕБЕНЭ: Каково ваше мнение, свидетель, об этом отчете? Верны ли изложенные в нем факты?

ВИММЕР: Поставленный Вами вопрос был частично вчера разобран здесь, а именно в той степени, в какой здесь речь идет о конфискации имущества масонских лож. Здесь вчера уже говорили, - и я подтвердил это, - что было конфисковано имущество организаций, а не лиц, принадлежавших к этим организациям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не ответ на вопрос. Вам был задан вопрос о том, правда ли, что эти библиотеки были вывезены в Германию?

ВИММЕР: Об отправке этих библиотек мне ничего не-известно.

Г-н ДЕБЕНЭ: Следовательно, вы продолжаете утверждать, что библиотека Розенталиана оставалась в Нидерландах?

ВИММЕР: Библиотека Розенталиана? Да, я это утверждал.

Г-н ДЕБЕНЭ: Да, Розенталиана. Вы видите, что в этом отчете указывается, эта библиотека была размещена в 153 ящиках и увезена в Германию?

ВИММЕР: Вы имеете ввиду Розенталиану?

Г-н ДЕБЕНЭ: Да, Розенталиану.

ВИММЕР: Во всяком случае, мне известно, что рейхс-

H1206 - 0475

H1206 - 0476

комиссар издал указание о том, что эта библиотека должна остаться в Амстердаме. Если, все-таки, эта библиотека была увезена оттуда, то это произошло вопреки указаниям рейхскомиссара и я об этом ничего не знаю.

Г-н ДЕБЕНЭ: Однако, именно ~~на~~ вам было поручено руководство в области просвещения, по крайней мере, контроль в области просвещения и изящных искусств?.

ВИММЕР: Да, но не в области изящных искусств.

Г-н ДЕБЕНЭ: Но в вашем ведении находились библиотеки и университеты?

ВИММЕР: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кажется странным, что вы не были об этом информированы.

ВИММЕР: Мне неизвестно, была ли эта библиотека отправлена или нет.

Г-н ДЕБЕНЭ: Будем продолжать. В соответствии с показаниями, которые были вами даны вчера вечером, представляется, что вы утверждаете, что рейхскомиссар делал все возможное для блага нидерландского народа, - не так ли?

ВИММЕР: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: Во всяком случае, он при любой возможности делал все для того, чтобы избежать худшего... не так ли?

ВИММЕР: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: С другой стороны, вам известно, что много людей в этой стране было помещено под стражу, угнано и расстреляно; что тяжелый гнет был наложен на этот народ во всех сферах жизни под угрозой суровых наказаний и карательных действий. Наконец, вам известно, что эта страна была разграблена.Кто же были те люди,которые отдавали приказы

о совершении этих преступлений и кто совершил их?

ВИММЕР: Я сказал, что рейхскомиссар сделал для страны все, что он мог и препятствовал тому, чему мог. За пять лет оккупации должны были быть приняты такие меры, которые иной раз оказывались тяжелыми для страны; этого факта я не оспаривал, да он и неоспорим. Но я просил бы Вас более конкретно формулировать Ваши вопросы и назвать те акции, которые Вы считаете преступными. Вопрос поставлен в слишком общих чертах, так что я не могу ответить на него "да" или "нет", и вообще дать достаточно короткий ответ.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кто отдавал приказы об арестах?

ВИММЕР: Повторите, пожалуйста.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кто отдавал приказы об этих арестах?

ВИММЕР: Какие аресты вы имеете ввиду?

Г-н ДЕБЕНЭ: Аресты нидерландских жителей, конечно.

ВИММЕР: Что Вы сказали?

Г-н ДЕБЕНЭ: Аресты нидерландских жителей.

ВИММЕР: Приказы об этих арестах издавались высшим начальником СС и полиции. Это был шеф полиции.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кто издал приказы о содержании под стражей?

ВИММЕР: Какое содержание под стражей Вы имеете ввиду? Вы имеете ввиду заключение в концентрационные лагери?

Г-н ДЕБЕНЭ: В концентрационные лагери и в лагери для интернированных.

ВИМЕР: Эти приказы отдавал также высший начальник СС и полиции. Это входило в сферу его компетенции.

Г-н ДЕБЕНЭ: Кто составлял списки заложников?

ВИММЕР: Полиция.

H1206 - 0477

H1206 – 0478

Г-н ДЕВЕНЗ: Кто назначил Раутера комиссаром общественной безопасности?

ВИММЕР: Он был назначен рейхскомиссаром на пост генерального комиссара по вопросам безопасности. Но главной его функцией была функция высшего начальника СС и полиции. На этот пост он был назначен рейхсфюрером СС.

Г-н ДЕВЕНЗ: Но он ведь был назначен /я думаю, вам известен этот приказ/, он был назначен для того, чтобы помогать рейхскомиссару в вопросах, касающихся полиции и общественной безопасности?

ВИММЕР: Он должен был находиться в распоряжении рейхскомиссара, но рейхскомиссар не имел права давать указания высшему начальнику СС и полиции. Это право принадлежало рейхсфюреру СС. Рейхсфюрер СС желал, чтобы высший начальник СС и полиции одновременно получал звание генерального секретаря по вопросам общественной безопасности. Первоначально он не должен был быть назначен генеральным комиссаром.

Г-н ДЕВЕНЗ: Следовательно, вы считаете, что Зейсс - Инкварт не имел никакой власти над Раугером?

ВИММЕР: Так точно.

Г-н ДЕВЕНЗ: Прекрасно. В таком случае я оглашу вам документ, а вы изложите свои соображения, а именно - действительно ли Зейсс-Инкварт не имел полномочий, вы также постарайтесь дать свои об"яснения.

Этот документ 3430-ПС, который уже был представлен под № США-708. Это-выдержки из речей Зейсс-Инкварта в Голландии; они помещены на странидах I24-I25 немецкого текста. Я передам Трибуналу этот документ.

Он также должен быть помещен в досье Зейсс-Инкварта.

Я не могу назвать точно страницу, но я полагаю, что это страница 57 или 58.

Зейсс-Инкварт в речи от 28 января 1944 года сказал:

"Я отдам приказы и они должны неуклонно проводиться в жизнь всеми. В создавшейся в настоящее время ситуации, отказ выполнить такие приказы не может быть квалифицирован иначе, чем саботаж. Также несомненно то, что мы теперь больше, чем когда-либо, должны подавлять любое сопротивление, направленное против этой борьбы за существование".

И далее он говорит:

"В то время, когда наши мужья, наши сыновья и наши отцы, проявляя железную выдержку, смотрят прямо в лицо своей судьбе, принося величайшие жертвы, не может существовать положения, при котором мы могли терпеть существование заговоров, которые стремятся создать неуверенность в тылу восточного Фронта. Тот, кто осмеливается на это должен быть уничтожен".

Если бы Зейсс-Инкварт не обладал властью как полицией, разве смог бы он произнести такую речь и сказать, что он издаст такие приказы?

ВИММЕР: Я не сказал, что Зейсс-Инкварт по отношению к полиции не имел никакой власти. Я сказал только, что приказы исходили от высшего начальника СС и полиции. Отношения между рейхскомиссаром и полицией были следующие: рейхскомиссар, конечно, мог обращаться к полиции, если он нуждался в ней, но его желания оставались только желаниями и не становились обязательным приказом. В тех

H1206 – 0479

H1206 – 0480

случаях, когда речь шла об очень важных вопросах, полиция обычно связывалась с рейхсфюрером СС или с его ведомством и только в случае, если это ведомство давало согласие, желание рейхскомиссара могло быть осуществлено полицией.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вопрос был значительно более прост, чем ответ. Мог ли он, - "да" или "нет", - издавать приказы в случаях, подобных упомянутым в этой речи, и делал ли он это? Он ведь сам это сказал?

ВИММЕР: Он мог выдвигать те или иные требования, но не мог издавать приказов.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я констатирую лишь, что вы не согласны с речью Зейсс-Инкварта.

Сейчас я остановлю ваше внимание на другом документе, а вы скажете как вы об"ясните, почему Зейсс-Инкварт, как вы говорите мог только отдавать директивы, а не издавать приказы. Это-документ Ф-860, который я пред"явил вчера. Это-письмо Зейсс-Инкварта доктору Ламмерсу. В этом письме он пишет, что он хотел реорганизовать нидерландскую полицию по образцу германской полиции; в том же документе он высказывает свое мнение о том, что полиция должна быть наиболее сильным выражением внутреннего управления страны, что она не должна подчиняться этому управлению. Вот что говорит Зейсс-Инкварт. Как можете Вы согласовать ваш ответ с тем, что пишет Зейсс-Инкварт?

ВИММЕР: Что касается этой реорганизации, то она была произведена не по инициативе рейхскомиссара, а исходила от самой полиции. При этой реорганизации рейхскомиссар точно так же, как и я, пытался подействовать в том направлении, чтобы нидерландская полиция не была

полностью отделена от администрации, как это в значительной степени имело место в Германии и к чему стремилась германская полиция также и в Нидерландах.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы противоречите тому, что пишет в этом документе сам Зейсс-Инкварт.

Как вы об"ясните то, что пишет далее Зейсс-Инкварт в том же самом документе:

"Я не хотел бы назначать главой Трибунала высшего руководителя СС и полиции, поскольку такое назначение означает для голландцев ограничение власти рейхскомиссара, который назначен фюрером для того, чтобы блюсти интересы империи. Но я лично дал высшему руководителю СС и полиции широкие полномочия, которыми располагает магистрат".

ВИММЕР: Я прошу вас еще раз огласить эту фразу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебенэ, не думаете ли Вы, что документ имеется перед нами?

Г-н ДЕБЕНЭ: Да, Господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вряд-ли есть смысл вступать со свидетелем в пререкания по этому поводу.

Г-н ДЕБЕНЭ: Я не буду настаивать на этом, Г-н Председатель /обращаясь к свидетелю/. Свидетель, как Вы об"ясните тот факт, что Менгарт /вы ознакомились с документом вчера, вам его передал защитник. Это протокол допроса Менгарта после покушения на Раутера/ утром после проведения расследования отправился к Зейсс-Инкварту и что Зейсс-Инкварт отдал ему приказ - как он сам говорит в этом документе - о принятии наиболее суровых карательных мер и о казни 200 заключенных в целях терроризирования населения?

H1206 - 0481

H1206 – 0482

ВИММЕР: Вчера на этот вопрос я дал по моему, самый исчерпывающий ответ и сообщил все, что мне известно по этому поводу.

Г-н ДЕБЕНЭ: Дайте мне об"яснения, о чем я вас и прошу сейчас.

ВИММЕР: Вчера я уже об"яснил, что бригаденфюрер СС Шенгарт пришел ко мне и коротко говоря изложил дело таким образом, что рейхсфюрер СС потребовал расстрела более 500 заложников, но что ему, Шенгарту, действовавшему по совету рейхскомиссара удалось сократить это число до 200. Об этом я уже говорил вчера.

Г-н ДЕБЕНЭ: Вы утверждаете, что он получил приказ до того, как он получил указание от рейхскомиссара?

ВИММЕР: Не от рейхскомиссара, а от рейхсфюрера СС.

Г-н ДЕБЕНЭ: Да, от рейхсфюрера СС.

ВИММЕР: Я могу только сказать, что бригаденфюрер Шенгарт так изложил мне это дело. Я не присутствовал при его телефонном разговоре с рейхсфюрером СС.

Г-н ДЕБЕНЭ: Прекрасно. Не участвовали ли Вы сами в совещании, в ходе которого были указаны конкретные лица в качестве заложников?

ВИММЕР: На совещании?

Г-н ДЕБЕНЭ: Да, на совещании, или на заседании, если вы так предпочитаете.

ВИММЕР: Да.

Г-н ДЕБЕНЭ: В связи с чем имело место это совещание?

ВИММЕР: Я помню, что в связи с событием в Роттердаме рейхскомиссар провел совещание с генеральными комиссарами, и

на этом совещании он сделал соответствующее сообщение.

Г-н ДЕБЕНЭ. Участвовали ли вы в совещании с генералом Христиансеном?

ВИММЕР. С уверенностью я не могу этого утверждать, но думаю, что, да.

Г-н ДЕБЕНЭ. Знаете ли Вы, что было сказано Зейсс-Инквартом на этом совещании и какую позицию он занял?

ВИММЕР. Он занял следующую позицию. Касаясь намерения вооруженных сил расстрелять 50 или, как я слышал вчера, 25 заложников, он заявил, что оно является невыполнимым и безмерным. Вчера я уже говорил, что рейхскомиссару после неоднократных выступлений с возражениями удалось убедить представителей вооруженных сил согласиться на расстрел пяти заложников.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дебенэ, все эти вопросы обсуждались при допросе самого Зейсс-Инкварта, не так ли?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А также и при допросе этого свидетеля?

Г-н ДЕБЕНЭ. Да, Г-н Председатель. Я хотел только установить, что этот свидетель согласен с тем документом, который я представил Трибуналу.

У меня больше нет вопросов, Г-н Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, хотите ли Вы подвергнуть этого свидетеля повторному допросу.

ШТЕЙНБАУЭР (Защитник подсудимого Зейсс-Инкварта). Господин председатель, у меня к этому свидетелю вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае, свидетель может удалиться.

(Свидетеля уводят).

H1206 – 0483

H1206 – 0484

ШТЕЙНБАУЭР. С разрешения суда я вызываю в качестве свидетеля доктора Гиршфельда.

(Доктор Гейнц Макс Гиршфельд занимает место за свидетельским пультом).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (обращаясь к свидетелю). Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Гейнц Макс Гиршфельд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: Клянусь богом, всемогущим и всевидящим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю. (Свидетель повторил слова присяги).

Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, когда 12 мая 1940 года произошла оккупация Нидерландов, не были ли Вы генеральным секретарем министерства экономики и сельского хозяйства?

ГИРШФЕЛЬД. Прежде чем ответить на ваш вопрос, я хотел бы сказать, что я предпочел бы говорить на голландском языке. Но чтобы не задерживать допроса, я буду говорить на том иностранном языке, который я лучше всего знаю, т.е. на немецком языке. На ваш вопрос я отвечаю – да.

ШТЕЙНБАУЭР. Не вели ли вы, занимая эту должность, дела обоих министерств до конца оккупации?

ГИРШФЕЛЬД. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Верно ли, что рейхскомиссар на первом заседании заявил всем генеральным секретарям, что он ожидает от них лояльного исполнения обязанностей, но что генеральным секретарям ничего не следует опасаться в том случае, если они пожелают уйти в отставку?

ГИРФЕЛЬД. В данном случае я хотел бы сказать, что нидерландские генеральные секретари, получившие поручение от нидерландского правительства остаться в Голландии, заявили тогдашнему рейхскомиссару, что в интересах нидерландского народа они останутся на своей должности после того, как получат на это разрешение от главнокомандующего нидерландской армией, который имел тогда полномочия нидерландского правительства.

На вопрос рейхскомиссара мы с этой оговоркой дали утвердительный ответ, что касается его замечания относительно последствий отставки, то мы ответили, что в нашем решении это не играет никакой роли.

ШТЕЙНБАУЭР. Скажите, получали ли свою пенсию те генеральные секретари, которые ушли в отставку, как, например, Трип, президент Нидерландского банка?

ГИРФЕЛЬД. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Генеральный секретарь министерства внутренних дел Фредерикс оставался на своей должности до сентября 1944 года?

ГИРФЕЛЬД. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Сейчас мы перейдем к вашему собственному ведомству, а именно к министерству экономики и сельского хозяйства. Вмешивался ли рейхскомиссар в управление вашим министерством? В данном случае я имею в виду следующий момент: не перемещал ли и не смещал ли он чиновников ведомства снабжения?

ГИРФЕЛЬД. Рейхскомиссар сам лично не вмешивался. Его органы много раз пытались сделать это, но мы дали им отпор.

H1206 – 0485

H1206 – 0486

ШТЕЙНБАУЭР. Существовал так называемый государственно-политический секретариат НСБ. Имел ли он влияние на администрацию?

ГИРМФЕЛЬД. Согласно распоряжению тогдашнего рейхскомиссара этот государственно-политический секретариат не имел никакого влияния на нидерландскую администрацию. Я хотел бы добавить, что в результате произведенных впоследствии назначений генеральных секретарей НСБ они получили определенное влияние де-факто; это влияние существовало в ряде областей, но только не в моей.

ШТЕЙНБАУЭР. Правда ли, что рейхскомиссар оставил на посту начальника ведомства снабжения Лауеса, так как это было нужно для обеспечения народа продовольствием, хотя было известно, что он враждебно настроен по отношению к немцам?

ГИРМФЕЛЬД. Мне кажется, что все нидерландские чиновники, которые были тогда оставлены правительством, занимали такую же позицию, как и г-н Лауес, просто г-н Лауес был оставлен на своем посту.

ШТЕЙНБАУЭР. Лауес несмотря на то, что требовали его увольнения?

ГИРМФЕЛЬД. Мне сообщил тогда об этом господин фон дер Бензе.

ШТЕЙНБАУЭР. Промысловое хозяйство было реорганизовано. Произошло ли это согласно приказанию рейхскомиссара или по распоряжению генерального секретаря?

ГИРМФЕЛЬД. Реорганизация промыслового хозяйства была проведена в силу распоряжения, которое было подписано мной, хотя вначале имелся проект, который должен был быть подписан рейхскомиссаром. Я возражал против этого, ххххх

так как считал, что речь идет о внутреннем голландском деле и что если это распоряжение будет подписано только мной, тем самым мы сможем избежать опасности немецкого вмешательства в это дело.

ШТЕЙНБАУЭР. Рейхскомиссар организовал сельское хозяйство, создав, так называемый ландштанд. Получил ли Ландштанд какую-либо исполнительную власть?

ГИРШФЕЛЬД. Нет, он такой власти не получил. Могу добавить, что в одной из личных бесед с рейхскомиссаром я просил его не создавать Ландштанда.

ШТЕЙНБАУЭР. Применялся ли в Нидерландах в значительном масштабе декрет о трудовой повинности 1941 г.?

ГИРШФЕЛЬД. Насколько мне известно, декрет о трудовой повинности в Нидерландах применялся очень мало, но зато значительное количество нидерландских рабочих было отправлено из Нидерландов в Германию.

ШТЕЙНБАУЭР. Затем проводился отбор людей, годных к военной службе, главным образом, в Роттердаме и Гааге. Кто осуществлял это мероприятие?

ГИРШФЕЛЬД. Какое мероприятие вы имеете в виду?

ШТЕЙНБАУЭР. Отбор годных к военной службе людей.

ГИРШФЕЛЬД. В 1944 г.?

ШТЕЙНБАУЭР. В 1944 г.

ГИРШФЕЛЬД. Это мероприятие было проведено германскими вооруженными силами.

ШТЕЙНБАУЭР. Не пытался ли рейхскомиссар ослабить эффективность этого мероприятия путем выдачи документов об освобождении от воинской повинности, в частности, в Вашем ведомстве?

H1206 – 0487

H1206 – 0488

ГИРШФЕЛЬД. Мне почти ничего не было тогда известно о выдаче таких документов.

ШТЕЙНБАУЭР. В Роттердаме и в Амстердаме были взорваны верфи и портовые сооружения. Что Вам известно о позиции рейхскомиссара в этом вопросе?

ГИРШФЕЛЬД. Мне об этом известно только по высказываниям уполномоченного рейхскомиссара в Роттердаме, Фелькерса о том, что рейхскомиссар выступал против этих мероприятий и обращался по этому поводу в органы вооруженных сил.

ШТЕЙНБАУЭР. Я хочу заметить, что письменные показания Фелькерса еще не прибыли, поэтому я и задал сейчас этот вопрос. Вы подтверждаете, господин свидетель, что благодаря вмешательству рейхскомиссара территория в 100.000 гектаров, которую должны были затопить, была спасена?

ГИРШФЕЛЬД. Мне известно, что благодаря вмешательству рейхскомиссара или его ведомства все территории, которые, в частности, в 1943 г. должны были быть затоплены, были значительно ограничены, но точного об"ема этого ограничения я не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР. Вы имеете в виду 1943 год? Вы оговорились, господин свидетель, ведь вы имеете в виду 1943 год?

ГИРШФЕЛЬД. Да, 1943 г.

ШТЕЙНБАУЭР. Возможно ли, чтобы эта цифра 100 тысяч гектаров – являлась правильной?

ГИРШФЕЛЬД. Я помню, что это составляло, примерно, половину того, что немецкое командование намеревалось затопить.

ШТЕЙНБАУЭР. Правильно ли, что рейхскомиссар, учитывая возможность ~~важность~~ блокады, своевременно перевел сельское хозяйство

на производство продуктов питания?

ГИРНФЕЛЬД. Когда в 1940 году Нидерланды были заняты германскими войсками, те учреждения, которые занимались вопросами сельского хозяйства придерживались мнения, что необходима реорганизация сельского хозяйства. Рейхскомиссар и его ведомство не мешали нам в этой работе.

ШТЕЙНБАУЭР. Правильно ли, в частности, что высококачественное поголовье скота в Нидерландах было сохранено благодаря этим мероприятиям?

ГИРНФЕЛЬД. Насколько я знаю, поголовье скота в Нидерландах за время оккупации сократилось на 30 процентов. Мероприятия по реорганизации сельского хозяйства позволили сохранить эти 70 процентов до конца войны, после чего количество свиней резко сократилось, а птица была почти полностью уничтожена.

ШТЕЙНБАУЭР. Здесь очень подробно обсуждался вопрос об эмбарго 1944 года. У меня по этому поводу будет к вам один вопрос. Когда вы впервые говорили с подсудимым Зейсс-Инквартом относительно снятия эмбарго?

ГИРНФЕЛЬД. Чтобы ответить на этот вопрос, я должен начать несколько издалека. Когда стало известно о забастовке железнодорожников, г-н фон дер Вензе нанес визит г-ну Лаузу и мне 22 сентября 1944 г. По поручению рейхскомиссара он выразил надежду, что г-н Лаузе и я обратимся к железнодорожникам с призывом прекратить забастовку в интересах обеспечения страны продовольствием. Если мы этого не сделаем, то будут немедленно приняты контрмеры, которые поставят нидерландское население на западе страны перед перспективой голода. Мы отклонили

13509

H1206 – 0489

H1206 – 0490

это предложение, попросили фон дер Бензе сообщить рейхскомиссару, что репрессалии против населения в связи с забастовкой железнодорожников возложат всю ответственность за голод – на рейхскомиссара. Это была решающая беседа. Несмотря на это было об"явлено эмбарго. Тогда в различные инстанции ведомства рейхскомиссара стали поступать протесты и 16 октября 1944 г. состоялось первое совещание, на котором было сообщено о том, что имеется намерение снять эмбарго.

ШТЕЙНБАУЭР. Правильно ли, что к несчастью, как раз в тот год холода наступили раньше, чем обычно?

ГИРШФЕЛЬД. Может быть, они и наступили немного раньше, но при голландском климате об этом трудно сказать что-нибудь определенное. Мы в Голландии постоянно указывали – я сам сделал такое сообщение для прессы – что всегда приходится считаться с возможностью раннего наступления холодов.

ШТЕЙНБАУЭР. Когда угрожало вторжение и большинство населения было мобилизовано на строительство укреплений, рейхскомиссар по Вашей просьбе принял решение досрочно отпустить домой большую часть сельскохозяйственных рабочих, не так ли?

ГИРШФЕЛЬД. Мне известны два случая: в первом случае речь идет о рабочих из больших городов, которые должны были быть посланы в северо-восточные провинции копать картофель, при этом было заявлено, что эти рабочие не будут использоваться на оборонительных работах. Это обещание было выполнено. Во втором случае речь идет о рабочих в провинции Тренте, которые уже приступили к постройке укреплений и также были освобождены от работы и направлены копать картофель.

ШТЕЙНБАУЭР. Я, к сожалению, не смог допросить по финансовым вопросам г-на Фимбека. Но Вам известно, что г-н Трипп, который ушел в отставку в связи с тем, что был наложен арест на девизы, был оставлен рейхскомиссаром в банке международных расчетов с согласия министра экономика Функа?

ГИРФЕЛЬД. Я помню, что г-н Трипп намеревался тогда уйти в отставку с поста члена правления международного банка. Когда об этом стало известно, то немцы были явно напуганы и г-на Трипа попросили не уходить в отставку, и я знаю, что он не ушел. Каковы же были истинные причины этого - мне неизвестно.

ШТЕЙНБАУЭР. И, наконец, два последних, но очень важных вопроса. У нас имеется приказ имперских органов под названием "Выжженная земля". Этот приказ был издан в марте 1945 г. для Нидерландов. В Нидерландах должны быть разрушены плотины, водоотливные установки и плотины. Известно ли Вам, какую позицию занял рейхскомиссар по этому очень важному вопросу и говорили ли Вы с ним по этому поводу?

ГИРФЕЛЬД. Этот вопрос впервые обсуждался во время одной беседы, которая состоялась у меня 14 декабря 1944 г. с подсудимым. Во время этой беседы он сообщил мне, что, учитывая развитие военной обстановки, у него возникает опасение, что вооруженные силы, получат приказ уничтожить западную часть страны. Он со мной обсуждал вопрос: в какой степени можно будет уберечь здания от боевых действий западные районы Нидерландов. 7 января 1945 года эта беседа была продолжена. После этой беседы я попытался связаться с Лондоном, но мне не удалось получить ответа на свои вопросы. Сообщения передавались тогда при помощи

H1206-0491

H1206 – 0492

тайной радиопередаточной установки. Я так и не мог узнать, было ли принято хоть одно из этих сообщений. Затем рейхскомиссар посетил меня 2 апреля и сообщил о том, что получен приказ под названием "Выжженная земля" и что он по поводу этого приказа нанес визит Шпееру. Шпеер заявил ему тогда, что рейхскомиссар в гражданском секторе не должен проводить этот приказ, но что в дела вооруженных сил Шпеер не может вмешиваться. Поэтому рейхскомиссар нанес визит генералу Бласковицу, который ему ответил, что приказ есть приказ, но если может быть найден какой-нибудь путь уклониться от этого приказа, то Бласковиц будет готов сделать все, что можно. После этого рейхскомиссар спросил меня, в какой степени мне кажется возможным предпринять что-нибудь.

В апреле 1945 года я по телеграфу послал в Лондон сообщение об этом. Мне подтвердили, что оно было получено в Лондоне. На основании этого завязались дальнейшие переговоры.

ШТЕЙНБАУЕР. Последний вопрос: установил ли рейхскомиссар в противоположность центральным органам связь с доверенными лицами, представлявшими движение сопротивления, или для того, чтобы поскорее закончить войну?

ГИРПФЕЛЬД. Несколько дней спустя после беседы 2 апреля 1945 года у меня состоялась беседа с тогдашним уполномоченным рейхскомиссара Шебедем. Он задал мне вопрос, в какой степени рейхскомиссар может установить связь с доверенными лицами, представлявшими движение сопротивления и подходят ли для этой цели несколько названных им лиц. Я дал утвердительный ответ на этот вопрос.

ШТЕЙНБАУЭР. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие защитники задать вопрос свидетелю?

ЗАУТЕР (защитник подсудимого Функа). Я прошу разрешения задать несколько вопросов свидетелю.

Господин доктор Гиршфельд, Вы сообщили, что Ваш президент голландского государственного банка, доктор Трип остался в административном совете банка международных расчетов в Базеле, после того, как сложил с себя пост президента голландского банка. Это Вы здесь заявили. Сейчас меня интересует такой вопрос. Не известно ли Вам, что тогдашний имперский министр экономики Функ специально ходатайствовал в Базеле о том, чтобы д-р Трип мог остаться в международном банке в Базеле, хотя доктор Трип не имел уже полномочий представлять там голландские интересы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, какое это имеет отношение к Вам?

ЗАУТЕР. Во время опроса подсудимого Зейсс-Инкварта французским Обвинением упоминалось, что бывший президент голландского государственного банка доктор Трип был вынужден подать в отставку или подал в отставку, а на основании этого подсудимому Зейсс-Инкварту предъявили очередное обвинение. Я, как защитник подсудимого Функа, хочу показать, что подсудимый Функ как раз вступился за д-ра Трипа, как президента голландского государственного банка и постарался, чтобы доктор Трип мог остаться в Базельском международном банке.

Мне кажется, что этот факт играет определенную роль.

H1206 – 0493

H1206 – 0494

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, Трибунал считает, что это столь отдаленно относится к делу и настолько незначительно, что будет напрасной тратой времени для Трибунала останавливаться на подобном вопросе.

ЗАУТЕР. Хорошо, господин председатель. Тогда я поставлю другой вопрос.

Известно ли вам, г-н свидетель, что когда доктор Функ был президентом имперского банка, то были выкуплены акции рейхсбанка, находившиеся в распоряжении голландских капиталистов, причем в кругах голландских капиталистов все признавали, что д-р Функ произвел этот выкуп самым корректным образом.

ГИРШФЕЛЬД. Мне ничего неизвестно о выкупе акций рейхсбанка.

ЗАУТЕР. Известно ли Вам что-нибудь, господин доктор Гиршфельд, о том, какую позицию занимая в беседах с Вами доктор Функ по вопросу о клиринговых долгах?

ГИРШФЕЛЬД. Я с начала войны между Голландией и Германией вообще не говорил с Функом. Таким образом, во время войны он не делал мне никаких заявлений.

ЗАУТЕР. А может быть от третьих лиц вы знали, какую позицию занимал Функ в вопросе о клиринговых долгах?

ГИРШФЕЛЬД. Мне из различных сообщений и из публикации в прессе, было известно, что с германской стороны эти клиринговые долги рассматривались как реальные долги. Что касается голландской стороны, то мы никогда в это не верили. Когда мы следили за развитием событий, за созданием клирингового центра, во время войны, то можно было совершенно точно сказать, что эти долги не представляли де-факто никакой ценности. Как видно из различных сообщений

эти долги в ходе войны выросли больше чем на 42 миллиарда рейхсмарок. Назначенный Зейсс-Инквартом, президент голландского банка в своих годовых отчетах давал соотношение между рейхсмаркой и фунтом стерлингов, мы же в Голландии только смеялись над этим.

ЗАУТЕР. Господин д-р Гирцфельд, Вы только что сейчас упомянули о президенте нидерландского государственного банка, который был назначен Зейсс-Инквартом. Это был, по-моему, г-н Рост фон Тоннинген?

ГИРЦФЕЛЬД. Да.

ЗАУТЕР. Знаете ли Вы, что подсудимый Функ, тогдашний президент германского имперского банка противился назначению господина Роста фон Тоннингена и старался сделать так, чтобы д-р Трипп остался на посту президента нидерландского государственного банка?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, это снова тот же вопрос, не так ли? Это фактически тот же самый вопрос, в отношении которого мы заявили, что мы не хотим заслушивать его, а именно вопрос о поддержке Функом доктора Триппа.

ЗАУТЕР. Господин председатель? Вначале я хотел задать следующий вопрос: действительно ли Функ старался, чтобы доктор Трипп оставался в правлении международного банка в Базеле, хотя он фактически не имел полномочий представлять голландские интересы в этом банке. Вы отвергли этот вопрос как второстепенный. Сейчас я задаю следующий вопрос: выступал ли доктор Функ за то, чтобы голландец доктор Трипп оставался на посту президента голландского банка. Это мой последний вопрос, г-н председатель.

13515

H1206 – 0495

H1206 – 0496

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Известно-ли Вам...

ГИРНФЕЛЬД. Да, я хотел бы начать изложение при ответе на этот вопрос, так как для понимания этих событий необходимо знать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Постарайтесь весьма кратко осветить этот вопрос.

ГИРНФЕЛЬД... что рейхскомиссар г-р Фишбек потребовали назначения Роста фон Тонningена, несмотря на то, что было известно, что мы в Нидерландах считали его предателем. Этот вопрос обсуждался в Берлине, как мне сообщил Вольтат, германский комиссар в рейхсбанке. Это было, тогда, когда г-р Трип был вынужден подать в отставку. На основании этого сообщения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что Вас спросили о следующем: пытался ли Функ добиться назначения Трипа на пост председателя голландского банка, в то время как другое лицо было назначено на этот пост Зейсс-Инквартом. Что Вы знаете об этом?

ГИРНФЕЛЬД. Я знаю от Вольтата, что Функ пытался это сделать, но что Геринг принял другое решение по предложению рейхскомиссара и Фишбека.

ЗАУТЕР. Во всяком случае Вы подтверждаете, что Функ старался сохранить на посту президента голландского государственного банка голландца г-на Трипа?

ГИРНФЕЛЬД. Я подтверждаю это на основании сообщения Вольтата.

ЗАУТЕР. Благодарю. У меня нет больше вопросов, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочет ли кто-либо из Обвинения подверг-

нуть перекрестному допросу свидетеля?

/К микрофону подходит представитель французского обвинения г-н Дюбост/.

Г-н ДЮБОСТ: Скажите пожалуйста, какого характера приказы оставило Вам голландское правительство перед тем как оно выехало в Англию?

ГИРЛФЕЛЬД: Речь идет о письменном распоряжении нидерландского правительства, касавшемся всех чиновников голландской администрации. Оно было основано на принципах гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны.

Г-н ДЮБОСТ: Таким образом, эти приказы не подвергали опасности германскую армию?

ГИРЛФЕЛЬД: Нет.

Г-н ДЮБОСТ: В таком случае об"ясните, если Вы можете это сделать, почему в Голландии был установлен исключительный режим, поскольку она являлась единственной страной на западе, в которую был назначен гаулейтер немедленно после вторжения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите, пожалуйста, Ваш вопрос. Переводчик не понял вас.

Г-н ДЮБОСТ: Об"ясните пожалуйста, почему в Голландию немедленно после вторжения был назначен гаулейтер. Это была единственная западная страна, где такой факт имел место?

ГИРЛФЕЛЬД: Мы восприняли в свое время назначение рейхскомиссара, который выступал в Голландии в качестве начальника гражданской администрации, таким образом, что германское правительство имеет относительно Нидерландов какие-то политические замыслы, а не ограничивается защитой своих военных интересов оккупирующей державы.

13517

H1206 – 0497

H1206 – 0498

Г-н ДЮБОСТ: По Вашему мнению, Зейсс-Инкварт был назначен на следующий день после вторжения потому, что германское правительство намеревалось реорганизовать голландские национальные учреждения, вопреки общепринятому праву?

ГИРЛФЕЛЬД: Мы были убеждены в том, - и опыт подтвердил нашу правоту, - что все национал-социалистские ~~фашистские~~ учреждения и институты будут введены в Голландии и что будут стараться навязать их голландцам.

Г-н ДЮБОСТ: Эта попытка была предпринята?

ГИРЛФЕЛЬД: Да.

Г-н ДЮБОСТ: Правильно ли то, что во время оккупации значительное число членов голландской национал-социалистской партии возглавило полицию и выполнило германские приказы об аресте евреев, участников движения сопротивления и заложников?

ГИРЛФЕЛЬД: Да.

Г-н ДЮБОСТ: Когда эти аресты коснулись самой нидерландской полиции, производила ли она их потому, что ее к этому принуждали?

ГИРЛФЕЛЬД: Положение было таково. Если старые нидерландские полицейские принимали участие в таких делах, то они делали это только потому, что их принуждали, но были также голландские полицейские, которые были назначены немецкими властями; это были в основном члены нидерландской национал-социалистской партии. Часть этих людей добровольно предоставила себя в распоряжение полиции и была готова осуществлять все эти мерзкие дела.

Г-н ДЮБОСТ: Правильно ли, что в качестве заложников брали жен и детей тех чиновников голландской полиции, которые

отказывались выполнять приказы, отданные германскими властями?

ГИРПФЕЛЬД: Мне известно, что в различных случаях члены семей были взяты в качестве заложников, если полицейские чиновники отказывались выполнять те или иные приказы. Известно, далее, что это имело место не только в отношении полиции, но и в ряде других случаев.

Г-н ДОДОСТ: Здесь утверждали, что бриллианты, вывезенные из Арнгейма, были все найдены в Голландии. Это правильно?

ГИРПФЕЛЬД: Что было похищено в Арнгейме?

Г-н ДОДОСТ: Бриллианты.

ГИРПФЕЛЬД: Бриллианты. Это дело о бриллиантах является типичным примером того, как распоряжались голландской собственностью. Эти бриллианты находились в одном из банковских сейфов в Арнгейме. После высадки в Нормандии с германской стороны предпринимались попытки завладеть этими бриллиантами; от директора нидерландского учреждения, ведавшего драгоценностями, а потом от меня, потребовали ключи от этого сейфа. Мы отказались их дать. В день высадки воздушного десанта в Арнгейме немецкие войска взломали этот сейф. В нем нашли только половину бриллиантов, которая и была отправлена в Берлин в рейхсбанк. Так как я протестовал против таких действий, Фишбек заявил мне, что бриллианты отправлены в Берлин в рейхсбанк и находятся в надежных руках. Я потребовал от него, чтобы бриллианты были возвращены обратно. В то время было установлено, что половина находится еще, очевидно, в Арнгейме. Командование охраны

H1206 - 0499

H1206 - 0500

банка опять потребовало от меня ключей, которые были тогда у меня. Я отказался, после чего снова имел беседу с Фишбеком, которому все это дело было явно неприятно. Фишбек согласился с тем, чтобы все бриллианты, которые были найдены нами в Аргейме, были возвращены владельцам. Вторая половина, которая находилась в Берлине, могла быть возвращена обратно при том условии, чтобы она была помещена в банк в Восточной Голландии и находилась под охраной немцев. Я потребовал от Фишбека возвращения без всяких оговорок; он не мог, повидимому, согласиться на это. После освобождения Голландии эти бриллианты не были возвращены в Голландию и, насколько мне известно, они не возвращены до сих пор.

Г-н ДЮБОСТ: Вернул ли Зейсс-Инкварт имущество тысячи евреев, угнанных в Терезиенштадт?

ГИРШФЕЛЬД: Что касается евреев, угнанных в Терезиенштадт, то мне по этому вопросу известно следующее: Эти люди на основании обещаний, данных моему коллеге Фредерику, должны были находиться в особых условиях; мне ничего неизвестно о том, что им было возвращено их имущество. Я этого не думаю.

Г-н ДЮБОСТ: Было ли им возвращено их имущество?

ГИРШФЕЛЬД: Оно было конфисковано. Я не слышал, чтобы это конфискованное имущество было возвращено им вновь.

Г-н ДЮБОСТ: Зейсс-Инкварт показал, что в феврале 1941 года 400 евреев было перевезено из Амстердама в Маутхаузен в качестве карательной меры за то, что член национал-социалистской партии был убит в Амстердаме, причем в убийстве подозревали евреев. Что вам известно об этом?

ГРИПФЕЛЬД: Мне известно, что в феврале 1941 г. в Амстердаме создалось трудное положение. Во-первых, по-моему, 3000 рабочих с верфей подлежали насильственной отправке в Германию. Благодаря ~~многим~~ моим ходатайствам перед Зейсс-Инквартом этому удалось помешать. Однако из-за этого в Амстердаме возникли волнения. Во-вторых, уже тогда в Амстердаме начали арестовывать евреев и это послужило причиной для забастовки. Инцидент с 400 евреями, о котором Вы говорите, произошел после забастовки в Амстердаме, так как на этих евреев хотели возложить ответственность за забастовку. Сам Фишбек мне тогда говорил об этом и я ему сказал, что не верь этому, что это только предлог.

Г-н ДЕВОСТ: Если я вас правильно понял, эти евреи были арестованы в связи с тем, что население Амстердама было прртив их угона. В связи с этим имели место демонстрации и волнения, во время которых было убито несколько членов НСБ, в то время, когда они шли арестовать евреев еще до того, как были предприняты карательные действия.

ГИРПФЕЛЬД: Я помню, что в те дни амстердамские рабочие выступали против ареста евреев. Это привело к волнениям и к забастовке в Амстердаме. Как именно все это происходило, точно я не знаю.

Г-н ДЕВОСТ: Запретил ли Зейсс-Инкварт выдавать продовольственные карточки тем рабочим, которые уклонялись от отправки на работы в Германию?

ГИРПФЕЛЬД: Когда в мае 1940 г. были призваны очередные годовые контингенты для отправки на работу в Германию, 6 мая вышел циркуляр соответствующим нидерландским

H1206 – 0501

H1206 - 0502

властям, где говорилось, что рабочие, которые входили в состав этих контингентов, не должны больше получать продовольственных карточек. Об этом было сказано в декрете от 6 мая 1943 г., декрет был подписан одним из чиновников рейхскомиссариата по имени Эффгер. Мы получили этот декрет. И, хотя он пришел к нам в тот момент, когда уже действовали военно-полевые суды, голландские власти не выполнили этого декрета. Немцы об"ясняли тогда этот декрет следующим образом: "Кто не работает для Германии, тот не ест".

Г-н ДЭВОСТ: Зейсс-Инкварт утверждал, что те голландцы, которые уехали в Германию до 1942 г. были добровольцами. Соответствует ли это действительности?

ГИРФЕЛЬД: Нет. Они не могли быть все добровольцами, так как безработные в Голландии получали пособие по безработице. Вскоре после оккупации было издано распоряжение о том, что если безработные пригодны для работы в Германии и не хотят добровольно отправляться в Германию, то они не должны получать пособия. Таким образом, на них оказывалось экономическое давление.

Г-н ДЭВОСТ: Здесь длительное время обсуждали вопрос о том, подчинялся ли Раутер Зейсс-Инкварту. Можете ли Вы сообщить нам что-либо по этому вопросу?

ГИРФЕЛЬД: Насколько нам известно, Раутер был назначен Зейсс-Инквартом в начале июня 1940 г. на должность

генерального комиссара по вопросам безопасности на оккупированной территории. Ни из одного распоряжения, которое тогда было опубликовано, не вытекало, что Раутер занимал какое-либо особое положение. Из декрета германского рейхсканцлера от I8 мая I940 г. для нас, нидерландцев, было совершенно ясно, что рейхскомиссар является в Нидерландах единственным ответственным лицом, которое несет всю ответственность за руководство ~~германским~~ гражданским сектором. Уже много позднее из разговоров, мне, а может быть, также лэдям, которые были информированы лучше, чем я, стало ясно, что Раутер получал непосредственные приказы от Гиммлера или от главного имперского управления безопасности. Но население в Нидерландах не могло этого знать.

Г-н ДЕББОСТ: Возможно, Вам известно о результате уничтожения денежного контроля на голландской границе и о том, как это отразилось на экономике Голландии.

ГИРТФЕЛЬД: Да. Я сейчас попытаюсь вкратце осветить этот вопрос. В начале войны у нас существовала клиринговая система, т.е. было соответствующее соглашение о денежных расчетах между Голландией и Германией. Это позволяло нам, нидерландским властям, осуществлять в начале оккупации особый контроль над поставками товаров в Германию, так как в нашем распоряжении были не только материалы пограничного таможенного контроля, но также данные о платежах. Это было очень неприятно Фишбеку, так как голландские учреждения могли, благодаря этому, в ряде случаев ему отказывать. Это ему было явно неприятно и приводило к трениям. Он попытался тогда покончить с клирингом и после

13523

H1206 – 0503

H1206 – 0504

1 апреля 1940 г. был отменен денежный контроль на голландской границе. Тем самым была предоставлена возможность покупать всякие товары в Голландии за рейхсмарки и отправлять их в Германию под защитой немецких властей.

Один пример. Как показало одно из проведенных мной тогда расследований, в Нидерландах было несколько сот скупщиков ювелирных изделий, золота и серебра. Эти вещи было удобно увозить с собой. Если бы существовал какой-нибудь контроль при оплате, то было бы невозможно, чтобы в течение одного 1942 г., по нашим подсчетам, все эти дорогие вещи на общую сумму от 80 до 100 млн. гульденов были вывезены в Германию. Важно то, что в результате отмены контроля девизов, можно было свободно производить эти закупки. Кроме того, это давало возможность скупать на амстердамской бирже нидерландские ценные бумаги. Дело в том, что одной из целей немцев в то время было полное срастание германского и голландского хозяйства, а этого можно было добиться только с помощью отмены контроля девизов на границе между оккупированными областями и Германией. Это нанесло Голландии огромный ущерб, значительно больший, чем другим оккупированным странам, где такой контроль был сохранен. Можно добавить, что и там, конечно, были найдены пути для ограбления стран. Но отмена денежного контроля колоссально облегчила проведение немецкой политики в этом направлении. Это ясно видно из изданного Германом Герингом в 1942 году распоряжения, согласно которому отменялся контроль на немецко-голландской границе и генеральный уполномоченный по проведению 4-х летнего плана смог написать, что даже в случае нарушения правительственных или экономических предписаний на границе

13524

не должно производиться никакого контроля. В этом и заключалось дополнение, которое сделал Герман Геринг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дэбост, Трибунал считает, что этот вопрос об отмене таможенной политики в отношении денег должен обсуждаться очень кратко.

Г-н ДЭБОСТ: У меня нет больше вопросов на эту тему, Г-н Председатель.

Какие суммы выплачивала Голландия Германии для покрытия расходов по оккупации?

ГИРШФЕЛЬД: Общая сумма, уплаченная до конца оккупации, равнялась 8 с половиной миллиардами гульденов.

Г-н ДЭБОСТ: В какой форме была истребована эта сумма?

ГИРШФЕЛЬД: Эти 8 I/2 млрд. гульденов составлялись из кредитов, которые потребовали немецкие вооруженные силы для покрытия прямых расходов на оккупацию Нидерландов; затем из расходов на аппарат рейхскомиссариата и, в-третьих, из так называемых внешних расходов по оккупации, т.е. расходов, которые делались немецкими вооруженными силами в Германии в интересах германских оккупационных властей в Голландии. В Нидерландах оплата происходила в голландских деньгах. В Германии оплата производилась золотом, которое требовали от Нидерландского банка и из активов нидерландского банка в германском имперском банке.

Г-н ДЭБОСТ: Производились ли эти выплаты в результате выполнения одного из условий капитуляции?

ГИРШФЕЛЬД: Я узнал в свое время об условиях капитуляции I4 мая I940 года; о расходах на оккупацию там вообще не упоминалось.

13525

H1206 – 0505

H1206 – 0506

Г-н ДЮБОСТ: Какие последствия вызвало в Нидерландах разграбление строительных материалов, технического оборудования, складов, судов и т.д.?

ГИРШФЕЛЬД: Крайне трудно назвать точное число, так как во время оккупации это не было подсчитано. Но мне известно, что после капитуляции Германии нидерландское правительство во время обсуждения репараций в Париже потребовало сумму в 25 миллиардов гульденов, как возмещение за убытки во время оккупации. Очевидно, в это число вошли и те 8 с половиной миллиардов оккупационных расходов, о которых я уже упоминал раньше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дюбост, разве обо всем этом не говорится в голландском докладе?

Г-н ДЮБОСТ: Нет, Господин Председатель, конечно, нет. /Обращаясь к свидетелю/:

Как изменялась позиция Зейсс-Инкварта во время оккупации?

ГИРШФЕЛЬД: Я хотел бы подчеркнуть, что существовала разница между его позицией в течение первых 4 I/2 лет после осени I944 года. С осени I944 года он гораздо более открыто защищал нидерландские интересы, чем до этого времени.

Г-н ДЮБОСТ: До того, как Вы стали генеральным секретарем различных учреждений, которыми вы руководили во время германской оккупации, Вы были директором управления внешней торговли в Голландии, и в качестве такового Вы участвовали в международных переговорах, в частности, Вы вели переговоры с представителями Германии по экономическим вопросам, касающимся вашей страны.

Следовательно Вы знали Шахта?

ГИРФЕЛЬД: Да, я впервые познакомился с господином Шахтом, по-моему, в 1933 году, на мировой экономической конференции в Лондоне.

Г-н ДОДД: В ходе Ваших переговоров с Шахтом, не поставили ли Вы перед ним вопрос об ограничении расходов на вооружение Германии, поскольку они разоряли германские финансы?

ГИРФЕЛЬД: Если я должен ответить на этот вопрос, то мне придется возвратиться к нашему разговору в 1936 году, когда я был в Берлине и беседовал с г-ном Шахтом в связи с переговорами о заключении торгового договора. В этой беседе обсуждалось международное финансовое положение, так как в то время произошло падение валюты в ряде стран - падение французского франка, швейцарского франка, нидерландского гульдена. В этой связи мы заговорили о положении германской валюты. Когда я начал критиковать отдельные моменты, Шахт спросил меня: "А как бы Вы поступили в данном случае?" Я ответил, что я могу сказать лишь свое личное мнение и задал вопрос, который тогда обсуждался многими: если Германия получит новые иностранные займы, готова ли она будет вынести все связанные с этим последствия; обязательства по займам, т.е. проценты и аммортизация повлекут за собой сокращение ввоза сырья, а это оказало бы отрицательное влияние на вооружение и на предоставление работы безработным.

Согласится ли Германия пойти на это? Если да, то, по-моему тогдашнему, мнению, можно было говорить об иностранных займах, если нет, то такой разговор вообще не имел бы никакого смысла. После этого доктор Шахт высказал мнение,

13527

H1206 – 0507

H1206 – 0508

что Германия нуждается в вооружении, чтобы занять политически равноправное положение среди других великих держав. Только на такой основе Германия сможет вести переговоры. И тогда Шахт сказал мне несколько иронически:"Я желаю сильной, великой Германии и ради этого я готов связаться с самим дьяволом".

Во время этого разговора Шахт задал несколько вопросов. Он сказал, что для него важно, во-первых, разрешение валютного вопроса, а во-вторых, вопрос о колониях. В связи с вопросом о колониях он заявил, что, по его мнению, Германия вполне может снова взять себе колонии, причем Германия должна обязаться в этом случае не вооружать этих колоний и не создавать там военно-морских баз. Для того, чтобы осуществить эту программу, Германия должна перестроить свою внешнюю и экономическую политику. В этой связи Шахт весьма неодобрительно отозвался о существовавших тогда в Германии антисемитских настроениях. Он привел мне примеры своего отрицательного отношения к антисемитизму и в качестве такого примера упомянул о разговоре с неким Клаггесом - министром-президентом Брауншвейга, который об"явил Гитлера немцем.

Г-н ДЮБОСТ: Это меня не интересует. Шахт говорил Вам, что он защищал евреев.

Всего один вопрос о генеральном штабе. Ведь именно генеральный штаб отдал приказ о проведении облав в Роттердаме?

ГИРШФЕЛЬД: Это было...

/К микрофону подходит защитник генштаба и ОКВ ~~Летернзер/~~ Лабернзер/.

13528

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель, если я правильно понял вопрос, то сейчас свидетеля хотят подвергнуть допросу с целью обвинения генерального штаба и ОКВ. Я протестую против этого опроса на следующем основании. Мне, как защитнику данной обвиняемой группы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите слишком быстро. Разве Вы не видите, что лампочка вспыхивает?

ЛАТЕРНЗЕР: Мне, как защитнику данной обвиняемой группы, решением суда, об"явленным 8 июня, было запрещено допрашивать или подвергать перекрестному допросу каких-либо свидетелей, это должно относится также и к Обвинению. Если я не имею права задавать свидетелям такие вопросы, которые должны послужить для оправдания обвиняемой группы, то обвинение также не имеет права задавать свидетелю вопросы, с целью доказать виновность этой группы, так как правило ведения допроса должно быть одинаковым как для защиты, так и для Обвинения.

Г-н ДЭБОСТ: Я отказываюсь от этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал то, что Вы сказали, г-н Дэбост.

Г-н ДЭБОСТ: Я сказал, Господин Председатель, что я отказываюсь от своего вопроса о генеральном штабе, но у меня имеется еще два вопроса относительно Зейсс-Инкварта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минутку...

/Пауза, члены суда совещаются/.

Продолжайте, пожалуйста, Господин Дэбост.

Г-н ДЭБОСТ: Не отдал ли Зейсс- Инкварт приказ проводить такие облавы во всех крупных голландских городах?

H1206 – 0509

H1206 – 0510

ГИРШФЕЛЬД. Насколько мне известно, - нет.

Г-н ДЮБОСТ. Кто же в таком случае отдал приказ о проведении этих облав? Кто это сделал?

ГИРШФЕЛЬД. Эти облавы проводились германскими воору - женными силами, а кем лично были изданы эти приказы, я не знаю. Известно лишь, что, когда 11 ноября 1944 г. были проведены эти облавы в Роттердаме, командир дивизии, находившейся в Роттердаме, выступил по этому поводу в ратуше и сам организовал эту облаву.

Г-н ДЮБОСТ. Не приказал ли Зейсс-Инкварт взять сирот-детей из госпиталей для работ в Германии?

ГИРШФЕЛЬД. Мне не ясен вопрос.

Г-н ДЮБОСТ. Распорядился ли Зейсс-Инкварт взять сирот детей из госпиталей для того, чтобы отправить их на работу в Германию?

ГИРШФЕЛЬД. Я лично об этом ничего не знаю.

Г-н ДЮБОСТ. Заставляли ли детей, оставшихся без ро - дителей, служить в некоторых соединениях СС в соответствии с приказом Зейсс-Инкварта?

ГИРШФЕЛЬД. Мне известно, что СС вербовала солдат в Нидерландах. Насколько я мог судить об этом из газет, листовок и объявлений, этим всегда занималась СС.

Г-н ДЮБОСТ. Кто дал обязательства не использовать в военных целях продукции химической промышленности, про - изводившейся в Германии? Зейсс-Инкварт дал такое обязательство?

ГИРШФЕЛЬД. Простите ....

Г-н ДЮБОСТ. Кто дал обязательство не использовать в военных целях продукцию голландской химической промышлен-

ности, а оставить ее исключительно для удовлетворения нужд голландского сельского хозяйства.

ГИРТЗЕЛЬД: Здесь, очевидно, речь идет об азотных удобрениях?

Г-н ДЕБОСТ: Да.

ГИРТЗЕЛЬД: Что касается азотных удобрений, то с самого начала были даны обещания, что фабрики в Голландии, производящие азотные удобрения, должны производить только искусственные удобрения. Так было до середины августа 1944 г., когда пришло указание, что промышленность, изготовляющая азотные удобрения, должна быть переведена на производство взрывчатых веществ. Это указание было прислано одним из управлений рейхскомиссариата и было подписано неким господином Бровс. Побеседовав с промышленниками, я попытался лично поговорить с Зейсс-Инквартом на эту тему. Я получил ответ от его адъютанта, что Зейсс-Инкварт уже принял решение и что я могу лишь связаться по этому вопросу с представителем Шпеера в Нидерландах г-ном Фибигом. Я говорил с г-ном Фибигом и сообщил ему, что нидерландская промышленность и нидерландские рабочие не могут работать для производства взрывчатых веществ. Мне было заявлено...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Дебост, разве на этот вопрос нельзя ответить немного короче? Вопрос заключался в том, обещал ли Зейсс-Инкварт, что эти удобрения будут использованы в сельском хозяйстве в Голландии, а не для каких-либо целей в империи? Таков был вопрос?

Г-н ДЕБОСТ: /обращается к свидетелю/. Вы слышали замечание председателя, господин свидетель? Постарайтесь

H1206-0511

H1206 – 0512

отвечать более коротко.

ГИРШФЕЛЬД. Мы получили обещание, что на этих пред - приятиях будут изготовляться только искусственные удобрения; затем от нас потребовали изготовления взрывчатых веществ. Зейсс-Инкварт отказался ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Дюбост, мы не хотим все это выслушивать вновь. Разве Вы не можете добиться ответа на Ваш вопрос?

Г-н ДЮБОСТ. Я не слышал ответа свидетеля, господин председатель, ко мне в наушники не поступил перевод.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал объявляет перерыв.

/Объявляется перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

Г-н ДЮБОСТ. С разрешения Трибунала я задам еще один вопрос этому свидетелю.

Свидетель, известно ли вам при каких условиях и по каким причинам сотрудники учреждения имперского уполномо - ченного разгромили редакцию Гаагской газеты?

ГИРШФЕЛЬД. Да.

Г-н ДЮБОСТ. Можете Вы рассказать нам об этом?

ГИРШФЕЛЬД. Да. Гаагская газета была закрыта, так как работники этой газеты отказались напечатать статью, направленную против железнодорожной забастовки; эта статья была написана начальником отдела печати рейхскомиссариата. Именно поэтому ее не опубликовали.

Г-н ДЮБОСТ. Да. Редакция этой газеты была разгромлена с помощью динамита, - не так ли? Было взорвано здание и техническое оборудование, - не так ли?

ГИРШФЕЛЬД. Да, машины были взорваны при помощи динамита.

/К микрофону подходит адвокат Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР: К этому свидетелю у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

ШТЕЙНБАУЭР: Теперь я вызову последнего свидетеля к свидетельскому пульту с разрешения суда, Эрнста Квебеля.

/Эрнст Август Квебель занимает место за свидетельским пультом/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Эрнст Август Квебель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги и добавляет: "Да поможет мне бог"/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

ШТЕЙНБАУЭР: Господин свидетель, какие функции вы выполняли до Вашего перевода в Нидерланды?

КВЕБЕЛЬ: Я был оберфервальтунгсгерихтсратом в Берлине в Верховном прусском административном суде.

ШТЕЙНБАУЭР: Когда вы прибыли в Нидерланды?

КВЕБЕЛЬ: 18 мая 1940 г.

ШТЕЙНБАУЭР: Верно ли, что вы с июня 1940 г. были уполномоченным рейхскомиссара в провинции Южная Голландия, включая города Гаагу и Роттердам?

КВЕБЕЛЬ: Да.

ШТЕЙНБАУЭР: Вы, как уполномоченный по провинции, имели постоянный контакт с нидерландскими властями в провинции и в общинах?

КВЕБЕЛЬ: Да.

H1206 - 0513

H1206 – 0514

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам, сколько бургомистров в Вашей провинции продолжало занимать эти должности в которых они находились еще с довоенного времени?

ШВЕБЕЛЬ. Приблизительно от половины до двух третей.

ШТЕЙНБАУЭР. Имперский комиссар сильно изменил состав чиновников в провинциальной и общинной администрации?

ШВЕБЕЛЬ. Нет, очень немного. Должен ли я сказать об этих изменениях?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, совсем коротко, может быть, только относительно причин.

ШВЕБЕЛЬ. Изменения производились только...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, об этих изменениях уже давали показания другие свидетели, не так ли? И по этому пункту они не были подвергнуты перекрестному допросу. Разве это не правильно? Разве Зейсс-Инкварт не давал показания об этих изменениях, после чего по этому пункту он не был подвергнут перекрестному допросу?

ШТЕЙНБАУЭР. Я перехожу к другому вопросу. Верно ли, что во второй половине 1944 года было введено чрезвычайное положение?

ШВЕБЕЛЬ. Да, 4 сентября...

ШТЕЙНБАУЭР. И что в районе радиусом в 30 километров исполнительная власть была передана вооруженным силам?

ШВЕБЕЛЬ. Да, но эта передача произошла не на основании приказа о чрезвычайном положении, а на основании особого военного приказа.

ШТЕЙНБАУЭР... И в результате развития военных событий?

ШВЕБЕЛЬ. Да.

ШТЕЙНБАУЭР. Верно ли, что в начале 1945 года зонтер-

командиры рейсфюрера СС Гиммлера начали ставить мины замедленного действия в общественных зданиях Вашей провинции на случай отступления?

ШЕБЕЛЬ. О таких зондеркомандах Гиммлера мне ничего неизвестно. Я знаю лишь один случай, когда какой-то старший лейтенант появился, но, мне кажется, это было несколько раньше, и хотел заложить мины. Я тогда немедленно связался с рейхскомиссаром и с военным командующим и установил, что никто из них ничего об этом не знал и поэтому, по поручению рейхскомиссара, старшему лейтенанту было приказано немедленно прекратить свою работу; то, что он уже заложил, должно было быть убрано и сам он должен был немедленно убраться. Больше ничего я не знаю.

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам, что в ходе, так называемой, кампании: "Способных к военной службе - в империю" в Гауле произошли недопустимые вещи?

ШЕБЕЛЬ. Да. Этим делом тогда занимались вооруженные силы совместно с уполномоченным министра Геббельса, как имперского комиссара по тотальной мобилизации. В Гауле и 2-х других местах в моей провинции они создали особые отделы и руководитель этого отдела в Гауле, некорректно слишком жестко проводил это дело. Я поговорил об этом с господином рейхскомиссаром; он тотчас же лично связался с ведавшим этим генералом и потребовал, чтобы этот офицер был немедленно смещен.

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам что-либо о размахе движения сопротивления в вашей провинции?

ШЕБЕЛЬ. С движением сопротивления, как таковым, боролись полиция безопасности и армия. То, что я знаю, это

13535

H1206 – 0515

H1206 – 0516

не сведения, почерпнутые из моей административной деятельности, а лишь сведения, которые я получал, так как был связан с этими учреждениями. Мне известно, таким образом, что количество участников движения сопротивления составляло, приблизительно, 50 тысяч человек, это – не обязательно постоянные или организованные участники движения.

ШТЕЙНБАУЭР. Известно ли Вам, что рейхскомиссар провел кампанию по обеспечению продовольствием 250 тысяч голландских детей?

ШВЕБЕЛЬ. Да, то что он проводил эту кампанию, мне известно.

ШТЕЙНБАУЭР. Вы были свидетелем попыток Зейсс-Инкварта поскорее окончить войну? Опишите нам коротко, каким образом была установлена связь с начальником генерального штаба г-на ген. Эйзенхауера.

ШВЕБЕЛЬ. В начале апреля 1945 г. ко мне явился господин фон дер Флюг, г-н фон дер Флюг был руководителем так называемого ИКО, т.е. внутри-церковной организации для помощи населению продовольствием.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, вы должны говорить несколько медленнее и яснее. Я не понимаю вас даже по-немецки.

ШВЕБЕЛЬ. Ко мне явился господин фон дер Флюг, он был руководителем внутрицерковной организации по обеспечению населения продовольствием. Я знал его с этой стороны, и он сказал мне, что действует по поручению лондонского голландского правительства и задал мне вопрос: готов ли рейхскомиссар вести с ним переговоры по 3-м вопросам. Во-первых,

усиленное продовольственное снабжение голландского населения через союзников, во-вторых, прекращение затопления голландских территорий, в-третьих, прекращение борьбы с движением сопротивления. Я тотчас же связался с рейхскомиссаром и он сразу же заявил о своей готовности вести переговоры; через два дня мы с господином фон дер Флюг и еще одним представителем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, мелкий свет означает, что вы говорите слишком быстро, поэтому когда Вы видите мелкий свет, будьте добры, говорите медленнее.

ЗЕЕБЕЛЬ. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы давали показания о том, что сделал Зейсс-Инкварт.

ЗЕЕБЕЛЬ. Зейсс-Инкварт заявил о своей готовности немедленно начать переговоры по этим вопросам. Затем имела место беседа между господином фон дер Флюгом и еще одним представителем голландского правительства.

Это был Йонкхер Зикс. Таким образом, переговоры происходили между этими двумя господами и мной, нас было всего четверо. Мы сразу же договорились относительно одного пункта, а именно о том, чтобы все меры против движения сопротивления были прекращены, причем движение сопротивления обязалось больше не совершать актов саботажа. Во-вторых, рейхскомиссар заявил о своей готовности согласиться на продовольственное снабжение населения со стороны союзников и прекратить затопление. Однако в этом отношении должны были иметь место более детальные переговоры. Результаты этих переговоров были затем пересланы в Лондон. Я переправил в одном месте

13537

H1206 – 0517

H1206 – 0518

через линию фронта двух голландцев в качестве парламентеров. После того, как в течение некоторого времени велись переговоры, по различным вопросам, оттуда пришел запрос, готов ли рейхскомиссар начать переговоры с главнокомандующим генералом Эйзенхауэром. Был дан немедленно положительный ответ и вскоре за этим я 28 апреля перешел линию фронта около Аммерсфорта и там вел краткие переговоры с генералом сэром Френсисом Дженгардом, это был начальник генерального штаба фельдмаршала Монтгомери...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, вы не нуждаетесь более в дополнительных деталях по этому вопросу, не так ли?

ШЕВЕЛЬ... и мы установили в ходе переговоров с сэром Френсисом Дженгардом, что через два дня должна будет состояться беседа между...

ШТЕЙНБАУЭР. Господин свидетель, мы, по существу, не интересуемся деталями. Нас интересуют результаты этих переговоров и насколько они отвечали интересам голландского населения.

ШЕВЕЛЬ. Да, конечно.

Таким образом, 30 апреля произошла беседа между рейхскомиссаром и начальником генерального штаба генерала Эйзенхаура. Это был генерал Бедел-Смит. Во время этой беседы рейхскомиссар полностью согласился с пожеланиями генерала Бедел-Смита, причем должно было быть организовано в широких масштабах снабжение продовольствием голландского населения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (прерывая). Если он показал, что он согласился с требованиями генерала Бедел-Смит, то, несомненно, это как раз то, чего вы хотели – не так ли?

ШТЕЙНБАУЭР. Вполне достаточно. Таким образом, фактически война была закончена за два месяца до официального окончания войны?

ШВЕБЕЛЬ. Так нельзя сказать. Положение было таково: для голландского населения с этого дня, во всяком случае, война практически была окончена, так как это снабжение, которое могло поступать по воздуху, по каналам, по шоссе, по рекам и по морю в Роттердам, производилось в очень больших масштабах; т.ч. чтобы транспорты могли проходить по дорогам, на всех дорогах были прекращены военные действия. Таким образом, если не формально, то на практике было заключено общее перемирие и население тотчас же стало пользоваться плодами этого перемирия.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ШВЕБЕЛЬ. Разрешите мне, господин председатель, кое-что еще добавить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет. Если защитник закончил свой допрос, то мы больше не хотим выслушивать ваших об"яснений.

Хотят ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

Хотят ли обвинители подвергнуть перекрестному допросу свидетеля?

(К микрофону подходит представитель французского обвинения Дебенэ).

Г-н ДЕБЕНЭ. Свидетель, Вы только что говорили о переговорах, которые Вы вели с уполномоченными правительства в Лондоне. Были ли вы в курсе того, что до того, как эти уполномоченные вели переговоры с рейхскомиссаром в апреле 1945 года, они поставили условие, что ни один человек

H1206-0519

H1206 - 0520

не будет расстрелян за совершение покушения на каких-либо представителей германских военных или гражданских властей, если не имеется соответствующего решения суда?

ШВЕБЕЛЬ. Так точно.

Г-н ДЕБЕНЭ. Другой вопрос. Потребовали ли эти уполномоченные у рейхскомиссара, чтобы СС придерживалась условий этого соглашения, положившего конец военным действиям?

ШВЕБЕЛЬ. Да, это также имело место. После этого не было принято никаких мер против организаций движения сопротивления. С этого момента ничего не предпринималось против движения сопротивления.

Г-н ДЕБЕНЭ. Прекрасно. Правильно ли то, что рейхскомиссар ответил, что, будучи обергруппенфюрером СС, он в состоянии приказать СС соблюдать выполнение условий этого соглашения и что он может отвечать за выполнение этого требования?

ШВЕБЕЛЬ. Соглашение в собственном смысле и все эти переговоры были джентельменским соглашением ...

Г-н ДЕБЕНЭ. Нет, подождите. Я Вас спрашивал о следующем: осветил ли это рейхскомиссар таким образом лицам, принимавшим участие в переговорах, - т.е. делегатам Лондонского правительства?

ШВЕБЕЛЬ. Он сказал, что он также является обергруппенфюрером СС и поэтому он может позаботиться о том, чтобы СС выполняла соглашение.

Г-н ДЕБЕНЭ. Благодарю Вас. Последний вопрос: знали ли Вы Киля? Он был чиновником в рейхскомиссариате.

ШВЕБЕЛЬ. Киль, - да, я его знал.

Г-н ДЕБЕНЭ. Не издал ли он в апреле 1945 года инструкции о затоплении Пирингермеер.

ШВЕБЕЛЬ. Господин Киль, насколько я знаю, не давал никаких директив и он не мог их давать. Господин Киль был специалистом по постройке ирригационных сооружений, очень хорошим специалистом, однако, относительно затопления приказы могли давать лишь высшие военные власти, а в данном случае, - генерал-полковник Бласковиц.

/К микрофону подходит доктор Латернзер/.

ЛАТЕРНЗЕР. Я протестую против этого вопроса. Обвинение снова допрашивает этого свидетеля с тем, чтобы обвинить ОКВ и Генеральный штаб. Я уже в предыдущем случае протестовал против этого и заявил, что, если я не могу допрашивать свидетеля для доказательства невиновности, то и Обвинение не должно задавать ему вопросов, которые должны служить для доказательства виновности. Я прошу вычеркнуть из протокола последнее высказывание свидетеля.

Г-н ДЕБЕНЭ. Прошу прощения ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что Вы сказали, господин Дебенэ?

Г-н ДЕБЕНЭ. Господин председатель, я хотел лишь указать, что, если я ставлю этот вопрос, то он базируется на той информации, которая была мне предоставлена. Этот вопрос касался не армии, а инструкций, которые были даны сотрудником из рейхскомиссариата и, следовательно, исходили из рейхскомиссариата. Поэтому я не понимаю, почему в это вмешался защитник. В данном случае речь не идет об армии, и я совершенно не предполагал, что свидетель намеревался ответить мне, что за это отвечала армия или учреждение рейхскомиссариата, когда я говорил о чиновнике рейхскомиссариата.

13541

H1206 – 0521

H1206 – 0522

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Вы можете задать этот вопрос.

Г-н ДЕВЕНЭ. Продолжайте.

ШВЕБЕЛЬ. Господин Киль был в рейхскомиссариате специалистом по строительству ирригационных сооружений, но одновременно он был специалистом по строительству водяных сооружений при командующем вооруженными силами. И те, и другие совето - вались с ним как со специалистом. Он был очень ~~крупным~~ хорошим спе - циалистом, но каких-либо распоряжений он не мог давать.

Г-н ДЕВЕНЭ. Пожалуйста, не произносите речей. Отвечайте прямо "да" или "нет"? Передал ли Киль приказ о затоплении Виринтермеер?

ШВЕБЕЛЬ. Значит, я должен сказать, как обстояло дело... Киль?! Нет, он не мог дать такого приказа.

Г-н ДЕВЕНЭ. Я не спрашивал Вас отдал ли он этот приказ. Я спрашивал Вас не передал ли он такой приказ?

ШВЕБЕЛЬ. Об этом я ничего не знал. Я не знал, в какой степени вообще господин Киль имел отношение к этому приказу.

Г-н ДЕВЕНЭ. Этого для меня достаточно.

Какое значение имело в то время затопление Виринтермеер? Не считали ли все в то время, что война уже закончена?

ШВЕБЕЛЬ. Нет, когда был затоплен польдер Виринтермеер, война еще не кончилась и переговоры еще не велись. Когда был затоплен польдер Виринтермеер, - я потом это узнал от военных, - существовала опасность, что будет высажен авиадесант в районе Виринтермеер и что, таким образом, плотина, преграждавшая доступ во Фрисландию и Северную Голландию, может попасть в руки противника. Поэтому военные сочли необходимым затопить этот район. Так мне это объясняли.

Г-н ДЕББЕНЭ. Но в это время ~~в Голландии~~ разве не считали, что война уже была проиграна Германией?

ШВЕБЕЛЬ. Нет, в тот момент, мы не считали ее проигранной. Так или иначе, армия, которая находилась в нашем районе, имела задание оборонять его, и она должна была выполнять задание. Опасность состояла в том, что будет высажен десант.

Г-н ДЕББЕНЭ. Я закончил перекрестный допрос, Г-н Председатель.

(К микрофону подходит доктор Штейнбауэр).

ШТЕЙНБАУЭР. У меня не было бы больше вопросов к Вам, господин свидетель, если бы французский обвинитель не затронул одного вопроса.

Что сказал Вам генерал Смит о затоплении района Вирингермеера?

ШВЕБЕЛЬ. Господин генерал Смит под конец этих переговоров признал, что то, что до тех пор было предпринято в области затопления, явилось следствием военной необходимости. Но отныне — сказал он, — не должно больше быть никаких затоплений.

ШТЕЙНБАУЭР. Были ли после этого произведены какие-либо затопления?

ШВЕБЕЛЬ. Нет, больше никаких затоплений не было произведено.

ТЕЙНБАУЭР. Спасибо, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, я, таким образом, закончил допрос свидетелей и хотел бы указать на документы, которые я представил суду в своих книгах документов. Мне известно, что Суду уже представлена книга документов № 3, и я хотел бы в заключение представить еще один документ под №

13543

H1206 – 0523

H1206 – 0524

91 по вопросу о пасторском послании католических епископов относительно плебисцита в Австрии. В этом заявлении указывается также на позицию гаулейтера Бюркеля, из которой видно, что преследование церкви не может быть поставлено в вину Зейсс-Инкварту, а вся ответственность ложиться на Бюркеля. Ради экономии времени я просил бы Суд принять этот документ к сведению без оглашения его здесь.

Тем самым я заканчиваю представление доказательств по делу Зейсс-Инкварта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, представили ли Вы в качестве документальных доказательств все документы из Ваших книг документов, которые Вы желали представить? Представили ли Вы их в качестве документальных доказательств?

ШТЕЙНБАУЭР. Я не понял вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Представили ли Вы в качестве документальных доказательств все документы, которые вы хотели представить, и присвоили ли вы им необходимые номера?

ШТЕЙНБАУЭР. Господин председатель, здесь отсутствует лишь несколько письменных показаний, данных под присягой, которые мне разрешили представить Высокий Суд, а именно Фелькерса Болле и Каутера. Я надеюсь, что они будут получены в ближайшее время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, Вы должны представить каждый из Ваших документов в качестве документального доказательства и Вы должны заявить об этом. Включение их в книгу документов еще не означает, что они представлены в качестве документальных доказательств и, поэтому, Вы должны представить их нам в качестве документальных доказательств, если вы желаете это сделать, присвоив каждому документу в отдель-

ности соответствующий номер. Вы можете представить их вместе, заявив, что вы представляете...

ШТЕЙНБАУЭР. Да, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желаете ли вы представить ваши документы за номерами от первого до... я не знаю, какой последний номер. Мне кажется, 105.

ШТЕЙНБАУЭР. Да, я представляю все документы, содержащиеся в моих трех книгах документов - от 1 до 107...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штейнбауэр, являются ли порядковые номера документов, включенных в книгу документов, номерами документальных доказательств, которые вы желаете присвоить документам?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, документы пронумерованы и это соответствует нумерации в моей книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите в таком случае представить все документы в качестве документальных доказательств, - от первого и до последнего номера, - каков бы он ни был, и не так ли?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы представили некоторые из них во время допроса свидетелей.

ШТЕЙНБАУЭР. Некоторые я называл под номерами моей книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, сейчас Вы желаете представить остальные документы?

ШТЕЙНБАУЭР. Да, остальные.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Под теми номерами, которые им присвоены в книге документов?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

13545

H1206 - 0525

H1206 – 0526

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы представляете все подлинники под этими №№?

ШТЕЙНБАУЭР. Поскольку они находятся у меня. Я могу, в соответствии с решением суда, заявить под присягой, что выдержки полностью соответствуют текстам в книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И Вы снабдили их соответствующими удостоверениями, что все они являются точными копиями подлинников, в соответствии с правилами, утвержденными Трибуналом, не так ли?

ШТЕЙНБАУЭР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

(К пульту подходит доктор Фриц, защитник подсудимого Фриче).

ФРИЦ. (Адвокат Фриц, защитник подсудимого Фриче). Господин председатель, я прошу Высокий суд разрешить, чтобы подсудимый Фриче в понедельник и во вторник на следующей неделе отсутствовал на заседаниях. Ему необходимо это время для того, чтобы закончить подготовку своей защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно.

ЭКСПЕР (защитник Шпеера). Господин председатель, я прошу то же самое для моего подзащитного, так как его дело будет разбираться непосредственно после дела фон Папена. Я прошу поэтому освободить его от присутствия на заседаниях в понедельник или во вторник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да, конечно.

ЛАТЕРНЗЕР (защитник генерального штаба и ОКВ). Господин председатель, я займу лишь немного времени у суда, однако, я должен подать особо важное для меня ходатайство, которое касается процесса и коротко его обосновать. Я ходатай-

ствую о том, чтобы суд, во-первых, отменил решение, оглашенное 8 июня 1946 года, во-вторых...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если Ваше ходатайство является важным, то оно должно быть представлено в письменной форме. Если оно еще не изложено в письменной форме, то вы должны сделать это. Вы очень хорошо знаете, что это правило Трибунала.

ЛАТЕРИЗЕР. Г-н председатель, я придаю значение тому, чтобы это ходатайство было записано в протоколе. Разрешите продолжать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ходатайство будет занесено в материалы суда, если вы изложите его в письменном виде. Вы находитесь здесь в течение многих месяцев и Вы прекрасно знаете, что согласно правилам Трибунала, ходатайства должны быть изложены в письменной форме.

ЛАТЕРИЗЕР. Хорошо. Но так как речь идет о ходатайстве, которое относится к процессуальному порядку и основывается на устно об"явленном решении, то я думаю, что имею право представить ходатайство таким образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, Трибунал не думает этого. Трибунал хотел бы иметь ваше ходатайство в письменном виде в соответствии с правилами, установленными Трибуналом.

Теперь Трибунал приступит к слушанию дела против подсудимого фон Папена, которое, как я полагаю, является следующим по порядку.

(К пульту подходит доктор Кубушок - защитник подсудимого фон Папена).

КУБУШОК. Я начинаю представление доказательств по делу подсудимого фон Папена тем, что вызываю подсудимого фон Папена в качестве свидетеля (Франц фон Папен занимает место

13547

H1206 – 0527

H1206 – 0528

за свидетельским пультом).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше имя и фамилию.

ПАПЕН. Франц фон Папен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Подсудимый повторяет слова присяги).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете сесть.

КУБУШОК. Опишите, пожалуйста, Трибуналу в кратких чертах Вашу жизнь, особенно начиная с того момента, когда Вы стали заниматься политической деятельностью.

ПАПЕН. Кратко описывая свою жизнь, я буду подчеркивать только те моменты, которые могут быть важны для того, чтобы Высокий Трибунал составил суждение о моей личности и о том, как эти моменты влияли на мою жизнь, на мои политические взгляды и мнения.

Я родился на земле, которая уже 900 лет принадлежит моему ~~==~~роду, был воспитан в консервативных принципах, тесно связывающих человека с его народом и родной землей. Так как мой род всегда был твердой опорой церкви, я, само собой разумеется, тоже был воспитан в духе такой традиции. Я был вторым сыном своих родителей и поэтому был предназначен для военной карьеры. В 18 лет я стал лейтенантом в кавалерийском полку и прошел все обычные стадии этой карьеры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не думаю, что Вы назвали нам дату Вашего рождения.

КУБУШОК. Назовите дату Вашего рождения.

ПАПЕН. Дата моего рождения 29 октября 1879 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали, что Вы вступили в кавалерий-

ский полк, когда Вам было восемнадцать лет?

КУБУШОК. Здесь, повидимому, ошибка в переводе. Нужно понимать: в восемьнадцать лет, не в 1918 году, а в возрасте 18 лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так я и сказал.

ПАНЕЛ. Важным моментом для моего развития является моя женитьба на дочери саарского промышленника, тайного советника фон Боха. Родственная связь с этой семьей сблизила меня со многими французскими и бельгийскими семьями и, вследствие этого, я хорошо познакомился с духовными и культурными факторами этих соседних стран; они произвели тогда на меня сильное впечатление.

Уже с этого времени, с 1905 года, я убедился, каким неверным является известное политическое представление о том, что Франция и Германия обречены вечно считать друг друга врагами. Я понимал, как много эти 2 народа могли бы дать друг другу, если бы их мирное развитие не было нарушено. В последующие годы я окончил военную академию, и в 1913 году, после пятилетней подготовки, я был взят в генеральный штаб. В конце 1913 года я, по приказу его величества императора, был назначен военным атташе в Вашингтоне и в Мексике. Летом 1914 года я сопровождал, в качестве военного атташе, экспедиционный корпус США, который был послан в Вера-Круц, в связи с инцидентом в Тампико.

В Мексике меня застало начало первой мировой войны. До конца 1915 года я оставался на своем посту в Вашингтоне. Этот отрезок моей жизни имеет очень большое значение для моей политической жизни. Наша борьба, которую мы вели легальным способом против поставок военных материалов нашим противникам, повела к оживленной полемике и пропаганде. Эта

13549

H1206 – 0529

H1206 – 0530

пропаганда, поддерживаемая противной стороной, пыталась всеми средствами навлечь подозрение на германского военного атташе в том, что он организует нелегальные акты, особенно акты саботажа.

После того, как в конце 1915 года я покинул США, я, к сожалению, никогда не пытался опровергнуть эту фальшивую пропаганду. Однако эта пропаганда преследовала меня до 30-х годов и даже по сей день. Она наложила на меня клеймо. Я хочу привести в качестве примера лишь один случай. Еще в 1931 году "Легай Валли Компани" пред"явила в смешанную комиссию по разбору претензий требование, чтобы Германия уплатила ей 50 млн. долларов, так как якобы я, немецкий военный атташе, подготовил взрив, который произошел в 1917 году, через два года после моего от"езда из США.

Я упоминаю об этом, господин председатель, потому что эта пропаганда удостоила меня таких титулов, как "мастер шпионажа", "главный подстрекатель" и других подобных хорошеньких названий. Именно на основании этой пропаганды создалось то представление о моей личности, с которым я столкнулся в 1932 г., когда я вступил на общественное поприще.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что сейчас удобное время об"явить перерыв.

(Перерыв до 14.00).

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 14 июня 1946 года.

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

КОМЕНДАНТ СУДА: Я должен заявить Трибуналу, что подсудимые Функ и Шпеер отсутствуют на данном заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кубушок, продолжайте.

КУБУШОК: Господин свидетель, мы говорили с вами об общественном мнении относительно вашей личности. Я прошу вас продолжать рассказывать свою биографию.

ПАПЕН: Я говорил о пропаганде, которая велась в Соединенных Штатах во время первой мировой войны и о том, как для пропагандистских целей использовали мое имя. Никогда в действительности не прилагали усилия к тому, чтобы проверить, является ли эта оценка правильной или неправильной. То, что я тогда мог делать в те годы, а именно то, что я выступал против саботажа, что я боролся против подводной войны,- никогда не стало известным миру. Эту пропаганду можно сравнить с общественной клеветой. Она достигла своего кульминационного пункта в 1941 г., в книге, опубликованной в Нью-Йорке и озаглавленной: "Дьявол в цилиндре". Там без какой бы то ни было критики передаются все старые басни и прибавляются еще и новые.

Таким образом, создалось так называемое общественное мнение обо мне, которое, как я полагаю, совершенно искажает представление о моем характере, о моих взглядах и, главным образом, о тех мотивах, которые руководили мной в период с 1932 по 1945 год.

H1206 – 0531

H1206 – 0532

Я прошу высокий суд вспомнить эти психологические моменты, когда я попытаюсь в настоящее время создать правдивую картину моего образа мышления и моих действий.

После возвращения в Германию в 1916 году я выполнил свой долг солдата, будучи командиром батальона и офицером генерального штаба во время войны во Франции.

В 1917 году я был назначен начальником оперативного отдела группы армии Фалькенгейна в Турции. Когда Фалькенгейн в 1918 году был отозван – я стал начальником генерального штаба 4-й турецкой армии и оставался на этом посту до заключения перемирия. Может быть, здесь следовало бы сказать несколько слов об одном эпизоде, в связи с которым обо мне говорилось так много плохого во всем мире. Этот эпизод, показывает, что я мог сделать полезное дело в истории человечества.

8 декабря 1918 года, после упорной борьбы с германской ставкой, а также и с турецкой ставкой мне удалось уговорить Фалькенгейна эвакуировать войска из Иерусалима. Этот город не был обстрелян и не был разрушен английской армией в результате этого решения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В переводе, как мне кажется, было сказано – 8 декабря 1918 года. Очевидно, имеется в виду 1917 г.?

КУБУШОК: Нет, г-н председатель, – 1918 год.

ПАПЕН: 8 декабря 1918 года. Когда я в ноябре 1918 г. вел переговоры с Ататюрком относительно эвакуации немецких войск, – до нас дошли сведения о разгроме германских войск и об отречении от трона немецкого кайзера. Этот факт означал для меня не только проигрыш войны; целый мир был для меня разрушен. Германская империя после тысячелетнего развития была повергнута врах, и все во что мы верили, ушло в даль и

заволокло туманом.

Я решил сделать для себя свои выводы на основании совершившегося факта. Возвратившись в Германию, я ходатайствовал о демобилизации, и мое ходатайство было удовлетворено.

Я вернулся на родину, где у меня было скромное имение. Здесь я был у себя дома и посвятил себя задачам родины. Вскоре мои новые друзья из крестьянской среды поручили мне управление их общиной, они выбрали меня почетным бургомистром и в 1923 году послали меня депутатом в прусский парламент. Когда меня избрали, я решил присоединиться не к правой национальной германской партии, а к средней партии центра. Принимая это решение, я руководствовался убеждением, что я в этой партии гораздо больше сделаю в области урегулирования социальных вопросов, чем в консервативной партии, (Бем более, что) эта партия придерживалась (тоже) христианского представления о государстве.

Восемь лет, в течение которых я был членом парламента, были наполнены борьбой за внутреннее оздоровление и усиление германской республики. В партии центра я представлял консервативные убеждения моих сельских избирателей. Я стремился, чтобы эта партия, которая в Пруссии была в коалиции с левой партией, также вошла бы в коалицию и с правыми партиями. Тем самым я хотел достигнуть какого-то равновесия в той напряженной обстановке, которая, собственно говоря, и породила национал-социализм. К этому периоду также относятся мои стремления - устранить дискриминацию Германии, которая была вызвана многочисленными положениями Версальского договора, а именно устранить это путем улучшения отношений с французским народом. Я стал членом немецко-французского иссле-

13553

H1206 - 0533

H1206 – 0534

довательского комитета. Этот комитет был создан крупным люксембургским промышленником Мейрит, он включал в свой состав большое количество выдающихся деятелей обеих стран.

Тесные отношения, а также и различные беседы связывали меня с союзами Ветеранов обеих стран. С французской стороны с знаменитым руководителем союза "Гель Кассэ" полковником Пикко. Я принимал активное участие в конгрессах немецко-французских католиков, которые устраивались в Париже и Берлине. Все эти усилия были направлены к одной цели - добиться мира в Европе на базе более тесного сотрудничества между обеими странами.

Эти мои убеждения еще более укрепились после того, как я в 1929 г. переселился в Саарскую область, которая, как известно, тогда находилась под международным контролем. Когда в 1929 г. Германия приняла план Юнга, я просил господина Штреземана договориться с господином М.Брианом о том, чтобы Саарский вопрос был разрешен без проведения плебисцита, так как я всегда придерживался того мнения, что добровольное обоюдное разрешение этого скользкого вопроса вызовет меньше враждебности и приведет к большей солидарности, чем решение, которое будет принято в результате страстной борьбы с обеих сторон во время предвыборной кампании. К сожалению, этого не удалось достигнуть.

В 1930 г. начался мировой экономический кризис, который подчинил себе как побежденных, так и победителей. Новая демократическая форма правления Германии не могла вынести такого напряжения и под все усиливавшимся экономическим давлением и увеличивавшимся внутренним напряжением в феврале 1932 г. был создан правительственный кабинет Папена.

12554

С этого момента начинается политическое развитие, за которое я имею честь отвечать перед этим Высоким Судом. Я хотел бы сейчас обратиться с просьбой к Трибуналу. Высокий Суд постановил, что подсудимые должны говорить коротко, так как подсудимый рейхсмаршал Геринг подробно изложил историю национал-социализма. Я прошу здесь учесть, что я здесь не говорю от имени национал-социализма, моя защита будет защитой другой Германии.

КУБУШОК: При допросе свидетеля необходимо также подробнее остановиться на событиях и деятельности моего подзащитного в 1932 г., т.е. в тот период, когда он был рейхсканцлером. Обвинение включает период, начиная с 1 июня 1932 г., т.е. дня назначения господина фон Папена рейхсканцлером. Обвинение усматривает в деятельности рейхсканцлера расчистку пути для правительства Гитлера. Защита докажет, что правительство Папена проводило в жизнь новую программу, совершенно независимую от идей НСДАП - программу, основанную на политических убеждениях Папена, которым он оставался верен и в последующее время. Так как Обвинение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кубушок. Сейчас не время для защитника делать подобное заявление. Вы должны получить показания от свидетеля в его ответах на ваши вопросы, а вопросы должны быть вопросами, не наводящими вопросами, с тем, чтобы в них не предполагалось содержание ответа.

Вы же нам сейчас говорите именно то, что должен сказать свидетель. Мы желаем это слышать от самого свидетеля.

КУБУШОК: Господин председатель, я хотел лишь указать на то, что мы должны также рассмотреть и этот период до 1933 года, я прошу вас согласиться со мной.

13535

H1206 - 0535

H1206 – 0536

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы не намереваемся помешать вам в представлении доказательств - вернее в получении доказательств. Задавайте вопросы свидетелю. Но вы не должны сами констатировать факты.

КУБУШОК: Господин свидетель, я прошу вас рассказать Трибуналу, каково было положение в Германии, когда фон Гинденбург 1 июня 1932 года поручил вам создать кабинет министров?

ПАНЕН: Прежде, чем отвечать на этот вопрос, я прошу, милорд, разрешить мне, как одному из последних канцлеров империи, коротко высказаться относительно того правительства, во главе которого я стоял. Совместим ли вообще или в какой степени, по нашему мнению, совместим Устав данного Трибунала с суверенитетом Германии и ее правительств, - будет позже высказано в речи одного из защитников. Если Обвинение рассматривает мою деятельность канцлера империи в 1932 г., то я предполагаю, что оно это делает для того, чтобы создать исторически правдивую картину развития и дать вместе с тем оценку моей личности. Поэтому я выскажусь по поводу этих обвинений, которые выдвинуты против меня и относятся именно к этому периоду.

Я должен здесь категорически заявить, что этот кабинет 1932 года управлял страной честно и добросовестно, в рамках конституции и чрезвычайных полномочий имперского президента, в период большой внутренней и экономической депрессии. Историческим фактом является то, что правительственная деятельность моего кабинета не может вызвать ни малейшего подозрения в преступлениях, предусмотренных в уставе Трибунала. Мне кажется, милорд, что я должен был сделать это заявление в первую очередь ради справедливости в отношении своих коллег - министров и, главным образом, ради оправдания президента империи фельдмаршала фон Гинденбурга - этой послед-

ней великой исторической фигуры Германии.

Что касается вашего вопроса, то надо сказать, что доктор Брюнинг - мой предшественник по службе, весьма высоко ценился всеми нами, мы ожидали от него много и приветствовали его вступление на должность. Как раз в период его деятельности был большой экономический кризис, политическая и таможенная изоляция со стороны других стран. Промышленность и торговля почти что совсем замерли, не было валюты для закупки сырья, увеличивалась безработица, молодежь была выброшена на улицы, и мировой экономический кризис привел к банкротству банков. Правительство могло управлять страной только издавая чрезвычайные распоряжения, т.е. путем односторонних законодательных актов имперского президента. Поддержка безработных опустошила кассы, что являлось совершенно непродуктивным и не решало вопроса. Вследствие большой безработицы радикальные партии усилились. Политическая раздробленность немецкого народа достигла своего кульминационного пункта. В последних выборах в рейхстаг участвовало 32 партии. Конечно, все мы после войны надеялись создать в Германии настоящую демократию.

Английская демократия служила нам примером. Однако Веймарская конституция дала германскому народу целый ряд прав, которые не отвечали его политической зрелости. Еще в 1932 году было совершенно ясно, что в Веймарской конституции была допущена одна ошибка - она не делала правительство достаточно авторитетным. Я напоминаю о том, что формирование правительства часто затягивалось и длилось целые недели, так как все партии хотели участвовать в этом правительстве. В Пруссии с 1919 года правила социал-демокра-

13554

H1206 - 0537

H1206 – 0538

тическая партия. Она делила с партией Центра все политические должности в Пруссии. Дуализм между Пруссией - самой большой германской провинции - и империей все время возрастал. Я считал, что Брюнинг должен вернуться к старой конструкции Бисмарка, при которой рейхсканцлер был одновременно премьер-министром Пруссии, для того, чтобы можно было координировать политику этой самой большой провинции с политикой империи. Однако Брюнинг отклонил это предложение, и в эти последние годы не было ничего сделано для того, чтобы обуздать все возрастающее движение национал- социализма, т.е. направить его по определенному руслу политической ответственности. Весь этот политический беспорядок, а также и тот вывод, что необходимо что-то такое сделать для того, чтобы дать имперскому правительству возможность править страной, и сделать его более независимым, привел Гинденбурга к заключению, что надо создать независимый от партии кабинет министров, которым руководили бы специалисты. Итак, члены моего кабинета все были специалистами. Господин фон Нейрат был старым дипломатом, министр внутренних дел Галль - был старым административным чиновником; министр сельского хозяйства - был директором больших сельскохозяйственных кооперацией, министр финансов был раньше директором департамента в министерстве финансов; министр железнодорожного транспорта Эльц - был раньше председателем железнодорожной дирекции и т.д.

КУБУШОК: Скажите, авторитарные тенденции в правительстве привели к борьбе партий?

ПАПЕН: Фельдмаршал Гинденбург питал особое доверие к Брюнингу. Однако, он не мог простить ему то, что Брюнингу не удалось ко времени вторичного избрания Гинденберга на пост имперского президента в 1932 г. привлечь на свою

сторону правые партии, которые в 1925 году впервые избрали Гинденбурга. Тогда Гинденбург был избран, несмотря на отчаянное сопротивление левых партий и партии Центра. Теперь, в 1932 году, он снова был избран теми же левыми партиями, которые ранее выступали против него и против правых партий. Против старого и великого солдата мировой войны была выдвинута кандидатура неизвестного солдата из "Стального Шлема". Это, естественно, было большой обидой для фельдмаршала. Я хочу еще указать на то, что во время этих президентских выборов в 1932 году Гитлер уже получил свыше 11 миллионов голосов. Это составляло больше, чем 30% всех голосов, которые были отданы за имперского президента. Почему фельдмаршал выбрал именно меня в качестве рейхсканцлера, я не знаю, я могу лишь сказать, что я сам не приложил к этому никаких усилий. События развивались следующим образом.

Милорд, я хочу возразить этим Обинению, которое считает, что создание этого правительства является началом интриги и "заговора".

26 мая 1932 года я находился в своем имении на реке Саар, там меня вызвал по телефону министр обороны господин фон Шлейхер и попросил меня приехать в Берлин.

27 вечером я прибыл в Берлин, 28 направился к господину фон Шлейхеру. Господин фон Шлейхер сказал мне следующее: "В настоящий момент мы переживаем правительственный кризис и мы ищем канцлера". Он обсудил со мной целый ряд кандидатур.

И в конце концов заявил следующее: "Имперский президент хочет, чтобы Вы были канцлером". Я был крайне удивлен

13559

H1206 – 0539

H1206 - 0540

и сказал: "Как, почему?" Я попросил, чтобы мне дали время обдумать это предложение.

На следующий день я обсудил это с моими друзьями. 30-го я снова направился к господину фон Шлейхеру, сказал ему: "Я решил не принимать вашего предложения". Господин фон Шлейхер ответил: "Это вам не поможет, имперский президент хочет, чтобы вы во что бы то ни стало приняли это предложение". Я возразил на это господину фон Шлейхеру, сказав, что имперский президент, очевидно, имеет направильное представление о тех политических силах и средствах, которыми я располагаю и которые вольются в это правительство. Оно, очевидно, предполагает, что партия Центра поддержит меня в политическом отношении, но об этом не может быть и речи. Вот каковы были там возражения.

Вечером того же дня я направился к лидеру партии Центра. Я спросил его мнение и он ответил мне: "Господин фон Папен, не принимайте этого предложения. Партия сразу же после этого будет в оппозиции к Вам". Я сказал ему: "Я благодарю вас, я так и думал". После этого я направился к Гинденбургу. Я изложил Гинденбургу положение вещей. Тогда Гинденбург встал и сказал: "Я вас позвал не для того, чтобы с вашей помощью добиться поддержки какой-либо партии, я позвал вас потому, что я хочу создать независимый кабинет". Затем он напомнил мне о долге, который я несу перед родиной. И когда я все же продолжал возражать ему, он сказал: "Вы не оставите меня на произвол судьбы, меня - старого солдата". И я ответил: "Нет, при этих обстоятельствах я вас не оставлю на произвол судьбы и приму ваше предложение".

КУНУЛОК: Для доказательства того, что такие переговоры...

13560

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что данный вопрос можно освещать менее подробно. Факты могут излагаться с меньшими подробностями.

КУБУШОК: Хорошо, мы учтем это замечение. Чтобы доказать, что такой разговор между Папеном и лидером партии Центра действительно имел место я ссылаюсь на документ № 1 на странице 1-й. Я представляю 1-ю книгу документов, как доказательство под № 1.

Господин свидетель, вас обвиняют в том, что вы каким-то образом вели интриги против Брюнинга?

ПАПЕН: Нет, никаких интриг не было. Я уже сказал, что я лично весьма высоко ценил доктора Брюнинга и что я, начиная с того дня, когда меня вызвал господин фон Шлейхер, т.е. за три дня до моего назначения, никогда даже и не думал о том, чтобы стать преемником Брюнинга.

КУБУШОК: Вы ранее говорили с Гитлером о том правительстве, которое вы должны были сформировать?

ПАПЕН: Нет, это совершенно неправильное утверждение Обвинения. "История национал-социалистской партии" Фольца (документ № 3463-ПС) представляет собой работу, написанную частным лицом, очевидно, по заказу Геббельса и его министерства. Я хочу установить, что создание моего правительства по желанию имперского президента должно было предстать, как совершившийся факт, без каких-либо переговоров с какой-либо партией или с лидером какой-либо партии.

КУБУШОК: Скажите, вы Гитлеру ранее не давали своего согласия на роспуск рейхстага?

ПАПЕН: Это утверждение Обвинения также является неправильным. Я с Гитлером заранее не обсуждал вопроса о роспуске рейхстага, так как рейхстаг был распущен 4 июня, а

H1206 - 0541

H1206 – 0542

я в первый раз в своей жизни видал Гитлера через 5 или 6 дней после этого. Роспуск рейхстага сам по себе был само собой разумеющейся вещью, так как новое правительство пожелало, чтобы избиратели дали оценку новому политическому курсу, а также и программе правительства.

КУБУШОК: Каковы были политические цели вашего правительственного кабинета ? Расскажите, пожалуйста, коротко об этом.

ПАПЕН: Центральной проблемой, которой мы занимались, являлась экономическая проблема, большая экономическая нужда – полтора миллиона безработной молодежи, 6-7 миллионов безработных, 12 миллионов, не полностью загруженных работой людей. Попытки моих предшественников помочь чисто государственными средствами оказались недостаточными. Это лишь истощило финансы и не дало никаких результатов. Целью моего правительства, поэтому, было использовать частное хозяйство для разрешения этой проблемы. Мы хотели, чтобы весь производственный аппарат снова был приведен в порядок. Для этой цели мы предназначали 2,2 миллиарда марок и таким образом, мы хотели достигнуть в том же году поставленной цели, т.е. занять 1 3/4 миллиона безработных на производстве.

Такая программа безусловно не могла быть выработана на основании договоренности между партиями. Политическая цель заключалась в том, чтобы одновременно с реорганизацией хозяйства саму-ю сильную оппозиционную партию, а именно – НСДАП практически привлечь к работе и сотрудничеству. Это было основной проблемой германской внутренней политики, и практика показала на примере национал-социалистских правительств провинций Тюрингии, Брауншвейга и Ольденбурга, что можно сделать такую попытку, не опасаясь слишком большого

13562

усиления движения. Итак, я мог надеяться, что национальная и социальная программа даст возможность добиться большинства в Рейхстаге.

КУБУШОК: Для подтверждения этого заявления правительства, я ссылаюсь на документ № 1, доказательства № 1, страница 2 и 3. Вы говорили о решении социальной проблемы, как о главной задаче вашего правительства. Может быть, вы коротко разъясните, как вы рассматривали эту проблему и как вы пытались ее разрешить.

ПАПЕН: Думаю, что ни в одной стране мира проблема капитала и труда не была такой острой, как у нас, в результате сверхиндустриализации с отчуждением земли. Причина этого известна, и мне о ней не следует говорить. Однако, одной из причин, которую обычно не замечают, является инфляция в Германии, которая лишила ее оборота капитала. Эта инфляция особенно отразилась на среднем сословии и на рабочем классе, который является хребтом (т.е. основой). Она лишала этих людей их сбережений и имущества, и пролетаризировала среднее сословие, рабочий класс и ремесленников. В то время как в Германии проходил этот социальный процесс, в большой соседней стране был установлен новый социальный порядок - порядок бесклассового общества и тоталитарного государства. Демократические державы мира стали бороться против распространения этой системы. Они провели целый ряд превентивных мероприятий в области экономики, однако, эти превентивные мероприятия "Нью Дил" и "Оттава" еще больше ослабили позицию Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кубушок, мне кажется, подсудимый должен понимать, что все это уже хорошо известно Трибуналу и нет необходимости вновь подробно излагать все эти факты.

13563

H1206 – 0543

H1206 – 0544

ПАПЕН: Высокий суд, я хотел лишь показать то, что эта социальная проблема была фоном всего исторического развития в тот период.

КУБУШОК: Вопрос о социальной проблеме одновременно является вопросом о развитии НСДАП, и свидетель хотел как раз об этом сказать позднее, осветив эту социальную проблему.

Господин свидетель, вы заявили, что вы не имели никакого контакта с Гитлером до того, как было сформировано правительство. Когда вы в первый раз увидели Гитлера, и о чем вы с ним договорились?

ПАПЕН: Я уже говорил, что я впервые увидел Гитлера 9 или 10 июня .Это совещание преследовало цель установить, при каких условиях Гитлер был готов поддержать мое правительство. Моя программа содержала так много социальных пунктов, что можно было ожидать, что национал-социалисты поддержат эту программу, Гитлер готов был поддержать эту программу при условии, если будет отменено запрещение носить форму членам СС, т.е. при условии, если его партия будет иметь те же политические права, как и другие партии. Я тогда согласился с этим, тем более, что запрещение организации СС со стороны правительства Брюнинга было явной несправедливостью. Запретили организацию СА, однако союзы социалистов и коммунистов, также имевшие свою форму, а именно "Рот фронт" и "Рейхсбаннер" («Имперский флаг»), не были запрещены.

Результатом этого моего согласия было то, что Гитлер дал мне обещание признать мое правительство.

КУБУШОК: Я хотел бы исправить одну ошибку подсудимого. Он говорил "СС", а имел в виду СА, СС тогда еще вообще не существовало.

Я ссылаюсь здесь на документ № 1, страница 3. Это заявление рейхспрезидента по поводу отмены запрещения организации СА. Рейхспрезидент указывает на то, что он отменяет это запрещение - при том условии, что насильственные акты в дальнейшем не будут иметь места. Далее он говорит, что он решил бороться против всех нарушений в том случае, если его ожидания не оправдаются, всеми имеющимися в его распоряжении , в соответствии с конституцией, средствами. Г-н свидетель, опишите кратко ваши попытки и Лозанскую конференцию в июне 1932 года, которая оказала столь большое влияние на рост НСДАП?

ПАПЕН: Я прошу разрешить мне несколько подробнее рассказать об этой конференции, так как в связи с этой конференцией чрезвычайно выросла НСДАП. Подготовка к этой конференции, как известно, велась длительный период. Эта конференция должна была отменить репарации. Однако я поехал в Лозанну с гораздо большими задачами и надеждами, так как отмена репараций была, так сказать, поводом. Необходимо было ликвидировать моральное унижение Германии для того, чтобы в Европе был сохранен мир и было восстановлено ее благосостояние. Это моральное неудовлетворение имело свои причины: Германия превратилась в "нацию второго разряда", она была лишена многих важных атрибутов своего суверенитета, у нее не было армии, Рейнская область была не защищена, Коридор, Саарская область и т.д.

Об экономике я уже говорил. Эти экономические и политические нужды усилили политический радикализм и крайние пар-

12515

H1206-0545

H1206 – 0546

тии на каждых выборах все более и более усиливали свои позиции. Таким образом, если должна была притти помощь, то следовало разрешить не только вопрос о репарациях (это оказало бы лишь отрицательное влияние), необходимо было оказать положительную моральную помощь. Моя программа заключалась в восстановлении суверенитета Империи. Во-первых, должен был быть отменен знаменитый 231 параграф Версальского договора. Это был параграф, в котором говорилось, что Германия одна является виновницей войны. Историки всех стран давно установили, что не только мы были виновны в этой войне. Во-вторых, надо было установить дружественные отношения с Францией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушок. Трибунал не считает, что все эти материалы действительно являются очень важными для него.

ПАПЕН: Я очень кратко...

КУБУШОК: Я хотел бы только сказать, что внешнеполитические и внутриполитические события 1932 года являются ключем для оценки причин роста НСДАП; этот рост, в конце концов, привел к событиям 30 января 1933 года. Если мы рассмотрим здесь целый ряд вопросов, то мы, при рассмотрении событий 1933 года, снова вернуться к ним. Мне кажется что таким образом мы можем сэкономить время, и я прошу поэтому дать возможность свидетелю сейчас остановиться на этом вопросе более подробно.

ПАПЕН: Г-н председатель, я буду говорить по возможности кратко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что будет действительно лучше, как вы предложили, продолжать рассматривать события, начиная с 1933 года. Разве вы не предложили, что сейчас вы обратитесь

к 1933 году, а затем, если в этом явится необходимость, вы вернетесь обратно к 1932 году.

КУБУШОК: Нет, я этого не предлагал. Я сказал, что рассмотрение положения в 1932 г. явится ключем для выяснения причин роста НСДАП и формирования правительства Гитлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но ведь, подсудимый в течение долгого времени уже говорит о событиях 1932 г. Сейчас, конечно, мы сможем перейти к вопросам, связанным с деятельностью национал-социалистской партии.

ПАПЕН: Я к этому сейчас перейду, г-н председатель. Я хотел бы только сказать, что я в Лозанне поставил все эти вопросы и прилагал все усилия к тому, чтобы поняли, каково было положение в самой Германии. Я вел переговоры с французским премьер-министром Эррио об отмене этого известного параграфа. Я говорил о заключении с ним консультативного пакта однако, из этого ничего не вышло по причинам, о которых я сейчас не хочу здесь говорить.

Окончательный результат Лозаннской конференции был, конечно, отрицательным. (Пауза).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

КУБУШОК: Какова была ваша позиция по вопросу о вооружении.

ПАПЕН: Я изложил свою позицию по вопросу о вооружении, который в то время играл важную роль в Лозанне еще в 1933 г., ~~ее~~ и обсуждал ее с премьер-министрами, Мак-Лональдом и Эррио. Позднее, в интервью, которое я дал Эррио, я еще раз кратко изложил свою точку зрения по этому вопросу, так что она зафиксирована. Это документ № 55. В этом документе я говорю: "Речь идет не о вооружении Германии, а о выполне-

H1206-0547

H1206 - 0548

нии обещания провести разоружение, которое дали другие страны. О вооружении Германии не может быть и речи, речь идет о равноправии Германии по отношению к другим странам и о соответсвующем обращении с ней.

Я не буду дальше цитировать этот документ. Он передан Трибуналу, это документ № 55.

КУБУШОК: Я представляю этот документ № 55 в качестве доказательства № 55. Далее я ссылаюсь на документ 1-й, который уже был представлен Трибуналу, он находится на странице 9-й, в 6-й книге документов. Я представляю этот документ в качестве доказательства № 3, на странице 22.

ПАПЕН: После того, как закончилась Лозаннская конференция я сказал Мак-Дональду и Эррио: "Вы должны дать мне возможность добиться успеха в области внешней политики, т.к. мое правительство является последним буржуазным правительством в Германии. После меня к власти могут притти крайние левые и крайние правые партии". Но мне не поверили, и я вернулся из Лозанны, добившись лишь частичного успеха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что сейчас удобное время для перерыва.

(Об'является перерыв на 10 минут).

13568

КУБУШЕК: Вы, г-н свидетель, заявили, что результаты Лозанской конференции не оправдали ваших ожиданий. Почему же вы все же подписали Лозаннский договор ?

ПАПЕН: Во-первых, я должен был подписать его потому, что иначе конференция вообще бы не состоялась и это задушило бы Германию в экономическом отношении. Во-вторых, это было перед выборами в рейхстаг, и я должен был по возможности улучшить ситуацию.

КУБУШЕК: В связи с этим я представляю документ № 7 как доказательство по делу Папена № 4. Здесь речь идет о заявлении Папена Трирской областной газете от 12 июля 1932 г.из Лозанны. Я разрешу себе огласить короткий абзац в конце статьи. Папен говорит там: "Мы не можем односторонним актом погасить поставленную прежним правительством в 1918 году подпись, так же, как это невозможно было бы сделать торжественными обещаниями..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой документ вы сказали - № 7 ?

КУБУШЕК: Др, документ № 7 на странице 23-ей первой книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы представляете его под № 4, не так ли ?

КУБУШЕК: Др, это доказательство № 4.

"... как это невозможно было бы сделать торжественными обещаниями, данными тогда правящими партиями от имени немецкого народа. Теперешнее правительство должно просто ликвидировать положение, которое было создано всеми предшествующими правительствами в результате подписания Версальского договора. На вопрос о том, может ли это положение быть ликвидировано тем, что Германия откажется от своей подписи и этим одновре-

13569

H1206 – 0549

H1206 – 0550

менно поставит себя вне существующих норм культурного и правового государства- я должен ответить отрицательно." Я разрешу себе, ссылаясь на эту цитату, указать на то, что такое мнение в то время, в противовес пропаганде, проводимой НСДАП, являлось особенно важным. 11 июля 1932 года имперский министр внутренних дел издал распоряжение о запрещении демонстраций. И сделано это было после того, как 16 июня, как вы только что сказали, было уничтожено запрещение носить национал-социалистскую форму. Скажите, почему были опять запрещены демонстрации ?

ПАПЕН: Условия, при которых Гинденбург решил отменить запрещение носить форму СА, не были выполнены и, поэтому, я решил предложить рейхспрезиденту запретить всякие демонстрации. В отличие от запрещения носить форму, это запрещение демонстраций относилось ко всем партиям. Следовательно, это распоряжение запрещало не только организацию СА, но и всевозможные боевые соединения других партий.

КУБУШЕК: Теперь я перехожу к событиям 20 июля 1932 года. Обвинение называет ваше поведение в связи с этой датой государственным переворотом. Свидетель Зеверинг дал здесь подробнейшие показания по этому поводу. Скажите, что было причиной ваших действий 20 июля 1932 года ?

ПАПЕН: Причиной моих действий явилась необходимость установления порядка. Я получил сообщение о том, что полицейский отдел прусского министерства внутренних дел работает совместно с коммунистами. В данном случае, следует учесть, каково было в то время положение имперского правительства в Берлине. Я не знаю, известно ли Высокому Суду, каково было

это имеет государственный и правовой точки зрения. Имперское правительство в Берлине (не) пользовалось правом экстерриториальности, которым пользуется в Соединенных Штатах Вашингтон / район Колумбия /, но подчинялось под юрисдикцию полиции прусского государства. Меня, как рейхсканцлера, должна была охранять прусская полиция. Следовательно, если прусская полиция устраивала всевозможные комбинации с коммунистами, то это подрывало безопасность имперского правительства. В этом мероприятии против прусского правительства речь идет не о политических мероприятиях против социализма. И, как показал свидетель Геринг, не была проведена также и нацификация республиканской полиции. Чиновники остались почти что все на своих местах, за исключением тех, которые занимали высшие должности. О том, как я рассматривал существовавшее положение, я рассказал немецкому народу в своей речи по радио от 20-го июля.

КУБУШЕК: Высокий Суд найдет это в документе № 1, страница 4. Я отказываюсь от оглашения этого документа.

Далее, я ссылаюсь на документ № 2, который я представляю как доказательство № 5. Я прошу обратить внимание на страницу 15-ую. Здесь Папен по радио говорит о необходимости такого мероприятия.

Скажите, ваше выступление 20 июля было рассмотрено в какой-нибудь немецкой судебной инстанции в государственном суде ? Какое решение было принято по этому поводу ?

ПАПЕН: Да, прусское правительство подало жалобу на имперское правительство в имперский суд в Лейпциге. Дело было рассмотрено и было принято решение. И это решение подтвердило

13571

H1206 – 0551

H1206 – 0552

правильность действий имперского президента. Следовательно, будет неправильным называть это мероприятие "путчем", как это делает Обвинение.

КУБУШЕК: Итак, я ссылаюсь на документ № 8, который я представляю в качестве доказательства под № 6. Далее я ссылаюсь ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушек, разве есть необходимость для вас присваивать документу такой номер доказательства, который отличается от номера документа ? Вы видите, что это несколько запутывает нас. На каждом из этих документов вверху имеются номера 1, 2, 3 и т.д. и все они следуют один за другим...

КУБУШЕК: Я последую этому совету Трибунала. Итак, я ссылаюсь на документ № 5, доказательство № 5.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, будет гораздо меньше путаницы, если вы будете представлять документы в таком порядке.

КУБУШЕК: Да, безусловно, милорд. Итак, это доказательство № 5 является выдержкой из решения государственного суда от 25.X.1932 г. На странице 19-й, наверху имеется формулировка этого решения суда и там сказано, что распоряжение рейхс-президента от 20 июля 1932 года является справедливым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это документ № 8, который представляется в качестве доказательства также под № 8, не так ли ?

КУБУШЕК: Нет, здесь недоразумение. Это - № 5. Это я, очевидно, ошибся, сказав, что это № 8. Это № 5.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь совершенно ясно, номера доказательств будут полностью совпадать с номерами документов.

КУБУШЕК: Да, милорд, они будут совпадать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, это - документ № 5 и доказательство № 5 ?

H1206 – 0553

КУБУШЕК: Да. /Обращается к свидетелю/: Скажите, как отнеслось прусское правительство и, в особенности премьер-министр Браун, к этому приговору ?

ПАПЕН: Прусское правительство и прусский премьер-министр признали правильность этого решения суда; это показывают те совещания, которые я позднее проводил с прусским премьер-министром, в октябре.

КУБУШЕК: Я представляю документ № 86, который показывает, каково было отношение прусского правительства к этому решению суда. Это - в третьей книге документов. Эта книга документов еще не полностью переведена, ввиду технических затруднений, и я не могу ее полностью представить.

Господин свидетель, 29-го июля 1932 года вы высказались в присутствии представителя от Юнайтед Пресс по вопросу о вооружении. Ввиду того, что эта тема является особенно важной в вашем деле, я прошу вас сейчас высказаться по этому вопросу.

ПАПЕН: Итак, я хочу осветить здесь то мнение, которого я придерживался по вопросу о вооружении. Я придерживался этого мнения, будучи вице-канцлером в правительстве Гитлера. Итак, я ссылаюсь на документ № 1. Это - интервью, данное мною Юнайтед Пресс и я цитирую из документа № 86. Это - моя речь по радио, которую я произнес 12 сентября. Там я говорю: "Мы хотим разоружения..."

КУБУШЕК: Может быть вы, г-н свидетель, сможете в нескольких словах коротко передать содержание этой речи ?

ПАПЕН: Да. Если Высокий Суд ознакомится с документом № 86, т.е. с содержанием моей речи, то он увидит, что в этой

речи я высказываюсь за мир и за разоружение. И я, обращаясь ко всем великим державам, сказал: / я цитирую это предложение/: " В эти дни Германия предпринимает гигантскую попытку путем мобилизации своих последних резервов внутри страны дать людям работу и добиться социального умиротворения. Это дает нам право на то, чтобы руководящие государственные деятели великих держав также со своей стороны приняли решение покончить с засорением внешнеполитических отношений путем недолговечных договоров ".

КЕБУШЕК: 31 июля 1933 г. были проведены выборы в рейхстаг. Я разрешу себе сначала представить схему, в которой я привожу результаты выборов в период с 1930 по 1933 г.г. Это доказательство № 98, которое я и представляю Трибуналу. Эти цифры показывают, каково было внутриполитическое развитие Германии. Г-н свидетель, каков же был результат выборов и какие политические выводы вы сделали на основании этих выборов ?

ПАПЕН: Вечером за день до выборов я обратился к США; я сказал: " Мир не сознает того, что Германия стоит перед гражданской войной. Мир не помог нам в Лозанне побороть имеющиеся у нас трудности и нельзя терпеть такого положения, при котором по истечении 14 лет после первой мировой войны, у нас еще нет равноправия ". Выборы 30 июля привели к увеличению числа нацистских голосов более, чем в два раза с 6,4 миллиона до 13,7 миллиона, т.е. 232 мандата в рейхстаг, вместо 110 мандатов. На основании этих выборов был сделан следующий вывод: начиная с крайней правой партии и кончая демократами, без НСДАП невозможно создать большинство. Таким образом, партия заняла руководящее положение в парламенте. Обвинение приписывает такой рост числа голосов, отданных за нацистов, уничтожению запрещения

H1206 – 0554

H1206 – 0555

носить форму, о котором я ранее говорил. Это об"яснение слишком легковесно. В действительности, это запрещение было уничтожено и не существовало в течение месяца, с 16.VI по 18.VII. И за две недели до выборов, я опять издал распоряжение о запрещении демонстраций. Действительной причиной увеличения числа голосов, поданных за нацистов, было то, что в Германии создалось безнадежное экономическое положение, а также и тот факт, что все были разочарованы результатом Лозаннской конференции в области внешней политики.

КУБУШЕК: Каковы были ваши окончательные выводы после проведения выборов ?

ПАПЕН: Окончательным выводом было то, о чем я уже говорил. На следующий день я дал интервью представителю Ассошиэйтед Пресс и в этом интервью я заявил всему миру: "Национал-социалисты также должны нести часть ответственности, когда это сбудется, мы должны будем изменить конституцию".

КУБУШЕК: Что касается исторических фактов, то я ссылаюсь на уже переданное вам доказательство № 1 и именно на страницы 4,5 и 6. Господин свидетель, сообщите коротко Трибуналу о своих переговорах с Гитлером.

ПАПЕН: Придерживаясь вышеизложенного мнения, 12 августа долго беседовал с Гитлером. Я заявил ему о том, что необходимо его участие и высказал готовность уйти через несколько месяцев с поста канцлера в том случае, если это сотрудничество будет плодотворным и если Гинденбург будет доверять Гитлеру. Из политических партий, как известно, правые партии поддерживали мое правительство. Партия "центра" была в оппозиции. Теперь после выборов партия центра хотела выдвинуть Гитлера на пост канцлера, но сам Гитлер не хотел стать во

главе правительства большинства. Правильность этих моих показаний может быть подтверждена документом № 1, на странице 6, последняя строчка. Я цитирую: "Каас, руководитель "центра" требует так называемого тотального разрешения вопроса о кризисе путем включения бывшей оппозиции в имперское правительство так, чтобы и она, эта оппозиция, несла полную ответственность". Я предложил Гитлеру вступить в мой кабинет в качестве вице-канцлера. Гитлер отклонил это предложение. На следующий день мы вели дальнейшие переговоры в присутствии имперского президента . Гитлер пред"являет рейхспрезиденту требование: его партия присоединится к правительству только при условии, если он, Гитлер, будет канцлером. Это следует из того же самого документа на странице 6-й.

КУБУШОК: Это документ № 1, страница 6.

ПАПЕН: Имперский президент не считал возможным передать всю власть Гитлеру и отклонил предложение Гитлера и, таким образом, наши попытки включить национал-социализм в правительство не увенчались успехом.

КУБУШОК: Об этом подсудимый фон Папен высказался в своей речи в Мюнхене. Эта речь представлена в качестве доказательства под Б 1, вы найдете ее на странице 10-11 в книге документов. Итак, после того, как эти переговоры не увенчались успехом, национал-социалисты встали в оппозицию против правительства. Скажите, это как-либо изменило ваш основной курс ?

ПАПЕН: Оппозиция нацистов против моего правительства не изменила моего принципиального курса. Я об этом подробнейшим образом говорил в своей речи от 28 августа в Мюнстере.

13576

H1206 – 0556

H1206 – 0557

КУБУШЕК: эта речь находится в документе № 1, доказательство № 1 на странице 7-й. В связи с этим, я также ссылаюсь на сообщение о решении особого суда в Бютене. Там был вынесен первый смертный приговор на основании декрета о терроре. Обвинение хочет с помощью этого декрета о терроре обвинить фон Папена, а этот декрет привел к тому, что был вынесен смертный приговор 5 национал-социалистам.

Итак, 4 сентября вы издали чрезвычайное распоряжение относительно оживления экономики и так как это чрезвычайное распоряжение является, так сказать, ядром всей вашей деятельности в правительстве, я прошу вас высказаться по этому поводу.

ПАПЕН: Я уже говорил об этом чрезвычайном распоряжении. Я сказал, что это была программа, рассчитанная на 2,2 миллиарда имперских марок ; целью ее было дать работу 1 3/4 миллионам рабочих Германии и мы, сделав гигантское усилие, выполнили это, не задолжав заграницей ни одного пфеннига. И если можно так выразиться, мы напрягли для этого все наши силы. И результат дал о себе знать уже в первый месяц, когда число безработных уменьшилось на 128.000 человек.

КУБУШЕК: Вы имеете в виду за один месяц ?

ПАПЕН: да, за один месяц.

КУБУШЕК: Скажите, в результате этого снижения числа безработных вы стремились перейти к вооружению?

ПАПЕН: Нет, ни в коем случае. Мое правительство ничего не делало для вооружения и не дало ни одного пфеннига на вооружение.

КУБУШЕК: Подробности, относящиеся к этому чрезвычайному распоряжению, освещены в документе № 1, стр.8 и 9. Скажите, почему 9 сентября был опять распущен рейхстаг ? Что вы заявили

в тот же вечер в своей речи по радио ?

ПАПЕН: Новый рейхстаг собрался так, как этого требовала конституция. Мое правительство, как я уже говорил, не могло добиться большинства в рейхстаге, но и формирование любого другого правительства без Гитлера было исключено. Поэтому я вправе был надеяться, что этот рейхстаг даст мне определенный срок, необходимый для того, чтобы оправдать доверие, тем более, что я представил большую и радикальную экономическую программу . Но вдруг случилось что-то неожиданное и возмутительное. Случилось то, что можно назвать проституцией немецкого парламента. Господин Геринг, председатель рейхстага, дал слово депутату коммунистов Кларе Цеткин для выпада против моего правительства, а когда я, как ответственный канцлер этого правительства попросил слова для того, чтобы оправдать свои действия, мне не дали этого слова, и председатель рейхстага провел голосование по поводу ноты недоверия, которая была представлена коммунистами, социалистами и национал-социалистами. Сам факт этого совместного выступления трех партий должен был показать, что произойдет в Германии, если эти три партии будут управлять страной, и это должно было показать, как необходимо было мне не оттеснять национал-социалистов влево, а привлечь национал-социализм именно в мое правительство. Я был вынужден положить на стол документ о роспуске рейхстага и удалиться.

КУБУШЕК: Эти исторические факты освещены в документе № 1 на стр.8, а также и в документе № 86, на стр. 192, о котором здесь уже говорилось и который еще не представлен. Вы в своей речи в Мюнхене 12 октября говорили об изменении конституции.

12578

H1206 – 0558

H1206 – 0559

Я хотел бы, чтобы вы кратко изложили свое мнение, которое было вами высказано в этой речи.

ПАПЕН: Итак, реформа конституции была одной из основных целей моего правительства. О причинах этого я высказываюсь в этом документе на стр.9 книги документов. И эта реформа конституции должна была внести изменения в избирательное право, для того, чтобы можно было ликвидировать многочисленность партий, создать верховную палату и, прежде всего, придать большую авторитетность правительству и дать ему большую возможность управлять страной, чем это позволяла Веймарская конституция.

КУБУШОК: Для раз"яснения я хотел бы добавить, что эта реформа должна была изменить положение дела ... Были проведены на основании статьи 48 чрезвычайного распоряжения правительственные мероприятия. В документе № 4 показано, в каком об"еме все это было проведено. В нем об"единены выдержки из различных чрезвычайных распоряжений.

Г-н свидетель, 6-го ноября 1932 года состоялись выборы в рейхстаг. Каков был лозунг правительства на этих выборах и каковы, как вы считаете, были результаты ?

ПАПЕН: К сожалению, мы должны были опять избирать, и программа моего правительства была неизменной, т.е. мы пытались создать новое руководство государством, руководство, которое должно было осуществляться путем сотрудничества трудоспособного парламента с авторитарным правительством, и я 4 ноября в своем предвыборном воззвании обратился к Гитлеру. Я сказал ему: "Ваше движение исключает все остальные возможности; ваше требование - все или ничего, которое не могло быть принято имперским президентом, и привело к решению от

13 августа и сейчас речь идет не о том, будет ли тот или иной партийный руководитель занимать пост канцлера, безразлично, будь то Брюнинг, Гитлер или Папен. Речь идет сейчас о том, чтобы найти общий язык для того, чтобы обеспечить для немецкого народа основу его существования". Я надеялся, что эти выборы в рейхстаг приведут к таком ослаблению национал-социалистов, против которых я боролся, что их партия будет вытеснена со своих центральных позиций в парламенте.

КУБИШЕК: Скажите, каков же был результат ?

ПАПЕН: Этот результат не был достигнут. Национал-социалисты потеряли лишь 34 места в рейхстаге, но этого было недостаточно для того, чтобы вытеснить их с ключевых позиций, так как нельзя было создать большинства в рейхстаге, опираясь на социалистов и крайнюю правую партию без Гитлера. Без Гитлера не могло быть создано никакого большинства, и для того, чтобы мы были в состоянии управлять государством в соответствии с конституцией, я опять начал вести переговоры с партиями и с национал-социалистами.

КУБИШЕК: Пожалуйста, расскажите нам об этих переговорах.

ПАПЕН: Это интересные переговоры, и Высокий Суд должен быть осведомлен о них, так как это необходимо для оценки событий 30 января 1933 года.

Сначала я пытался выяснить положение совместно с партиями, которые были в оппозиции к моему правительству и, в особенности, с национал-демократами и с партией центра. Партия центра заняла отрицательную позицию. Эта партия хотела сформировать правительство большинства вместе с Гитлером. Но господин Гитлер не хочет управлять страной совместно с

13580

H1206 – 0560

H1206 – 0561

парламентским большинством.

Документ № 2 на стр.13 показывает, какова была позиция центра.

Итак, после того, как мы не могли добиться от Гитлера сотрудничества в правительстве, основанном на большинстве, я вторично обратился к Гитлеру с вопросом, готов ли он сейчас вступить в мое правительство. Я сделал это, чувствуя свою ответственность и чувствуя необходимость прийти к каким-либо результатам и, поэтому, я 13.XI.1932 года написал Гитлеру письмо, это документ Д-633, который был представлен Обвинением как "бесчестный" документ, потому что я после всех своих неудач, еще раз обратился к Гитлеру. В этом письме я писал: "Я считал бы нарушением долга, если бы я, несмотря на все, не обратился к вам, и я считаю, что руководитель такого большого движения, значения которого и заслуги которого по отношению к народу и к стране я, несмотря на справедливую критику, все же всегда признавал, - что этот руководитель должен изложить перед ответственным государственным деятелем свои соображения."

КУБУШОК: Вы 8 ноября еще раз обратились к иностранной прессе ? Вы там говорили по внешнеполитическим вопросам ?

ПАПЕН: Минуточку. Разрешите мне перебить вас.

КУБУШОК: Пожалуйста.

ПАПЕН: Я хотел бы здесь дополнить относительно того, как рассматривает это письмо Обвинение, т.е. мистер Барриттон. Во всех парламентарных странах принято, что, если руководитель правительства обращается к оппозиции для того, чтобы добиться сотрудничества, он пишет дружелюбное и учтивое письмо человеку, возглавляющему эту оппозицию, и не называет его ослом; я не совсем понимаю, почему это письмо было здесь

названо чем-то бесчестным.

КУБУШЕК: 8 ноября вы обратились к иностранной прессе. Вы говорили о пересмотре Версальского договора. Могли бы вы коротко сейчас повторить то, что было вами сказано в этот день ?

ПАПЕН: Я здесь упоминаю это обращение к представителям иностранной прессы только для того, чтобы показать Высокому Суду, насколько часто я обращался к заграницe. Итак, я обращался к заграницe, я апеллировал к державам-победительницам, я говорил им, что они должны быть готовы к искуплению своей моральной вины, ибо тогда, господа, радикальные течения в Германии постепенно бы исчезли.

КУБУШЕК: Речь эта перед представителями иностранной ~~прессы~~ печати находится в документе № 1 на стр. 11 и 12. Скажите, каковы были последствия ваших безуспешных переговоров с руководителями партий ?

ПАПЕН: Эти безуспешные переговоры с руководителями партий и Гитлером привели к тому, что я 17 ноября ушел в отставку, и мне поручили вести дела правительства, пока не будет сформирован новый кабинет.

КУБУШЕК: Какие усилия предпринимал г-н имперский президент после того, как вы со своим кабинетом ушли в отставку и начали формировать новое правительство ?

ПАПЕН: Моя отставка дала имперскому президенту возможность опять попытаться создать парламентское большинство. И надо сказать, что он сейчас же принялся за это дело и 18-го ноября принял всех партийных руководителей, начиная от руководителей правых партий до руководителя центра, а 19-го числа

H1206 – 0562

H1206 – 0563

он принял Гитлера. Темой переговоров был вопрос о том, как мы можем создать парламентское большинство в правительстве, или правительство с парламентским большинством. И он поручил Гитлеру создать такое правительство с парламентским большинством, т.е. он выдвинул Гитлера на пост канцлера.

Итак, 23 ноября Геринг передал Гинденбургу ответ Гитлера. Он гласил: " Гитлер не может взять на себя создание такого правительства с парламентским большинством". 24-го числа Гинденбург принял господина епископа Каас - руководителя партии центра. Этот руководитель выясняет, что Гитлер даже не предпринял попытки установить, возможно ли вообще создание такого правительства. Но Каас обещал имперскому президенту еще раз попытаться все же создать такое правительство большинства, и 25-го числа он сообщил Гинденбургу, что его попытка не увенчалась успехом. Руководитель нацистской фракции в то время господин Фрик, якобы, заявил, что партия не заинтересована в подобного рода переговорах. Общим результатом этого было следующее: создать правительство большинства без Гитлера невозможно.

КУБУШЕК: Скажите, а были ли другие возможности создать коалицию ?

ЛАЛЕН: Вот именно, что нет. Других возможностей не было. Была лишь возможность создать такой кабинет, какой был у меня, или же создать большинство.

КУБУШЕК: Хорошо, в связи с этим, я сослался здесь на документ № 2, на страницы 14 и 15.

Итак, после того, как эти переговоры имперского президента с партийными руководителями не увенчались успехом, 1-го декабря у имперского канцлера состоялось совещание, в кото-

ром принимали участие вы, рейхспрезидент и генерал фон Блейхер. Эта встреча особенно важна для дальнейшего политического развития и является историческим фактом. Поэтому я прошу вас более подробно остановиться на этой беседе.

ПАПЕН: Фельдмаршал 1 декабря пригласил к себе генерала фон Блейхера и меня на совещание. Я должен заметить, что между мною и господином фон Блейхером до этого времени не было никаких разговоров о создании нового правительства. Итак, г-н фон Гинденбург попросил нас высказаться по этому вопросу. Я заявил следующее: "Попытка включить нацистское движение в рамки президентского правительства Гинденбурга дважды не увенчалась успехом. Гитлер также отклонил предложение создать правительство большинства. С другой стороны, он создает наибольшую оппозицию и пытается уничтожить все распоряжения моего правительства путем голосования в рейхстаге. Итак, если нет возможности создать парламентское правительство и заставить Гитлера войти в наш правительственный кабинет, не предоставляя ему поста канцлера, то создается правительственный кризис, который требует проведения чрезвычайных мероприятий. Я предлагаю распустить парламент на несколько месяцев, выработать сейчас же проект новой конституции для того, чтобы можно было позднее представить этот проект в рейхстаг или в национальное собрание. Это предложение означает нарушение конституции. Я подчеркиваю, что я знаю, какой святыней является для солдата и для государственного деятеля присяга. Но моя совесть подсказывает мне, что, ввиду создавшегося чрезвычайного положения, такое нарушение конституции будет справедливым, так как в немецкой конституции не предусмотрены средства, с помощью которых

13584

H1206 – 0564

H1206 – 0565

страну можно было бы вывести из этого чрезвычайного положения."

После меня говорил г-н фон Шлейхер. Он сказал: "Господин фельдмаршал, у меня есть один план, который не заставит вас нарушить вашу присягу на верность конституции. Если вы доверите правительство мне - Шлейхеру". "Я надеюсь создать парламентское большинство в рейхстаге путем раскола национал-социалистской партии". Во время обсуждения этого плана я сказал, что я очень сомневаюсь в том, что удастся расколоть такую партию, которая присягнула на верность Гитлеру. Я напомнил фельдмаршалу, что он должен освободиться от слабого парламентского большинства путем проведения реформы. Конечно, все эти планы будут выброшены за борт, если мы примем решение Шлейхера. Решение Шлейхера основано на предположении и на весьма сомнительном предположении.

КУБУШЕК: И какое решение принял имперский президент ?

ПАПЕН: Это решение, пожалуй, было самым трудным в жизни фельдмаршала. Ничего не обосновывая, он сказал: "Я принимаю решение господина фон Папена".

"Я прошу вас сейчас же начать переговоры для того, чтобы сформировать правительство, которому можно было бы дать то задание, о котором вы говорили в своем предложении". Совещание было закончено.

КУБУШЕК: Ну и что же далее сделал г-н фон Шлейхер ?

ПАПЕН: Я обменялся с господином фон Шлейхером всего лишь несколькими словами и попытался убедить его в том, что и ему следует согласиться с решением имперского президента. Господин фон Шлейхер ответил на это: "Нет". После этого я в тот же вечер начал вести переговоры о формировании нового правительства, причем эти переговоры велись со многими ми-

нистрами и министры заявили мне, что план превосходен, но что господин фон Шлейхер сказал им, что начнется гражданская война, а если начнется гражданская война, вооруженные силы империи не смогут подавить ее и установить порядок внутри страны.

Я прекратил переговоры, собрал на следующее утро кабинет и доложил ему, каково положение и какое решение принял Гинденбург; я попросил г-на фон Шлейхера сказать кабинету, почему он считает, что начнется гражданская война и почему вооруженные силы империи /рейхсвер/ не смогут охранить порядок внутри страны.

Господин фон Шлейхер после этого приглашает одного из своих офицеров генерального штаба, который и заявляет кабинету, что это дело рассмотрено как практически, так и теоретически, и что после этого рассмотрения выяснилось, что вооруженные силы империи и полиция не в состоянии поддержать порядок в стране. Тогда я заявляю членам кабинета, что в таком случае положение создается иное и я должен об этом сообщить имперскому президенту.

Итак, я иду к Гинденбургу и докладываю ему об этом. Господин фон Гинденбург был очень взволнован этим моим сообщением. Он сказал мне: " Я старый человек и я не могу допустить гражданской войны в моей стране в какой бы то ни было форме. И если господин фон Шлейхер придерживается такого мнения, я, к моему великому сожалению, должен взять назад мое поручение, которое я вам дал вчера вечером ".

Таким образом г-н фон Шлейхер был назначен на пост канцлера при том условии, которое было изложено им самим имперскому президенту во время совещания.

13586

H1206 – 0566

H1206 – 0567

КУБУШЕК: Господин фон Плетжер предложил вам пост посла в Париже, не так ли ?

ПАПЕН: Господин фон Плетжер давно зная, какой интерес я проявляю к германо-французским отношениям, спросил меня, не хочу ли я стать послом в Париже, это ведь соответствует моим наклонностям ; но имперский президент возразил против этого и ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: доктор Кубушек, Трибунал считает, что вопрос освещается слишком подробно. Все детали эти нам известны из истории, а некоторые вопросы уже освещались здесь ранее.

КУБУШЕК: Хорошо, мы перейдем теперь к 1933 году. 4-го января у банкира Шредера вы совещались с Гитлером. Обвинение утверждает, что эта беседа является началом вашего заговора. Я прошу вас более подробно рассказать суду, при каких обстоятельствах состоялась эта беседа.

ПАПЕН: Я находился ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кубушек, мы в течение всей второй половины дня заслушиваем показания относительно событий, имеющих отношение к совещанию. Может быть вы сейчас перейдете непосредственно к совещанию?

КУБУШЕК: Подсудимому вменяется в вину то, что он был, так сказать, движущей силой тех переговоров, которые, якобы, были начаты 4 января и которые привели к созданию нового имперского правительства 30 января.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Переговоры не начались 4 января. Как подсудимый сказал нам два часа назад, они начались 12 августа 1932 года.

ПАПЕН: Г-н председатель, я хотел бы кратко сказать, о

чем здесь идет речь. Это совещание 4 января, на котором я, как утверждает Обвинение, присягнул национал-социалистам, было созвано по инициативе Гитлера. На этом совещании ничего не было сказано о свержении правительства Шлейхера и ничего не было сказано о создании правительства Гитлера, которое затем было сформировано 30 января.

Мы разговаривали лишь о том, что необходимо, чтобы Гитлер наконец решился принять участие в правительстве и взять на себя часть ответственности не как канцлер, а вместе со своей партией. И, милорд, то, что это совещание не было инсценировано мной, ясно показывает то заявление, которое было сделано господином фон Шредером, в доме которого состоялось это совещание.

КУБУШЕК: Это видно из документа № 9 на странице 26.

Господин свидетель, вам вменяется в вину, то, что вы во время этих переговоров обсуждали свои планы свержения правительства Шлейхера. Скажите, вы скрыли от г-на фон Шлейхера то, что обсуждалось во время этих переговоров ?

ПАПЕН: Напротив, после этого совещания я из Шельна написал господину фон Шлейхеру письмо, которое на следующий день должно было попасть к нему в руки. Вернувшись в Берлин, я тотчас же направился к господину фон Шлейхеру и рассказал ему о том, что обсуждалось на этом совещании. После этого господин фон Шлейхер издал официальное коммюнике. Это - документ № 9.

КУБУШЕК: Это - документ № 9-а, я представляю документ № 9-а.

ПАПЕН: Там сказано: "Это совещание показало полную несостоятельность сообщений печати о противоречиях между рейх-

H1206 – 0568

H1206 – 0569

канцлером фон Шлейхером и господином фон Папеном".

КУБИШЕК: Участвовали ли вы после этого, т.е. в период с 9 по 22 января, в каких-либо политических совещаниях относительно создания нового правительства ?

ПАПЕН: Нет, в период между 9 января и 22 января я не участвовал ни в каких политических совещаниях и переговорах о создании нового правительства.

КУБИШЕК: Осветите, пожалуйста, суммарно и кратко политические события, начиная с 10 января по 21 января.

ПАПЕН: Обвинение утверждает, что в этот период между 9 января и 30 января я играл главную роль и способствовал образованию 30/1 гитлеровского правительства. Если представить это дело хронологически, а именно - этот период с 11 по 30 января, - то сразу можно будет увидеть, что утверждения Обвинения совершенно неверные. Поэтому мне необходимо будет назвать здесь некоторые даты.

11 января: Гитлер в Берлине. Он не видел ни Шлейхера, ни Гугенберга, ни Папена, 110 совет старейших в рейхстаге принимает решение: мы должны дать определенный испытательный срок правительству Шлейхера.

13 января: Шлейхер принимает Гугенберга - руководителя правых.

14 января: фон Гинденбург принимает у себя Гугенберга, и мы позднее увидим, что в эти два дня Гугенберг - руководитель правых - вел переговоры с Шлейхером о включении его в кабинет, но не о создании нового правительства с Гитлером.

15 января: проводятся знаменитые выборы - липпеваален. Эти выборы дают возможность национал-социалистам опять подняться и окрепнуть.

13589

20 января : совет старейшин в рейхстаге переносит заседание совета старейших с 24 января на 31 января. Статс-секретарь имперского правительства Шлейхер заявляет по этому поводу следующее: "Имперское правительство намеревается по возможности скорее выяснить политическое положение, но в большинстве имперское правительство не заинтересовано".

Из этого следует, что господин фон Шлейхер уже вообще не принимает во внимание создание правительства большинства.

КУБУШЕК: Теперь мы можем перейти от общего политического развития к вашим личным ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если вы хотите перейти к другому вопросу, то сейчас будет удобно об"явить перерыв.

/ Об"является перерыв до 10.00 17-го июня/.

ВЗ.-
ОВ

Страницы проверены
21.12.46 г. Зарина

13590

H1206 – 0570